МАГ

ФРИЦ ЛЕЙБЕР

СКИТАЛЕЦ
РАССКАЗЫ

ФРИЦ ЛЕЙБЕР

1

МАГ

ФРИЦ ЛЕЙБЕР

«Человечество молодо, поэтому вы считаете, что Вселенная тоже молода. Но она стара, стара, стара... В вихре вакуума гиперпространства существуют бесчисленные миры, гонимые его смерчем, как снежинки во время бурана. Эти космосы отличны от нашего, построены на совершенно другой основе. Миры без света. Миры, где свет может распространяться со скоростью звука и со скоростью мысли. Миры, в которых вещество порождается мыслью. Миры, где нет барьеров между сознаниями, миры, отрезанные друг от друга, как заключенные в камерах-одиночках. Миры, где мысль реальна и каждая тварь подобна Богу. Миры, в которых пространство опутано паутиной, а не усеяно звездами, — ветвистый космос дорог, миры больших или меньших, чем наше, измерений, миры, построенные по совершенно отличным физическим законам».

МАГ

ФРИЦ ЛЕЙБЕР

ИЗБРАННОЕ

ТОМ
ПЕРВЫЙ

СКИТАЛЕЦ
✦
РАССКАЗЫ

КИЕВ
ПТОО А. С. К.
1993

Видання підготовлене за участю
МП «КАННОН», м. Київ
та *ЛІА «КІБОР», м. Київ*

Перекладачі
С. Марченко, О. Клінченко

Художники
А. Кальченко, С. Позняк

Відповідальний за випуск
В. Дмитренко

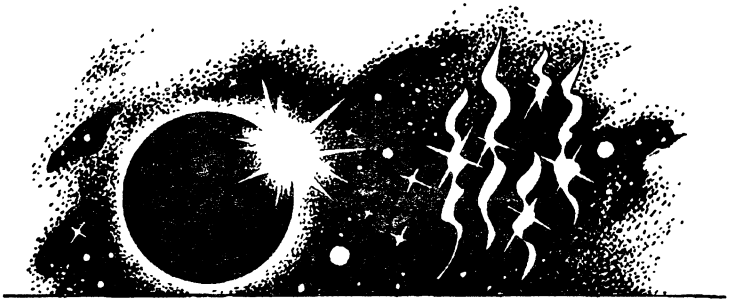
Передрук вміщених у книзі творів, повний чи частковий, заборонено. Будь-яке комерційне використання перекладу може здійснюватися виключно з відома перекладачів та видавця.

Лейбер, Фріц
Вибране: У 3 т. Т. 1.: Блукач: Роман: Оповідання.— К: ВТОВ «А.С.К.», 1993.— 414 с., іл.— Рос. мовою.
ISBN 5-7707-0646-5

До першого тому вибраних творів видатного американського письменника Фріца Лейбера (1910—1992), неодноразового лауреата літературної премії «Х'юго», увійшли науково-фантастичний роман «Блукач» та оповідання, вперше перекладені російською мовою.

ISBN 5-7707-0646-5 (т. 1)
ISBN 5-7707-0649-X

© Художнє оформлення.
А. Ю. Кальченко та С. В. Позняк, 1993
© Підготовка видання. ВТОВ «А.С.К.», 1993

СКИТАЛЕЦ

THE WANDERER

© 1964, by Fritz Leiber
© Перевод. С. А. Марченко, 1993

— А как насчет гиперпространственной трубы?

— Хм-м... Вполне возможно...

Только что пространство было пустым; в следующее мгновение его заполнили боевые корабли...

Планеты. Семь числом. Оснащенные и вооруженные так, как может быть оснащена и вооружена только планета.

ЭДВАРД Э. СМИТ, д-р философии
«АСТРОНОМЫ ВТОРОЙ РУКИ»

Тигр, о тигр! кровавый сполох,
Быстрый блеск в полночных долах,
Устрашающая стать,
Кто посмел тебя создать?

В преисподней иль в Эдеме
Некто в царской диадеме
Огнь в очах твоих зажег?..

*...В чьих клещах твой мозг пылал?..**

УИЛЬЯМ БЛЕЙК

---

* Перевод Б. Топорова.

И когда Он снял шестую печать, я взглянул, и вот, произошло великое землетрясение, и солнце стало мрачно как власяница, и луна сделалась как кровь;

И звезды небесные пали на землю, как смоковница, потрясаемая сильным ветром, роняет незрелые смоквы свои;

И небо скрылось, свившись как свиток; и всякая гора и остров двинулись с мест своих...

Третий Ангел вострубил, и упала с неба большая звезда, горящая подобно светильнику, и пала на третью часть рек и на источники вод.

ОТКРОВЕНИЕ СВ. ИОАННА БОГОСЛОВА

...В то время межзвездные путешествия поначалу осуществлялись путем выведения планеты с ее естественной орбиты при помощи серии ракетных ускорений, точно рассчитанных по месту и времени; таким образом планета направлялась в открытый космос со скоростью, значительно превышающей обычные скорости движения небесных тел...

Затем последовали войны, каких до того не знала наша галактика. Флоты миров, естественных и искусственных, маневрировали в межзвездном пространстве, пытаясь достигнуть превосходства, и уничтожали друг друга субатомными ракетами большого радиуса действия. И целые звездные системы были уничтожены приливами и отливами космических битв.

ОЛАФ СТЭПЛДОН
«СОЗДАТЕЛЬ ЗВЕЗД»

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Некоторые страшные рассказы о сверхъестественном начинаются с описания бледного, залитого светом лица, или старого манускрипта с едва различимыми письменами, или ужасного воя собаки, доносящегося из глубины какой-то пустоши. Но эта история началась с обычного лунного затмения и четырех свежих фотографий небосвода, запечатлевших россыпи звезд и планетарный объект. Вот только что-то случилось с самими звездами.

Самый первый снимок был проявлен всего за семь дней до затмения. Фотографии были сделаны независимо тремя различными обсерваториями, а также получены со спутникового телескопа. И хотя это являлось всецело уделом чистой науки, тем не менее при первом взгляде на них сердце молодого ученого учащенно забилось.

Когда он увидел черные точки, которые должны были быть там, и едва заметные черные завихрения, которых там быть просто не могло, ему внезапно стало не по себе, так, что на мгновение он ощутил себя дьяволопоклонником из темного средневековья.

Проделав путь вверх по инстанциям, все четыре фотографии оказались в лос-анджелесской штаб-квартире Лунного проекта Космических Сил США, который был лишь отражением русского проекта (в Марсианском же проекте Советы оставили американцев далеко позади). И все же именно здесь, в Лос-Анджелесе, охватившее молодого ученого беспокойство было наиболее острым, хотя он и попытался скрыть это за сардонической ухмылкой, как это обычно делают ученые, сталкиваясь со сверхъестественным и непонятным.

В конце концов четыре фотографии или, лучше сказать, то, что они предвещали, неумолимо затронули все живое на Земле, каждый атом планеты, изломав саму человеческую душу.

Тысячам они стоили здоровья, миллионам — жизней. Каким-то образом они затронули и Луну.

Итак, абсолютно все равно, с кого начинать повествование: с Вулфа Лоунера посреди Атлантики или Фрица Шера в Германии, Ричарда Хиллари из Сомерсета или Араба Джонса, покуривающего травку в Гарлеме, с Барбары Кац, крадущейся по Палм-Бич, или с Салли Харрис, ищущей приключений в окрестностях Нью-Йорка, с Дока Брехта, продавца роялей из Лос-Анджелеса, или с Чарли Фулби, лектора по проблеме НЛО, с генерала Спайка Стивенса, выступающего в роли главного действующего лица в Космических Силах США, с Рамы Джоун Хантингтон, интерпретатора буддизма, или с Багонга Банга в Южно-Китайском море, с Дона Мерриама на Лунной базе США или даже с Тиграна Бирюзова на орбите Марса. Можно было бы также начать ее с Тигришки, или Мяу, или Рагнарока, или с самого президента США.

Начнем, однако, с тех, кому суждено было сыграть решающую роль в описываемых событиях, а именно — с Пола Хэгболта, журналиста, задействованного в Лунном проекте, с Марго Гелхорн, невесты одного из четырех американцев, полетевших на американскую Лунную базу, и ее кошки Мяу, которой предстояло совершить очень странное путешествие. Придется начать и с упомянутых четырех фотографий, хотя в то время они были покрыты ореолом жуткой тайны под грифом «совершенно секретно» и о надвигающейся опасности еще не трубили на всех перекрестках. Будем говорить и о Луне, которая готовилась соскользнуть в полную тайн и неопределенностей темень.

Выйдя на улицу, Марго Гелхорн увидела восходящую полную Луну. Ее бледно-золотистый цвет как нельзя больше соответствовал нежному и мягкому вечеру на тихоокеанском побережье.

— Вон эта сучка, над нами,— сказала Марго.

Пол Хэгболт, показавшийся в проеме дверей, принужденно рассмеялся:

— Ты действительно считаешь Луну соперницей?

— Да, соперницей, черт возьми. Дон просто увлечен ею,— категорично ответила блондинка.— Даже Мяу поддалась ее чарам.— На руках у нее тихо сидела кошка, в зеленых глазах которой, как две жемчужины, растворилась Луна.

Пол также обратил взор к Луне, вернее, к точке у ее полюса над морем Imbrium. Хотя он не мог различить кратер

Платона на поверхности, он знал, что тот находится в поле зрения.

Марго с горечью проговорила:

— Довольно неприятно смотреть на этот замогильный мир, зная, что Дон подвергается всяким опасностям, на которые так щедра эта планета-кладбище. А теперь еще приходится думать и о том, что мы увидели на снимках...

— Марго,— резко оборвал ее Пол, инстинктивно оглянувшись вокруг,— это ведь засекреченная информация. Не нужно говорить об этом, по крайней мере, здесь.

— Из-за этого проекта ты стал похож на старую ворчунью. И кроме того, ты ведь только намекнул...

— Мне не следовало делать даже этого.

— Ну, так о чем же тогда мы будем говорить?

Пол вздохнул:

— Слушай, я думал, мы выйдем наружу, чтобы посмотреть на затмение или, может, съездить куда-нибудь...

— О, я и забыла о затмении. Луна стала слегка дымчатой, ты не находишь? Может, оно уже началось?

— Похоже на то,— ответил Пол,— наступило время.

— Как затмение скажется на Доне?

— Практически никак. Просто станет темно на некоторое время, вот и все. Ах, да, температура на поверхности упадет на двести пятьдесят градусов по Фаренгейту.

— Разрази меня гром! И он говорит: «Вот и все»!

— Не так страшен черт, как его малюют. Видишь ли, до этого температура на поверхности будет равна ста пятидесяти градусам.

— Удесятеренный сибирский мороз после невыносимой жары, и он говорит об этом так спокойно! А как подумаешь о том ледяном ужасе, наползающем на Луну из космоса...

— Перестань, Марго.— Улыбка слетела с его лица.— Это все плоды твоего воображения.

— Воображения? Разве не ты говорил мне о том, что видел на тех четырех снимках?

— Я не говорил тебе ни о чем таком, что можно было бы неправильно истолковать. Нет, Марго, все, хватит, я отказываюсь говорить на эту тему и слушать, как ты изощряешься в выдумках. Идем-ка лучше внутрь.

— Внутрь... Когда Дон там? Я намерена наблюдать затмение, сколько бы оно ни длилось. Я пойду на побережье.

— В таком случае,— спокойно сказал Пол,— накинь на себя еще что-нибудь. Калифорнийские ночи обманчивы.

— А ночи на Луне — нет? Возьми Мяу.

— Что? Ты думаешь, я возьму с собой твою кошку?

— Но мне слишком жарко в этом пиджаке. Возьми его и верни мне Мяу. Почему бы, собственно, не взять с собой кошку? Они такие же люди, как и мы. Ведь так, Мяу?

— Ты ошибаешься. Они всего лишь красивые животные.

— Нет, они такие же люди. Даже обожествляемый тобой Хайнлайн признает их гражданами второго сорта. Такими же, как аборигены или феллахи.

— Плевал я на эту теорию, Марго. Я просто-напросто отказываюсь брать с собой это нервное животное.

— Мяу вовсе не нервная. Она же девушка.

— А женщины, выходит, существа спокойные? Посмотри на себя.

— Так ты не возьмешь ее?

— Нет!

В какой-то четверти миллиона миль от Земли Луна постепенно вступала в царство тени, меняя цвет с призрачно-золотистого на бледно-бронзовый.

Солнце, Луна и Земля выстроились в одну линию. Это было очередное, повторяющееся уже миллиарды лет, лунное затмение. Ничего особенного, тем не менее сотни тысяч пар глаз с погруженного в ночь западного полушария Земли были устремлены в небо.

Другие планеты в это время расположились по другую сторону Солнца. Звезды напоминали огромные холодные глаза, светящиеся в темноте, словно огоньки домов на берегу океана.

Пара Земля — Луна приютилась под солнечным светом, пребывая на многие триллионы миль вокруг в пугающем одиночестве. Пугающем от ощущения, будто нечто необъяснимое подкрадывается все ближе и ближе в темноте космической ночи, искривляя на своем пути звездный свет.

Далеко в Северной Атлантике брызги темной штормовой воды пробудили от страшного сна Вулфа Лоунера, словно специально для того, чтобы он увидел, как на медный диск наползает черная гряда штормовых туч. Он знал, что наступает затмение Луны, из-за чего она выглядит дымчатой, но

одновременно с пробуждением ему почудилось, что Луна взывает о помощи из горящего здания; богиня Диана была в опасности. Океанские волны, сталкивающиеся с порывами ветра на натянувшемся, как шкура барабана, парусе, вскоре унесли тревожное видение.

— Здоровая психика — это ритм,— громко сказал Вулф Лоунер, ни к кому не обращаясь, ибо знал, что находится в открытом океане, примерно в 200 милях от Бостона. Его одиночное трансатлантическое плавание началось в Бристоле. Он проверил шкот, соединявший грот с румпелем (благодаря ему семиметровая плоскодонка, накренившись, шла на запад), затем соскользнул в кабинку размером с гроб, чтобы поспать в тепле.

В 3000 миль к югу от лодки Лоунера «Принц Чарльз», шикарный и огромный, как айсберг, атомный лайнер, на полном ходу прокладывал себе путь в невидимой нелене радиосигналов в направлении Антильских островов.

В оснащенной кондиционерами затемненной судовой обсерватории несколько пожилых людей, позевывая в этот ночной час, наблюдали за небесным явлением. Молодые парочки держались на почтительном расстоянии. Из танцзала доносились приглушенные вагнеровские ритмы неоджаза. Капитан Ситвайз, подсчитывая количество совершенно непредсказуемых бразильских фашистов в списке пассажиров, пришел к выводу, что двигатель работает нормально.

На пляже Кони-Айленд в тени дощатого настила, сцепив руки на затылке под завитыми в перманент волосами, Салли Харрис продолжала веселиться даже тогда, когда Джейк Лишер потянул за бретельки ее бюстгальтера через черное платье фирмы «Джимбел Скаази».

— Приятного времяпрепровождения, — пожелала она ему,— но помни, что мы наблюдаем затмение с самой верхушки десятиступенчатой ракеты.

— Это просто отвратительно, отвратительно с глупым видом таращиться на Луну, — возразил, затаив дыхание, Джейк.— Салли, где у тебя расстегивается платье?

— Там, где у твоей бабки была задница,— сообщила она и полезла наманикюренными пальцами в разрез своего платья.— Магнитный торпедосбрасыватель находится на носу, а не на корме, ты, сухопутный моряк,— сказала она, ловко дернув за шнурок.— Ой! Понятно теперь, почему это называется «бюстгальтер»: вот он есть, и вот его нет...

Дон Гильермо Уокер, устав смотреть на чернильный отблеск озера Манагуа, пришел к выводу, что решение о бомбардировке президентского дворца во время затмения было чисто опереточной идеей, шагом отчаяния, что однажды уже привело к печальному результату.

Несмотря на затмение, было вовсе не так уж темно, и три реактивных истребителя президента могли в считанные секунды разделаться с его «Морской пчелой», положив конец революции или, по крайней мере, попытке ее совершить. А значит, задуманное им, прямым потомком флибустьера Вильяма Уокера, было под угрозой срыва. Если даже удастся выпрыгнуть с парашютом, его, несомненно, схватят. Он сознавал также, что ему не выдержать пытки электрошоком.

Слишком светло, слишком светло.

— Ты типичный вшивый игрок! — закричал Дон Гильермо на Луну.— Ты не умеешь держаться в тени.

В 2000 миль к востоку от того места, где посреди бушующего океана болтался Вулф Лоунер, пьяный Дай Дейвис, валлийский поэт, помахал рукой сероватой Луне, медленно погружавшейся в Бристольский канал. Занимавшийся рассвет начинал затмевать сияние звезд.

— Спокойной ночи тебе, Золушка,— сказал он.— Умойся и обязательно возвращайся после сна.

Английский романист Ричард Хиллари, тоскующий и трезвый, жеманно произнес:

— Ты говоришь так, словно не надеешься увидеть ее снова.

— Настало время, когда может произойти все что угодно, Рики-бах,— мрачно ответил Дай.— Не часто мы обращали на нее внимание.

— Зато ты уж слишком переживаешь,— резко возразил ему Ричард.— Начитался этой научно-фантастической блевотины...

— НФ — это мой хлеб, по крайней мере. Ты, наверное, имеешь в виду «Королеву Фей», представляя, как она изрыгает из себя неудобоваримые, заплесневелые труды Уэллса, Кларка и Берроуза?

Голос Хиллари сделался вязким:

— НФ, как и любые другие произведения искусства, рассматривающие скорее явления, нежели человека, тривиальна и мелка по своей сути. Тебе следовало бы это знать, Дай. Или у валлийцев не добрые сердца?

— Мы бесчувственны,— гордо ответил поэт,— холодны, как сама Луна, которая играет в жизни намного большую роль, чем вы, сентиментальные, погрязшие в святотатстве, пьянстве, одурманенные человеколюбием англосаксонские вырожденцы, привыкли думать.— Он махнул рукой в сторону станции, работающей на энергии приливных волн: — Энергию дает нам Мона.

— Дейвис,— взорвался романист,— ты же прекрасно знаешь, что эти приливные станции построены для того, чтобы заткнуть глотку противникам использования атомной энергии, таким, как я. И, пожалуйста, не называй Луну Моной. Это слишком по-простонародному. Мона — это ведь валлийский остров, Англси, если хочешь, а не валлийская планета.

Дай пожал плечами, уставившись на запад — туда, где медленно заходила тусклая масса Луны.

— А мне нравится слово «Мона», вот и все. Вся культура — это лишь подачка младенцу, коим является человек. В конце концов,— добавил он насмешливо,— на Луне тоже есть люди.

— Ты прав,— согласился Хиллари,— четыре американца и несколько русских. Но вообще-то лучше бы нам подумать о том, как накормить голодных, прежде чем выбрасывать миллиарды на изучение космоса.

— И все же на Моне есть люди, которые собираются отправиться к звездам.

— Четыре американца. Однако мне больше по душе этот Вулф Лоунер из Новой Англии, который месяц тому назад пустился в одиночное плавание из Бристоля. По крайней мере, все сокровища мира не стоят его авантюры.

Дай улыбнулся, продолжая смотреть на запад.

— Черт с ним, с этим янки Лоунером. Надеюсь, он еще не пошел на корм рыбам. Хотя у американцев прекрасная НФ и их лунные корабли почти так же хороши, как и у русских. Спокойной ночи, Мона-бах. И возвращайся — умытой или неумытой, только обязательно возвращайся.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Через поляризованное стекло скафандра лейтенант Дон Мерриам наблюдал, как последние лучи Солнца, уже затемненные земной атмосферой, исчезают за массивной твердью его родной планеты.

Это вызвало болезненное, пугающе точное воспоминание о зимних закатах его детства на ферме неподалеку от Миннесоты. Он повернул голову к правому кронштейну и языком дотянулся до клавиши выключения поляризации.

— Первыми на планеты без атмосферы высадятся люди с длинными и гибкими языками,— хохотнул командор Томперт.

— Водолазы, что ли? — высказал предположение Дюфресн.

Их взорам открылось звездное небо. Свет жемчужной солнечной короны гармонировал со светом Млечного Пути.

Земля пребывала в кольце красно-коричневого сияния — это солнечный свет преломлялся в плотной атмосфере планеты. У самой поверхности он сгущался и ярче всего был виден по левому краю земного диска, за который только что зашло светило.

Дон без удивления отметил, что глыба Земли после затмения предстала абсолютно черной, не заливаемой призрачным сиянием Луны.

Все это время он полулежал в своем скафандре, откинувшись назад и опершись на одну руку — так было удобней наблюдать за Землей, которая приближалась к своему зениту, но затем внезапно вскочил на ноги и осмотрелся: звездный свет и кольцевое свечение вокруг планеты беззвучно смешались с темно-серой пылью, смесью порошковой пемзы и магнитного железняка.

Еще Гевелий во времена Кромвеля называл этот кратер Большим Черным Озером. Но даже при ярком солнечном освещении Дон не сумел различить стен Платона. Этот крепостной вал высотой в полтора километра был скрыт от взора более крутым, чем земной, изгибом лунной поверхности. Тем более, что он был расположен в сорока пяти километрах от места, где находится Дон.

По этой же причине от его взгляда ускользала нижняя часть их лунного домика, хотя тот и находился всего в трехстах метрах. Зато отсюда были хорошо видны пять огоньков амбразур их башни на границе между темной равниной и звездным небом, а возле нее, на фоне звезд, четко вырисовывались три усеченных конуса ракет, каждая из которых опиралась на три посадочные лапы.

— Как там, в темноте? — мягко прозвучал в наушниках голос Йохансена.— Прием.

— Тепло, и мухи не кусают,— ответил Дон.— Прием.

— Температура снаружи?

Дон опустил взгляд на флуоресцирующие цифры.

— Упала до двухсот по Кельвину,— сказал он, дав практически точный эквивалент ста градусам по шкале Фаренгейта, по-прежнему широко используемой в англоязычных странах.

— Твой сигнал в порядке.

Дон опять нажал на клавишу, и слабое завывание заполнило шлем.

— Слышимость отличная, капитан,— сказал он, расцветая.

— Я слышу,— угрюмо подтвердил Йохансен. Дон выключил сигнал.

— Как там поживают наши канистры? — опять спросил Йохансен. Он подразумевал маленькие, установленные на штырях банки, предназначенные для проверки перемещения лунной пыли и меченых атомов, рассеянных на различных расстояниях от их базы.

— Я еще не заточил косу,— ответил Дон.

— Ладно, не спеши с этим,— посоветовал Йохансен и отключился с характерным фырканьем. Они с Доном прекрасно сознавали, что подобные прогулки являются в основном превентивной мерой на случай лунотрясений, когда притяжение Земли и Солнца воздействует на Луну с одной стороны, как сейчас, либо с противоположных сторон, как это происходит каждые две недели. Предполагалось, что гравитационное сцепление вызывает землетрясения и, по всей видимости, колебания на поверхности Луны. Сейсмограф зарегистрировал лишь легкое колебание почвы под их бункером.

Таким образом, каждые две недели Томперт посылал человека наружу на несколько часов, когда наступало «новоземлие» или «полноземлие» (что в общем-то соответствовало новолунию и полнолунию или попросту периодам сигизийных приливов). Если бы случилось неожиданное и Бункер подвергся сильным разрушениям, один человек все-таки остался бы жив.

Это была одна из многих мер предосторожности, взятых на вооружение на Лунной базе. Помимо прочего, она имела целью тщательную проверку систем жизнеобеспечения скафандров и действий личного состава в одиночку.

Дон вновь взглянул на Землю. Свечение кольца стало более равномерным. Во внутреннем чернильно-черном кругу он так и не смог ничего различить, хотя знал, что обе Америки должны находиться слева, а Африка и Европа — справа. Он вспомнил о своей любимой, слегка истеричной Марго, и старом добром неврастенике Поле — в этот момент они

казались какими-то незначительными существами, очаровательными жучками, суетно копошащимися под тонким покровом земной атмосферы.

Ароматный воздух тихоокеанского побережья обтекал машину с откинутым верхом, в которой ехали Пол Хэгболт и Марго Гелхорн с кошкой Мяу, уснувшей на коленях своей хозяйки. Через примерно равные промежутки на шоссе появлялись знаки с предупредительной надписью «Зона оползней». Шоссе представляло собой узкую полоску асфальта между пляжем и почти отвесными тридцатиметровыми скалами, состоявшими из спрессованного ила, песка, гравия и прочих юных, с геологической точки зрения, пород, хотя то и дело попадались и скалы, взметнувшиеся на еще большую высоту.

Дон опять взглянул на сверкающую белизну под ногами. Это дьявольски точно напоминало снегопад в Миннесоте, только здесь был не снег, а двуокись углерода, смешавшаяся с пемзой и железняком.

Дон улыбнулся при мысли о том, что он все еще не разлюбил Землю, а Луна, несмотря на длительное пребывание здесь, не стала для него материнской планетой, скорее казалась чопорной старшей сестрой.

Марго сидела, свернувшись клубочком на сиденье, пиджак лежал на коленях. Мяу спала или притворялась, что спит.

— Мы где-то возле Ванденберга-2. Можем посмотреть на Луну в один из тамошних телескопов.

— А Мортон Опперли там будет? — спросила Марго.

— Нет,— ответил Пол, слегка улыбаясь.— Он сейчас в Ванденберге-3, корчит там из себя чародея перед этими теоретиками.

Марго посмотрела вверх:

— Луна что, никогда не затемняется? Она по-прежнему цвета темной меди.

Пол рассказал о светящемся кольце вокруг Земли.

— Так сколько же длится затмение? — спросила она, и когда он ответил: «Два часа», сказала: — Я думала, что это происходит в течение нескольких секунд.

— Таковы солнечные затмения.

Марго расслабилась.

— А теперь расскажи мне об этих снимках, ведь сейчас подслушать тебя нет никакой возможности. К тому же я уже успокоилась и перестала переживать: затмение для Дона — все равно, как если бы на него набросили бронзовое покрывало.

Пол раздумывал в нерешительности.

— Ну, Пол, я обещаю не быть мнительной, просто очень хочется понять, что это значит.

— Не могу тебе этого объяснить. Даже ученые умы не в состоянии сделать это. В том числе и Опперли.

— И все же?

— Понимаешь, обычно на фотографии звездного неба годами на обращают внимания, но тут люди из Лунного проекта потребовали от астрономов сообщать им обо всем необычном. Первый снимок появился неделю назад. На нем был изображен участок неба с планетой Плутон. Но во время экспозиции что-то произошло — звезды на фоне Плутона изменили свое положение. Мне довелось увидеть эти фотографии. На них запечатлены три слабых завихрения — в том месте, где три самые яркие звезды сдвинулись с места. Черные закорючки на белом фоне — ведь в астрономии приходится иметь дело с негативами.

— Обычная мистификация,— печально возразила Марго и вдруг, вспомнив, вскрикнула: — Сегодня в утренней газете была заметка о человеке, который заявил, что видел звезды, охваченные вихрем. Ну да, она шла под заголовком: «Звезды тронулись, утверждает заблудившийся водитель».

— Я тоже читал ее,— кисло ответил Пол.— Парень ехал в машине с откидным верхом и попал в аварию, якобы завороженный этим видением. Оказалось, правда, что он был выпивши.

— Да, но люди, которые с ним ехали, утверждают то же самое. И позже были звонки в планетарий...

— Знаю, к нам в штаб-квартиру тоже звонили. Обычный случай массового гипноза. Послушай, Марго, помнишь, я рассказывал тебе о первом снимке, полученном неделю назад? Так вот, то, что на нем изображено, можно увидеть только с помощью мощного телескопа. Давай только не впутывать сюда этот бред о летающих тарелках. Я хочу сказать, что на снимке было изображение Плутона и три слабых завихрения. Но, понимаешь ли, Плутон остался на своем месте — черная точка на негативе.

— Ну и что же в этом странного?

— Ведь ты же не удивляешься обычно, когда смотришь в небо и видишь, что звезды колышатся. Так же, как тебе не

кажется странным колебание рельефа гор в знойный день. Это все атмосферные эффекты. Потому-то, собственно, и кажется, что звезды мерцают. Но в данном случае источник искажения должен находиться вне Плутона.

— А сколько до Плутона?

— Он расположен в сорок раз дальше от Земли, чем та от Солнца.

— Что же может искажать звездный свет в космосе?

— Это-то как раз и беспокоит наших крупных шишек. Особый вид электромагнитного поля, вероятно, хотя оно должно быть очень сильным.

— А что на других снимках?

Пол на мгновение умолк, пропуская вперед грохочущий грузовик.

— На втором, полученном со спутника, была та же картина, с той лишь разницей, что зона искажения увеличилась и захватила уже Юпитер.

— Следовательно, источник искажения приблизился к нам? — предположила Марго.

— Возможно. Кстати, изображение спутников Юпитера также не мерцало. Позавчера я видел третий снимок. Искажение затронуло уже Венеру. Только на этот раз Венера сама мерцала.

— Так, будто источник искажения находился между Венерой и Землей?

— Да, именно. Конечно, это мог быть и атмосферный эффект, но наши спецы другого мнения.

Пол опять замолчал.

— Ну, так что дальше? — подзадорила его Марго.— Ты говорил о четырех снимках.

— Четвертый я смотрел сегодня. Еще большая зона, охваченная искажением. Лунный свет, тем не менее, не колышется.

— Пол, ведь это, должно быть, то же самое, что видел водитель. И время совпадает.

— Я так не думаю. Невооруженным глазом практически невозможно увидеть звезды возле Луны. Кроме того, сообщения непрофессионалов имеют малую ценность с научной точки зрения.

— Но тогда,— возразила она,— это звучит так, словно что-то наползает на Луну. Сначала Плутон, потом Юпитер, Венера... Оно подбирается все ближе и ближе.

Дорога повернула на юг, и на небе показалась темно-бронзовая Луна.

— Минуточку, Марго,— запротестовал Пол, на мгновение убрав руку с руля,— мне и самому приходила в голову подобная мысль, поэтому я проконсультировался у Ван Брюстера. Он сказал, что практически маловероятно, чтобы одноединственное поле, перемещающееся в космосе, могло стать причиной четырех искажений. По его мнению, здесь мы имеем дело с четырьмя различными полями, никак между собой не связанными, а потому и вопрос о чем-то надвигающемся на Луну стоять не может. Более того, он нисколько не удивился этим снимкам и сказал, что астрономы давно высказывали гипотезы о существовании подобных полей, а то, что свидетельства их существования появились только сейчас, носит не случайный характер — всему причиной новейшая техника, электронные телескопы и новые сверхчувствительные фотоэмульсии. При длительной экспозиции ничего этого мы бы на снимках не увидели.

— А что думает по этому поводу Мортон Опперли?

— Ничего... Хотя нет, он единственный настоял на том, чтобы проследить перемещение искажающих полей от Плутона к Луне. Слушай, мы только что проехали горное шоссе Моника. Оно ведет в Ванденберг-3, где сейчас находится Опперли.

— А эти поля распространялись прямо? — настаивала Марго.

— В том-то и дело, что нет. Они перемещались каким-то невероятным зигзагом.

— Но Опперли все же сказал что-нибудь? — не унималась Марго.

Пол задумался, затем произнес, прищелкнув языком:

— Что-то вроде того, что если их цель — Земля и Луна, то они подкрадываются все ближе и ближе.

— Вот видишь,— удовлетворенно сказала Марго,— видишь, что бы это ни было, его цель — планеты.

Барбара Кац, мнящая себя авантюристкой, а также поклонницей НФ, укрывшись от света уличных фонарей и полицейских мигалок, стояла за толстым стволом карликовой пальмы и благодарила Ментора, ее НФ-божество, что гольфы, поддетые под ее черный спортивный костюм, также черного цвета. Сумка, перекинутая через плечо, тоже была черной. Ей не приходилось волноваться за свое лицо и руки, ибо они

были достаточно темны, чтобы слиться с темнотой ночи, а днем ее и так часто принимали за цветную. Барбаре хотелось внести посильный вклад в процесс интеграции темнокожих граждан в общество, хотя иногда ей становилось не по себе от того, что она так быстро загорает дочерна. Еще одно наказание для еврейской нации — так говорил ее отец, хотя думается, что ему вряд ли пришлись бы по душе девушки, охотящиеся за миллионерами во Флориде — этом логовище, где они живут вместе с крокодилами.

Свет полицейской мигалки удалился, и она продолжила свой путь к дому, за которым ей привиделся отблеск линзы.

Темнота вокруг сгустилась. Поэтому, едва завернув за соседнюю пальму, она чуть не налетела на человека в белом костюме, сидящего перед окуляром большого телескопа. Последний был установлен на белом треножнике и направлен в западную часть неба.

Белый костюм встал, опираясь на палку, и произнес дрожащим голосом:

— Кто там?

— Добрый вечер,— отозвалась Барбара самым вежливым тоном, на какой только была способна.— Мне кажется, вы меня знаете. Я та самая девушка, в бикини в черно-желтую полоску. Можно понаблюдать за затмением вместе с вами?

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Пол Хэгболт взглянул на вздымающуюся впереди возвышенность, туда, где дорога, изгибаясь, уходила вверх. В стороне, между шоссе и морем, виднелось плато, на котором располагался Ванденберг-2 (В-2) — штаб-квартира Лунного проекта, база Космических Сил США, а также космодром. Его можно было различить разве что по проволочному забору у подножия да нескольким тусклым красным огням на гребне холма. Космическая база возвышалась над шоссе и океаном зловещей твердыней феодального будущего.

Шоссе отозвалось глухим гулом, когда их машина переехала бетонный мост через заливчик. Марго Гелхорн резко выпрямилась на своем сиденье. Мяу вздрогнула и проснулась. Девушка обернулась и сказала:

— Эй, постой.

— Что такое? — спросил Пол, не снижая скорости. Дорога начинала подъем.

— Могу поклясться,— проговорила Марго, уставившись назад на дорогу,— что я видела табличку со словами «Летающие тарелки».

— НЛОбуржцы? — хмыкнул Пол.— Привиделось, наверное.

— Нет, там не было ни кафе, ни чего-то другого в этом роде. Просто одинокий дорожный знак. Сразу перед мостом. Я хочу вернуться и посмотреть на него.

— Но мы уже почти в В - 2,— возразил Пол.— Или тебе не хочется взглянуть на затмение в телескоп? Ты сможешь увидеть кратер Платона. Только придется закрыть верх и оставить Мяу в машине — вход на базу с животными воспрещен.

— Ну нет,— сказала Марго.— Меня тошнит от этих ваших инструкций. Более того, мне отвратительны люди, которые не считают кошек людьми.

— Ну хорошо, хорошо,— поспешил согласиться Пол.

— Тогда сейчас же разворачивайся. Так нам будет даже удобнее наблюдать за Луной.

Пол изо всех сил старался проехать мимо, но Марго, заметив знак, закричала:

— Вон там, где зеленый фонарь. Остановись там.

Машина подскочила на выбоине, Мяу вскочила, потянулась и без интереса оглянулась по сторонам.

Пыльная дорога рядом с пляжем вела вниз. По одну сторону тускло мерцали огни базы. По другую фары выхватили из темноты небольшой белый указатель. Аккуратные черные буквы гласили: «На симпозиум по летающим тарелкам».

— Только в Южной Калифорнии,— пробормотал Пол, покачав головой.

— Поехали, посмотрим, что там происходит,— предложила Марго.

— Ни за что,— громко заявил Пол.— Если тебя тошнит от Ванденберга, то я терпеть не могу этих фанатов-тарелочников.

— Но они не похожи на фанатиков, Пол. Все это имеет свой стиль. Взгляни на надпись.

Схватив Мяу, она выбралась из машины, чтобы получше рассмотреть табличку.

— Мы даже не знаем, когда должно состояться это заседание,— крикнул Пол ей вслед.— Это могло быть и неделю назад. Не видно никаких признаков жизни.

— Зеленый фонарь говорит о том, что оно должно быть сегодня.— Марго уже стояла возле знака.— Пошли, Пол.

— Да, по-моему, он никакого отношения к указателю не имеет.

Марго повернулась к нему, показывая запачканный краской палец:

— Краска еще не успела высохнуть,— торжествующе проговорила она.

Луна приближалась к той точке, где три небесных тела должны были выстроиться в одну линию. И, как обычно в это время, из-за воздействия невидимых нитей гравитации земная кора и подземные породы подвергались напряжению, вызывая малые и крупные землетрясения. Тяжелые массы воды земных океанов и морей, заливов и каналов гулко откликались тягучей мелодией прилива.

На другой стороне Земли истекающий потом Багонг Банг крикнул своему помощнику-австралийцу, чтобы тот остановил двигатель «Махан Лумпура». Не потеряй они столько времени, они были бы уже в узком устье к югу от До-Сона и трехметровая приливная волна подняла их над отмелью. Здесь, в Тонкинском заливе, этот чертов прилив происходил лишь раз в сутки. Их смогли бы заметить с патрульного вертолета, блуждай они у входа в устье. Нужно было кровь из носу успеть проникнуть в устье, чтобы доставить груз — оружие и наркотики — северовьетнамскому антикоммунистическому подполью, а затем проследовать с аналогичной целью в Ханой.

Когда утихла носовая качка, широкий, в 200 миль, залив стал похож на озеро расплавленной меди. Багонг Банг щурился от света, его рука покоилась на подзорной трубе, торчавшей из-за пояса. Он и понятия не имел о затмении, так как здесь был в разгаре день. По этой же причине их антиподам в западном полушарии казалось, что и маленький малаец, и его усталое судно стоят вверх ногами по отношению к ним.

Багонг Банг предался мечтам о том времени, когда он сможет скопить достаточно денег, промышляя контрабандой, чтобы заплатить за оборудование и ныряльщикам, доставлявшим ему сокровища с затонувших кораблей.

Дон Гильермо Уокер сказал себе, что это скопление бледных огней должно быть Метаной. Но с таким же успехом это могло быть и Сапатой или Ла Либертад. Может, оно и к лучшему, поскольку, не достигнув цели, он избежит пыток. Пот градом струился по его лицу. Те, кто захватит его в плен, скажут, конечно же, что он с его бородой — коммунист, а его

членский билет Общества Джона Берча — обычная подделка или того хуже. «Спалите ему бороду электрическим током!»

— Пропади ты пропадом, шлюха в черной комбинации, ты, сучка краснокоже-черномазая! — заорал на апельсиновую Луну Дон Гильермо.

В покрытой мраком Атлантике «Принц Чарльз» и плоскодонка «Эндьюэранс» расходились в противоположных направлениях. Большинство публики разбрелось — кто ко сну, кто в каюты новых знакомых. Капитану Ситвайзу, принимавшему вахтенную смену на мостике, было как-то не по себе. «Все из-за этих бразильских повстанцев на борту,— сказал он сам себе.— От этой новой породы ниспровергателей всего можно ожидать».

Вулф Лоунер раскачивался в своей лодке, отдавшись воле волн. «Эндьюэранс» вошел с восточной стороны в полосу грозовых туч, несших с собой стену тумана и распространившихся на огромное расстояние от Эдмонтона до Большого Медвежьего озера и от Бостона до Гудзонова залива.

Салли Харрис позволила Джейку Лишеру еще раз облапать себя в темном закоулке Дома Ужасов, заметив, однако:

— Эй, перестань мять мое платье, просунь руку в вырез на бедре.

— У тебя что, и трусы на магнитной застежке?

— Нет, обычный «Гудьир», просто собачка оторвалась. И ради Бога, только не говори, что моя попка напоминает тебе большие круглые буханки, которые выпекала твоя мамаша. Ослабь там... вот, теперь достаточно... Слушай, так и ракету задрают, прежде чем мы увидим затмение.

— Что-то я никогда не замечал в тебе такого интереса к астрономии, Салли. У тебя ведь есть ключ от квартиры Хасселтайна, и она пустует, не так ли? Да и я никогда там не был. Если этот небоскреб недостаточно высок для тебя...

— Ну ладно, хватит, я сказала.

Она вырвалась из его объятий и пробежала мимо серой в два с половиной метра высотой фигуры Сатурниана, которая возвышалась возле стены, направив на нее испепеляющий луч бластера.

Аза Холком, немного отдышавшись, взобрался на небольшую скалу в горах Аризоны. В этот самый момент в стенке его аорты образовалась трещинка, и кровь стала сочиться в грудную клетку. Боли не было, он просто почувствовал

слабость и тихо прилег на плоскую вершину, еще хранившую остатки солнечного тепла.

Он не испытывал ни удивления, ни испуга. Слабость либо пройдет, либо нет. Он знал, что это небольшое восхождение в горы было опасным предприятием. Его мать еще семьдесят лет назад предостерегала его от походов в одиночку. При его пороке сердца это было опасно вдвойне. Но дело лишь тогда чего-нибудь стоит, **когда** делаешь его самостоятельно.

Он взглянул **вверх**. Ему, конечно же, не в первый раз приходилось видеть окутанную пеленой Луну, но сегодня в своем бронзовом одеянии она казалась краше, чем когда-либо. Гранатовый плод Прозерпины, сорванный в Саду Мертвых. Слабость не покидала его.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Машину Хэгболта слегка потряхивало на наезженной колее. Они ехали теперь по узкой дороге, скалы снова были по правую руку, пляж — слева. Здесь, вдали от больших трасс, их окутывала кромешная темнота. Трое путешественников в эту ночь затмения разделили с Луной ее одинокое восхождение на усеянное звездами небо. Даже Мяу, и та проснулась и пялилась вперед.

— Эта дорога, по-видимому, ведет в В - 2,— размышлял вслух Пол,— на запасной выход, «пляжные ворота», как они говорят. Естественно, я должен воспользоваться главным входом, однако бывают же ситуации... — Помолчав немного, он продолжил: — Все-таки смешно, что эти тарелочники всегда стремятся провести свои встречи по соседству с ракетной базой или атомной установкой. Надеются, что это принесет им больше известности. Знаешь, одно время этим всерьез интересовались Космические Силы США.

Свет фар выхватил из темноты обломок скалы, почти полностью перегородивший дорогу. Судя по влажным комьям грязи, обвал произошел недавно. Пол остановил машину.

— Конец тарелочной экспедиции,— весело объявил он.

— Но другие-то проехали,— возразила Марго.— Ты видишь, вот их следы.

— Ну ладно,— сказал Пол обреченно.— Но если мы завязнем в песке, ты пойдешь искать доски.

Колеса слегка пробуксовали, но, в общем, они выбрались без проблем. Спустя немного времени они подъехали к выемке, где дорога была в три раза шире и где уже скопилось с десяток машин, прижавшихся задними бамперами к скале. В числе первых виднелись красный седан, микроавтобус и белый пикап. За последней машиной горел еще один зеленый фонарь, освещавший указатель с красивой надписью: «Паркуйте здесь. Затем следуйте за зелеными огнями».

— Прямо как на станции метро «Таймс-сквер»! — восхищенно воскликнула Марго.— Бьюсь об заклад, здесь не обошлось без нью-йоркцев.

— Новоприбывшие,— согласился Пол, недоверчиво поглядывая на скалу.— У них не было времени разузнать о калифорнийских оползнях.

Марго с кошкой на руках выпрыгнула из машины. Пол последовал за ней, протягивая на ходу ее пиджак.

— Обойдусь,— заявила она, и он молча перекинул пиджак через руку.

Третий зеленый фонарь находился на берегу океана. Они услышали плеск воды, кошка нервно замяукала, и Марго принялась ее успокаивать. Прямо за машинами скалы круто сворачивали вправо, в образовавшееся пространство вклинивался пляж. Пол догадался, что они находятся в устье заливчика, который дважды пересекли по мосту. Чуть поодаль опять начиналась возвышенность. Еще дальше он разглядел мерцающий в вышине красный огонь, а ниже — отблеск решетки ограды. Он немного успокоился, узнав базу Ванденберг-2.

Они направились к океану мимо четвертого фонаря, оказавшегося совсем крошечным. Его искорка напоминала звездочку в небе. Песок поскрипывал под ногами. Марго взяла Пола за руку.

— Ты сознаешь тот факт, что затмение продолжается? — прошептала она. Пол утвердительно кивнул.— Что, если звезды начнут выделывать то же, что на тех снимках?

Вместо ответа Пол сказал:

— Кажется, за последним зеленым фонарем я вижу белый огонек. И людей рядом с каким-то приземистым сооружением.

Они продолжили путь. Сооружение по виду напоминало большой загородный дом или маленький клуб для отдыхающих. Окна были заколочены. Их взору открылась площадка без стен и крыши, возвышавшаяся на полметра над песком. Скорее всего, она служила раньше танцплощадкой. На площадке стояло около сотни складных стульчиков, из которых, впрочем, было занято лишь двадцать в передних рядах. Стулья были обращены к морю.

Перед ними на том месте, где когда-то сидели музыканты оркестра, находился длинный стол. За столом в луче белого света восседали три человека. Это было, пожалуй, единственное освещение, если не считать зеленых фонарей.

Один из них был с бородой, другой — лысый и в очках, третий — с зеленым тюрбаном на голове и в вечернем платье с повязанным белым галстуком.

Бородач держал речь, однако до них долетали только бессвязные обрывки.

Марго сжала Полу руку:

— Тот, что в тюрбане,— женщина,— довольно громко прошептала она.

От земли отделилась маленькая фигурка и подошла к ним.

В тусклом свете они разглядели девочку лет десяти с узким личиком и рыжеватыми косичками. В одной руке она держала несколько листков бумаги, указательный палец другой руки был прижат к губам. Подойдя к ним поближе, она прошептала:

— Не шумите. Уже началось. Вот программка.— При виде Мяу глаза девочки загорелись: — О, у вас кошка. Я думаю, Рагнарок не будет против.

Она провела их к лесенке, ведущей на эстраду, и жестом пригласила занять места в переднем ряду, но Марго и Пол, улыбнувшись и покачав головами, уселись в последнем. Девочка пожала плечиками и удалилась.

Марго почувствовала, как кошка внезапно напряглась, уставившись на нечто, лежавшее у крайних стульев переднего ряда. Рагнарок оказался огромной немецкой овчаркой.

Когда первый испуг прошел, Мяу слегка расслабилась, хотя и продолжала, прижав уши, смотреть немигающим взором на разлегшегося пса.

Девочка подошла к ним сзади.

— Меня зовут Энн,—шепотом представилась она.— В зеленом тюрбане—моя мама. Мы приехали из Нью-Йорка.— Сообщив это, она вернулась на свой пост подле зеленого фонаря.

В тускло освещенной комнате Резервного Штаба Космических Сил США генерал Спайк Стивенс и трое сотрудников сгрудились перед двумя телевизорами. На экранах была одна и та же картинка кратера Платона. Изображение на правом экране передавалось со спутника связи и наблюдения, находящегося на высоте 40 000 километров, в 20° южнее Гавайских островов. На левом трансляция шла с подобного же спутника, зависшего над Атлантикой, у побережья Бразилии,

где в это время атомоход «Принц Чарльз» на всех парах спешил на юг.

Четверка наблюдателей скосила глаза, совместив оба изображения в одно, что произвело эффект объемности. Получилось так, будто они сами присутствовали на Луне.

— Наше сдержанное одобрение этим новым электронным усилителям,— произнес генерал.— Должен отметить совершенно четкое и резкое изображение кратера, к тому же и эти полоски исчезли. Джимми, давайте-ка посмотрим на участок пространства в направлении Луны без увеличения.

Полковник Мэйбл Уоллингфорд украдкой изучала генерала. Ее длинные сильные пальцы были переплетены. Кто-то сказал, что у нее руки душителя, и она всегда помнила это, глядя на генерала. Она горько усмехнулась мысли, что Спайк должен чувствовать себя так же уверенно, как Обозревающий Девять Миров с Хлитскьяльфской башни в Асгарде, хотя об их местопребывании ему было известно не больше, чем ей; как и она, он знал, что они находятся в 50 милях от Белого Дома, на глубине по крайней мере 60 метров под землей. Их всех сюда привезли, затем надели на головы светонепроницаемые капюшоны, посадили в лифт, да так, что они и не увидели предыдущую смену.

Араб Джонс, Хай Банди (Супердамба) и Пепе Мартинес передавали друг другу косяк с отличной травкой, поочередно затягиваясь и задерживая смолистый дым в легких. Они удобно расположились на подушках на крыше дома в Гарлеме. Обстановку дополнял тент с бамбуковым «дождиком» вместо двери.

Их взгляды встретились. В них светилась объединяющая всех нариков осторожность. Затем взоры приятелей переместились на затемненную Луну.

— Братки, спорим, она тоже потягивает травку? — сказал Хай.— Видите этот бронзовый дымок? Эти астронавты на Луне дошли до точки.

— Мы сами там будем. Араб, ты думаешь входить в затмение? — спросил Пепе.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Пол Хэгболт и Марго Гелхорн начали прислушиваться к речам Бородача.

— В надежде и страхе, в своих глубочайших переживаниях человек всегда стремился приукрасить то, что видел в

небесах,— будь то самолет, планета или корабль из иных миров. Скажем так: каждая тарелка — это тоже знак.

Голос Бородача был густым, хотя и по-юношески звонким. Док, лысый мужчина в очках с толстыми стеклами, и Женщина-Тюрбан слушали его с непроницаемыми лицами. (Чтобы окрестить присутствующих на собрании, Марго понадобилось всего две минуты.)

— Покойный доктор Юнг исследовал этот аспект в своей книге «Современный миф об объектах, видимых на небе».

— Кто этот Бородач? — спросила Марго. Пол попытался изучить программку, но в темноте это оказалось безнадежным делом.

Бородач тем временем продолжал:

— Доктор Юнг очень интересовался проблемой летающих блюдец. Он связывал их форму с понятием мандалы из буддийской философии. По Юнгу, НЛО — это психическая проекция страхов и надежд человечества в окружающем его неспокойном, неустойчивом мире. Человек боится стать обезличенным рабом, роботом во власти тоталитарного режима.

Пола начали терзать угрызения совести. Еще несколько минут назад он называл подобных людей фанатиками, а здесь впервые столкнулся с разумным подходом к проблеме.

Поднялся маленький человечек, сидевший рядом с собакой.

— Прошу прощения, профессор,— сказал он,— но до полного затмения осталось всего пятнадцать минут. Я хочу, чтобы никто не забывал поглядывать на часы, не отвлекаясь, однако, от вашего интересного выступления. Рама Джоун поведала нам, что космические существа способны думать о двенадцати вещах сразу, тогда как мы — лишь о двух. И кроме того, мы ведь собрались здесь из-за исключительной возможности понаблюдать за ненавязчивыми НЛО. Так что не станем терять драгоценный шанс увидеть «Робкие летающие тарелки», как их называет Энн.

Несколько голов с благодарностью повернулись в его сторону и обратно.

Марго легонько подтолкнула Пола локтем:

— Ну же, выполни свой долг,— сердито прошептала она.

— Удачной всем охоты,— закончил Маленький Человечек.— Еще раз прошу прощения, профессор.— Он сел на место.

Но не успел Бородач возобновить свою речь, как вмешался мужчина с высоко поднятыми плечами и сложенными на груди руками. Марго тут же подумала: «Словно аршин проглотил».

— Профессор, вы тут нагромоздили кучу фантастической лжи,— начал Аршин.— Но это все о тех тарелках, которые

существуют лишь в человеческом воображении. И мне неинтересно, что по этому поводу думает доктор Юнг. Меня интересуют настоящие тарелки, в одной из которых мне довелось побывать.

Пол почувствовал прилив сил. Ну, сейчас эта публика начнет вести себя, как и полагается фанатикам.

Похоже было, что профессора слегка озадачила эта выходка, и он произнес:

— Мне очень жаль, что у вас сложилось такое впечатление. Я думал, что ясно выразился по поводу...

Док поднял голову и дотронулся до его руки, будто хотел сказать: «Поручи мне разобраться с этим типом». Женщина-Тюрбан взглянула на него с легкой усмешкой и поправила галстук.

Док подался вперед, наклонив голову с блестящей лысиной, и, сверкая очками, вперился в Аршина, словно тот был каким-то насекомым.

— Прошу прощения, сэр,— сказал он срывающимся голосом.— Насколько я понял вас, во время пребывания на летающей тарелке вы посещали и другие, неизвестные астрономам планеты?

— Точно так,— ответил Аршин, подавшись вверх еще немного.

— Ну, и где же расположены эти планеты?

— А, ну... там,— протянул Аршин, выигрывая время.— Настоящие планеты не дают взять себя в оборот кучке астрономов.

Несмотря на это, Док невозмутимо, но уже более деликатно продолжал:

— И эти планеты расположены на расстоянии многих световых лет от Земли?—Казалось, он сменил гнев на милость.

— Да нет. Ну, я был на Арлетте всего неделю назад, и полет занял два дня.

Но Дока уже понесло.

— И это, наверное, такие маленькие планетки, которые постоянно прячутся в тени Солнца, Луны или Юпитера?

— Нет, совсем не то,— уверенно заявил Аршин, расправив плечи, хотя в его голосе уже слышались защитные нотки.— Не прячутся они ни за чьей юбкой. Они, ну, просто... там. И могу поклясться, они размером с Землю. Я побывал на шести планетах.

— Хм,— хмыкнул Док,— может, это те планеты, которые находятся в гиперпространстве, и их появление, скажем, приурочено к вашему визиту?

Теперь уже Док тянул время.

— Вы склонны все отрицать,— обвинил Дока Аршин,— и вы далеки от жизни. И другие планеты находятся просто там, говорю я вам.

— Ну, если они просто там,— пробурчал Док,— почему же мы их не видим? — Он торжествующе вскинул голову, хотя, возможно, такое впечатление создавалось из-за съехавших на нос очков.

Наступила пауза.

— Вы напрочь все отрицаете,— добавил Аршин с пафосом.— Было бы пустой тратой времени рассказывать вам об экранах, искривляющих свет и делающих такие планеты невидимыми. Я не желаю с вами больше разговаривать.

— Разрешите мне разъяснить свою позицию по этому вопросу,— с пылом произнес Док, обращаясь ко всей аудитории.— Я готов принять любые идеи, даже о том, что и у нас в Солнечной системе скрывается такая планета из гиперпространства. Я ставлю Чарльзу Фулби,— он сделал жест рукой в сторону Аршина,— маленький плюс за его мысль об экране.

Он сел на место, победоносно раздувая ноздри. Маленький Человечек воспользовался этой возможностью, чтобы напомнить о себе. Он вскочил со стула и объявил:

— Осталось всего десять минут. Я понимаю, что этот спор очень интересен, но тем не менее следите за часами. И помните, что мы прежде всего исследователи НЛО. И если мы все вместе станем свидетелями появления летающей тарелки, это будет нашим триумфом. Спасибо за внимание.

Аза Холком подавал сигналы фонариком с вершины горы в Аризоне. Таким способом он пытался привлечь к себе внимание людей из города. Жить все-таки хотелось. Наконец, выбившись из сил, он вновь поднял глаза на звезды, сверкавшие, как алмазы, в час затмения. Он без труда мог назвать любую из них. Но сейчас все его внимание было приковано к Луне, выступившей на передний план и напоминавшей огромную эмблему индейцев хопи, выкованную из потемневшего старого серебра. Даже в застывшем в своем постоянстве ночном небе всегда можно обнаружить что-то новое, и он мог спокойно пролежать здесь всю ночь, наблюдая. Но он еще больше ослабел, и к тому же скала под ним стала совсем холодной.

Пепе Мартинес и Хай Банди поднялись с подушек, их подхватило, как былинки, и понесло на испачканную сажей стену на крыше. Помахав Луне, Пепе произнес:

— Еще раз пыхну и потом — пуфф! Я окажусь там, как Джон Картер.

На что Хай заметил:

— Не забудь одеть скафандр!

— Я затянусь во все легкие, и этого будет достаточно,— ответил Пепе и помахал звездам: — Что там написано на этой черной витрине ювелирных изделий?

— Витрина? Это бензожатки, освещающие себе дорогу бриллиантовым лучом.

Араб, по-прежнему сидевший на подушке, промочил горло мускателем и громко спросил:

— Что там с ночью, дети мои?

— Мягка, как шелк,— ответил Пепе.

Луна неумолимо продолжала свой неторопливый бег в тени Земли. С той же неотвратимостью кровь из аорты Азы Холкома вытекала в его грудную клетку, и сперматозоиды резвились в чреслах Джейка Лишера, и адреналин поступал в кровь Дона Гильермо, и ядра атомов расщеплялись в реакторе «Принца Чарльза», и сознание Вулфа Лоунера пробуждалось и засыпало в ритме, который он называл психическим здоровьем. Затмения Луны происходят миллионы лет и будут происходить еще миллионы лет. Но однажды невидимые приливные силы притянут ее так близко к Земле, что она разлетится на части, которые образуют вокруг Земли кольцо, как у Сатурна. Но до этого события, утверждают астрономы, еще многие и многие миллионы лет.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Пол Хэгболт ткнул в бок Марго Гелхорн, попросив ее не хихикать. В это время женщина, сидевшая во втором ряду, спросила Дока:

— А что это — гиперпространство?

— Почему бы не совершить краткий экскурс в существо вопроса? — обратился к Доку Бородач.

— Это гипотеза, высказанная физиками-теоретиками и кочующая по страницам НФ,— сказал Док, водрузив очки на место и заложив руки за голову.— Как вы все знаете, скорость света признана предельно возможной. Триста тысяч километров в секунду. Но когда речь заходит о расстояниях между

звездами и галактиками, она сравнима со скоростью черепахи. Мрачные перспективы для космических путешественников... Тем не менее, существует теоретическая возможность того, что пространство-время свернуто таким образом, что отдаленные части Вселенной могут соприкасаться друг с другом в ином измерении, то есть в гиперпространстве. Если это так, то становится теоретически возможным прорыв из нашей Вселенной в гиперпространство и обратный выход в заданной точке. Разумеется, предполагалось, что в гиперпространство будут посылаться космические корабли, но я не вижу ничего невозможного, если речь пойдет о планете. Физик Бернал и философ Стэйплдон высказывали мысли об этом, не говоря уже о Стюарте и Сите.

— Ну, что ты скажешь? — настаивала Марго.— Док располагает какой-то информацией или нет?

— Опперли говорил...— начал было Пол, но тут до него дошло, что Док обращается к нему.

— Прошу прощения, вы, двое в последнем ряду, не знаю ваших имен, хотите выступить?

— Да нет, сэр, нет,— быстро ответил Пол.— Просто нас очень поразило ваше выступление.

Док добродушно взмахнул рукой в знак признательности.

— Лжец,— улыбнулась Марго, глядя Полу в лицо.— Я уж было почти решилась все ему рассказать.

У Пола не хватило сил ответить «нет», это, видимо, было хорошо. Его опять охватил приступ угрызений совести. Конечно, говорил он себе, не мог же он выболтать секретную информацию, да к тому же еще и тарелочникам. Значит, утечка произошла где-то среди сотрудников Проекта.

Но когда он вновь переключился на предмет спора, сердце его забилось учащенно. Отдавало какой-то дьявольщиной то, как точно мысли Дока совпадали с результатами съемки. Он взглянул на темную Луну, и из глубины его памяти прозвучали слова Марго: «А что, если со звездами и здесь произойдет то же, что и на снимках?»

Пылеуловители на тонких металлических штырях, вкопанные в блестящую, покрытую снегом из двуокиси углерода поверхность, напоминали какие-то фантастические механические фрукты в ледяном саду. Передвигаясь в свете луча карманного фонарика, Дон Мерриам сделал осторожный шаг, чтобы поднять как можно меньше радиоактивной пыли. Тем не менее

несколько кристалликов сухого льда взмыли вверх и быстро опустились на поверхность, что, в общем-то, было характерно для планеты, не имевшей атмосферы. Он собрал канистры и сложил их в подсумок.

«Я самый высокооплачиваемый сборщик фруктов в этой части Вселенной,—меланхолично подумал он.—И даже здесь я справился с делом слишком быстро, чтобы услужить Царю Гомперту, Заторможенному Королю».

Он опять взглянул на черную окружность Земли, отороченную бронзовым сиянием. «99,9 процента из них,—подумал он,— считают, что здесь как в раю. И вообще полагают, что исследование космоса — самое замечательное занятие. Они наслышаны о космосе, но все равно не верят в него. Им бы здесь побывать, чтобы убедиться, что Земля не покоится на огромном слоне, а тот в свою очередь—на гигантской черепахе. Говоришь им о планетах и космических кораблях, а они все равно думают о гороскопах и летающих тарелках».

Он повернулся, чтобы идти к следующему пылеуловителю, и его ботинок проехался по кристальной пленке на поверхности Луны, вызвав слабый хруст. Это через года эхом отозвался звук хрустящего под его галошами снега в Миннесоте.

— Эй, мистер Киттеринг, взгляните-ка в телескоп. Я видела вспышки света вблизи кратера Коперника,— сказала Барбара Кац.

Ноллс Киттеринг III, скрипнув суставами, занял ее место у телескопа.

— Вы правы, мисс Кац. Должно быть, Советы испытывают сигнальные ракеты.

— Спасибо,— поблагодарила она.— А то я привыкла видеть на ней огни Луна-сити, Лейпорта и других НФ-городов.

— Признаться, я тоже, мисс Кац. А вот теперь — красная вспышка.

— О, разрешите взглянуть. Но мне так неловко, что приходится постоянно дергать вас. Может, мне лучше присесть вам на колени, если вы, конечно, не возражаете и если стул не поломается?

Ноллс Киттеринг III вздохнул с сожалением:

— Да я-то не возражаю, и со стулом ничего не случится, но боюсь, что не выдержит сращенная с костью пластиковая деталь в моем бедре.

— О, извините.

— Забудьте об этом, мисс Кац, мы ведь теперь с вами коллеги-звездочеты. И не расстраивайтесь из-за меня.

— Хорошо, не буду,— уверила она его.

— Мне кажется, есть нечто романтическое в том, так быстро мы уладили этот вопрос,— прямо как старые солдаты-ректоры космических академий из рассказов Хайнлайна.

В конце концов Дон Гильермо Уокер вынужден был признать, что черным отсвечивало небольшое озеро и что до Манагуа, переливающегося огнями, не более десяти миль. Тут его посетила еще одна тревожная мысль: что, если затмение закончится прямо сейчас, и он, пойманный в перекрестье прожекторов, станет отличной мишенью для истребителей и зенитных орудий президента? Ему вдруг захотелось вернуться к своей скромной сезонной работе близ Чикаго или очутиться в детстве, когда он, плюнув на смертельный риск, съехал по ржавой проволоке с шестиметровой высоты в захудалом балагане.

Это второе воспоминание придало ему храбрости. Умереть в том балагане... умереть в этом разбомбленном городе Чиканос. Он запустил мотор на полные обороты. «Гильермо Джеронимо,— завопил он,— Ла Лома, я иду».

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Пол Хэгболт рассеянно слушал выступавших. Это совпадение смутило его, но воображение было бессильно помочь разгадать причину. В его голове словно бы затикали часы, и он остро ощутил время и все происходившее вокруг. Эти сбившиеся в кучку люди, ровная поверхность пляжа, слабый рокот накатывающихся волн, заколоченные досками дома на побережье, сооружения Ванденберга-2, мигающие красными огоньками, грязные скалы — все теперь показалось ему мелким и незначительным, кроме земного шара, темной Луны и звезд, сверкающих в завладевшей миром ночи.

Кто-то задал вопрос Раме Джоун. Она сверкнула белозубой улыбкой, адресованной Бородачу, и обвела взглядом каждого из присутствующих. Зеленый тюрбан скрывал ее прическу, в то же время подчеркивая заостренное бледное лицо. Она была похожа на полуголодного ребенка.

Так же молча она посмотрела на темную Луну, затем вновь обвела взглядом аудиторию и слегка хриплым от волнения голосом произнесла:

— Что может знать любой из нас о том, что там происходит? Я знаю, многие убеждены, что более развитые существа, встретившись с нами, полюбят нас и будут всячески помогать. Но я думаю, что они рассматривают нас с той же позиции, что мы — муравьев. Поэтому утверждаю: там обитают демоны. Демоны.

Раздался неприятный скрип, будто кто-то заводил будильник. Мяу напряглась, шерсть на ее спине вздыбилась. Заскулил и огромный пес.

Рама Джоун продолжала:

— Там, среди звезд, могут быть и существа, подобные индийским джайнам, которые метут перед собой дорогу, чтобы не раздавить какую-нибудь букашку, но это скорее редкое исключение, чем правило. Для прочих же букашки и муравьи не будут помехой на пути. По отношению к нам это будут демоны.

Странное, дикое чувство охватило Пола. Все происходящее вокруг выглядело чересчур реальным, и в то же время — совершенно фантастичным.

Он обратил взор к небу, взывая о поддержке, твердя сам себе, что небеса — единственное, что оставалось неизменным на протяжении всей истории, но внезапно где-то в глубине его сознания заговорил бес: «А что, если звезды сдвинутся с места? Они ведь сдвинулись на фотоснимках».

Салли Харрис провела Джейка Лишера к последней кабинке ракетного поезда. Единственными, кроме них, пассажирами оказалась робкого вида пара пуэрториканцев, уцепившихся обеими руками за перегородку.

— Слушай меня внимательно,— сказала Салли,— как только мы начнем подниматься, опустись немного вперед и изо всей силы обхвати спинку сиденья левой рукой, а правой будешь держать меня.

— Но мне так будет неудобно...

— Делай, что я тебе говорю.

Поезд со скрипом начал восхождение на крутую вершину. В десяти метрах от вершины Салли слегка привстала и, расставив ноги, обхватила ими его талию. Одной рукой она обняла его за шею, а другой расстегнула брюки.

— Боже, Салли,— выдохнул он,— могу поклясться, что земля уплывает из-под нас, как в «По ком звонит колокол».

— Земля, говоришь, черт возьми,— ответила она, обнажив клыки подобно Валькирии. Поезд устремился вниз.— Я сделаю так, чтобы звезды уплывали из-под ног.

Рама Джоун вела дальше:

— О, я представляю, как будут выглядеть обитатели звезд. Невероятно красивыми и завораживающими. Мне самой чертовски интересно поразмышлять на эту тему, но все равно они бесконечно далеки и жестоки по отношению к нам, как девяносто девять процентов наших богов. А кто наши боги, как не проекция нашего же воображения на тему о высших существах? Если не верите мне, проследите тысячелетия истории, в которых отыщутся многочисленные тому свидетельства, и тогда вы поймете, что там — демоны.

Рагнарок опять заскулил. Мяу впилась когтями в плечо Марго. Маленький Человечек произнес:

— Конец всему.

Док:

— Вы меня просто поражаете, Рама Джоун.

Марго:

— Мяу, успокойся, все в порядке.

Пол взглянул наверх и увидел, что восточный ободок Луны посветлел. Это было как освобождение из темницы. Внезапно он почувствовал, что с окончанием затмения улетучатся и все его беспричинные страхи.

На некотором расстоянии к востоку от Луны звезды завертелись, как огни фейерверка, и... погасли.

Со своей площадки в горах Аза Холком увидел, как вблизи Луны звезды дрогнули, будто в космосе во всю мощь затрубили фанфары. Затем небеса разверзлись и в них, раздвинув тьму, раскрылись золотисто-пурпурно-фиолетовые ворота. Сердце Азы переполнилось благоговением перед этим величественным чудом, он потянулся навстречу ему, но в этот миг стенка аорты не выдержала, и он отошел.

Салли Харрис заметила пляску звезд в тот самый момент, когда они заходили на шестой вираж.

В слепом, эгоистическом порыве сексуального наслаждения, которое, как известно, находится на самой границе

сознательного и бессознательного, она ликующим гортанным голосом закричала: «Я сделала это, Боже Иисусе! Я сказала, что сделаю это, и сделала», так как для нее звезды были всего-навсего какой-то пограничной зоной на задворках сознания.

И даже после того, как они, повинуясь инерции спуска, взлетели опять на самый верх и она увидела, что вместо звезд появился огромный, в 20 раз больше Луны, пурпурно-фиолетовый диск, светивший так ярко, что можно было разглядеть тончайшие полоски на костюме Джейка, уткнувшегося лицом в ее бюст, она подобно Валькирии откинулась назад и с ликованием заорала в небеса:

— Господи, премию!

Хай Банди пробормотал:

— Какой кайф! Слушай, Пепе, это все старый, сумасшедший китаец, который больше Кинг-Конга. Он стоит на том краю Земли вверх ногами и разрисовывает акварелью золотые тарелки, так что получается, будто две дождевые капли занимаются любовью, а потом он обратным движением снимает их и бросает на Луну, вот одна из них к ней и приклеилась.

— Угу-угу,— проворковал Пепе.— Она освещает весь Нью-Йорк, твоя тарелка.

— Я тоже в это въехал,— сказал Араб, проплывая за их спинами.

Ноллс Киттеринг III, прикипев взглядом к окуляру, говорил слегка сдавленным голосом:

— Слово «планета», мисс Кац, происходит от древнегреческого глагола «планастаи», то есть скитаться. Вначале оно означало просто «скиталец» — тело, блуждающее между неподвижными звездами.— Его голос напрягся: — Э, да Луна светлеет, и не только вдоль края, выходящего из затмения. Да, точно. И видны цвета.

Словно стараясь уберечь его от чего-то страшного, на его плечо легла рука Барбары, и до него донесся ее тонюсенький, как у кузнечика, голосок:

— Папа, не отрывайтесь от объектива, пожалуйста. Вам предстоит подготовиться к сильнейшему потрясению.

— Потрясению? Что такое, мисс Кац? — нервно спросил он, невольно подчиняясь просьбе.

— Я не совсем уверена,— продолжала она,— но то, что мы видим, напоминает обложку старого номера «Эмейзинг сториз». Похоже, что это планета.

Пол, откинувшись на стуле, закрыл на мгновение глаза. Когда он открыл их, то увидел в небе Скиталец, струящийся кроваво-красным и золотисто-желтым цветом.

Скиталец вчетверо превышал размеры Луны, хотя и находился в шестнадцать раз дальше от нее, чем та от Земли. Он был разделен на две половины, золотистую и каштановую, кривым синусообразным изгибом. Края его казались идеально четкими.

Это видение окончательно лишило Пола способности ясно мыслить и анализировать. Он тут же упал на пол, будто стараясь вжаться в него, ибо первым впечатлением от увиденного было то, что невероятно гигантская масса собирается вот-вот сокрушить Землю и его вместе с ней.

Марго с кошкой лежала рядом.

По чистой случайности глаза Пола уставились в программку, которую он держал в руках. Механически он прочитал: «Наш бородатый член президиума Росс Хантер является профессором социологии в Рид-колледже, Портленд, штат Орегон». Только сейчас до него дошло, что он может спокойно читать при свете Скитальца.

Дон Гильермо приближался к холму, на котором находилась его цель «Дворец». Левой рукой он вцепился в рычаг бомбосбрасывателя. Скиталец поначалу показался ему никарагуанским истребителем, внезапно возникшим у него на хвосте и посылавшим неслышимые очереди трассирующих пуль. Они все не попадали и не попадали в него. Этот подонок, должно быть, был садистом, решившим продлить его агонию.

Он развернулся влево, в направлении большого темного озера, затем заставил себя взглянуть вверх. Черт, эта штука была всего лишь огромным заградительным аэростатом, подсвеченным каким-то образом.

И они думают таким способом обмануть его. Ну, сейчас он развернется и покажет им!

В этот самый момент Ла Лому сотрясло извержение вулкана, и он заметил, что трос бомбосбрасывателя оборвался. В следующее мгновение уши заложило от достигшей его звуковой волны взрыва. Самолет тряхнуло. Он выровнял машину и направил ее на озеро Никарагуа.

Но, спросил он сам себя, как это так получается, что аэростат идет с ним на одной скорости? И почему вся местность залита светом?

Багонг Банг, у которого мозги потихоньку плавились на солнце, не почувствовал практически ничего, когда на него обрушилось гравитационное поле неизвестного тела,— ведь оно равномерно распределилось и на «Махан Лумпур», и на Тонкинский залив, и на всю планету в целом, так что это не вывело его из равновесия.

Если бы Багонг Банг взглянул на компас, то увидел, как стрелка бешено завращалась, а затем остановилась, указывая новое направление — к востоку от севера. Но он редко смотрел на приборы, ибо и так прекрасно знал эти моря. Кроме того, на его памяти было столько перебежчиков как с одной, так и с другой воюющей стороны, что взбесившийся компас явился бы просто отражением политической нестабильности в регионе.

Вулф Лоунер нахмурился во сне в тот самый момент, когда с его компасом произошло то же, что и на «Махан Лумпуре», а на верхушке мачты «Эндьюэранс» замерцали огни Святого Эльма. Он встрепенулся и почти уж было проснулся, но его вновь сморил сон.

— Джимми, убери яркость, а то экран не выдержит,— резко сказал генерал Спайк Стивенс.

— Слушаюсь, сэр,— ответил капитан Джеймс Кидли.— Но я вижу этот яркий объект на обоих экранах.

— Эта штука на обоих экранах,— подтвердил хриплым голосом полковник Виллард Гризволд.— Разуй глаза, Спайк. Оно размером с Землю.

— Извините, Спайк,— вмешалась в разговор Мэйбл Уоллингфорд.— Может, это всего лишь штабная проверка нашей боеготовности?

Она хищно улыбнулась. Спайк был напуган.

— Я думаю, это учебная тревога. Хотят нас проверить. Сейчас экраны заполонят выдуманные данные о чрезвычайном положении. Ну что ж, будем считать, что перед нами поставлена задача.

Заставив себя взглянуть вверх, Пол отметил, что Скиталец неподвижен и не меняется со временем.

Вскарабкавшись на ноги и помогая подняться Марго, он пригибался, как будто над ним нависла бетонная плита.

Было очевидно, что все присутствующие также поддались общему порыву «зарыться в землю». Стулья были разбросаны, людей в первых рядах и за столом президиума видно не было.

Впрочем, появление скитальца вызвало такую реакцию не у всех.

Аршин стоял во весь рост и говорил удивительно ровным высоким голосом:

— Без паники. Разве вы не видите, что это огромный надувной шар? По конструкции видно, что это сделано в Японии.

Лежавшая на полу женщина закричала:

— Я видела, как он взошел из-за Ванденберга. Почему он остановился? Он продолжает светиться. Почему он не движется?

Из-под стола донесся еще более мощный голос, принадлежавший Доку:

— Оставайтесь на местах. Разве вы не понимаете, что это огненный шар ядерного взрыва в космосе? — Затем, уже более тихим голосом, он добавил: — Рама Джоун, помогите мне найти мои очки.

Рагнарок, круживший с поджатым хвостом по сцене, остановился у самого центра, поднял морду и завыл на Скиталец.

Пол и Марго пробрались к остальным участникам симпозиума. За их спиной неожиданно возникла Энн.

— Чего это все так испугались? — весело спросила она Пола.— Это самая большая тарелка, которую когда-либо видели.— Она выключила свой фонарик.— Мне он больше не нужен.

Аршин возобновил свою речь бесцветным монотонным голосом:

— Японский шар движется очень медленно. Он пройдет рядом с нами, но нас не заденет.

Маленький Человечек приблизился к нему и дернул за руку.

— Разве может какой-то шар затмить свет звезд? — вопрошал он.— Разве может он окрасить своим светом Ванденберг в зеленый и осветить океан аж до островов Санта-Барбара? Я жду от вас ответа, черт возьми.

Аршин обернулся, оперся о спинку стула, поднялся на ноги и затем рухнул как подкошенный. Маленький Человечек задумчиво поглядел на него и произнес:

— Что бы это ни было, но это не Арлетта.

В это самое время из-за стола показались сияющая лысина и очки профессора Хантера из Рид-колледжа, которого они окрестили Бородачом. Они были похожи на двух отважных карликов.

— Это не ядерный взрыв,— заявил он,— иначе огненный шар расширялся бы. И был бы во сто крат ярче.— Он помог встать Раме Джоун. Ее тюрбан развязался, белая рубашка измялась.

Хантер тоже встал.

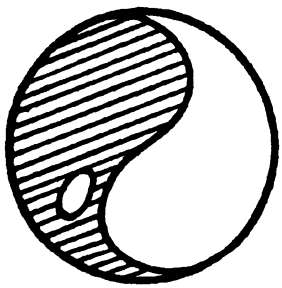
Энн погладила Мяу.

— Ваша кошка мурлыкает, наблюдая за тарелкой. Мне кажется, она хочет с ней поиграть.

Скиталец по-прежнему неподвижно висел в небесах. Он был весь какой-то бархатисто-мягкий. Две его половины, разделенные синусообразным изгибом, грубо напоминали инь-ян — символ света и тьмы, мужского и женского начала, символ добра и зла.

Пока все задумчиво пялились вверх, Маленький Человечек достал из нагрудного кармана записную книжку и сделал аккуратный набросок, заштриховав его лиловую половину параллельными линиями.

Вот что у него получилось.

Дон Мерриам закончил работу и направлялся к базе. Он еще раз взглянул на затмение. Кольцо теперь сильно посветлело с правого края. Через несколько секунд должно явиться Солнце, принеся с собой жаркий лунный день и вернув чернильной Земле ее обычный голубой цвет. Он остановился. Солнечный диск так и не показался, но земной диск, еще секунду назад казавшийся непроницаемым, внезапно вспыхнул раз в двадцать ярче, чем ему когда-либо доводилось видеть. Он без труда

различил обе Америки, а в правом углу — блистающую мягким светом Гренландию.

— Посмотри на Землю, Дон,— заскрипел в наушниках голос Йохансена.

— Я это и делаю, Йо, но что это?

— Мы не знаем. Разгадка номер один: где-то на Луне произошел чудовищной силы взрыв. Огромный пожар на советской станции. Все их топливо взорвалось.

— Это не дало бы столько света, Йо. Хотя, может быть, Амбарцумян что-нибудь эдакое выдумал.

— Атомное освещение,— невесело засмеялся Йохансен. — Дюфресн придумал третью разгадку: все звезды за нами превратились в Новые.

— Похоже на то,— согласился Дон.— Но, Йо, что это там за пятно в Атлантике?

Этим пятном был ярко-желто-лиловый световой эффект над мертвенно-бледными водами.

Ричард Хиллари поудобнее устроился на сиденье автобуса, набиравшем скорость по дороге в Бой, и задернул занавеску, чтобы не мешали колючие лучи утреннего солнца. Эта поездка была просто-таки разительным контрастом по сравнению с путешествием в Бристоль на стареньком, дребезжащем автобусике. Наконец-то он почувствовал облегчение, будто погрузился в теплую ванну.

«Подумать только, что может сотворить с человеком всего одна ночь в компании с пьяным валлийским поэтом»,— с отвращением подумал он. Слава Богу, теперь они не скоро встретятся. Особенно буйным Дай Дэйвис был в момент расставания. Он громко распевал фрагменты из «Прощания с Моной», полные ужасных неологизмов типа «темнолуние» и «человекосияние». Да, избавление от Дэйвиса принесло настоящее облегчение. Его даже не раздражал неоджаз, претенциозный, как Республиканская партия, доносившийся из приемника в кабине водителя. Он тихо, с чувством вздохнул. Хоть какое-то время его не побеспокоит Дай и не будет НФ и Луны. Да, особенно этой Луны.

Голос диктора по радио сообщил: «Мы прерываем программу, чтобы познакомить вас с загадочными новостями из США».

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Хантер и Док что-то быстро и невнятно бормотали, наблюдая за Скитальцем. Когда на мгновение лохматая голова Хантера загородила золотистую половину небесного тела, лысина Дока вдруг засияла жутким красным цветом.

Пол, охваченный внезапным порывом, вскочил на возвышение и громко заявил:

— Послушайте, я располагаю секретной информацией насчет фотографий неба, где показаны искажения, полностью подтверждающие ваши...

— Да замолчите вы. У меня нет времени выслушивать ваши сенсационные заявления,— загрохотал Док, впрочем, без оттенка неприязни, и продолжил:

— Росс, я должен заметить, что если эта штука находится так же далеко, как Луна, то она должна быть размером с Землю. Должна быть, по крайней мере. Но...

— При условии, что это сфера,— резко вставил Хантер.— Ведь она может быть плоской, как тарелка.

— Разумеется, при условии, что это сфера. Но это естественное, здравое предположение, не так ли? Я хочу сказать, что если она находится на расстоянии всего в тысячу миль, то...— он на секунду зажмурил глаза,— она лишь тридцать миль в диаметре. Вы поняли меня?

Док кивнул с таким ожесточением, что ему пришлось ловить слетевшие с носа очки.

— А если оно находится всего в ста милях от Земли, это все равно слишком высоко для такого освещения...

— Значит, оно всего три мили в поперечнике,— закончил за него Хантер.

— Да, все это так,— громко сказал Пол.— Но в таком случае оно должно двигаться по девяностоминутной орбите — это четыре градуса в минуту, тогда бы мы заметили его передвижение даже независимо от положения звезд.

— Вы абсолютно правы,— ответил Док, на сей раз обращаясь к нему как к старому коллеге.— Четыре градуса — это пояс Ориона. Мы бы сразу заметили такое передвижение.

— Но откуда известно, что оно находится на какой-то орбите? Откуда нам вообще что-нибудь известно? — спросил Хантер.

— Это еще одно естественное предположение с точки зрения здравого смысла. Такое же, как и то, что оно отражает солнечный свет. Откуда бы оно ни явилось, оно сейчас в

космосе, поэтому будем считать, что оно подчиняется законам природы, пока мы не удостоверимся в обратном.— Он обернулся к Полу: — Что вы там говорили насчет фотографий?

Пол начал рассказывать.

Марго не пошла вслед за Полом. Вокруг нее толкались и тараторили люди. Две женщины, сидя на коленях, гладили Аршина по рукам. Маленький Человечек пытался найти что-то между опрокинутыми стульями, а Марго уставилась на жуткую аметисто-топазовую дорожку — отблеск Скитальца на просторах Тихого океана. Внезапно ей в голову пришла мысль, что по этой дорожке цвета драгоценных камней должны прошествовать все призраки из ее прошлого. Перед ней возникло лицо Женщины-Тюрбан, которая укоризненно сказала:

— Я знаю, вы подружка того астронавта. Я видела ваше фото в «Лайфе».

— Вы правы, Рама Джоун,— откликнулась женщина в сером свитере и брюках.— Я тоже видела это фото.

— Она приехала с мужчиной,— вступилась Энн.— Они замечательные люди. Они привезли с собой кошку. Мама, посмотри, как она пялится на эту летающую тарелку.

— Да, дорогая,— криво усмехнувшись, сказала Рама Джоун.— Она видит демонов.

— Пожалуйста, перестаньте нас запугивать. И так тошно,— резко ответила Марго.— Это глупо и выглядит как-то по-детски.

— А вы полагаете, там не будет демонов? — спросила Рама Джоун, как бы приглашая ее к разговору.— Об Энн можете не беспокоиться. Она обожает все на свете.

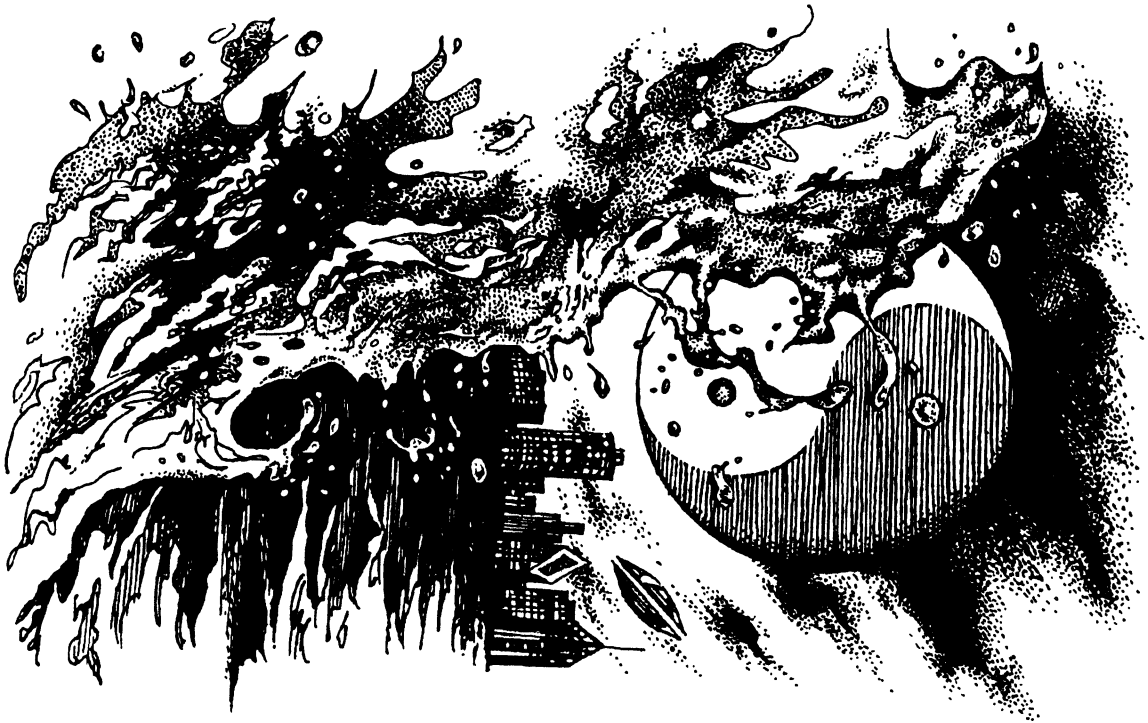
Маленький Человечек наконец нашел то, что искал. Это было нечто размером с портфель, только с более острыми краями. Он уселся и положил найденный предмет на колени.

Между тем на сцене Док говорил Полу:

— Эти фотографии позволяют допустить, что оно появилось из гиперпространства, но... я не имею понятия, как разрешить эту проблему здесь и сейчас. В особенности — на каком расстоянии от Земли оно находится. — Он сильно нахмурился. Линзы очков увеличивали морщины на его лице.

— Рудольф, послушай меня,— громко обратился к Доку Хантер.

Внезапно Док схватил сложенный зонтик и со словами: «Росс, я прошу прощения, но мне нужно кое-что сделать», неуклюже спрыгнул с площадки.

Тут до Пола дошло, что же заставило его ввязаться в дискуссию. Это был порыв безудержного веселья, охватившего всех.

— Но это важно,— продолжал Хантер, обращаясь одновременно к Полу и Доку, возившемуся в песке.— Если эта штука в ста милях от Земли, то она находится в ее тени и не может отражать солнечный свет. Допустим тогда, что она на высоте всего десять миль. С такой высоты она способна осветить большую территорию. Следовательно, получается, что она всего пятьсот метров в диаметре. Рудольф, послушай, мы все смеялись над предположением Чарльза Фулби, что это аэростат, но известны случаи, когда шары диаметром в сто метров поднимались на высоту до двадцати миль и более. Если предположить, что в этом гигантском шаре расположен огромной мощности источник света, который также служит для подогрева газа.....— Внезапно он замолчал.— Рудольф, что ты там, черт побери, делаешь?

Док воткнул глубоко в песок зонтик и смотрел на них через изгиб ручки. Скиталец неестественно отражался в линзах его очков.

— Я хочу проверить орбиту этой чертовой штуки,— отозвался Док.— Я выстроил линию между углом большого стола и зонтиком. И чтобы никто не смел двигать стол!

— Но я же говорю тебе,— крикнул Хантер.— У него может и вовсе не быть никакой орбиты. Оно может просто дрейфовать в воздухе. Я же твержу тебе, что это может быть всего-навсего огромный воздушный шар размером с пять футбольных полей.

— Росс Хантер,— зазвенел насмешливый голос Рамы Джоун. Бородач обернулся. То же сделали и остальные.

— Росс Хантер,— повторила Рама Джоун.— Еще двадцать минут назад вы разглагольствовали о великих знамениях на небе, а теперь хотите свести все к примитивному желто-красному воздушному шару. О Боже, взгляните на Луну!..

Пол, как и другие, приложил руку к глазам, чтобы Луну не мешал видеть Скиталец. Она на треть вышла из затмения и, бесспорно, освещалась Скитальцем столь же интенсивно, как и Земля.

Тишина была прервана стуком. Маленький Человечек раскрыл портативную пишущую машинку и застучал по клавишам. Марго показалось, что кто-то отплясывает на могиле.

Генерал Спайк Стивенс отрезал:

— Хорошо. Если Штаб-один не верит в это, то мы верим. Джимми, сообщите на Лунную базу: срочный взлет. Ведите наблюдение за новой планетой. Она от вас на расстоянии приблизительно в двадцать пять тысяч миль. Добавьте лунацентрические пространственные координаты. Мы в своем уме. Сообщайте о полученных данных немедленно.

— Спайк, у них не хватит энергии, чтобы прорваться к нам,— возразил полковник Гризволд.

— Пусть ретранслируют через Лунную базу.

— Через толщу Луны это сделать невозможно.

Спайк покусывал пальцы.

— Хорошо. Скажите им, чтобы запускали два корабля: один для ведения разведки, другой — для ретрансляции сообщений на Лунную базу. По инструкции полагается, чтобы в готовности находились три корабля, не так ли? — Он хмыкнул и, поразмыслив, добавил: Пусть запускают два для разведывательных целей — чтобы прочесать все с севера на юг, и один — на орбиту в качестве ретранслятора. Я знаю, Вилл, что в таком случае на базе не останется ни одного корабля, но мы, кровь из носа, должны произвести разведку.

Полковник Мэйбл Уоллингфорд поежилась в наэлектризованной атмосфере бункера, похороненного глубоко под землей. Внезапно ей в голову пришла мысль: «А что, если это не ложная тревога? Спайк наверняка не сумеет с ней справиться. Тогда придет и на мою улицу праздник».

Марго Гелхорн услышала, как одна из женщин сказала: «Еще не время подниматься, Чарли». Аршин лежал на ее коленях и спокойно наблюдал за Скитальцем. На его губах играла легкая усмешка.

Повинуясь импульсу, Марго подалась вперед. Ее примеру последовала и Рама Джоун, которая механически тянула за собой конец развязавшегося тюрбана.

— Испан,— слабым голосом сказал изможденный, мрачного вида человек.— О Испан, как же я не узнал тебя! Видимо, я никогда не думал об этом твоем качестве.— Затем он более громко добавил: — Испан весь в лиловом и золоте. Испан, Верховная планета.

— Испан-хиспан,— бесстрастно передразнил его Маленький Человечек, продолжая стучать по клавишам.

— Чарли Фулби, старый обманщик,— почти с нежностью произнесла Рама Джоун,— что же вы остановились? Вы же прекрасно

знаете, что никогда в своей жизни не ступали на другую планету.

Аршин беззлобно посмотрел на Женщину-Тюрбан.

— Ты права, Рама. Я годами путешествовал на них в мыслях. Я так же уверен в реальности их существования, как Евклид — в реальности бесконечной Вселенной. Испан, Арлетта и Брима должны существовать, как существует Бог. Я знаю это. Но чтобы убедить в этом людей в наш век материализма, я говорил, что путешествовал на них телесно.

— Почему же вы перестали притворяться сейчас? — с легким нажимом, будто уже заранее зная ответ, спросила Рама Джоун.

— Теперь никому нет никакого смысла притворяться и врать,— тихо ответил Аршин.— Испан перед нами.

Маленький Человечек вытащил из пишущей машинки листок бумаги и, взобравшись на площадку, постучал по столу, требуя внимания.

Он начал читать вслух:

— «Мы, нижеподписавшиеся, наблюдали сферический объект в небе, находившийся вблизи Луны. По-видимому, он в четыре раза превышает Луну по размерам. Он состоит из двух половин, лиловой и желтой, и напоминает символ инь-ян или перевернутое изображение 69. При его свете можно спокойно читать. В течение двадцати минут он не видоизменялся». Будут дополнения? Отлично, тогда я пускаю его по кругу для ознакомления и подписи. Мне понадобятся также и ваши адреса.

Кто-то заворчал, но Док отозвался со своего места:

— Молодец, Доддси!

Маленький Человечек протянул листок двум сидевшим рядом женщинам. Одна истерично захихикала, другая схватила ручку и подписала.

Пол окликнул Дока:

— Ну что, есть какая-то подвижка?

— Не могу сказать с полной уверенностью,— ответил тот, внимательно наблюдая за зонтиком и стараясь не задеть его.— У кого-нибудь есть телескоп или бинокль? — спросил он громко, но без надежды в голосе.— Театральный бинокль? — Он обождал еще, затем, пожав плечами, произнес: — Я так и знал — чего еще можно ожидать от этого сборища новичков.— Док снял очки, тщательно их протер, затем помассировал веки и водрузил оправу на место.

Лицо бородача просветлело:

— У кого-нибудь есть радиоприемник?

— У меня,— отозвалась худая женщина, сидевшая в обнимку с Аршином.

— Тогда включите программу новостей.

— Я уже пробовала, но кроме классической музыки и дорожных новостей — ничего,— ответила она.

— Если бы это было видно в Нью-Йорке или Буэнос-Айресе, тогда мы точно знали бы, что эта штука находится на большой высоте.

Марго вновь принялась изучать Скиталец, но кто-то дотронулся до ее локтя. Это оказался Маленький Человечек, который обратился к ней приятным голосом:

— Меня зовут Кларенс Додд, а вас?..

— Марго Гелхорн,— ответила она.— Вы хозяин этого огромного зверя?

— Да, это мой пес,— подтвердил он улыбаясь.— Не подписались бы вы под этим документом?

— А, пожалуйста,— сказала она с кислой миной и снова уставилась на Скиталец.

— Дело в том,— продолжал Додд,— что однажды мне довелось увидеть настоящую летающую тарелку, но я не удосужился взять подписи у четырех других свидетелей. Так вот, через неделю все они утверждали, что это было нечто совсем другое.

Марго пожала плечами и подошла к краю площадки, где находился Пол.

— Мне кажется, Пол, что лиловая половина уменьшается и с внешней стороны желтой появилась лиловая полоска.

— Да, да, мы это тоже заметили,— подтвердили ее слова несколько людей. Пока Док пытался водрузить очки на нос, его опередил Хантер:

— Оно вращается, это сферическое тело.

Пол обнаружил, что объект, еще недавно казавшийся плоским, обрел внезапно объемные очертания.

В этой обратной стороне Скитальца, выползавшей, казалось, из небытия, было что-то пугающее.

Док поднял руку.

— Оно вращается на восток,— объявил он,— а значит, в сторону, противоположную вращению Земли и большинства других планет.

— О Боже, Билл, не хватало нам еще уроков астрономии,— прокомментировала с сардонической ухмылкой женщина в сером, обращаясь к сидящему рядом мужчине.

Худая женщина вновь включила радио. До Пола донесся знакомый быстрый ритм. Он узнал «Полет Валькирий» Вагнера. Звук был настолько слабым, что, казалось, музыка исполнялась оркестром кузнечиков.

Дон Мерриам был уже на полпути к Бункеру. Он спешил, и пыль поднималась под его ногами, когда в наушниках скрипуче отозвался голос Йохансена: «Дон, тебе не нужно возвращаться на базу. Приготовься к одиночному полету на корабле номер один».

Дон подавил в себе желание возразить.

Его молчание обрадовало Йохансена: «Я знаю, что мы летали в одиночку только на тренировочных полетах, но таков приказ свыше. Дюфресн полетит на корабле номер два. Я буду на борту «Бабы Яги» — три, чтобы ретранслировать ваши передачи на базу Томперту, а он уж будет передавать их на Землю в Штаб. Тебе придется вести наблюдение за северной половиной объекта, а Дюфресну — за южной, который находится за Луной и излучает желтый и лиловый цвет. В это трудно поверить, но Земля утверждает...»

Связь оборвалась. Эфир заполнился скрежетом, почти инфразвуковым ревом, который пронзил Дона с ног до головы. Поверхность Луны качнулась, и Дон упал.

В те мгновения, что он падал, единственной мыслью его было не разбить шлем, но вокруг была лишь песчаная буря, вызванная движением Луны.

Он глухо упал на спину. Рев усилился, вибрация пронизывала тело через скафандр. Облачка пыли оседали вокруг по замысловатым параболическим траекториям. К счастью, его шлем выдержал удар. Рев утих. Он закричал: «Что, Йо?», затем щелкнул тумблером аварийного вызова.

Западная Атлантика, включая Флориду, отливала желто-лиловым.

С Бункером связи не было.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Пол и Марго последовали к машине за остальными участниками симпозиума. Уже трудно вспомнить, кто первым сказал: «Нам бы лучше убраться отсюда». Но слово было произнесено, и реакция не замедлила сказаться. Все быстро потянулись к автомобилям.

Доку хотелось остаться возле своей импровизированной астролябии, он даже попытался было собрать отряд наиболее опытных добровольцев-наблюдателей, но в конце концов его разубедили.

— Руфи ведь холостяк,— пояснил Хантер Марго, пока они ожидали Дока, собиравшего свои вещи.— Он готов ночь напролет вести наблюдения или пытаться как-то еще производить пародию на детей,— крикнул он, обращаясь уже к Доку.— Но у остальных же есть семьи.

Как только промелькнула мысль о том, что пора сматывать удочки, Пол загорелся идеей добраться до Штаба Лунного проекта. Они с Марго свернут прямо к Ванденбергу-2, решил он. Пол уже собирался предложить ей добраться до берегового въезда, как вдруг вспомнил, что там их обязательно задержат на предмет проверки доступа к объекту.

Когда они уже были готовы ехать, Мяу, ободренная примером Рагнарока, выпрыгнула из рук Марго и принялась исследовать пространство под танцевальной площадкой. Рама Джоун с дочкой наблюдали за этой картиной. Эти двое являли собой довольно забавное зрелище: маленькая девочка с рыжими косичками и написанной на лице безмятежностью и мужеподобная женщина в помятом вечернем наряде.

Док резким движением взметнул руку в сторону Бородача:

— Высказывался ли сей субъект в уничижительном тоне обо мне? — спросил он Марго.

— О нет, что вы, совсем наоборот,— ответила та с улыбкой.— Я так поняла, что вас зовут Рудольф Валентино.

— Нет, всего лишь Рудольф Брехт,— расхохотался Док,— но Брехт тоже из породы эстетов.

— Вы, кажется, забыли зонтик,— сказал Хантер, похлопывая Дока по плечу,— но это не значит, что я позволю вам за ним вернуться.

— Я и не собираюсь этого делать,— возразил Док,— я оставил его как памятник событиям, разыгравшимся сегодня ночью. Должен заметить, что все мы порядочные дураки. Будем сейчас сбиваться в кучи на дороге, создавая пробки, вместо того чтобы провести ночь в плодотворных наблюдениях, к тому же я угостил бы вас шикарным сельским завтраком. Здесь великолепное место для наблюдений.

— Не разделяю вашего мнения насчет места...— угрюмо начал Хантер, но Док перебил его, указывая на Скиталец:

— Если предположить, что это настоящая планета, как вы думаете, что скрывается за желтой и каштановой окра-

ской? Я с уверенностью утверждаю, что желтое — это пустыни, а каштановое — океаны бурых водорослей.

— Безлюдные равнины очищенных йода и серы,— осмелился высказаться Хантер.

— И границу между ними зорко стерегут демоны Максвелла,— принял брошенный вызов Док.

Пол взглянул вверх. Лиловая часть объекта раздалась в размерах, а желтая напоминала толстый полумесяц.

В разговор вступила Энн.

— Я думаю, там океаны золотой воды и материки с густыми лиловыми лесами.

— Нет, юная леди, нужно придерживаться правил игры,— ответил Док, наклоняясь к ней на ходу.— Это означает, что там нет ничего такого, о чем бы вы не знали здесь.

— И это ваш метод исследования непознанного? — насмешливо спросила Рама Джоун.— Вы думаете, это годится и для России?

— Лично я нахожу этот метод подходящим для России,— ответил Док.— Эй, юная леди, я пока еще не докучал вашей маме, и эта идея заинтриговала меня.

Мотнув косичками, Энн пожала плечиками, и Рама Джоун ответила за нее:

— И не старайтесь, если ожидаете увидеть только свое отражение,— колко заключила она и резким движением сбросила с головы тюрбан, открыв взору пышную копну золотисто-рыжих волос, выдающую в ней мать Энн, хотя теперь она выглядела еще нелепей в своем мужском вечернем костюме.

Они догнали остальных, шедших по песку среди засохших морских водорослей. Пола поразило количество людей, которые брели, сгорбившись, под довлевшим над ними Скитальцем, и тут до него дошло, что он и сам подвержен этому явлению. Они нагнали Аршина с двумя женщинами. У одной был радиоприемник, из которого едва доносились звуки концерта До минор Грига.

— Я пробовала поймать другие станции, но там помехи еще сильнее,— сказала Хантеру обладательница радио.

Внезапно музыка оборвалась. Все, как один, застыли на месте.

Довольно ясно из приемника донеслось: «На шоссе Голливуд, Санта-Моника и Вентура образовались пробки. Владельцам автотранспорта не рекомендуется пользоваться этими автострадами, пока не прояснится обстановка на дорогах.

Просьба оставаться дома. Явление на небе — это не атомный взрыв. Повторяем, это не атомный взрыв. Мы только что беседовали по телефону с профессором Хьюмасоном Кирком, астрономом из Тарзана-колледжа. Он заявил, что явление в небесах, несомненно, он подчеркивает — вне всякого сомнения,— это скопление металлической пыли, отражающей солнечный свет. В состав пыли входят золото и светлая бронза. Общая масса этого скопления металлической пыли не превышает нескольких килограммов. Таким образом, профессор Кирк убеждает нас, что оно не способно причинить вред».

— Болван! — взорвался доктор.— Пыль, видите ли...

Несколько человек зашикали на него, но когда они опять настроились слушать сообщение диктора, из приемника уже доносились фортепианные рулады концерта До минор.

По прикидкам Дона Мерриама, он находился всего в ста шагах от Бункера. Но в это время последовало еще одно лунотрясение, на сей раз в вертикальной плоскости. Оно сопровождалось тем же ужасным скрежетом, как будто внутренности планеты вылезали наружу. Его металлический скафандр сильно вибрировал, словно попав в резонанс со звуком гигантского космического фортепиано.

Лунный грунт ушел из-под ног, чтобы затем вновь обрушиться на рифленые подошвы его ботинок. Так повторилось дважды. Пыль, казалось, стояла сплошным столбом. Огромные ее массы то вздымались вверх, то резко опадали.

Толчки продолжались. Дон, напоминая наездника на необъезженной лошади, старался удержаться на ногах, балансируя с помощью рук. Вздымающаяся пыль описывала причудливые каракули на фоне звезд. Низменность Платона купалась в лучах Солнца.

Толчки пошли на убыль. Дон довел поляризацию стекла в шлеме до $^4/_5$ максимума и принялся глазами искать Бункер. Он отказался от попыток связаться с ним по радио. По звездам вычислил нужное направление и двинулся в путь. Показалось, что он различил трапезоиды двух ракет «Баба Яга» на длинных посадочных лапах.

Второе лунотрясение в горизонтальной плоскости швырнуло его лицом вниз. Он едва успел выставить руки, чтобы смягчить удар. Этот толчок оказался растянутым по времени и сопровождался несколькими боковыми накатами. Серое

озеро пыли покрылось рябью до самого горизонта. Пыль вздымалась и опускалась. Это больше напоминало водную стихию на Земле, нежели лунную пыль. Пыль припорошила шлемофон Дона.

На горизонтальное колебание грунта наложилось вертикальное. Рев просто ошеломил Дона. Скафандр трясло, как пустую консервную банку.

Он решил не дожидаться конца этой вакханалии и пополз по направлению к Бункеру — совсем как засыпанный песком серебряный жучок. Он даже пожалел, что у него нет еще двух конечностей, как у жука.

Участники симпозиума разошлись по своим машинам, которые яркой цепочкой выстроились у основания темных скал. Общий цветовой эффект, производимый смещением лилового и желтого, давал желтовато-белый оттенок.

Хантер не без зависти обратился к Полу:

— Я думаю, вы в Лунном проекте гораздо тщательнее изучили объект, чем мы. Я имею в виду, что вы располагали большим количеством данных. У вас же есть спутниковые телескопы, радары и все такое прочее.

— Не уверен в этом, Росс,— ответил Пол.

Маленький Человечек вновь оказался рядом с ними. Одной рукой он вел пса на коротком поводке, в другой держал чемоданчик.

— Помните меня? Я — Кларк Додд. Не откажите в любезности хоть сейчас поставить вашу подпись. Завтра многие скажут: «И почему мы не подписались?» Но будет уже слишком поздно.

Марго, стараясь удержать вырывавшуюся из рук Мяу, пробурчала:

— Да пошел ты к черту, идиот!

— Я подпишу для тебя, Доддси,— весело отозвался Док,— только подойди сюда и прекрати стравливать кошку с собакой.

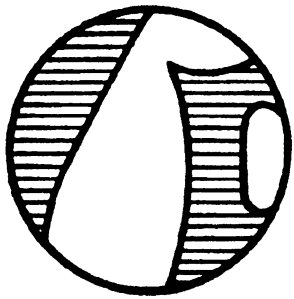
Энн захихикала:

— Мне нравится мистер Брехт, мама.— Рыжеволосая женщина в вечернем наряде ответила слабой улыбкой.

— Вот это то, что я хотел услышать. Продолжай в том же духе, детка, рекламируй свою маму.

Пол взял Марго под руку, чтобы проводить к их машине, но что-то заставило его остановиться и взглянуть на Скита-

лец. Желтая часть совершила полный оборот и предстала перед его взором в таком виде:

ОДИН ЧАС СПУСТЯ

Кларенс Додд, или Маленький Человечек, как мысленно продолжал называть его Пол, отдал поводок Доку, достал блокнот и зафиксировал эту картину. Он подписал ее «Один час спустя».

Красный седан стартовал первым, оставив позади остальные машины.

Из головы колонны донесся крик худой женщины:

— Кто-нибудь, пожалуйста, помогите! Похоже, у Ванды сердечный приступ.

Рагнарок заскулил. Мяу зашипела.

Внезапно до Пола дошло, кого ему напоминают очертания желтой фигуры,— динозавра. Динозавра с длинными и мощными челюстями, опирающегося на массивные задние ноги. Он ощутил покалывание по всей поверхности тела. Затем его охватила дрожь.

В детстве Пол любил раскачиваться, стоя посредине гамака, подвешенного на веранде их дома. Тогда он считал это чудом эквилибристики. Теперь, казалось, он вернулся в детство, так как земля начала уходить из-под его ног; медленно, но уверенно, с глухим, утробным звуком: несколько сантиметров назад, затем вперед и опять назад. Он то откидывал тело назад, то бросал его вперед, пытаясь сохранить равновесие.

Среди трудноразличимых возгласов резко и тревожно прозвучал голос Хантера:

— Бросайте машины и уходите!

Закружилась человеческая круговерть.

Темная скала стала разбухать в размерах. По всей ее поверхности пошли трещины. Затем она медленно осела, от чего содрогнулась земля. Послышалась барабанная дробь падающего гравия. Один осколок больно ударил Пола по щеке. Внезапно в нос ударил сильный запах сырой земли.

— Сюда! — заорал Хантер.— Тут некоторые попали в ловушку!

Но Пол вначале взглянул на вздыбившуюся на лиловой сфере желтую фигуру, которая ощутимо приблизилась к Луне.

Tyrannosaurus Rex!

Першинг-сквер представляет собой квартал из небольших фонтанов и утопающих в зелени крыш муниципального гаража и атомного бомбоубежища. Здесь, в самом центре старого Лос-Анджелеса, надписи на испанском встречались гораздо чаще, чем на английском.

Этой ночью перед взорами поклонников Бахуса, приверженцев Мойры и просто неведомых путников, которые, если не считать белок и голубей, были постоянными обитателями Першинг-сквера, предстало нечто гораздо более волнующее, нежели бородатые физиономии адвентистов седьмого дня или безумные глаза страстно жестикулирующих лекторов.

Этой ночью обитатели Першинг-сквер сгрудились на углу Оливстрит и 5-й улицы, где бронзовая статуя Бетховена задумчиво уставилась на отель «Билтмор», Банкер-Хилл и зал собраний баптистов, слывший одним из главных театров города.

Запрокинутые вверх лица были залиты светом Скитальца. Так, в тишине, они молча наблюдали чудовищное знамение в небесах. И лишь Бетховен, чье лицо скрывалось в тени бровей и копны волос, был погружен в свои мрачные думы. Его взгляд был устремлен на полурасстегнутую куртку, изрядно израненную голубиным пометом.

Когда, казалось, благоговейная тишина достигла апогея, послышался отдаленный нарастающий гул. Закричала женщина, и вся компания звездочетов поневоле опустила глаза. Какое-то время им казалось, что на них несутся черные воды океана, на гребне которых застыла желто-лиловая пена. Волны прокатились все 20 миль к северу от Сан-Педро, вдоль Гавани и шоссе Лонг-Бич.

Затем они увидели, что это не черные воды океана, а вздыбившийся холодный черный асфальт. В последнее мгновение шум достиг максимума, будто одновременно взлетела

сотня реактивных самолетов. Подземный толчок разметал собравшихся зрителей и, сокрушив стены домов, превратил их в кирпично-бетонную крошку.

На мгновение в зрачках огромного металлического Бетховена блеснула зловещая вспышка фиолетового огня, и он, перевернувшись, упал навзничь.

Участники симпозиума испытали на себе лишь отголоски обширного землетрясения по линии Лос-Анджелес — Лонг-Бич, но и этого оказалось достаточно.

Заметив, что худая женщина и еще два человека оказались полузасыпанными на краю обвала, стали быстро пересчитывать людей и выяснили, что не хватает еще трех человек. После десятиминутных неистовых раскопок, которые осуществлялись с помощью двух новеньких лопат, извлеченных Маленьким Человечком из его частично загрузнувшего фургона, вспомнили о красном седане, вырвавшемся вперед, и о какой-то еще машине, в которой, как оказалось, уехали трое отсутствовавших.

Пока копатели переводили дыхание, Пол, чья машина была безнадежно похоронена в груде обрушившейся породы, рассказывал присутствующим о своих связях в Ванденберге-2 и разъяснял, как они с Марго собираются проникнуть туда со стороны береговых ворот. Он предложил желающим пройти вместе с ними и поручиться за них перед охраной. Их общее горе, несомненно, послужит им пропуском на базу.

Док с энтузиазмом поддержал это предложение, но тут в дело вмешался Ривис, человек с толстыми руками, одетый в кожаную ветровку, который был весьма невысокого мнения о любых военных и их готовности прийти на помощь. Оказалось, что его машина увязла только передними колесами. Еще у него имелись четыре шустрых пацана, прелестная миниатюрная жена и истеричная теща. Все они были из Санта-Барбары, и все единодушно проголосовали за раскопки, чтобы затем как можно скорее добраться домой.

Ривиса поддержали владельцы микроавтобуса и белого пикапа, чьи машины было легко откопать. Владельцы пикапа, очаровательная пара по фамилии Хиксон, одетые со вкусом в серые брюки и свитера, особенно настаивали на том, чтобы убраться отсюда поскорей.

Последовала словесная перепалка, отягчающая и без того накаленную обстановку. Дебатировались следующие вопросы: 1. Образовалась ли на прибрежном Тихоокеанском шоссе

пробка? 2. Является ли Пол тем, за кого себя выдает? 3. Заведутся ли двигатели машин, когда их откопают? (Ривис подтвердил это, заведя мотор своей, хотя из его автомобильного приемника доносилось только дикое завывание в эфире.) 4. Не симулировала ли Ванда сердечный приступ? И, наконец, не являются ли члены президиума и их новые подозрительные друзья интеллектуалами с мозгами устриц, которые боятся заработать пару мозолей на ладонях?

В конце концов та часть участников симпозиума, чьи автомобили раскопать было пустяковым делом, пристали к Ривису и Хиксонам. Они отказались даже ухаживать за толстой женщиной, с которой случился сердечный приступ, до тех пор пока Пол не раздобудет на базе пескоход, чтобы забрать ее.

Другая часть отправилась к береговым воротам.

Дон Гильермо Уокер знал теперь наверняка, что Скиталец представляет из себя планету, поскольку небесный объект и его сияющее отображение в черных водах озера Никарагуа сопровождали его на протяжении вот уже ста километров к юго-востоку, не меняя своего положения. Теперь картина напоминала золотого петушка, клюющего в маковку спящего Симона Боливара. «Я однажды играл в «Золотом петушке», или как? — спросил у себя бомбометатель-одиночка.— Черт возьми, не помню, опера это или балет».

Между тем сияние к западу по всему горизонту приняло розоватый оттенок; он не знал почему. Огибая скалистый остров Ометепе, он увидел, что Альта-Грасиа залита огнями, что было странно для этого времени суток. «Никто не спит, все с дурацким видом таращат на ЭТО глаза или кривляются, а может, и укрылись в церквях»,— подумал он.

Внезапно местность осветила яркая красная вспышка и скалы взлетели в воздух. На миг он подумал, что случайно сбросил бомбу. Затем до него дошло, что это, должно быть, проснулся один из вулканов Ометепе. Он круто взял на восток — прочь, прочь от этого взрыва, от этих ярких розовых огней. Черт побери, наверное, все Тихоокеанское побережье взлетело на воздух от залива Фонсека до залива Никойя!

Дон Мерриам, помятый и разбитый жучок со слабыми ножками, по-пластунски подполз к гордо стоящему флагштоку и увидел на месте Бункера глубокую яму диаметром около семи метров, куда устремились тоненькие ручейки лунной пыли.

Одна из ракет разделила судьбу Бункера, другая лежала на боку поперек ямы, две ее посадочные лапы торчали, как лапки дохлого цыпленка, под третьей он попросту прополз, так и не заметив ее.

Первым додумался назвать лунные ракеты «Баба Яга» Дюфресн, подразумевая их сходство с избушкой колдуньи из русского фольклора. Ходили слухи, что советские космонавты окрестили свои подобные ракеты «джипами».

Однако теперь сходство с избушкой на курьих ножках, передвигающейся сама по себе, стало слишком реальным из-за лунотрясения в вертикальной плоскости. Последняя «Баба Яга» раскачивалась во все стороны; одна из ее посадочных лап находилась в каком-то метре от края ямы и неумолимо приближалась к ней.

Дон всем телом припал к поверхности Луны. Он убеждал себя, что Дюфресн, должно быть, стартовал на той, недостающей ракете, хотя он и не видел вспышки реактивного двигателя. Йо, живой или мертвый, находится в той ракете, что лежит поперек ямы. А Гомперт...

«Баба Яга» еще ближе придвинулась к краю ямы. Дон совершил несколько быстрых бросков через ходившую ходуном поверхность и, выпрямившись, ухватился за последнюю ступеньку лестницы, свисавшую между посадочными лапами.

Сжав зубы, он добрался до люка, зловеще маячившего между пятью трубообразными соплами двигателей. «Баба Яга» покачнулась. Дон подумал, что его вес понизит центр тяжести и это должно замедлить ее продвижение к яме.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Салли Харрис и Джейк Лишер ехали в поезде метро, когда его остановили в районе 42-й улицы и приказали освободить вагоны. Пробки на улицах были такими безнадежными, что машину Джейка пришлось оставить на стоянке во Флэтбуше. Полиция помогала работникам метро освобождать вагоны от пассажиров и подгонять людей наверх, на выход.

— Но почему, почему? — вопрошал Джейк.— Все это просто ужасно!

— Нет, это прекрасно,— ответила Салли.— Кстати, кроме всего прочего, мы у дома Хьюго. И это возбуждает, Джейк.

Вынырнув на поверхность, они увидели, что народу на Таймс-сквер значительно больше, чем бывает обычно в это время.

Бросив взгляд на запад, в сторону 42-й улицы, они обнаружили, что Скиталец по-прежнему висит высоко в небе, сблизившись с Луной настолько, что, казалось, они почти касаются друг друга. На южной стороне улицы край тени окрасил людей в желтый цвет, на их же стороне все было фиолетовым. Неоновая реклама горела вовсю, но выглядела бледной из-за света суперлуны.

На Таймс-сквер царила необычайная тишина, внезапно прерванная выкриками газетчика: «Дополнительный выпуск! Все об ЭТОМ! Все о новой планете!»

Джейк заплатил двадцать пять центов за «Дейли Орбит». На первой странице красовалась цветная фотография Скитальца и шесть строк печатного текста, хотя достаточно было просто посмотреть на небо. Заголовок гласил: «Странный объект ставит в тупик человечество».

— Только не меня,— сказала Салли с подъемом и затем, усмехаясь и глядя на Джейка, добавила: — Это мое творение, я поместила его туда.

— Не богохульствуйте, девушка,— укоризненно сказал мужчина с квадратной челюстью.

— Ха, вы считаете, что это не моих рук дело, а? — спросила она.— Сейчас я вам докажу.— Локтями она расчистила место вокруг себя. Затем, последовательно указывая пальцем на Квадратную Челюсть и на Скиталец, прищелкнула пальцами и пустилась в вызывающий пляс. Она запела электризующим контральто мелодию, скомпонованную наполовину из «Зеленой двери» и «Странного плода»:

Странная сфера... в западном небе...
Странный свет... льющийся с небес...

Дон Мерриам включил зажигание на «Бабе Яге» до того, как привязался ремнем, и прежде, чем заработали анилиновые и азотные насосы. Причина была довольно проста: он почувствовал, что ракета соскальзывает в яму.

Он делал все, чтобы выиграть время. Продул корабль, дав возможность воздуху выйти одним большим хлопком и очистив таким образом себе дорогу. В противном случае пришлось бы ждать, пока очистится и наполнится переходная камера между горючим и окислителем. Раскаленное до желтого цвета горючее вытекало из сопла «Бабы Яги» со скоростью две мили в час. Его бросило в липкий пот, когда ракета

стартовала, поднявшись с поверхности наподобие допотопного аэроплана.

Дон все делал на глазок. Чем скорее он скорректирует свою траекторию и выйдет на нужную орбиту, тем меньше топлива будет затрачено. Все дело было в том, что он понятия не имел, сколько на борту горючего и окислителя, он вообще не знал, в какую из трех ракет попал. К тому же на его мыслительных способностях сказывалась нехватка кислорода.

Он нащупал кнопки включения трех вспомогательных твердотопливных двигателей.

В следующую минуту внезапный толчок вышиб его из кресла. Рычаг управления выскользнул из рук, и он изо всей силы плюхнулся на пол. Шлем треснул на затылке, и он потерял сознание.

Через десять секунд основной двигатель заглох, так как в ракетах этого типа он автоматически отключался при отпускании рычага. Твердотопливные движки застопорились мгновением раньше. «Баба Яга» поднималась по почти вертикальной траектории. С такой скоростью она практически могла преодолеть лунное притяжение и вырваться в космос. Однако гравитация Луны, хотя и слабая по сравнению с Землей, постепенно замедляла ход ракеты. Тем не менее «Бабе Яге» еще некоторое время предстояло подниматься вверх.

Шлем Дона валялся на задраенном люке. Из щели вырывалась струйка белого пара. На трещине образовался иней.

Барбара Кац сказала, обращаясь к Киттерингу III:

— До контакта осталось меньше минуты.— Под «контактом» она подразумевала момент, когда Скиталец зайдет за Луну или наоборот.

— Извините, сэр,— раздался тихий и мягкий голос из-за ее спины,— но что произойдет, когда они столкнутся?

Барбара обернулась. На фоне дома вырисовывались силуэты крупного мужчины в шоферской униформе и двух женщин, почти прижавшихся друг к другу.

— Я же давным-давно велел вам ложиться спать,— с придыханием сказал Киттеринг,— не беспокойтесь обо мне.

— Извините, сэр, но в Палм-бич никто не спит. Все вышли на улицу и смотрят за ним. Пожалуйста, сэр, скажите, что случится, когда оно столкнется с Луной?

Барбаре ужасно захотелось поговорить и объяснить шоферу и горничным сразу много вещей: что это Луна движется по направлению к Скитальцу, а не наоборот; что она движется

с ускорением; что им до сих пор неизвестно расстояние до Скитальца и что даже при максимальном увеличении не удается разглядеть детали его поверхности; и, наконец, что обычно небесные тела не сталкиваются, а вращаются одно вокруг другого по определенным орбитам.

Но она знала этот тип людей — они просто обожают порассуждать на научные темы.

Она взглянула вверх и обнаружила, что проблема решилась сама собой.

— Вот видите, они не стукнулись. Луна прошла перед Скитальцем.

Женщины всхлипнули.

— Скиталец? — спросил шофер мягким голосом.

Ноллс Киттеринг III поспешил пояснить:

— Это слово я и мисс Кац выбрали для названия этой загадочной планеты. А теперь, прошу вас, идите спать.

Араб Джонс крикнул, обращаясь к Пепе Мартинесу и Хай Банди, непринужденно вальсирующим на крыше дома:

— Эй, ребята, вы только поглядите, они сейчас начнут спариваться. Старушка Луна войдет в нее, как сперматозоид в лиловую яйцеклетку.

Три брата-наркомана выкурили еще четыре косяка, чтобы отметить появление Скитальца — самое торчковое событие, свидетелями которого им довелось стать. Сейчас они вознеслись так же высоко, как орбитальные радиомаяки. Но не до такой степени, чтобы утратить способность здраво мыслить, и Пепе воскликнул:

— Представляю, как сейчас крестятся и молятся эти набожные мексиканцы по ту сторону границы, а мулаты, пританцовывая, шествуют в Рио.

Хай поставил точку в их рассуждениях:

— Да, братки. Эта беда пришла надолго.

Араб, чье смуглое лицо блестело в свете лучей Скитальца, сказал:

— По-моему, пора сложить тент, сынки, и спуститься вниз, а там смешаемся с перепуганной толпой.

— Луна точно пришпилилась к нему,— заявил Хантер Доку, указывая на белый как мел круг на фоне Скитальца.— Дело в том, что я начинаю припоминать подобные треугольники; не находится ли оно на расстоянии двух с половиной

миль, и не восемьдесят ли тысяч миль оно в поперечнике, Руди?

— Ты имеешь в виду Юпитер, а? — отозвался Док и тут же обратился к остальным:

— Кто-нибудь может показать мне, где находится Юпитер? Хотя должен признать, что я никогда не слышал, чтобы Юпитер был лилового цвета, да к тому же с желтым вкраплением в виде гигантской утки.

— Пингвина? — выкрикнула Энн.

Небольшой кортеж прокладывал себе путь по песку и скоплениям засохших водорослей к базе Ванденберг-2. Его возглавляли Пол, Марго с Мяу и Док. За ними шли Хантер, Аршин и еще двое мужчин, тащивших на раскладушке Ванду — толстую женщину, с которой случился сердечный приступ. Та время от времени тяжело-тяжело, со стоном вздыхала. Возле них плелась худая женщина, которая потеряла радиоприемник во время оползня. Она пыталась утешить Ванду. Шествие замыкали Рама Джоун с Энн и Кларенс Додд, тянувший за собой на поводке встревоженного Рагнарока.

Раскладушка принадлежала к вещам из разряда «у меня это тоже есть», которыми так запасливо обзавелся Маленький Человечек. (Марго поинтересовалась также, нет ли у него с собой примуса и керосина, на что тот не моргнув глазом ответил: «Да, есть, но не вижу смысла брать его сейчас с собой».)

Вскоре после того, как Док высказал довольно сомнительное предположение о Юпитере, Рама Джоун вновь привлекла их внимание к Скитальцу. Они заметили, что за последние сорок минут с ним произошли значительные изменения. Теперь образование в виде утки (или динозавра) занимало левую сторону диска; голова изображения была обращена вправо. Их взглядам открылось большое желтое пятно неправильной формы, возникшее на полпути между равносторонним треугольником и заглавной литерой D.

— Смотрите, сразу за D виднеется тонкий черный серпик полумесяца,— сказала Рама Джоун.

— Это Луна отбрасывает тень на новую планету! — возбужденно закричал Док.— Росс, их разделяет всего несколько тысяч миль. Теперь можно почти наверняка утверждать, что эта планета размером с Землю.

— Мамочка,— шепотом спросила Энн,— это значит, что они чуть было не столкнулись? И почему мистер Брехт такой счастливый — из-за того, что этого не произошло?

— Не совсем, дорогая. Ему просто нравится это светопреставление. Он счастлив оттого, что любит узнавать, как все на самом деле происходит, ему хочется все попробовать наощупь, своими руками.

— Но, мамочка, ведь мистер Брехт не может потрогать новую планету.

— Нет, конечно, но он может проделать это мысленно.

Кислородно-гелиевая смесь постепенно наполняла кабину «Бабы Яги». Она вытекала из резервуара, в котором Дон Мерриам предусмотрительно открыл вентиль. Под ее давлением внутренний люк надежно захлопнулся и в шлеме Дона открылись два клапана. Смесь проникала в него, вытесняя застоявшийся воздух. Дыхание Дона стабилизировалось, и он заснул здоровым, глубоким сном.

«Баба Яга» достигла высшей точки своего полета и затем стала неуклонно падать на Луну. Она летела вниз, кувыркаясь. Каждые тридцать секунд включался экран, показывающий лунную поверхность, а спустя пятнадцать секунд на экране возникала Земля. Из-за акробатических кульбитов падающей ракеты Дон в своем запыленном скафандре начал медленно катиться по полу кабины.

Маленький Человечек обратился к Полу:

— Не подумайте только, что я хочу поставить под сомнение вашу правдивость из-за Хэгболт, но похоже, что береговые ворота Ванденберга-2 находятся гораздо дальше, чем вы думали.

— Должен признать, что я недооценил расстояние,— ответил Пол.

— Не волнуйся, Доддси, Пол выведет нас туда,— уверенно заявил Док.

Трое из них готовились сменить Хантера, Аршина и двух других мужчин, несших толстую женщину на импровизированных носилках.

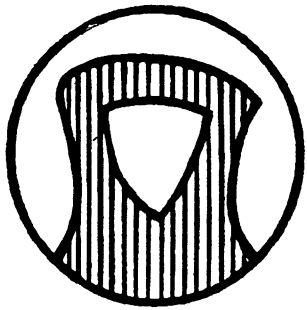
— Как ты себя чувствуешь, Ванда? — спросила худая женщина, опускаясь на колени возле носилок.

— Немного лучше,— пробормотала та. Ее веки дрогнули и открылись. Она вперилась взглядом в Скиталец.

— О Боже,— простонала она и отвернулась.

На неумолимо вращавшейся сфере появилась новая картина. Остатки динозавра или пингвина образовали огромную букву С вокруг левого края планеты, в то время как желтое

сместилось к центру. Маленький Человечек сделал еще одну зарисовку, подписав ее просто: «Два часа».

ДВА ЧАСА

— Мне кажется, что С похоже на соломенную вазочку, в которой лежит пирожное с лимонной присыпкой. А луна — сладкая, как нектар, дыня,— высказалась Энн.

— Теперь понятно, кто проголодался,— сказала ее мать.

— А тебе, наверное, кажется, что D — это ушко гигантской лиловой иголки,— быстро нашлась Энн.

«Золотая змея свернулась кольцом возле разбитого яйца,— подумал Аршин.— Так в мир вошел Хаос».

Все с облегчением вздохнули, когда между двумя планетами вновь показалась узенькая полоска ночного неба.

Один из четырех, несших на носилках Ванду, сварщик с тяжелой челюстью по имени Игнаций Войтович, желая, видимо, продлить время отдыха, сказал:

— Не могу понять одного. Если эта планета такая же большая, как Земля, то почему мы не чувствуем действия ее силы притяжения?

— По той же причине, по какой мы не чувствуем притяжения Луны или Солнца,— сразу ответил Хантер.— К тому же, хотя мы знаем ее размеры, нам ничего не известно о ее массе. И разумеется, если она появилась из гиперпространства, то, должно быть, бывают моменты, когда ее гравитационное поле для нас не существует, и наоборот. Я предполагаю, что фронт вновь образованного гравитационного поля перемещается со скоростью света, но, по-видимому, без эффектов перехода.

— Мы это заметили,— поправил его Док.— Кстати, Росс, откуда это ползучее сомнение в том, что она появилась из гиперпространства? Откуда же, по-твоему, она могла еще появиться?

— Ну, скажем, она могла достичь Солнечной системы, оставаясь затемненной чем-то. Мы должны принимать в расчет самые невероятные вещи.

— Хм-м,— задумчиво отозвался Док,— я подумал о тех искажающих полях, о которых говорил Пол. Это свидетельствует в пользу теории гиперпространства Брехта: оно должно было нейтрализовать гравитационное поле планеты. Пожалуй, мы в состоянии вычислить приблизительную массу планеты. Сейчас семь минут второго по местному времени,— сказал он, взглянув на часы.— Прошло около двух часов с момента появления планеты.

— Два часа и пять минут,— вставил Маленький Человечек.

— Ты просто золото, Доддси. Прошу всех хорошенько запомнить это время — двадцать три ноль два. Ибо наступит момент, когда ваши внуки спросят вас, в какое точно время госпожа Чудовище вынырнула из гиперпространства. Как бы там ни было, в час ночи полная луна должна достичь своего апогея. А сейчас она определенно находится восточнее этой точки. Около 3,4 градуса восточнее этой точки, порядка 6,8 лунного диаметра. Это должно означать, что гравитация этой возникшей неведомо откуда планеты придала Луне ускорение. Следовательно, пришелец достаточно массивен.

— М-да! — с пониманием воскликнул Войтович.— Каково же это ускорение?

— Ну, скажем, от $^2/_3$ мили в секунду до...— Док замялся в нерешительности, как будто сам не верил в правильность своих расчетов,— до четырех и более миль.

Он переглянулся с Хантером.

— Хм, понятно,— опять вмешался в разговор Войтович.— Луна продолжает двигаться по своей орбите, только с большим ускорением.

Пока они говорили, полоска между Луной и новой планетой расширилась.

— Ну что ж, пора бы и нам ускориться,— сказал Док каким-то странным, отрешенным голосом, берясь за свой край носилок.

— Да, да,— эхом отозвался Хантер.

Пассажиры и экипаж «Принца Чарльза» толпились по правому борту, наблюдая, как Скиталец и Луна заходят за горизонт, и не замечая, как побледнело предрассветное небо.

Из-за большой плотности земной атмосферы Скиталец казался не золотисто-лиловым, а красно-оранжевым. Зрелище носило оттенок театральности.

Радиоинженер доложил капитану Ситвайзу о необычном увеличении числа помех в эфире.

Дону Гильермо Уокеру все-таки удалось посадить самолет у устья реки Сан-Хуан, на южной оконечности озера Никарагуа, несмотря на вышедший из строя элерон и полдюжины пробоин, прожженных в крыле осколками раскаленной пемзы.

К вулкану Ометепе присоединился его брат Мадера. Они изрыгали из себя раскаленное докрасна содержимое земных недр. Лишь теперь, когда все мыслимые сроки прошли, Уокер заметил, как на расстоянии около мили мигнули два красных огонька: сигнал, по которому, как убеждали братья Арайса, он должен был выйти на моторную лодку. Черт возьми, какая точность. Видно, не придется ему обвинять латиноамериканцев в легкомыслии.

Внезапно отражение Скитальца в черных водах озера дрогнуло и поплыло. Он увидел, как по направлению к нему невысокими широкими ступенями зловеще двинулись волны. Он развернул самолет им навстречу. Старушка «Морская пчела» успешно преодолела первую, хотя и не без труда. Это шли волны подводного землетрясения.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Скиталец появился на расстоянии 25 000 миль от Луны, то есть в десять раз ближе, чем та от Земли. Приливные эффекты, создаваемые им, в тысячу раз превосходили те, которые оказывала на Луну Земля (по закону такое воздействие обратно пропорционально кубу расстояния между телами).

Когда Луна приблизилась к Скитальцу на расстояние 2500 миль, на нее обрушилась гравитация в миллион раз сильнее земной.

Легкие удары о стены кабины привели Дона Мерриама в чувство. Он пробудился ото сна с ясной головой, готовый действовать. Экран переключился на Луну, и то, что он

увидел, заставило его сердце учащенно забиться. Это была вертикальная пропасть, протянувшаяся до ядра планеты.

Затем его взору предстала узкая черная лента залива, разделенная вдоль блестящей полоской — фиолетовой, с ярко-желтым концом. Далее он увидел, как скала полетела к самому центру Луны.

Дон определил, что он находится на высоте всего в пятнадцать миль от лунной поверхности и приближается к ней со скоростью одной мили в секунду. На то, чтобы запустить основной двигатель и развернуть ракету, времени уже не было. Пальцы Дона автоматически забегали по клавишам включения вспомогательных двигателей. Падение «Бабы Яги» приостановилось.

За Луной находилось нечто, отливавшее фиолетовым и желтым. Сквозь черноту лунного ядра виднелась тонкая желто-фиолетовая полоска. Должно быть, он смотрел сквозь планету.

Луна, треснувшая, как орех? Но ведь планетарные ядра жидкие, а не твердые. Впрочем, любая другая теория означала смерть.

Внезапно на него надвинулась расколовшаяся скала. Дон быстро сориентировался, включив правый твердотопливный движок. Ракету отнесло прочь, и она, кувыркаясь, вновь устремилась вниз. Пробежав по клавишам, Дон приостановил падение.

Ему вдруг вспомнился прочитанный в детстве роман Э. Р. Берроуза «Боги Марса». Там Джон Картер с товарищами бежал из страшного подземного мира пещер Барсума с их черными пиратами, исповедующими нелепый культ Иисуса, разогнав флаер до максимальной скорости в туннеле длиной во много миль и ориентируясь лишь по одинокой звезде, сиявшей наверху.

Похоже, в этот момент единственными, на кого следовало полагаться, были персонажи этого романа. По крайней мере, внезапно его охватило ощущение, что в кабине незримо присутствуют Ксодар Черный, загадочный красный марсианин Карторис и зловещий Матаи Шанг со своей вероломной красавицей-дочерью по имени Файдор.

И когда «Баба Яга» зависла между неясно маячившими грудами породы, впервые за миллиарды лет увидевшими свет Солнца, Дон запустил главный двигатель и, вдавленный в кресло ускорением, заорал в пустой кабине: «Ну, держитесь! Я лечу прямо в пропасть!»

Тарелочники почувствовали, что песок кончился, уступив место твердому грунту. Они наконец увидели сетчатую ограду Ванденберга-2. Крутой склон, на котором на высоте 70 метров мерцал красный огонь мачты, пересекал широкий овраг со следами шин грузовиков. В заборе виднелись большие ворота, за которыми маячила двухэтажная сторожевая вышка. Хотя ворота были заперты и свет не горел, маленькая дверь на вышке была открыта.

Из громкоговорителя над воротами раздался металлический голос: «Стойте на месте. Вы подошли к запретной зоне, принадлежащей правительству США. Возвращайтесь, откуда пришли. Спасибо».

— О, черт! — взорвался Док. К нему вернулось красноречие.— Вы что, думаете, мы представители планеты зеленых человечков? Вы что, не видите, что мы обычные люди?

Пол коснулся руки Дока и покачал головой. При этом он не переставал приближаться к воротам. Он крикнул:

— Я — Пол Хэгболт из 292-го авиакрыла, приравненный к капитану участник Лунного проекта. Я прошу разрешения для себя и одиннадцати моих измученных спутников войти на территорию базы.

Из темноты в проеме дверей показался солдат. В том, что это солдат, не было сомнения, ибо на его голове блестела каска, на поясе висели пистолет, нож и две гранаты, а правая рука покоилась на автомате. За его спиной виднелся реактивный ранец. Его лицо было бесстрастным, хотя он безуспешно пытался унять дрожь в правой ноге.

— Говорите, участник? — подозрительно сказал он, оглядывая Пола.— Покажите удостоверение личности.

В воздухе витал кисловатый запах, и Мяу, казавшаяся до того совершенно спокойной, потянулась и зашипела, как закипающий чайник.

Протягивая солдату документы, Пол сильно дрожал.

Хотя охранник изучал документы с бесстрастным лицом, Док заметил, как его взгляд переходит с удостоверения на Скиталец.

Док доверительно спросил:

— Что-нибудь известно об этом?

Солдат взглянул ему прямо в глаза и выпалил:

— Нам известно об этом все. Но информация засекречена, ясно?

— Понятно,— ответил Док.

Охранник оторвался от удостоверения:

— Отлично, сэр. Я сообщу о вашей просьбе по телефону.

Он развернулся и направился к двери.

— Вы уверены, что поняли меня правильно? — вдогонку ему спросил Пол. Он упомянул имена нескольких офицеров, работавших на базе.

— И профессора Мортона Опперли,— со значением добавила Марго.

— С одной из нас случился сердечный приступ. Мы хотели бы перенести ее на вышку. Там все-таки теплее. И нам нужна вода,— закончил Пол.

— Нет, вы все останетесь за воротами,— резко ответил солдат, приподняв немного дуло автомата.— А вы,— обратился он к Полу,— идите за мной.

Когда они зашли в неосвещенную вышку, охранник протянул Полу вначале тряпку, а затем — полбутылки воды.

— Но — без бумажных стаканчиков.— Он издал звук, видимо, означавший смех.— Не спрашивайте у меня бумажных стаканчиков.— Он опять нырнул в темноту, и до Пола донесся звук набираемого номера.

Пол вернулся к товарищам, передав тряпку женщине. Вода пошла по кругу. Они пили ее прямо из горлышка.

— Думаю, нам придется немного подождать,— шепотом сообщил Пол,— охранник сильно нервничает.

— Даже Мяу почувствовала, как он напуган,— сказала Марго.

— Если бы мне довелось в одиночку увидеть эту штуку,— рассуждал Док,— и под рукой было что-то металлическое, я бы выключил свет, закутался в металл и слегка встряхнулся. Я хочу сказать, что мы встретились с новой планетой при лучших обстоятельствах — в ожидании прилета НЛО и толкуя о гиперпространстве.

— Если бы вы испугались, мистер Брехт, вы бы выключили все освещение, которое могли,— заявила Энн.

— Юная леди, моя безумная идея состоит в том, что я не хотел бы, чтобы меня схватило что-то большое, черное и волосатое,— ответил Док.

Энн понимающе рассмеялась.

— Луна вращается вокруг новой планеты. Она... уходит от нас,— сказал Маленький Человечек замогильным голосом.

И он не соврал. Слова были подкреплены визуально: большая часть Луны спряталась за вторгнувшимся в ее пределы захватчиком.

— Боже мой, Боже мой,— повторял Войтович.

Худая женщина забилась в истерике.

— Дай нам отваги,— пробормотала Рама Джоун.

С губ Марго слетело слово «Дон».

Пол попытался утешить ее, обняв за плечи, но она отстранилась.

— Луна очень близко подошла к Нему. Их разделяет не более трех тысяч миль,— подытожил Хантер.

«Пусть мучается в родах. Белая девственница укрылась в объятиях Испана»,— подумал Аршин.

Маленький Человечек сложил руки лодочкой, и Рама Джоун налила туда воды для собаки.

— Спайк, я разговаривала лично с генералом Ван Даммом. Отданные вами приказы одобрены, но они не спешат с выполнением,— скрипучим голосом сообщила Мэйбл Уоллингфорд.

Спайк Стивенс, упершись взглядом в экран, откусил кончик сигары.

— Джимми, включи экран правительственной связи.

Генерал зажег сигару.

Загорелся третий экран, на котором показался лысый улыбающийся человек. Генерал встал, вытащив сигару изо рта.

Полковник Мэйбл Уоллингфорд ощутила прилив радости, увидев генерала в роли провинившегося школьника.

— Господин президент,— начал Спайк,— я не участвую в этом кризисе, хотя и не похоже, что это вас сильно волнует... Сэр, боюсь, что мы потеряли Лунную базу. С ними нет связи уже более часа.

Лицо на экране стало серьезным:

— Нужно быть готовым к потерям и жертвам. Сейчас у меня встреча с представителями Береговой охраны. Мой приказ вам: выполняйте свои обязанности на все время...— Он замолчал, подыскивая фразу.— Этой астрономической ситуации.

Экран погас. Полковник Виллард Гризволд, уставившись на экраны, произнес:

— Лунная база? Да мы, черт возьми, потеряли Луну.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Дон Мерриам уже пятнадцать минут находился в толще Луны. Узкая желто-фиолетовая полоска теперь превратилась в ленту, и ему ничего не оставалось, как пулей вылететь к

ней через огромную трещину, расколовшую планету. Он с трудом отгонял мысли о том, что ему предстоит увидеть.

С помощью ручного управления он переключил «Бабу Ягу» на импульсный режим.

Устремившись к срединному проходу, Дон заметил черные, как сажа, полоски и прожилки, перемежающиеся вспышками зеленого света, но так и не понял, откуда они взялись.

Зато, как показалось, он догадался, почему вокруг него виден молочный фон. Очевидно, это пылевые вихри. Из-за этого «молока» он чуть было не сбился с курса.

Наконец, исчез солнечный свет, и ему пришлось ориентироваться по слабым желтым и лиловым отблескам, освещавшим лунную породу.

Но вот лиловая полоска стала сужаться, и он понял, что обречен. В его сознании промелькнуло видение, как расколовшиеся половинки Луны сталкиваются позади «Бабы Яги», а затем, под воздействием взаимного притяжения, тяжеловесно наползают друг на друга впереди ракеты, и он врезается в возникшую перед ним массу.

И тут, когда, по его прикидкам, он должен был уже достичь фиолетовой полосы, она вдруг исчезла, словно выключилась.

И когда он вылетел из темноты на свет и увидел повсюду россыпи звезд и даже старушку-Солнце, посылающую во все стороны свои ослепляющие лучи, ему показалось, что он воскрес.

Только теперь до него дошло, что находится перед ним.

Оно было круглым, размером с Землю. Огромный диск весь светился фиолетовым с примесью желтого справа. И только слева, по краю диска, были заметны три овальных бледно-зеленых пятна.

По мере того как Солнце проплывало вправо, перемещалась вправо и линия ночи на Скитальце. Он понял, почему во время полета потерял из виду лиловую полоску — просто эта сторона планеты зашла за горизонт.

Ему пришлось признать, что неизвестно откуда взявшаяся планета обладает большой массой, что Луна попала к ней в гравитационный плен и что во всем случившемся за последние три часа виновата она, и только она. Он развернул корабль. Луна находилась в каких-то 50 милях. Одна ее половина была погружена в чернильно-черную темноту, другая белела в лучах солнечного света. Он различил то место, где захлопнулся за ним туннель. Там вздымались пылевые гейзеры. Гейзеры из пыли послабее выходили из трещин

поменьше. Это выглядело как на картинах сюрреалистов: вздымающаяся кверху пыль на изрезанной трещинами поверхности Луны.

Он висел на высоте 50 миль, и по мере удаления казалось, что под ним пенятся, разбиваясь о скалы, морские волны.

Ему вовсе не хотелось погрузиться со скоростью одной мили в секунду в поверхность темного полушария, проплывавшего под ним, поэтому он включил основной двигатель, чтобы уменьшить скорость полета. При этом он печально констатировал, что топлива и окислителя едва ли хватит даже для такого маневра. Маневр, по идее, должен был вывести его на орбиту этой странной планеты, хотя он и пребывал в достаточно цепких гравитационных объятиях Луны. Он знал, что очень скоро Солнце исчезнет из виду, и Луна, претерпевшая столь странные метаморфозы, зайдет в тень — в тень ночи, полной тайн.

Фриц Шер сидел, как окаменевший, за своим рабочим столом в Институте динамики морей в Гамбурге и с весельем, граничащим с раздражением, слушал взвинченный голос диктора, читавшего новости из США. Он с остервенением вырубил радио и сказал Гансу Опфелю:

— Опять эти американцы! Их присутствие необходимо, чтобы держать эту коммунистическую сволочь в узде. Но какова умственная деградация в нашем фатерлянде!

Он поднялся со стула и подошел к обтекаемому, длиной во всю комнату, аппарату для прогнозирования времени приливов и отливов.

Внутри машины был натянут провод, соединенный со множеством точно отстроенных блоков и шкивов. Каждый из них представлял собой модель сил, действующих на приливы и отливы в определенных точках земной гидросферы. На конце провода был закреплен самописец, вырисовывавший кривые, соответствующие приливным или отливным волнам.

В Дельфте подобный аппарат был электронным, но что поделаешь с этими беспомощными голландцами!

Фриц Шер с пафосом заявил:

— Луна на орбите неизвестно откуда появившейся планеты? Ха!

Он со значением постучал по корпусу аппарата:

— Вот она где, Луна!

Махан Лумпур преодолел отмель в устье До-Сон одновременно с заходящим над Северным Вьетнамом солнцем.

Про себя Бают Банг отметил, что судя по видневшимся корням мандрагоры, на сей раз приливная волна где-то на полметра выше, чем обычно. Хороший знак! Море покрылось загадочной рябью. В небе вскрикнула птица.

Автобус, в котором ехал Ричард Хиллари, плавно вписался в поворот дороги, ведущей в Лондон. Бат остался далеко позади, и сейчас они проезжали Силбери Хилл.

Он лениво прислушивался к тому, как пассажиры обсуждали услышанные по радио новости о гигантском летающем блюдце размером с планету, которое, как сообщалось, видели тысячи жителей Соединенных Штатов. Воистину, НФ покорила умы людей повсюду.

Симпатичная до вульгарности девица в брюках и свитере, подсевшая в автобус в Бекхэмптоне, устроилась на сиденье перед ним и принялась кудахтать о разных мелочах со своей соседкой. Она с одинаковым энтузиазмом болтала о летающем блюдце, о небольшом землетрясении в Шотландии, о яйце, которое съела за завтраком, и о том, что она будет кушать за обедом. В честь Эдварда Лира Ричард сочинил о ней шуточный экспромт.

Он развлекался тем, что декламировал про себя стишок, пока не задремал.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

И в 5 часов Таймс-сквер была забита людьми. Это напоминало далекое время, когда распространились слухи о войне с Россией. Движение застопорилось надолго. На улицах было полно людей.

С пересекающих площадь улиц можно было наблюдать за Скитальцем, который теперь закрывал собой половину Луны и окрасился в красный цвет.

Неоновая реклама выглядела на этом фоне чуточку ярче.

Однако на улицах уже не царила прежняя тишина. Лишь немногие просто стояли, уставившись на запад, большинство же ритмично раскачивалось, танцуя. Многие, взявшись за руки, образовали извивающуюся цепочку; то здесь, то там молодые парочки пускались в какой-то дикий пляс. Многие бубнили, или распевали, или попросту выкрикивали куплеты:

песенки, которая имела уже несколько версий. Но самые свежие принадлежали Салли. Она по-прежнему танцевала, распевая, в окружении группки агрессивно настроенных молодых людей и Джейка Лишера. А песенка, которую она выводила своим хрипловатым контральто, была такова:

Странный свет... идущий свыше...
Ужасный на вид...
Но сегодня ночью мы живем
В новых ритмах.
Золотой, как корабль с сокровищами...
Багровый, как губы грешницы...
И не будет больше июня,
Так как пропала Луна,—
А появилась планета на
Сорок второй улице.

Внезапно, как по команде, танцы и пение прекратились. Земля задрожала. Последовал непродолжительный толчок. В некоторых местах треснула кирпичная кладка и осколки полетели на тротуар. Где-то закричали. Оказалось, что джин на рекламе уронил три апельсина.

Араб Джонс и его друзья быстро шагали, опережая друг друга, по 125-й улице, прочь от Ленокса, на запад, куда были устремлены взгляды всех других темнокожих обитателей Гарлема, где заходил Скиталец с ярко светившейся лиловой буквой X на оранжевом фоне, Скиталец, почти полностью закрывший собой золотую тарелку Луны. Вскоре небесная парочка скроется за высоченными домами генерала Гранта, возвышавшимися над скромными трехэтажками Гарлема.

Три друга были так обкурены, что легкое землетрясение вызвало у них еще большее возбуждение. На улицы высыпало все население района.

Небо на востоке порозовело в ожидании восхода солнца. Звезды исчезли, и наступили утренние сумерки. Однако никто не смотрел на восток. И никто не спал, несмотря на столь ранний час. Остроконечные шпили Манхэттена казались сказочным замком.

Араб, Пепе и Хай давно оставили попытки протиснуться в толпе зевак на тротуарах и перешли на проезжую часть, где пройти было немного легче.

Пепе показалось, что планета испускает лучи, парализовавшие работу моторов и людей. Он перекрестился.

Хай Банди прошептал: «Старушка Луна действительно ему понравилась. Сейчас они трахнутся!»

— Может, он прячется потому, что боится, как и мы,— сказал Араб.

— Боится чего? — поинтересовался Хай.

— Конца света,— ответил Пепе с завыванием.

Когда троица достигла домов генерала Гранта, над ними виднелся только ободок Скитальца.

— Бегом! — крикнул вдруг Араб, вцепившись в руки Пепе и Хая.— Наступает конец света! Бегом отсюда, от этих совиноглазых обреченных, ожидающих, когда вострубят ангелы. Если разобьется вдребезги одна планета, мы перейдем на другую. Быстрее, пока она не ушла! Мы настигнем ее у реки и заберемся на нее.

Они побежали.

Пол и Марго со своими друзьями сидели в пятидесяти футах от ворот базы, когда последовал второй толчок. Им ничего не оставалось делать, как вздохнуть и отдаться на волю судьбы. Из вышки выбежал солдат с автоматом наперевес и, постояв немного, вернулся обратно.

Минут через пять Энн сказала:

— Мамочка, я сильно проголодалась.

— И я тоже,— отозвался молодой Гарри Макхит.

Маленький Человечек, поглаживая совсем уж приунывшего Рагнарока, сказал:

— Забавно. После затемнения мы думали подкрепиться кофе с бутербродами. Кофе был в больших черных термосах. Я лично принес их. Они по-прежнему там, на пляже.

Несмотря на протесты худой женщины, Ванда приподнялась на носилках:

— Что это там отсвечивает красным на побережье? — сердито спросила она.

Хантер принялся было без тени сарказма рассказывать ей про новую планету, как вдруг до него дошло, что появился другой источник света — страшный, раскаленный докрасна огонь, который скрывался прежде за светом Скитальца.

— Видимо, горит кустарник,— предположил Войтович.

— Этого еще нам не хватало,— отозвалась худая женщина.

Хантер сжал губы. Язык не поворачивался сказать: «Похоже, что горит Лос-Анджелес».

Маленький Человечек призвал всех вновь взглянуть на небо, где вторгнувшийся Скиталец полностью закрыл собой Луну. Он заявил:

— Нам нужно как-то назвать новую планету.

— А что означает слово «планета», мистер Брехт? — спросила Энн.

— Скиталец, дорогая,— ответила Рама Джоун.

Аршин подумал: «Люди знают Испан под тысячью имен, но какой смысл давать ему новое имя? Испан он и есть Испан».

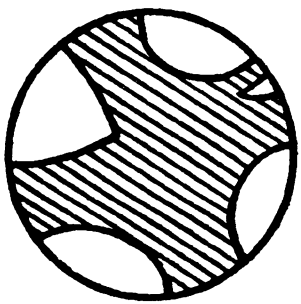
Гарри Макхит, который недавно познакомился с Эддами и скандинавской мифологией, подумал: «Хорошо бы назвать планету Людоедом, но это отпугнет очень многих людей».

Марго подумала: «Можно назвать ее Доном». Она закусила губу, и из ее глаз покатились крупные слезы.

— Скиталец — лучшее название для нее,— заявил Маленький Человечек.

Желтизна уже коснулась левого края Скитальца. Желтые пятна на полюсах оставались неизменными, а центральное желтое пятно поползло к правому краю.

Маленький Человечек достал записную книжку и набросал рисунок.

ТРИ ЧАСА

Лиловое превратилось в букву Х,— сказал Войтович.

— Опрокинутый крест,— заговорил наконец вслух Аршин.— Диск раскололся на четыре части.

— Это мандала,— сказала Рама Джоун.

— О да,— вмешался Войтович.— Профессор, вы говорили нам об этом,— обратился он к Хантеру.— Символ чего-то психического.

— Психического единства,— ответил бородач.

— Психическое единство,— повторил Войтович.— Это хорошо, нам это пригодится.

— Мы благодарны за это,— пробормотала Рама Джоун.

Из-за глубокого оврага блеснули желтые глаза фар. Послышался шум мотора. Накренившись, джип приближался к воротам базы. Фонарь наверху бешено вращался, вырывая из темноты заросли кустарника и сухую почву.

— Всем встать! — скомандовал Пол.— Нам предстоит работа.

Дон Мерриам наблюдал на экране «Бабы Яги» за искаженным пылевыми смерчами изображением звезд.

Черная масса Луны была теперь полностью закрыта телом появившейся планеты.

Скиталец, выделяющийся среди россыпи звезд, появился с правого борта. Он не был полностью черным. Дон насчитал семь бледно мерцающих зеленых пятен на его поверхности. Они были около 300 миль в диаметре. Те, что находились дальше от центра, походили на эллипсы, ближайшее же от него было почти круглым. Хотя они не имели выразительных черт, временами казалось, что они представляют из себя фосфоресцирующие ямы или воронки. Что они могли означать? Об этом Дон не имел ни малейшего представления. На него они произвели впечатление бледно-зеленых пятен на паучьем брюхе.

«Баба Яга» вращалась вокруг Скитальца вместе с Луной, медленно нагоняя последнюю, так как находилась на более быстрой орбите.

Дон включил радар. Судя по отраженному сигналу, поверхность Луны стала еще более неровной. Из-за лунотрясений рельеф планеты менялся каждые пять минут.

Вернулся сигнал и от планеты-захватчика. Поверхность его была на удивление ровной и матовой, словно никаких зеленых пятен и в помине не было. Получалось, что Скиталец был гладким, как бильярдный шар.

Откуда, черт возьми, взялась эта планета? Дон попытался собрать воедино те обрывки сведений, которыми располагал о гиперпространстве, вспомнив о главном постулате: объект способен преодолевать расстояние мгновенно, соскальзывая в континуум более высоких измерений, для кото-

рых наша вселенная — всего лишь двухмерная плоскость. Но от каких звезд и галактик прибыл этот странник? Может быть, вообще из другой вселенной? У континуума с большим числом измерений должно быть бесконечное число трехмерных поверхностей, каждая из которых представляет собой вселенную. Голос из глубины сознания настойчиво твердил ему: «Земля и Солнце находятся по правую сторону этого черного чудовища с зелеными пятнами. Они зашли десять минут назад и взойдут через двадцать. Мне не доводилось путешествовать в гиперпространстве, я только пролетел через Луну».

Дон снял треснувший шлем, отстегнулся от пилотского кресла и приблизился почти вплотную к экрану. Хотя в кабине было темно и холодно, он не включил ни освещения, ни отопления. Самым важным в данный момент казалось рассмотреть все как можно лучше.

«Баба Яга» нагоняла Луну по внутренней орбите. Сноп звезд по левому борту понемногу расширялся.

Внезапно ему показалось, что от северного полюса Скитальца к Луне протянулись призрачные черные нити, выделявшиеся на фоне Млечного Пути.

Эти черные нити, описывающие в космосе петли, были почти незаметны, так что наблюдать их, как и слабенькие звездочки, было лучше, слегка отстранившись от экрана.

Похоже было на то, что Скиталец заарканил Луну и пытался теперь покрыть ее саваном.

Не следовало бы ему думать о науках.

Барбаре Кац, находившейся в 3000 миль от участников симпозиума по НЛО, на побережье другого океана, мандала виделась в форме колеса с лиловыми спицами. Достигнув горизонта, планета обернулась на четверть.

— Э, папочка, похоже, Скиталец укладывается,— проговорила Барбара с отчаянием в голосе от того, что ей не удастся увидеть другую его сторону. Но все это можно посмотреть по телевизору. «Если еще существует телевидение»,— подумала она про себя. Повсюду бледнело предрассветное небо.

До нее донесся дрожащий голос Ноллса Киттеринга III:

— Я очень устал... Пожалуйста, помогите мне...

Он переместил весь свой вес на ее руку. Впрочем, весил он мало. Его тело внутри белого костюма напоминало панцирь насекомого, лицо же было изборождено морщинами, как у старухи-индианки. Это было неприятно, но тут же она

вспомнила, что теперь у нее есть собственный миллионер, которого она должна холить и лелеять. Она нежно взяла его за руку, словно боясь раздавить хрупкую скорлупу.

Подошла старая горничная-негритянка, одетая так же, как и молодая, и взяла его под другую руку. Это привело его в бешенство.

— Хестер,— сказал он, отстраняясь,— я же давным-давно приказал вам, Бенджи и Хелен лечь спать.

— Ха! — мягко рассмеялась Хестер.— Вы полагаете, что мы можем оставить вас одного в столь поздний час забавляться с вашим телескопом? Взгляните на себя, как вы ходите. Пластмасска в вашем бедре устала и может поломаться.

— Пластмасса не может устать,— тускло возразил он.

— Ха! Она не такая крепкая, как вы, мистер Киттеринг,— ответила негритянка, отнимая руку. Она вопросительно посмотрела на Барбару, и та кивнула утвердительно. Вдвоем они проводили его через лужайку, затем помогли взобраться по трем бетонным ступенькам и далее проследовали через старомодно обставленную большую, холодную кухню.

На середине лестницы он знаком остановил их. Вероятно, вид темной, холодной комнаты перенес его обратно к ночным бдениям у телескопа. Он сказал, обращаясь к Барбаре:

— Мисс Кац, любое небесное тело, которое стоит на месте, находясь в зените, обязательно ложится, когда восходит или заходит. Это относится и к созвездиям...

— Идемте, мистер Киттеринг, вам необходимо отдохнуть,— сказала Хестер, но он раздраженно тряхнул рукой и настойчиво продолжил:

— Я давно задумывался над загадкой Сфинкса, который ходит на четырех ногах утром, на двух — в полдень и трех — вечером, и пришел к выводу, что это не человек, а созвездие Ориона, идущее как раз впереди Собачьей звезды, чье восхождение означает начало разлива Нила.

При последних словах его голос задрожал, и он уронил голову, позволив довести себя наверх. Барбара радостно отметила, что он больше опирается на нее, нежели на Хестер, и подумала: «Я поняла, почему ты думаешь о трех или четырех ногах вечером, папочка».

Они уложили его на большую кровать. Хестер вытащила что-то из-под подушки, собираясь положить в ящик, но затем передумала и показала Барбаре.

Это была изящная кукла, сантиметров 30 в высоту, с черными волосами, в черном кружевном белье, черных чулках и черных перчатках.

Ноллс Киттеринг хрипло пробормотал:

— Вместо «полдень» читайте «полночь».

Хестер осмотрела Барбару, ее черные одежды и черные длинные волосы и улыбнулась.

Барбара не смогла сдержаться и улыбнулась в ответ.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Пола Хэгболта и майора Хамфри разделяли ворота базы. Рядом стояла Марго с кошкой на руках. Поодаль толпились десять участников симпозиума. Их тени бросали желто-лиловые блики на ячейки металлических ворот.

Блики присутствовали и на поверхности океана, куда начинал опускаться стоявший все еще высоко в небе Скиталец. Он по-прежнему походил на то, что Рама Джоун назвала мандалой, хотя по мере вращения планеты желтое пятно на западе увеличивалось в размерах, а на востоке — уменьшалось.

Мандала бросала сумеречный свет на поросшее кустарником побережье. Небо посерело, на нем едва различались пять или шесть звезд.

Мотор джипа, на котором приехал майор Хамфри, продолжал урчать. Один из солдат, прибывших с ним, сидел за рулем, другие стояли рядом. Охранник находился в проеме дверей и смотрел на майора.

У майора Хамфри обычно были задумчивые и опущенные, как у школьного учителя, уголки рта, но сейчас его лицо выражало напряжение, скрывавшее страх.

Мягкие черты лица Пола посуровели из-за ответственности, которую он ощущал.

— Я надеялся, что встречу именно вас, майор. Это решит множество проблем.

Майор быстро заговорил:

— Некоторые из лос-анджелесского отдела сделали это прежде, чем на прибрежное шоссе обрушился оползень. Мы надеемся, что остальные доберутся через горную дорогу Моника или через Окснард. Может быть, мы заберем их вертолетом, и в первую очередь — сотрудников Калифорнийского Технологического.

Он нахмурился, раздраженный тем, что и так сказал слишком много. Затем громко, перекрывая шум голосов тарелочников, продолжил:

— Пол, у меня нет ни минуты времени, но почему вы пришли к этим воротам? Я, конечно же, узнал мисс Гелхорн,— он учтиво кивнул в ее сторону,— но что это за люди с вами?

Его взгляд блуждал от одного тарелочника к другому, с недоверием остановившись на бородатом Россе Хантере.

Пол замялся в нерешительности.

Док, выглядевший как современный Сократ, прокашлявшись, взял инициативу в свои руки:

— Мы работаем в канцелярии отдела мистера Хэгболта.— Ему показалось, что в данном случае пригодится большая белая ложь.

Однако за сим последовала продолжительная пауза. Ею воспользовался Маленький Человечек, который протиснулся вперед и стоял, добродушно уставившись на майора.

Доверительно улыбаясь, он, как адвокат в суде, витиевато начал:

— Я являюсь секретарем весьма известного южнокалифорнийского общества по изучению НЛО, а эти люди — члены этого общества. Мы собрались в домике Роджерса на симпозиум, посвященный лунному затмению, на что у нас имеется разрешение от управляющего имуществом Роджерса, а также от вашего командования, хотя в этом не было особой необходимости.

Док громко вздохнул.

Майор Хамфри ледяным тоном переспросил :

— Помешанные на тарелках?

— Да,— мягко ответил Маленький Человечек.— Но мы не сумасшедшие.— Его рука дернулась назад — это Рагнарок потянул за поводок.

— Изучаете, стало быть, студенты? — с недоверием произнес майор, рассматривая их с ног до головы.

«Еще, чего доброго, попросит предъявить наши студенческие билеты»,— подумал Пол.

Пол честно признался:

— Наши машины погребены под оползнем, майор. Без их помощи ни я, ни мисс Гелхорн не добрались бы сюда. Им некуда идти. К тому же среди нас ребенок и одна женщина после сердечного приступа.

Взгляд майора задержался на Раме Джоун. Та вышла вперед, продемонстрировав всю себя с ног до головы, затем печально улыбнулась и сделала легкий поклон. За ней шагнула вперед и Энн. Они выглядели настолько странно красивыми и одновременно порочными, будто сошли с иллюстраций Одри Бердсли в Желтой Книге.

— Ребенок — это я,— холодно заявила Энн.

— Я вижу,— заметил майор Хамфри.— Послушайте, Пол, я очень сожалею, но мы не можем взять на базу потерпевших от землетрясения. Этот вопрос проработан и решен. У нас и так хватает работы, а чрезвычайное положение еще более усугубило меры безопасности.

— Эй,— вмешался Войтович,— вы сказали, что в округе Лос-Анджелеса большие пожары.

— Вы же видите огни,— огрызнулся майор.— Я не уполномочен отвечать на вопросы. Пол и мисс Гелхорн, можете пройти на территорию базы.

— Но эти люди — не обычные беженцы, майор,— запротестовал Пол.— Они вам пригодятся. У них есть некоторые идеи насчет Скитальца.

Как только Пол упомянул о Скитальце, его мысли вновь вернулись к небесному пришельцу.

Майор Хамфри впился пальцами в ячейки сетки ворот и, приблизив свое лицо к лицу Пола, голосом, в котором причудливо смешались подозрение, любопытство и страх, спросил:

— Скиталец? Откуда вы взяли это имя? И что вам об этом теле известно?

— Теле? — раздраженно вмешался Док.— Любому дураку ясно, что это планета. Луна вращается вокруг нее.

— Здесь нет нашей вины,— вступила в разговор Рама,— мы не вызывали ее магическими заклинаниями.

— К тому же мы не знаем, откуда она пришла,— с жаром добавил Док,— хотя у нас есть гипотезы о кладбище в гиперпространстве.

Хантер исподтишка лягнул его ногой.

— «Скиталец» в переводе означает «планета»,— вклинился он в беседу.

— Хотя Скиталец и подходящее имя, по-настоящему планету называют Испан,— гулко прозвучал голос Аршина, вынырнувшего из тени за спиной Бородача.— Быть может, имперские мудрецы уже приземлились в Вашингтоне,— добавил он.

Майор Хамфри, казалось, уменьшился в размерах. Вежливо пробормотав «Понятно», он обратился к Полу:

— Идемте, и вы, мисс Гелхорн, тоже, только без кошки.

— Вы хотите сказать, что даете этим людям от ворот поворот?—спросил Пол.— После того как я поручился за них? Ведь среди них есть смертельно больная.

— Профессор Опперли будет недоволен вашим поведением, майор,— резко заявила Марго.

— Где эта сердечница?—спросил майор. Его ногу поразил нервный тик.

Пол обернулся, чтобы позвать Ванду, но та уже подалась вперед, всей своей тушей втиснувшись между Рамой и Хантером.

— Это я,— важно заявила она.

Док опять громко вздохнул. Войтович укоризненно посмотрел на тучную женщину, потирая затекшее плечо.

Майор Хамфри фыркнул:

— Идемте, только вы двое,— сказал он Полу и направился к джипу.

— Вам лучше принять его предложение, пока он не передумал. Это лучший выход для вас и Пола.

— А как же Мяу? — спросила Марго.

— Мы позаботимся о ней,— вызвалась Энн.

Эти слова окончательно добили Пола. Проявление неосознанного детского благородства перевесило чашу весов. Как бы со стороны он услышал свой крик:

— Я не пойду!

Стараясь не придавать голосу язвительных интонаций, майор крикнул в ответ:

— Пол, не разыгрывайте сцен. У вас нет выбора, если вы, конечно, не дезертир.

Марго обняла Пола.

— Надеюсь, вы понимаете, что делаете,— забормотал ему на ухо Док.

— К черту ваш проект! — заорал Пол.

Майор лишь пожал плечами и уселся в джип. Охранник, закрыв за ним ворота, вышел к двенадцати беженцам, стоявшим перед ними.

— Давайте уходите,— сказал он, поигрывая дулом автомата. В левой руке он сжимал пульт управления реактивным ранцем, соединенный с ним толстым проводом.

Все, кроме Маленького Человечка, отступили назад, даже собака, так как хозяин выронил поводок из рук, удивленно наблюдая за перебранкой между Полом и майором.

— Майор! — выкрикнул Маленький Человечек.— Вы поступаете бесчеловечно. Я хочу напомнить вам, что я налогоплательщик. И я плачу деньги на содержание таких, как вы и ваша база...

Охранник шагнул ему навстречу. Было видно, что он хочет как можно быстрее покончить с этим проклятым недоразумением.

— Заткнись и вали отсюда.— И он ткнул Маленького Человечка дулом автомата в бок.

Испустив какой-то металлический вой, Рагнарок рванулся с места и кинулся на солдата.

Охранник включил реактивный ранец и перелетел назад, на территорию базы, продемонстрировав на лету точность стрельбы. Он выпустил четыре пули по атакующему. Большая немецкая овчарка распласталась и затихла. Люди вначале бросились бежать, но затем остановились.

Маленький Человечек упал на колени подле трупа собаки.

— Рагнарок?..— неуверенно позвал он.— Так он что, мертв?— произнес он в замешательстве.

Войтович схватил носилки и подбежал к ним.

— Слишком поздно,— пробормотал Маленький Человечек.

— Его нельзя оставлять здесь, вот так,— сказал Войтович.

Они положили труп собаки на носилки.

При свете Скитальца отчетливо была видна кровь.

Отдав Мяу Полу, Марго сняла пиджак и накрыла им пса. Маленький Человечек молча кивнул в знак благодарности.

Затем этот небольшой кортеж отправился в предрассветных сумерках назад.

Юный Макхит указал рукой в сторону моря:

— Смотрите, Луна выходит из-за Скитальца.

Дон Мерриам поежился при виде едва различимых черных нитей, протянувшихся от Скитальца к Луне. Внезапно они побелели, так что теперь их легко можно было различать. И на ум ему вновь пришло, только с большей степенью ясности, сравнение с паучьей сеткой. Та часть Луны, которой коснулась паутина, тоже побелела, выделившись в небольшой, быстро увеличивавшийся в размерах полумесяц. Белые нити выходили из него и сворачивались в петлю.

Больше всего беспокоило то, что по мере своего роста полумесяц становился выпуклым,— казалось, Луна стремится приобрести форму мяча для регби. И на фоне звезд его поверхность выглядела не ровной, а слегка зазубренной. Такой же была и граница между полумесяцем и остальным телом Луны. По поверхности полумесяца проходили трещины, напоминая византийскую мозаику.

Внезапно с правого борта ударила белая вспышка, ослепившая Дона.

Закрыв глаза, Дон пошарил рукой в поисках защитных очков. Найдя, водрузил их на нос и настроил стекла на максимальное затемнение.

Он дважды включал вспомогательные двигатели, чтобы развернуть ракету по правому борту.

Там, из-за Скитальца, выходил пылающий шар Солнца. На фоне черной как сажа Земли оно сверкало раскаленной добела монеткой.

Вместе с Луной, опутанной паутиной, «Баба Яга» выползала вновь на солнечный свет. Дон настроил очки так, чтобы не слепило и можно было наблюдать за частью Земли, погруженной в ночь при свете Скитальца.

У него отлегло от сердца при виде Земли, находившейся всего в четверти миллиона миль.

Новозеландцы и полинезийцы повскакивали из-за своих столов и циновок, оторвавшись от ужина, чтобы взглянуть на чудо в вечернем небе. Многие посчитали это результатом вышедших из-под контроля ядерных экспериментов на Луне, проводимых Россией и Америкой. Однако большинство жителей Азии, Австралии и Африки не обратили на Скиталец никакого внимания, продолжая заниматься каждодневными делами и считая это сугубо американским феноменом. Более проницательные приняли это за рекламу нового фильма ужасов или как предлог для новых уступок со стороны России и Китая.

Никто, кроме нескольких самых хитроумных психологов, не связал это явление с сообщениями о землетрясениях.

В Атлантике Скиталец наблюдали в течение последних часов ночи с бортов кораблей и самолетов, тщетно пытаясь прорваться сквозь усилившиеся помехи. Некоторые поспешили в ближайшие порты к береговым радиостанциям, чтобы узнать, в чем дело, и посоветоваться, как поступать дальше, другие же, проявив благоразумие, повернули в открытое море.

Драматические события разыгрались на «Принце Чарльзе». Фашиствующие бразильские повстанцы при поддержке двух португальских офицеров захватили управление огромным лайнером. Капитана Ситвайза заперли в собственной каюте. Планы бунтовщиков были блестяще задуманы, но вряд ли имели бы шансы на успех, если бы не всеобщее возбуждение ввиду «чрезвычайного астрономического явления»

С благоговейным трепетом они осознали, что ценой 6 убитых и 3 раненых захватили в свои руки не только огромный корабль, но и два ядерных реактора впридачу.

Плотно позавтракав, Вулф Лоунер принялся за свою обычную рутинную работу. Тучи над «Эндьюэранс» вновь сгустились. Его занимали мысли о том, каким это образом сохраняется порядок в природе, учитывая перипетии современной жизни.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Пол Хэгболт вынужден был признать, что тащиться по песку, даже в компании новых друзей и при свете новой планеты,— занятие утомительное. Радостное возбуждение, вызванное стычкой с майором Хамфри и отказом от участия в Лунном проекте, быстро улетучилось. И теперь это изматывающее путешествие по побережью казалось особенно бессмысленным и тоскливым.

— Вам как будто одиноко? — мягким голосом спросила его Рама Джоун.— Это бывает, когда отказываешься от надежной защиты и отдаешься на волю судьбы, а твоя девушка — в окружении ухажеров на собачьих похоронах.

Они замыкали процессию, шагая вслед за Войтовичем и Кларенсом Доддом, которые несли носилки.

Пол усмехнулся:

— Я вижу, с вами можно быть откровенным. Дело в том, что Марго вовсе не моя подружка. Мы просто друзья. Чувство здесь одностороннее — с моей стороны, я имею в виду.

Рама Джоун пристально на него посмотрела:

— Выходит, мужчина поступился любовью ради дружбы, Пол?

Пол безрадостно кивнул.

— Марго сама сказала мне об этом. Она уверена, что я вполне удовлетворяюсь тем, что вожусь с ней и стараюсь не подпускать к ней других мужчин, кроме Дона, разумеется; она полагает, что я питаю к нему более чем братские чувства, даже если не подозреваю об этом.

Рама Джоун пожала плечами:

— М-да, ваш треугольник слишком уж неестествен.

— Нет, нет, он совершенно естествен по-своему,— уверил он ее с чувством мрачного удовлетворения.— Мы все втроем ходили в одну школу, потом учились в одном колледже. Нас объединяли общие интересы. Затем Дон увлекся техникой и космосом, а меня потянуло в журналистику. Марго же отдала предпочтение искусству. Но нам, по-видимому, на роду написано всегда быть вместе, поэтому, когда Дон попал в Лунный проект, я тоже оказался связанным с ним по линии связи с общественностью. К этому времени Марго решила, что Дон ей нравится, или даже что она любит его чуточку больше, чем меня, и они обручились. Возможно, это было обусловлено еще и тем, что в нашем обществе неодобрительно относятся к женщинам, живущим сразу с двумя мужчинами. Затем Дон полетел на Луну, а мы остались здесь. Вот и весь рассказ.

— М-да, похоже, ваш поезд ушел. Что ж, теперь моя очередь рассказать, как я оказалась здесь. Я могла бы быть примерной женой, Энн — ходить в модную школу, а я — читать лекции по мистицизму в женском клубе. В действительности же я разведена, еле свожу концы с концами, живя на скромную, унаследованную ренту и подрабатывая случайными лекциями, на которых добиваюсь успеха дешевыми эффектами, как вот это.— Она с пренебрежительным смехом указала на свой наряд.— Мужской протест — говорят мне мои друзья. Нет— отвечаю я, человеческий протест. Я хочу называть вещи своими именами, так, как я их воспринимаю, до конца. Я хочу, чтобы у Энн была настоящая мать, а не разряженная кукла.

— Но вы действительно верите в то, что говорите? — спросил Пол.— Буддизм или что-то в этом роде?

— Мне не хватает той веры, какую хотелось бы иметь, но я верю, насколько способна верить. Уверенность — это роскошь. Если вы вкладываете душу в то, что говорите,— вы личность. И пусть иногда вы не совсем правы — все равно это вы, и если не будете стоять на месте, то в один прекрасный день сможете обладать истиной. Как это случилось с нашим

Чарли Фулби, сознавшимся однажды в том, что своими знаниями об этих планетах он обязан не полетам на летающих тарелках, как всегда утверждал, а чистой интуиции.

— Он шизофреник,— пробормотал Пол, глядя на Аршина, маячившего впереди.— Эти две женщины — его ученицы или ангелы-хранители?

— Я тоже считаю его немного сумасшедшим, но не думаю, Пол, что только психически нормальные люди обладают монополией на истину. Я полагаю, это его жены, ведь он вырос в полигамической среде, какой-то секте. О, Пол, уж не находите ли вы нас странными людьми?

— Вовсе нет,— заверил он.— Хотя есть что-то успокаивающее в том, что идешь вместе с большинством.

— И с деньгами и властью впридачу,— поддержала его Рама Джоун.— Не вешайте носа, большинство основную часть времени занято тем же — удовлетворением общих потребностей. Ведь все мы возвращаемся в павильон на пляже только потому, что уверены — там нас ждет кофе с бутербродами.

Очень похожую беседу вели в голове колонны Хантер и Марго Гелхорн.

— Собрания тарелочников заинтересовали меня с социологической точки зрения,— признался он.— Я посещал любые сборища: контактеров типа Чарльза Фулби, трезвомыслящих, умеренных и искренне верующих, наподобие этой группы. Я собирался проанализировать это с точки зрения социологии, но через некоторое время понял, что сам стал одним из них.

— И это увлечение дало ощущение, что вы чем-то отличаетесь от других? — спросила Марго, прижав к себе кошку. Было холодно без пиджака, и кошка заменяла ей грелку.

— Зовите меня Росс. Нет, я так не думаю, хотя тщеславие тоже сыграло свою роль.— Он потрогал бороду.— Нет, я нашел увлеченных людей, что так не характерно для нашего общества тотального потребления. Поэтому-то я и решил сделать свой собственный вклад, внести, так сказать, свою лепту, читая лекции и ведя собрания. Теперь я почти такой же фан, как и Док, который очень неплохо торговал роялями.

— Но ведь Док — холостяк, а у вас, похоже, есть семья, Росс? — спросила Марго с оттенком злобы.

— О да,— устало подтвердил Хантер.— В Портленде у меня жена и двое мальчиков, которые считают, что я провожу слишком много времени с тарелочниками, и это наносит урон моей репутации ученого.

Он собирался добавить: «Вот и сейчас они спрашивают, почему папы нет дома в такую ночь, когда тарелки стали реальностью»,— как вдруг заметил, что они дошли до павильона. Зеленый фонарь все еще горел. Первые ряды стульев были перевернуты, на одном из них лежал забытый кем-то пиджак. На месте стоял и длинный стол президиума. Глубоко воткнутый в песок, торчал зонтик, который Док использовал в качестве астролябии.

И когда Росс Хантер увидел все это на фоне спокойного океана, он ощутил неожиданное облегчение и внезапно охватившую его ностальгию. Он понял, почему после обрушившегося на них оползня и встречи с бюрократом-майором у ворот базы они дотащились обратно до этого места.

Это место стало для них, быть может, последним прибежищем, новым домом.

Ванда, худая женщина и юный Макхит не спеша собирали коробки под столом.

Войтович и Маленький Человечек опустили на землю носилки с Рагнароком, наполовину прикрытым пиджаком Марго.

Войтович огляделся по сторонам и, указав на торчащий из песка зонт, сказал твердым голосом:

— Я думаю, вы не будете возражать, если мы похороним собаку здесь, Док?

— Нет, я буду гордиться этим,— хрипло ответил Док, молчавший всю дорогу.

Они перевернули носилки, Док вытащил из песка зонт, Войтович достал лопату и принялся копать.

Пока Войтович копал, остальные наблюдали за Луной, выходившей из-за казавшегося перевернутым Скитальца.

Луна выглядела конусообразной. Вместо гладких темных пятен морей ее поверхность прорезали едва заметные трещины, горевшие цветом Скитальца. Зрелище было ужасным и вызывало в памяти ассоциацию с мешочком паучьих яиц.

«Рождение с помощью хирургического вмешательства,— думал Аршин.— Белая девственница, оплодотворенная Испаном, рождается в муках. И так будет продолжаться и впредь. Я не думал об этом».

«Мне жаль, что я назвала ее сучкой, Дон...» — думала Марго.

— Ее парень там, на Луне, да? Значит, она теперь ваша девушка? — прошептала Рама Джоун Полу.

Войтович выпрямился:

— Дальше начинается вода,— сказал он Маленькому Человечку.

Они подошли к трупу собаки. Кларенс Додд отстегнул поводок и, взяв пиджак, посмотрел на Марго, но та затрясла головой, и он, выдавив из себя улыбку, уронил пиджак на прежнее место. Вместе с Войтовичем и Доком они опустили закутанное в пиджак, словно в саван, тело в могилу. Мяу в руках Марго потянулась вперед, с любопытством наблюдая за происходящим.

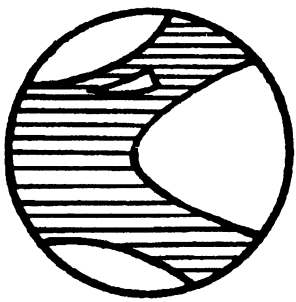
Скиталец выглядел очень странно. Он был совершенно круглым, в то время как восходящая Луна казалась уродливой калекой. Западное желтое пятно исчезло из поля зрения вследствие вращения Скитальца. Но самым поразительным было то, что картина приобрела вид открытой пасти чудовища.

«Теперь похоже, что оно и впрямь пожирает Луну»,— подумал Гарри Макхит.

— Похоже на огромную собаку, разинувшую пасть,— заметила Энн.— Мама, как ты думаешь, боги поместят Рагнарока туда, как они помещали героев греческих мифов на небо?

— Да, думаю, так и произошло,— ответила Рама Джоун.

Маленький Человечек механически достал записную книжку и ручку, угрюмо взглянув на последний оставшийся чистым лист. Передав Мяу Полу, Марго взяла ручку и книжку у Додда и зарисовала Скиталец, подражая его стилю.

ЧЕТЫРЕ ЧАСА

«Змея, заглатывающая яйцо,— подумал Аршин.— Или развилка дорог».

Войтович быстро засыпал могилу песком. Док взял поводок и накрепко привязал его к концу зонтика. Когда Войтович

разровнял лопатой песок и отступил, Док вонзил зонт глубоко в центр могилы.

— Вот, Додден,— сказал он, обняв его за плечи,— могилка теперь помечена. Нечто вроде символа бренности всего сущего в этом мире.

С платформы донесся голос худой женщины:

— Все сюда! Кофе еще горячий.

Дональд Мерриам опять оказался погруженным в темноту. Теперь «Бабу Ягу» загородила от света Луна, проходившая перед Скитальцем. Маленький корабль находился в состоянии свободного падения между двумя телами. Он продолжал нагонять Луну. В кабине быстро усиливалась жара из-за прямого солнечного света, но тут Луна стала между Солнцем и «Бабой Ягой». При свете Скитальца ее поверхность выглядела как пенящееся море с борта самолета.

По данным радара, Дон находился на высоте 1600 миль над поверхностью Скитальца, поэтому наблюдению была доступна только пятая его часть. Пролетая над поверхностью планеты, которую на Земле называли X, Колесом, Крестом Святого Андрея и Мандалой, он мог видеть лишь западное желтое пятно и расширяющийся вокруг обод, остальные же участки были вне поля его зрения.

Наблюдая, как желтое пятно появляется из-за ночной стороны Скитальца, поперек линии восхода Солнца, Дон пришел к выводу, что планета вращается, ее верх и низ являются, несомненно, полюсами и ось ее вращения параллельна оси вращения Земли.

Установив время появления желтого пятна, Дон оценил период вращения Скитальца в 6 часов, то есть в четверть земных суток.

На дневной стороне не было заметно зеленоватых пятен, вероятно, они являлись источниками фосфоресцирующего света, видимого только в темноте. Здесь также не было границ между фиолетовыми и желтыми участками — вероятно, их можно было различить только на свету.

Добрая половина большого желтого пятна находилась в чернильно-черной лунной тени, имевшей форму эллипса. Изучая его, Дон заметил, как в передний край вторгается призрачно-зеленое пятно.

Дикость его положения внезапно хлестнула по нервам. Он казался себе мошкой между черной сливой и розовым грейпфрутом. Все трое шли свободно накренившись.

Он вдруг вообразил себя маленьким мальчиком на их ферме в Миннесоте. В сознании перемешались реальность и вымысел.

Он отогнал от себя ложные воспоминания. Как бы там ни было, он провел на Луне месяц, а недавно даже пролетел сквозь нее.

Он переключил внимание на белые нити, опутавшие Луну, и, развернув корабль, начал маневрировать, чтобы проследить их траекторию.

Если нити действительно привязали Луну к Скитальцу, то логично предположить, что они присоединены к его полюсу. Будь они прикреплены к точке на экваторе Скитальца, они вытягивались бы и рвались или обвивались вокруг него, так как Луна двигалась по орбите в три раза быстрее, чем вращалась планета.

Привязаны, обвиты... Он думал о них как об обычных нитках, за которые подвешивают на елку игрушки.

Однако же эти нити должны быть материальны.

Он опять переключился на направление их движения. «Баба Яга» обогнула Луну, хотя по-прежнему пребывала в ее тени.

Передняя часть Луны находилась в тени, ее поверхность была тускло-бронзовой и пенилась. Он достал бинокль и тщательно настроил его.

В этой пене он заметил десяток конусообразных ям, внутренние поверхности которых вращались по часовой стрелке наподобие водоворота.

Каждая тонкая нить, приобретшая темно-бронзовый оттенок в тени Луны, уходила на дно бешено вращавшихся ямоворотов и сама вращалась синхронно с ними. Нити немного утолщались книзу и напоминали воронки, образуемые торнадо.

Вокруг каждой из ям располагались 3—4 фиолетовые или лимонные точки. Еще пару подобных точек он заметил на мели. Дону пришло в голову, что это могут быть космические корабли Скитальца, генерирующие гравитационные или инерционные поля.

Из увиденного можно было заключить, что через нити осуществляется закачка лунного вещества в Скиталец через его северный полюс.

Араб, Пепе и Хай стояли над Гудзоном, сжимая в руках палки и готовые бросить их в кого-либо, кто появится в покрытой нефтяной пленкой воде.

Но никто не появлялся. В городе было непривычно тихо, даже для такого раннего часа. Хай выплюнул бычок, и Араб прикурил новый косяк, который они пустили по кругу.

Дорога, казалось, выбила их из колеи. Там, к западу, не было ничего из того, что они ожидали,— лишь бледное небо и маячившие вдали шпили Манхэттена.

— Каким-то образом она исчезла,— решил Хай,— может быть, просто села.— Он рассмеялся и перевел взгляд на могилу генерала Гранта:— Что ты думаешь по этому поводу, генерал?

— Вода в реке поднялась,— заявил Араб, нахмурившись и прикуривая третий косяк.

— Ясно, как Божий день,— согласился Хай.— Смотрите, она залила вон тот док.

— Это не док,— мрачно возразил Араб,— это затонувшая баржа.

— Все равно, вода поднялась на три метра за то время, что мы здесь.

— Ты с ума сошел!

— Я знаю, куда она подевалась! — вдруг закричал Пепе.— Эта желто-лиловая штучка — комбинированная подлодка и аэростат. Она просто погрузилась в воду. Вот почему вода поднялась. Она затаилась там, мерцая во влажной тьме.

Их пробрала дрожь от этой блестящей догадки. Пепе вскинул кулаки на уровень лица и опять закричал:

— Нет, стойте! Это не то. Это замороженный атомный взрыв. Они произвели его, затем заморозили огненный шар. И он плавает там, как шаровая молния, сначала в воздухе, а потом под водой. Когда он разморозится, городу настанет конец. Смотрите туда.

Красное солнце отражалось от окон, оно висело так низко, что казалось частью воды. Внезапно воображаемый страх перерос в настоящий, от которого не застрахован ни один курильщик марихуаны.

«Бежим!» — хотел крикнуть Араб, но его губы издали только шепот.

Они развернулись и побежали обратно в Гарлем.

Джейк Лишер, вытянув губы трубочкой, смотрел на редеющую толщу.

После захода Скитальца и с первой предрассветной мглой возбуждение на Таймс-сквер сошло на нет. Площадь после

землетрясения выглядела просто грязной и неубранной — еще один проект по сносу Манхэттена.

Он вспомнил поющую Салли и пританцовывающую толпу, тонувшую в лучах лилово-желтого света.

Он разжал губы и широко открыл глаза, почувствовав, как что-то щекочет его воображение.

Салли Харрис внезапно обвила его сзади руками. Развернув лицом к себе, она быстро зашептала ему на ухо:

— Идем скорее, пока эти волки не нашли меня. Это всего в четырех кварталах отсюда.

— Не надо меня так пугать,— жалобно произнес Джейк.— У меня появилась мысль, как сделать деньги. Так куда нам идти?

— Только что ты говорил, что тебя ничем невозможно напугать. Ха! Мы идем позавтракать к Хьюго Хасселтайну. Я — и мой маленький ключик. После землетрясения я чувствую себя тем лучше, чем выше нахожусь.

На что Джейк ответил:

— Тем дольше и больнее падать.

— Да, но тогда на меня ничего не упадет. Пошли. Ты лучше соображаешь на сытый желудок.

Навстречу им занималась заря.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Док аппетитно отрыгнул, сказав:

— Я бы не отказался еще от одного бутерброда.

— Я думаю, лучше воздержаться и оставить на потом,— ответила худая женщина извиняющимся тоном.

— Это была моя идея,— смущенно заявил Макхит.

— И думаю, правильная,— высказал мнение Док.— Никто не хочет сделать глоточек виски? — Он выудил бутылку из левого кармана куртки. Худая женщина хмыкнула.

— Лучше оставь это на всякий пожарный случай, Руди,— тихо сказал Хантер.

— Подозреваю, что Комитет общественной безопасности наложил запрет и на кофе,— проворчал Док.

Гарри Макхит нервно затряс головой и налил чашечку Доку и другим.

Энн вытянулась на двух стульях, укрывшись чьим-то забытым в спешке пиджаком, голова ее покоилась на коленях матери. Рама Джоун наблюдала за Скитальцем.

Восточное желтое пятно было теперь окружено фиолетовым сиянием, иллюзия раскрытой пасти исчезла. Полярные желтые участки сжимались по мере того, как уходили из поля зрения вследствие вращения планеты. Тем временем покрытая тончайшей паутиной трещин и выглядевшая ромбовидной Луна завершила второй круг обращения перед Скитальцем.

— Не думаю, что эти естественные образования — просто украшения.— Она замолчала, затем продолжила: — Если существа способны путешествовать вместе со своей планетой в гиперпространстве, они, безусловно, постарались бы придать ей эстетический вид. Пещерные люди не разрисовывали свои жилища снаружи, как мы.

— Мне нравится ваше предположение,— заметил Док, облизнув губы.— А что, это занятно: двухцветная планета, чтобы производить впечатление на соседей по галактике.

Войтович и Макхит принужденно рассмеялись. Аршин подумал: «Не сознавая того, они приблизились к пониманию славы Испана».

Хантер низким, отрывистым от волнения голосом сказал:

— Не думаю, что, находясь на такой высокой ступени развития, вы использовали бы естественные планеты для подобных целей. Вы бы построили ее из случайных материалов и отходов... Черт, но это же сумасшествие,— недоуменно пробормотал он.

— Вовсе нет,— заверил его Док.— Чертовски эффективно, если весь объем планеты в твоем распоряжении. До самого ядра можно разместить склады, жилые поселки и генераторы поля. Конечно же, потребуются огромные по размерам балки и перекрытия...

— Не потребуются, если использовать антигравитацию,— вмешалась Рама Джоун.

— Ого! — воскликнул Войтович.

— Ты умница, мамочка,— проговорила сквозь сон Энн.

— Да, но здесь нужно учитывать центробежную силу, способную разорвать планету на части.

— Не-а,— сказал Док,— масса и инерция исчезнут.

Пол прокашлялся. Он сидел рядом с Марго, накинув ей на плечи свой пиджак, но не решаясь обнять.

— Если существа настолько развиты, то с их стороны было бы нетактично нарушать спокойствие и вторгаться в пределы населенных планет на своем пути. Я имею в виду

некие законы Галактической Федерации, или как она там назь вается.

— Мероприятия по космическому благоустройству,— с сардонической ухмылкой подсказал Док.

— Вы абсолютно правы, молодой человек,— авторитетно заявила толстуха; ее подруга кивнула, плотно сжав губы.— Первый закон тарелочников гласит: «Не причинять вреда всему живому, заботиться и защищать его».

— Но ведь это первый закон председателя правления «Дженерал Моторс»,— недоуменно проговорил Хантер,— или председателя Мао.

Рама Джоун вопросительно улыбнулась и спросила Пола:

— Отправляясь на автомобиле, какие специальные меры предосторожности вы принимаете, чтобы не задавить собаку или кошку? А помечаете ли вы муравьиные кучи в своем саду?

— Вам по-прежнему не дает покоя ваша теория о демонах с летающих тарелок? — задал вопрос Док.

— Демоны здесь ни при чем,— пожала плечами Рама Джоун.— Но эти существа преследуют какие-то свои цели, идущие вразрез с вашими.

— Значит, зло — всего лишь автомобильная авария?

— Возможно. Вы же знаете, что есть невнимательные водители и даже водители, для которых машина служит средством самовыражения.

— Даже если эта машина — планета,— проговорил Пол.

Рама Джоун утвердительно кивнула.

— Чтобы выразить себя, я всегда раздеваюсь догола.— Док озорно захихикал.

В разговор резко вмешалась Марго:

— Когда я за рулем, то вижу кошку на тротуаре за три квартала. Кошки тоже люди. Потому-то я и не переступлю никогда порога Ванденберга, даже если бы они вели себя поприличнее в других отношениях.

— Но разве люди всегда остаются людьми? — с улыбкой спросил Хантер.

— Не уверена в этом,— заявила она, наморщив нос.

Толстуха недовольно фыркнула.

— Надеюсь, когда все прояснится, вы не будете сожалеть о том, что прошли мимо базы и примкнули к нам. Вы ведь сами выбрали этот путь? — нежно проговорила Рама Джоун, обращаясь к Марго.

Войтович вскочил на ноги:

— Смотрите туда!

Он показывал рукой на скачущие вверх-вниз огоньки фар вдали. Затем до их ушей донеслось урчание двигателя.

— Похоже, майор Хамфри передумал и послал за вами машину,— сказал Хантер.

— Нет, шум идет не оттуда,— произнес Док.

— Да,— подтвердил Войтович,— он идет со стороны шоссе, из-за оползня.

Огни повернули и засверкали в полную силу. Несмотря на предрассветные сумерки, было трудно определить, что это за машина.

— Это панелевоз Хиксона,— отозвался Маленький Человечек.

— А вот и миссис Хиксон,— сказал Док, увидев фигуру в серых штанах и свитере, соскочившую с грузовика и бегущую по направлению к ним.

Миссис Хиксон, еще вечером выглядевшая импозантной женщиной, сейчас с головы до пят была перепачкана грязью, волосы ее растрепались и свисали космами, взгляд остекленел, подбородок был в крови. Когда она остановилась, ее начало трясти.

— Дорогу завалило с обеих сторон,— сказала она, тяжело дыша.— Мы потеряли остальных. Наверное, они погибли. Весь мир в развалинах. О Боже, у вас есть что-нибудь выпить?

— Ты был прав,— сказал Док Хантеру, доставая бутылку с виски и наливая двойную порцию в кофейную чашечку. Но прежде чем он успел разбавить его водой, она вырвала чашку и жадно выпила до дна. Ее передернуло. Док крепко обнял ее за плечи:

— А теперь расскажите нам все по порядку, с самого начала.

Она кивнула, закрыв на мгновение глаза.

— Мы откопали три машины — Ривиса, нашу и микроавтобус Вентгера. Остальные оказались слишком завалены. В грузовике нас было только трое — Билл, Рэй и я. Когда мы выбрались на шоссе, там было пусто. Это должно было насторожить, но мы только обрадовались. Мы повернули на север, в сторону Лос-Анджелеса, следуя за микроавтобусом. Несмотря на помехи,нам удалось поймать две радиостанции. К сожалению, только обрывки передач. Удалось лишь понять, что в Лос-Анджелесе произошло крупное землетрясение, далее следовали инструкции, как себя вести. Нам приходилось маневрировать между небольшими оползнями и облом-

ками горной породы. Шоссе по правую сторону круто обрывалось в море.

Внезапно дорога вздыбилась. Машина закачалась, как лодка на волнах. Дверца распахнулась, и Рэй вылетел из машины. Я вцепилась в Билла, который отчаянно жал на тормоза. Скалы полетели вниз. Огромный валун размером с комнату рухнул впереди машины, отколов от дороги кусок метра три в ширину. Я даже язык прикусила. Машина остановилась. Я задыхалась от пыли. Затем мы услышали громкий всплеск воды в том месте, где упала скала. Во рту я ощущала соль, кровь и пыль.

Наступила пугающая тишина. Впереди был завал. Мы не знали, что случилось с микроавтобусом. Тут начался новый оползень. Огромный валун едва не задел нас. Билл затащил меня обратно в машину. Он шел между обрушившейся породой, инструктируя меня, как выворачивать руль, маневрируя в этом месиве. В промежутках он откашливался и проклинал новую планету.

Тут мы услышали, как кто-то материт нас на чем свет стоит. Это был Рэй. Мы совсем о нем забыли. У него была сломана нога выше колена. Мы перенесли его на куске полотна в кабину. Билл уселся за руль, развернулся, и мы двинули обратно, объезжая небольшие оползни. Мы надеялись встретить другие машины, но так ни одной и не увидели. Билл остановил машину возле телефонной будки на обочине, но телефон не работал, даже свет в ней погас, пока он пытался набрать номер. По радио были слышны только помехи. Единственное слово, которое, как показалось, мы расслышали, было «пожар».

Мы проехали этот поворот, но нигде не увидели ни души и вернулись обратно. Больше нам ехать некуда.

Она глубоко вздохнула.

— А как насчет местных дорог в горах Санта-Моника? И как там горное шоссе Моника? — спросил Док.

— Местные дороги? — миссис Хиксон с интересом взглянула на него, но тут у нее началась истерика:—Ну ты и идиот! На месте этих гор — сплошное месиво!

Она забилась в припадке безудержного смеха. Она пыталась отчаянно сопротивляться, когда Док зажал ей рот рукой, но вскоре сдалась и уронила голову на грудь. Женщины увели ее. Рама Джоун попросила Марго занять ее место, чтобы не потревожить спящую на коленях Энн.

— Интересно, почему на этом участке дороги больше не видать машин? Выглядит неестественно,— обратился Пол к Доку.

— Вероятно, они развернулись, испугавшись оползней. Все-таки хочется верить, что некоторым удалось прорваться через горное шоссе,— выразил надежду Док.

До них донесся клич Хантера:

— Эй, идите сюда и захватите носилки. Нужно вытащить Рэя из машины.

Задыхаясь и идя неровной походкой после быстрого, сумасшедшего бега, троица братьев по травке добралась наконец до своего родного «цветного» района.

Однако вид его сильно их разочаровал. Тротуары, еще два часа заполненные до отказа людьми, были пусты. Единственным свидетельством этого были разбросанные повсюду бумажные стаканчики и бутылки. Машины тоже не ездили, хотя были беспорядочно припаркованы то там, то сям.

Сощурившись, они глядели на восходящее солнце. Похоже было, что Гарлем полностью вымер.

Дая Дэйвиса ужасно потешили странные сообщения о Скитальце, которые он слушал по радио в небольшой пивной вблизи Портшида. Он наведался сюда после короткого сна, чтобы опохмелиться. Время от времени он пускался в изящный, даже опоэтизированный комментарий этих сообщений, чтобы развеселить невосприимчивых собутыльников.

— Говорите, лиловый и болезненно желтый? Клянусь, ребята, это написанная звездным светом американская реклама виноградного сока или советский супераэростат, запущенный, чтобы покарать погрязший в грехах Чикаго и поразить Америку в самое сердце украшенным драгоценными камнями священным «Манифестом» Маркса.

«Сообщения поступают в Англию по трансатлантическому кабелю,— поведал насмешливый голос диктора,— так как в эфире бушуют сильные магнитные бури».

Дай очень сожалел, что рядом нет Дика Хиллари. Эта милая чушь привела бы ненавистника космических полетов и НФ в сильное смущение, кроме того, он был бы более благодарным ценителем его редкого остроумия, нежели эти надутые сомерсетские индюки.

Но когда после изрядной дозы спиртного он услышал сообщения о том, что Луна потрескалась и захвачена Ски-

тальцем, а голос диктора к тому времени приобрел почти истерические нотки, настроение круто изменилось, и Дай, пьяно расчувствовавшись, разразился речью.

— Украли нашу Мону-бах? Чертовы янки. Они причинили ей боль. Ну что ж, мы переплывем океан и сотрем Манхэттен с лица Земли, не так ли, друзья мои!

Что было встречено отнюдь не с энтузиазмом:

— Заткнись ты, ханыга, дай послушать, валлийский дикарь.

И от хозяина:

— Больше я тебе не наливаю, ты и так уже пьян.

— Трусливые сомерсетцы,— громко отозвался Дай и сгреб кружку в кулак наподобие кастета.— Если вы не последуете за мной, я буду бить вас повсюду в районе Мендин Хиллс.

Дверь пивной распахнулась, и перед ними на фоне тумана предстала освещенная белоглазая фигура, напоминающая в своей широкополой шляпе пугало.

— Что-нибудь было об отливе по радио или телеку? — спросило пугало хозяина.— Никогда я еще не видел, чтобы вода из канала уходила, даже во время весеннего равноденствия, когда дует восточный ветер. Идемте, сами увидите. Если это будет продолжаться, то через пару часов пролив обмелеет так, что по нему можно будет гулять, как по земле.

— Ладно! — громко крикнул Дай, позволив хозяину забрать у себя кружку, и навалился грудью на стойку, в то время как остальные посетители медленно потянулись к выходу.— Тогда я пройду пять миль через пески Северна обратно в Уэльс, чтобы не видеть ваши трусливые сомерсетские рожи, клянусь Богом.

— Ну и слава Богу,— пробормотал кто-то достаточно громко, а какой-то шутник добавил:

— Тогда тебе придется пересечь Аск Пэтч по камням, и не пять миль, а гораздо больше. А в пяти милях отсюда расположен Монмут, а не Уэльс.

— Монмут для меня по-прежнему валлийский город, и будь проклята Уния 1535 года,— ответил Дай, уронив подбородок на стойку.— Идите, глазейте на это водянистое чудо. Я же думаю, что это все янки: сначала раскололи и приковали Луну, а теперь хотят украсть и океан.

— Свяжитесь с ретранслятором на острове Рождества, Джимми. Скажите, что их изображение тоже поплыло,— отрывисто сказал генерал Спайк Стивенс.

Наблюдатели под землей сгрудились у правого экрана, не обращая внимания на левый, по которому вот уже час шли сплошные помехи.

На экране было переданное со спутника изображение Скитальца и вращающейся вокруг Луны, однако оно рябило из-за искажений.

— Я пытался, сэр, но не могу поймать волну,— ответил капитан Джеймс Кидли.— Связь на КВ пропала. Проходят только УКВ, но даже они...

— Но мы же Штаб, черт побери!

— Виноват, сэр, но...

— Свяжитесь со Штабом-один.

— Сэр, они не...

В тот же миг пол сильно завибрировал и раздался оглушительный треск. Свет, замигав, погас, затем зажегся. Подземную комнату затрясло. Посыпалась штукатурка. Свет погас опять, продолжал мерцать только один экран. Внезапно колышащееся космическое изображение сменилось силуэтом огромной кошачьей головы с остроконечными ушами и злобно ухмыляющейся пастью. Было похоже, что в телескоп с борта беспилотного спутника на высоте 23 000 миль пялился тигр. Эта картинка держалась какой-то миг, затем изображение поплыло и экран погас.

— Боже, что это было? — заорал в темноте генерал.

— Вы тоже заметили? — Вопрос Мэйбл Уоллингфорд сопровождался истерическим смехом.

— Заткнись, сучка! — взвился генерал.— Джимми?

— Это было случайное искажение,— прозвучал дрожащий голос молодого капитана.— Эффект наложения. Это не могло быть...

— Тихо! — заорал полковник Гризволд.— Тихо!

До них донесся плеск воды.

На борту «Принца Чарльза» особенно остро ощущалось то, что эфир забит помехами.

Как террористы, захватившие шикарный лайнер, так и оставшиеся верными присяге члены экипажа, используя любительский передатчик, пытались прорваться в эфир и сообщить что корабль захвачен, но если первые хотели уведомить об этом своих главарей, то вторые стремились дать знать о случившемся британским ВМС. А Вулф Лоунер, находившийся в 3000 миль от них, восхищался тем, как чудесно жить без газет и радио, и тихо надеялся, что его путешествие закончится не скоро.

Магнитное поле Скитальца, намного более мощное, чем земное, распространялось с такой же скоростью, как и гравитационное, практически моментально выводя из строя магниточувствительные приборы. Но помимо этого всепроникающего влияния, обращенная к Скитальцу сторона Земли подверглась воздействию странной прямолинейной силы, которая, прорвав защитный пояс Ван Аллена, обрушила на планету лавину протонов и электронов.

Эти излучения особенно усилились, когда Луна перешла на орбиту Скитальца и начала раскаливаться. Результатом явилась ионизация и другие менее заметные эффекты, лишившие землян радиосвязи.

Первая ночь Скитальца привела к катастрофическим последствиям. Засорив эфир помехами, он отрезал страны, города и просто людей друг от друга.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Пока разношерстная «медицинская бригада» в составе Дока, Рамы Джоун и Аршина готовилась оказать помощь Рэю, Кларенс Додд возглавил экспедицию к засыпанным машинам. Это оказалось нелегким делом. Поэтому они разделились.

Макхит вприпрыжку побежал к «медикам» после того, как обнаружил шину и повязку в бардачке запасливого Доддси.

— Не напрягайся, малыш! — крикнул ему вслед Войтович.— Малый перебарщивает,— сказал он Полу,— а я отвечаю за него перед его тетками, хоть они и представляют собой занудливых старых дев.

После небольшого перехода они помогли Доддси и Биллу Хиксону разгрузить его полузасыпанный фургон и перенести значительное количество необходимых в их положении вещей, включая консервы, банки с безалкогольным пивом, простыни, два кожаных пиджака, небольшую палатку, угольные брикеты и керосин, примус и семикратный полевой бинокль. Через него они наблюдали за Скитальцем, и хотя никакие подробности рельефа разглядеть было невозможно, они тем не менее заметили, что трещины на Луне угрожающе увеличились в размерах.

Из машины Доддси извлекли также два мачете (Пол усмехнулся, таким романтичным это ему показалось) и две

армейские винтовки с патронами. Наконец с помощью шланга они перекачали бензин из засыпанных машин в бак грузовика и набрали еще пятнадцать галлонов в канистры в качестве резерва.

Войтович приложил одну из винтовок к плечу:

— Вот я и снова в армии. Вперед, марш! Я просто дурачусь,— пояснил он Полу.

Загруженный грузовик, дважды пробуксовав в песке, довольно быстро вернулся обратно.

Исследовав захваченные богатства, Док прокомментировал это так:

— Доддси, я вижу, ты и впрямь вроде как готовился к такому повороту событий. Но не захватить чего-нибудь выпить с градусами, хотя бы пива! — Он указал на банки с безалкогольным пивом.

— У меня есть достаточные запасы барбитуратов и декседрина,— не моргнув глазом ответил Доддси.

— Все это не то,— посетовал Док,— я всегда равнодушно относился к сонникам.

— Вот если бы был мескалин, или, скажем, пейотль, или парочка косяков с травкой...

Ванда бросила на него свирепый взгляд. Макхит нервно засмеялся. Войтович, укоризненно посмотрев на Дока, печально произнес:

— Он шутит, малыш.

Док улыбнулся и обратился к худой женщине:

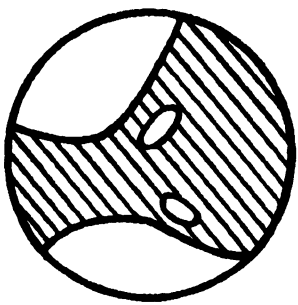
— Разлей остатки горячего кофе, Ида. У Хиксонов еще маковой росинки во рту не было, а мы все обойдемся остатками сандвичей и чашечкой кофе. Ведь у Доддси обнаружился молотый, так что нет нужды экономить, и, кроме того, нам нужна емкость, чтобы набрать воды из резервуара в павильоне,— я пробовал, пить можно. Некоторые могут подумать, что я алкоголик, но я имею в виду всего лишь воду — H_2O.

Все дружно согласились с его предложением. Люди устали и были рады посидеть на краю платформы, поднявшись с песка. Посредине на раскладушке почивал Рэй Хэнкс, чья забинтованная, с наложенной шиной нога напоминала, по выражению Войтовича, водосточную трубу. Но раненный Рэй этого не слышал — он мирно спал, убаюканный выпитым виски и легким «целительным прикосновением» Аршина.

Ида вначале налила кофе Хиксонам, которые примостились рядышком, обнявшись. С печальным видом они при-

няли кофе из ее рук, задав тональность всему собранию в целом. Над ними витала какая-то безысходная печаль. Хантер оказался прав, когда сказал, что каждый по-своему считает это место своим домом и с ужасом думает о моменте расставания. Здесь, на берегу океана, не было ни холмов, ни зданий, которые могли обрушиться, ни трубопроводов, которые могли треснуть и вспыхнуть желто-горячим пламенем, ни высоковольтных линий, могущих оборваться и загореться (хотя, по правде говоря, здесь был покосившийся от землетрясения павильон, но разрушилась только одна стена, и потому это можно было не принимать во внимание). Не было здесь и посторонних, лезущих со своими советами и указаниями, ни пострадавших, нуждавшихся в их помощи. Помехи избавили их от сообщений о масштабах катастрофы, от инструкций, предписывающих поведение в сложившейся ситуации. Было просто приятно сидеть тут и наблюдать за Скитальцем такой себе маленькой дружной компанией. Скиталец садился за горизонт. Луна опять зашла за него. Центральное, окрещенное ими «яблочком в мишени», желтое пятно ушло из поля зрения. Большее же, нижнее, выползало на свет. Два малых желтых пятна смотрели на них, как глаза.

Доддси отставил чашку с кофе и принялся рисовать в своем блокноте.

ПЯТЬ ЧАСОВ

— Бык,— сказала по-испански Марго.

— Голова осьминога. Жители Крита именно так изображали его на своих вазах,— высказала мнение Рама Джоун.

— Но нам придется убраться отсюда часа через три-четыре,— внезапно произнес Док, оглашая то, что не высказывалось вслух и мешало остаться здесь навсегда,— прилив.

Хантер, нахмурившись, укоризненно посмотрел на него, и Док поспешил исправиться:

— Прошу понять меня правильно, сейчас мы вне опасности, даже совсем наоборот. Интервал между приливом и отливом составляет здесь десять часов, а это означает, что отлив наступит через четыре часа после того, как Луна окажется в зените. Другими словами, через час все будет в порядке. Видите, как далеко полоса прибоя? Поэтому у нас будет достаточно времени для отдыха.

— Но что вы имели в виду, Док? — спросил Войтович.

Хантер опять нахмурился и покачал головой.

Обернувшись к Войтовичу, Док разъяснил:

— Вы знаете, наверное, что причиной приливов и отливов является Луна. Но теперь ее место занял Скиталец, и следует ожидать, что время приливов и отливов не должно сильно измениться.

— Это хорошо,— заметил Войтович,— а то я было испугался.

Однако большинство хмуро смотрело на Дока. Тот вздохнул и сказал:

— Хотя, судя по тому, как он захватил Луну, его масса должна быть сопоставима с массой Земли, а это в восемьдесят раз превышает массу Луны.

Воцарилось долгое молчание. Цифра 80 нависла над ними, как готовая обрушиться скала. Казалось, это не беспокоило лишь Аршина и двух его спутниц. Хантер продолжал хмуриться, наблюдая за общей реакцией. Рама Джоун, на коленях которой спала дочь, вдруг ласково улыбнулась Доку. Миссис Хиксон протянула руки, собираясь что-то сказать:

— Но...

Ее муж вернул руки на место и крепче прижал ее к себе, печально кивнув Доку. Пол тоже кивнул, обняв наконец-таки Марго. Маленький Человечек сунул блокнот в карман и сложил руки на груди.

Док смотрел на них, задумчиво и печально улыбаясь.

Пришел черед юного Макхита вступить в разговор.

— Вы хотите сказать, мистер Брехт, что эти волны будут... в восемьдесят раз больше?

— Он не говорил этого,— с жаром вмешался Хантер.— В основе прилива лежит эффект резонанса, и для того чтобы увеличилась амплитуда волны, должно пройти немало времени.

— Это похоже на правду,— сказал Док.— К тому же существуют еще эффекты, которые смягчат воздействие такой

массы. Тем не менее эта двухцветная планета, похоже, не собирается терять в весе. Вы видели, что она сделала с Луной? Когда это случится — через семь часов или через неделю,— я буду чувствовать себя в большей безопасности, забравшись в горы. Вот почему я так интересовался горным шоссе Моника,— пояснил он Хиксонам.— Итак,— продолжил он громко, предчувствуя, что сейчас начнется оживленный обмен мнениями,— прежде чем что-либо предпринять, необходимо собраться с силами, что я и намереваюсь сделать. Те, кто собирается попусту тратить силы на болтовню, мне не помешают.

И он вытянулся на четырех стульях, прикрыл рукой глаза и театрально захрапел.

На втором круге обращения вокруг Скитальца Дон Мерриам поймал себя на мысли, что совсем забыл о Земле.

«М-да, там, видимо, начались разрушительные землетрясения, а в океанах поднялись гигантские волны и, может быть...» Впрочем, он понимал, что Скиталец способен с такого расстояния проделать с Землей то же, что и с Луной, однако захотелось убедиться в этом самому, взглянув в сильный бинокль.

Он считал своим долгом предупредить Землю о грозившей опасности, по крайней мере попытаться связаться с ней. И не важно,что шансы могут быть равны нулю. Он включил передатчик в режим приема-передачи. Один раз даже показалось, что ему ответили, но сигнал быстро затух.

Он подумал: интересно, а слушает ли его кто-нибудь на Скитальце?

Для Араба Джонса и компании уже наступило утро, тогда как тарелочники все еще пребывали во власти ночи, хотя и на западе в Скалистых горах забрезжил рассвет, осветив тусклым розовым светом площадку, на которой находился Аза Холком.

В районе Рузвельт-сквер Араб вскинул руку, указав на крыши домов:

— Вот она где!

Пепе и Хай подняли головы. На крышах невысоких домов выстроились люди. Так вот почему опустели улицы. Некоторые смотрели на них, делая знаки руками и крича.

Однако различить слова было практически невозможно из-за шума, производимого мотором брошенного впопыхах такси.

— Эти идиоты думают спастись от бомбардировки на крыше,— сказал Пепе.— Но бомбы летят из космоса, а не просачиваются через норы в земле.

— Ты уверен в этом?—спросил Хай.— А вдруг этот огненный шар прокладывает подводный туннель?

— Они все ждут, когда он появится,— громко закричал Араб, обращаясь к людям на крышах.— Они уже все мертвецы. Музей восковых фигур на крыше!

Внезапно страх обрел реальную силу. Сама мысль о том, что за ними наблюдают, заманивают, а затем затащат туда, наверх, в общество этих живых восковых мумий, стала непереносимой.

— Сматываемся отсюда! — заорал Хай.

Он нырнул в такси на место водителя. Араб и Пепе плюхнулись на заднее сиденье. Набирая скорость, Хай двинул на запад, старательно объезжая брошенные машины.

Помещения городской полиции Нью-Йорка и Управления пожарной охраны гудели, как потревоженные ульи. И причины тому были более чем серьезными: преувеличенные сообщения о размерах приливных волн в Хелл Гейте, разрушения, вызванные землетрясением на верхнем Бродвее, директивы, поступившие от компьютера, который помещался в подземном координационном центре и сгорел из-за проникновения в него воды; наконец, ложные рапорты о беспорядках в районе Поло Граунд.

К тому же нервы ведь не железные — люди ощущали страх в сочетании с необъяснимой тягой выйти на улицу и разыграть из себя героя. Похоже было на то, что Скиталец доказал правильность предрассудков насчет того, что Луна испускает лучи безумия: для всего западного полушария от Бостона до Буэнос-Айреса стали характерными такие вылазки.

Услышав вой сирен, Хай Банди нажал на газ. Поначалу они даже не поняли, откуда это доносится.

Когда такси пересекло 8-ю авеню и вой сделался еще более отчетливым, они увидели, что к ним приближаются две полицейские машины с красными мигалками.

Хай притопил еще. Однако вой стал громче. Посредине следующего перекрестка он заметил старый полуразобранный автомобиль. Хай объехал его справа, тогда как «черный ворон» и машина начальника пожарной охраны, выскочившие с 7-й авеню, объехали развалюху с другой стороны. Хай выжал газ до конца и выскочил на 7-ю авеню, опережая ехавшие на равной дистанции пожарные машины.

Пепе увидел широко раскрытые глаза водителя и от неожиданности закрыл лицо руками.

За следующим перекрестком проносились другие полицейские и пожарные машины.

Не будь друзья обкурены, до них дошло бы, что вся эта суматоха происходит вовсе не из-за них, что полицейским и пожарным и дела до них никакого нет.

Но они были обкурены и потому охвачены страхом погони. Пепе всерьез считал, что из них сделают козлов отпущения, обвинив в попытке взорвать Манхэттен, и обязательно будут допытываться, где они взяли огненный шар.

Араб думал, что целью полиции было препроводить их на крышу ближайшего дома и оставить там связанными в компании лыбящихся восковых мумий.

А Хай попросту полагал, что их засекли телепатически за курением травки. Он ударил по тормозам, немного не доезжая до Лепокса. Все высыпали наружу.

Вход в метро зиял открытой темной пастью, правда, его загораживали козлы для пилки дров, но они осторожно обогнули их и затопали по ступеньками.

В кабинке выдачи жетонов было пусто, поэтому пришлось перелезть через турникеты. На станции стоял освещенный поезд с открытыми дверями — также пустой.

Станция была залита светом, хотя на платформах не было видно ни одного человека.

Раздалось мягкое, но настойчивое мурлыканье, но затем все стихло.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Примеру Дока последовала лишь Рама Джоун, а потому он, через полчаса осознав тщетность своих попыток, открыл глаза и, опершись подбородком на руку, вмешался в беседу между Хантером и Полом. Те спорили о том, какое положение в пространстве займут Земля и Скиталец относительно друг друга.

— Я просчитал это в уме — приближенно, конечно,— заявил Док.— Если допустить, что обе планеты обладают равными массами, то они будут вращаться вокруг точки посередине расстояния между ними с периодом в девятнадцать дней.

— Даже меньше,— возразил Пол.— Вы же видите, как быстро он движется.— Он указал на странную планету, ставшую теперь оранжево-коричневой.

Док издал сдавленный смешок:

— Это оттого, что Земля вращается, поэтому-то мы видим и восход солнца.

Пол рассердился на себя за то, что сморозил глупость.

— Типичная ошибка,— продолжал Док,— я тоже вначале пришел к такому выводу. Ведь мозг свой все мы унаследовали вместе с копчиком, из которого у наших предков произрастал хвост. Эй, смотрите, как далеко отошло море. Росс, боюсь, что приливно-отливные эффекты начинают проявляться быстрее, чем мы думали.

Пол, пытаясь вернуться к сути разговора, заставил себя представить, как монстры, восьмидесятикратно превосходящие обычные волны, обрушатся на все побережье.

— Земля приблизится к девятнадцатидневной орбите только через десять суток, поскольку движется с ускорением всего 0,05 дюйма в секунду. Для Луны же по отношению к Скитальцу ускорение должно составить четыре фута в секунду, совокупно, разумеется.

Прохладный ветерок забирался под одежду, Пол застегнул пиджак, подняв воротник. Марго облачилась в кожаную куртку, которую дал ей Маленький Человечек. Она уставилась на длинное, плоское побережье.

— Посмотри лучше, как свет играет на влажном гравии,— сказала она Полу,— будто кто-то рассыпал топазы и аметисты.

— Тс-с,— прошипела толстая женщина,— он принимает сообщение.

Рядом с ней в позе мыслителя, уставившись, как загипнотизированный, на Скиталец, сидел Аршин.

— Император говорит, Земле не будет причинено никакого вреда,— монотонно, словно пребывая в трансе, бубнил Аршин.— Ее штормовые воды будут успокоены, океаны отойдут от берегов.

— Планета короля Канута,— пробормотал Док.

— Вашему императору следовало бы поторопиться, чтобы остановить землетрясение,— едко отозвалась миссис Хиксон. Мистер Хиксон взял ее за руку и что-то зашипел на ухо. Она передернула плечами, но смолчала.

Рама Джоун открыла глаза.

— Ну, что вы теперь думаете — это ангелы или демоны? — бросила она вызов Доку.

— А я подожду, пока один из них спустится, чтобы вблизи рассмотреть, какие у него крылья — кожаные или из перьев.

Поняв, что неудачно пошутил, он перевел взгляд на Скиталец, сардонически ухмыльнувшись:

— А, вижу, пока я дремал, вы не теряли времени даром — загрузили грузовик. Не забыли и про канистры с водой; что ж, я благодарен тебе, Доддси. Как там Рэй Хэнкс? — тихо спросил он Хантера.

— Проснулся, когда мы перенесли его в машину.

В небе послышалось жужжание. Все остались спокойными, лишь кое-кто посмотрел зачем-то на Скиталец. Гарри Макхит взволнованно сообщил:

— Это вертолет из Ванденберга.

Вертолет, похожий на стрекозу, опустился к морю, затем внезапно повернул к берегу и полетел на высоте не более 50 футов. Жужжание переросло в рев.

Воздушная волна от винта подняла и веером разбросала валявшиеся на песке программки.

— Этот идиот что, хочет приземлиться прямо на нас? — Док, как и другие, пригибался, скосив глаза вверх.

Перекрывая шум мотора, сверху донесся голос:

— Убирайтесь, убирайтесь отсюда!

— Но почему, сволочь? — прогремел Док, так что никто не расслышал, что было сказано с воздуха дальше.— Им мало того, что они захлопнули дверь перед нашим носом. Теперь они приказывают нам убираться отсюда!

— Уходите с пляжа,— сказали с вертолета, и он, развернувшись, полетел дальше вдоль берега.

— Послушайте, Док,— крикнул Войтович, схватив его за плечи,— может, они пытаются предупредить нас о приливе.

— Но до него еще шесть часов...

Внезапно Док замолчал: до него дошло, что шум с отлетом вертолета не прекратился, и он заметил, как между досками бьет ключом вода.

Все пространство вокруг танцплощадки покрылось белесой пеной. Из-за чертового вертолета они не заметили, как накатила волна. Шум винтов скрыл шум волны.

— Но...— пробормотал Док.

— Это не прилив, это цунами! — закричал Хантер.

Док в отчаянии хлопнул себя по лбу.

Волна с шипением схлынула, оставив островки призрачно-бледной пены.

— Вон, следующая приближается! — заорал Пол, с ужасом глядя на вздымающийся вал воды.— Заводите машину!

Хиксоны уже устроились в кабине. Двигатель кашлянул и затих. Стартер издал жалобный вой. Доддси, Док и Макхит спрыгнули на землю и приготовились толкать грузовик. Рама Джоун запихала Энн в кузов, и когда девочка попыталась вырваться обратно, ударила ее по лицу.

— Сиди здесь и держись покрепче.

Ванду, попытавшуюся последовать примеру ребенка, сгреб в охапку Войтович, приговаривая:

— Не сейчас, толстушка.

Мотор опять чихнул. Оставив Ванду, Войтович и Пол вцепились в задний бампер и принялись толкать грузовик. Он сдвинулся на пару футов. Еще один толчок, еще пара футов вперед, еще толчок, и внезапно машина завелась и стала быстро удаляться, виляя задом. Фары освещали пенную дорожку позади.

Вторая волна накрыла платформу и слегка раскачала ее; из щелей между досками били фонтаны.

Когда вода отступила, Пол энергично протолкал Марго вперед по скользким доскам. Та не выпускала кошку из рук. Он остановился на заднем краю платформы и взглянул на остальных барахтающихся в воде друзей по несчастью.

— Быстрее, пока не грянула третья! — заорал он и вместе с Марго пустился в погоню за грузовиком.

Араб, Пепе и Хай ожидали, что полиция настигнет их здесь, поэтому закрылись в туалете, приготовившись спустить набитые марихуаной сигареты в унитаз. Пепе в это время прислушивался через дверь. Они проделали все почти инстинктивно.

Однако никому больше не пришлс в голову прятаться в метро. Вскоре они вышли из туалета.

Пустая станция напомнила приятелям их притон, поэтому какое-то время они просто бродили по перрону. Пепе решил вытащить из автомата шоколадку, но она перекосилась и застряла. Он пнул автомат несколько раз, но когда тот загудел, отоцел в сторону. Они прошлись вдоль всего поезда и остановились у кабины машиниста. Араб крутанул рычаг.

Двери стали закрываться, и он вернул рычаг на место. Он дернул за другой, и поезд загудел, готовый к отправлению. Араб поспешно вернул его в прежнее положение.

— Лучше ничего здесь не трогать,— хихикнул он.

Они заглянули в темноту двойного туннеля в надежде увидеть встречный поезд. Но поезд так и не показался.

Чем дольше они находились на пустой станции, тем больше она казалась их частным владением. С этим чувством собственников они закурили по косяку.

Наконец Араб произнес:

— Итак, что же, черт возьми, произошло, Хай?

Тот, сильно нахмурившись, сказал:

— Это русский десант с суперподводных лодок. Разбили в пух и прах войска в битве у Юнион-сквер, остатки армии отошли на север, русские продвигаются вперед. Мои приказы на сегодня: затаиться и ни звука.

Араб кивнул:

— Ты, Пепе?

— Это огненный шар. Он распался, не взорвавшись, и поплыл вдоль улиц к центру города. Люди забрались на крыши, думая, что это ядовитый газ, но это опиумно-конопляная смесь. Все, кроме нас, задохнулись. Не боишься вдохнуть, Араб?

Из туннеля повеяло специфическим запахом метро.

— Давай, Араб, теперь твоя очередь,— Пепе ткнул его в бок.

— Ладно, до меня дошло, в чем дело,— начал Араб.— Вода в реке продолжает подниматься. Она уже вышла из берегов и движется на север. Библейский потоп. Люди забрались на крыши и превратились в соляные столбы. Улицы и станции метро опустели. Толпа разбежалась. У пожарников есть шланги, но они бессильны противостоять воде. Они тоже дали деру. А вода все прибывает и прибывает.

— Это похоже на правду,— прокомментировал Хай,— реалистично.

Внезапно они почувствовали, что к теплой волне запахов примешался еще один, посторонний.

В глубине туннеля вспыхнул голубой свет.

— Поезд идет,— сказал Пепе.

Последовала еще одна голубая вспышка, и еще. Легкий бриз перерос в ветер, и они поняли, что это был за запах: так пахло у речки. Шум нарастал.

— Темный поезд едет по обоим путям,— прохрипел Араб.

Голубые вспышки были все ближе и ближе, кисло-соленый ветер превратился в ураган, его шум напоминал тысячеголосый львиный рык.

Через мгновение они увидели пенящуюся темную массу, охваченную внизу голубым пламенем.

Трое, стоявшие на платформе, обнялись.

Салли Харрис и Джейк Лишер завтракали на серебре и хрустале, поклевывая яичницу-болтунью с икрой.

— Гм-м, высоко мы забрались,— произнесла Салли, поглядывая в окно,— все, что я вижу,— это Эмпайр Стейт Билдинг, здание Эр-Си-Эй, Крайслера... А это что там чернеет — Уолдорф-Астория, что ли?

— М-да, под нами сорок этажей,— промолвил Джейк, накладывая икру на разрезанный вдоль бублик.

Салли с чашкой кофе в руках подошла к хромированной балюстраде в виде трубы и хищно уставилась вниз:

— Хм-м, а людишки отсюда кажутся муравьями,— сказала она, обращаясь к Джейку.— Помнишь, я спрашивала тебя, зачем из домов торчат эти маленькие гидранты? Я думала, для того чтобы тушить пожары в загоревшихся автомобилях или для разгона демонстраций.

— Не-а, из них поливают тротуары по утрам,— объяснил ей Джейк, наливая кофе из высокого изящного кофейника с красным огоньком в основании.

Она кивнула:

— Вот и сейчас их включили.

— Но улицы поливают в четыре утра, а сейчас уже восемь.— Его взгляд стал отстраненным. Похоже было, что мысль о том, как подзаработать денег, осенившая его на Таймс-сквер, возвратилась вновь.

— М-да, возможно, на улице так мокро.— Она продолжала смотреть вниз.— Ну так что, Джейк?

— Что? Салли, я пытаюсь сообразить.

— Ты прав. Вода льется не из гидрантов, она прибывает из метро.

Вдруг дом задрожал. Пол приподнялся и опустился. Джейк больно ударился пятками. Дом кренился и раскачивался. Джейк замахал руками и схватился за хромированную балюстраду, на которой, раскачиваясь, пронзительно визжала Салли.

Шум и вибрация стихли. Салли выглянула из окна и указала на черную ленту, выползавшую из-под основания их дома.

— Смотри! — завопила она — Дым! Захватывающее зрелище, да? — спросила она, когда он оттащил ее обратно.— Чем не развлечение?

Несмотря на всю неразбериху, Джейк был в состоянии трезво мыслить. Он понял, что это и есть посетившая его денежная мысль. Позади них погасли огоньки на кухонных приборах.

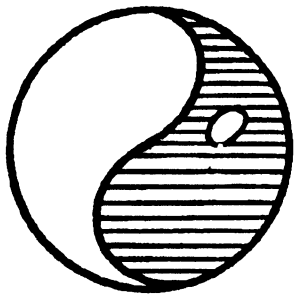
Тарелочники убежали еще от трех волн цунами, состоявших больше из грязной пены, нежели из воды, и достигли наконец сухого песка. Многие едва переводили дух после отчаянного спурта. Аршин и Ида буквально волокли за собой толстуху.

В это время на них накатывала действительно огромная волна.

Впереди в темноте маячили закругленные подножья гор Санта-Моника. Небо с рассветом начинало сереть. Уменьшались, удаляясь, прыгающие огни фар грузовика. Хиксон выбрал самый прямой путь между вспучившимся холмом, на котором располагалась база Ванденберг, и обрушившимися на машины отвесными скалами. Решение было мудрым — любой другой путь привел бы их к штормящему морю но даже эта дорога представляла собой плоскую и песчаную, как пересохшее русло реки, равнину.

Скиталец касался края горизонта. Искривленный ромб Луны снова пересекал его лицевую сторону. «Планета еще раз продемонстрировала символ инь-ян, хотя и перевернутый,— подумал Док, вздыхая.— Вернувшись к самому началу, эта штука завершила один оборот,— имеем шестичасовой **день**». Вдруг что-то темное, квадратное поднялось и загородило Скиталец.

Это была танцплощадка, опрокинутая второй большой волной. Затем он услышал рев.

ШЕСТЬ ЧАСОВ СПУСТЯ

Его спутники возобновили бег, и он устремился вслед за ними, ощущая покалывание в сердце. Затем... было похоже, что Скиталец совершил один гигантский, мгновенный прыжок в четверть миллиона миль и завис прямо над ними, закрыв все небо, кроме закругленной линии горизонта.

Этого было достаточно, чтобы они остановились, несмотря на несущий разрушения мощный удар волны.

Первым правильно определил размеры и расстояние Хантер. Он подумал: «Черт, это же просто-напросто лилово-желтая летающая тарелка 15 метров в диаметре, зависшая, благодаря антигравитации, в 10 метрах с символом инь-ян». Он опять побежал.

Последняя волна покрыла их грязной пеной, доходившей до колен. Хотя мысли и чувства большей частью были прикованы к этой штуке над ними, тела не забывали о реальной, материальной опасности. Они карабкались, хватаясь друг за друга. Руки скользили по промокшим насквозь курткам. Ванда упала и стала тонуть, тогда Войтович нырнул за ней.

Марго впилась ногтями в шею Пола, крича ему в ухо:

— Мяу, держи Мяу!

Он заметил кошачьи хвостик и ушки, исчезающие в грязной пене, и бросился за кошкой. По этой причине он не увидел, что случилось дальше.

Вспыхнув розовым, в тарелке отворился полутораметровый люк, и в его проеме показалось существо с клешнеобразными конечностями и остроконечным цепким хвостом. Оно было покрыто лилово-зеленой шерстью.

— Демон! — завопила Ида. Она же предупреждала, что там демоны.

— Тигр! — закричал Макхит. Док услышал это, и на ум ему пришла совершенно случайная, как брошенные кости, мысль: «Тигро-люди с Марса».

— Императрица! — воскликнул Аршин, и в нос ему ударил, забивая вонь морской пенной грязи, аромат божественных духов.

Взгляд больших фиолетовых с черными зрачками глаз быстро пробежал по людям, оставив впечатление презрительного высокомерия.

В тридцати метрах от них огромная волна подняла на гребень остатки платформы, стулья и обломки домика.

Раздался выстрел, и они заметили в зеленой клешне пистолет с конусообразным дулом.

Без всякого знака гигантская волна сошла на нет, растворившись. Платформа заскользила и перекинулась набок. Сломанный дом изменил направление движения и поплыл в сторону базы. Пена исчезла. Вода едва доходила им до пояса, и в ней явно не хватало мощи первой волны.

Дуло пистолета блуждало туда-сюда над их головами. С суши подул сильный ветер, и Док, потеряв равновесие, начал падать. Рама Джоун подалась назад.

Из пены возникли голова и плечи Пола. К плечу он прижимал мокрую Мяу.

Ветер не утихал.

Существо, маячившее в проеме люка, каким-то невероятным образом удлинилось, превратившись в зеленое в фиолетовую полоску лекало, и вытянулось в сторону Пола.

Серый пистолет выпал, и Марго подхватила его.

Серо-лиловые клешни впились в плечо Пола и увлекли вместе с кошкой в зиявшую дыру люка. Это не было простым проявлением силы человеческих мышц.

Марго, Док и Рама, вцепившись друг в друга, видели это очень ясно.

Вслед за Полом в тарелку последовало и лилово-зеленое существо.

Затем, незаметно для глаз, тарелка очутилась на высоте нескольких сот метров и сделалась размером с Луну, с большой бледной точкой люка.

Марго засунула пистолет в карман пиджака.

Ветер с суши утих.

Точка в небе мигнула, и тарелка исчезла.

Пока они, держась за руки, по колено в воде пробирались на сушу, вода постепенно убывала.

Багонг Банг, выйдя на «Махан Лумпуре» из покрытого зыбью отлива устья До-Сон после несколько задержавшейся, но успешной передачи контрабандного товара, увидел Скиталец, поднимающийся над Тонкинским заливом, в то время когда тарелочники, спасшиеся от цунами, его провожали. Бангу был знаком китайский символ инь-ян, напоминавший ему двух китов, а деформированная Луна, которую он рассматривал в бинокль, казалась огромной сумкой, набитой желтоватыми бриллиантами.

Скиталец, взошедший на место, где обычно всходила Луна, не сильно поразил Багонга Банга, это был знак удачи,

божественного провидения. Его мысли занимали корабли с сокровищами, покоящиеся на дне здешних морей, и он твердо решил, что с наступлением утра и отливом найдет время, чтобы хоть разок нырнуть с аквалангом в том месте, где, как он считал, покоятся останки «Королевы Суматры».

— Поднимайся, приятель,— сказал он в переговорную трубу своему инженеру-австралийцу.— Нам сопутствует удача. Нет, я не должен говорить тебе! Поднимайся, и ты сам увидишь. О, увидишь сам!

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Пол Хэгболт погрузился в тепло, вдыхая приятно-пикантные запахи. Внутри все было в веселеньких, пастельных тонах с преобладанием розового, хотя то здесь, то там попадались вкрапления ярко-зеленого.

Не сразу он понял, что захвачен и пребывает на борту тарелки. Ему казалось, что его перевели в другую плоскость бытия, другую точку Вселенной, в какую-то покрытую джунглями спальню.

Он вообще не заметил тарелки. Пока она парила, он бултыхался в соленой воде, вытаскивая Мяу. Когда его быстро подняли наверх, первой мыслью, пришедшей в голову, было то, что их закружило в водовороте и подняло на гребень волны.

В его мозгу вспыхнули живые картинки воспоминаний. Первая: огромная, удлиненная, вытянутая зеленовато-лиловая кошачья морда; вторая: уставившиеся на него странного вида глаза — пятилепестковая радужная оболочка, в центре которой находились пятиконечные черные зрачки; третья: длинная, изящная лапа с узкими, цвета индиго, подушечками и четыре хищных изогнутых клешни из полупрозрачной серо-лиловой роговой ткани.

Затем он, медленно разворачиваясь, плыл в теплом, полном сладких цветочных запахов, розовом, покрытом зелеными отблесками море.

В этом море приоткрылась темная дыра, и через нее он увидел Марго, стоящую по пояс в грязной пене. Она смотрела на него, в руке у нее он заметил что-то отливавшее серым. Подле находились Док в обрывках пены и Рама Джоун, вымазанная грязью с песком, ее рыжие волосы переплелись и развевались на ветру. Затем с невероятной быстротой фигурки стали уменьшаться в размерах. Казалось, что он

рассматривает их в телескоп с обратной стороны. Тем не менее, только сейчас Пол стал сознавать, что находится на борту тарелки, движущейся гораздо быстрее любой земной ракеты, хотя он и не ощущал ускорения. Затем дыра стала сладко-розовой. Он увидел странные розовые цветы. Тут его осенило: ну да, антигравитация. Если этот аппарат создает поле нуль-гравитации и, возможно, нуль-инерционное поле вдобавок, то этим объясняется отсутствие любых ощутимых проявлений сил тяготения, а также его парение и то, что влага с его одежды, собравшаяся в капельки, плавает рядом с ним в этой пропитанной духами круглой комнате, украшенной живыми цветами.

Когда его левой руки коснулась клешня, ему показалось, что его ужалил сразу десяток пчел. Мяу, напуганная странными толчками и намокшая в морской воде, изо всех сил жалась к Полу. От внезапной боли он отшвырнул мокрую кошку, которая пронеслась в воздухе и исчезла в цветочных зарослях.

В следующее мгновение он был схвачен и распластан на спине на твердой гладкой поверхности, неизвестно откуда взявшейся среди торчавших повсюду цветов. Однако больше всего напугало другое. Конечность существа, обвившего его шею, была мощной, будто механической, с прилизанным зеленоватым мхом. И у нее было два локтя.

Тигроподобное существо с сумасшедшей скоростью работало над его запястьями и лодыжками. Лапы с клешнями не причиняли боли, лишь однажды показалось, что его обвило нечто змееподобное. Затем существо оторвалось от него и нырнуло в поисках Мяу в цветочные заросли. Длинный зеленый в фиолетовую полоску, конусообразный, с гладким мехом хвост исчез, подняв в воздух множество лепестков.

Он попытался встать, но обнаружил, что способен поднять только голову. Несмотря на нуль-гравитацию, он был тщательно прикован к поверхности, на которую его положили. Взглянув вверх, он увидел свои многочисленные тусклые отображения: эдакий безумно смотрящий распластанный орел, бледный, усыпанный влажными песчинками.

Наконец-то он разглядел внутреннее устройство тарелки. Более половины увиденных цветов являлись всего лишь отражениями. Пол и потолок были круглыми; плоские, около шести метров в диаметре зеркала смотрели друг на друга. Он лежал у середины одного из них. Зеркала утопали среди роскошных, экзотических, с толстыми лепестками цветов

разнообразных розовых оттенков. Похоже было, что цветы живые,— видимо, гидропоника или то, что их питало, занимало значительную часть внешнего конусоподобного обода тарелки.

Однако треугольный профиль обода не мог быть полностью занят растениями. За цветами он различил пульт управления, по крайней мере, таковым казалась серая плоская поверхность с серебристыми выпуклостями и изображенными на ней геометрическими фигурами. Вертя головой по сторонам, он обнаружил и другие подобные пульты, расположенные в вершинах равностороннего треугольника. Каждый из них был наполовину скрыт цветочными зарослями. Все это напоминало оборудованные обогревателем, видео, аудио и прочей техникой апартаменты эстетствующей дамочки.

Помещение купалось в ярком, теплом свете... хотя источника он не обнаружил. Невидимое внутреннее солнце. Его охватила жуть.

Еще более жутко стало при мысли, что сейчас дойдет очередь и до него. Было такое ощущение, что кто-то вторгся в сознание и перетасовывает его содержимое, как колоду карт. Он вспомнил рассказы о том, что перед внутренним взором умирающего в течение нескольких мгновений проносится вся жизнь. Интересно, столкнется ли он с этим, прежде чем его, распятого, разделают и сожрут.

Обрывки воспоминаний проносились в мозгу с невероятной быстротой, поэтому толком он так ничего и не воспринял. Единственное, что более-менее удалось различить в этом, так сказать, «осмотре багажа» его сознания, были какие-то воспоминания о зоопарках и балете.

Он огляделся по сторонам в надежде увидеть тигро-человека или Мяу. Но никого так и не обнаружил.

Дональд Мерриам совершал свой третий оборот вокруг Скитальца. С правого борта открывалась ночная сторона планеты с зелеными пятнами, что в который уже раз наводило на мысль о паучьем брюхе, а слева — черный постоянно удлиняющийся эллипсоид Луны, к которому протянулись черные нити со Скитальца. Почувствовав усталость, Дон отказался от попыток связаться с Землей по радио.

Напротив Скитальца появилась желтая точка. Она быстро, на глазах, превращалась в черточку, затем в двойную черточку, затем в два желтоватых шпинделя, стремительно увеличивающихся в размерах.

Только тогда Дон понял, что это — материальное тело, направляющееся прямо к «Бабе Яге».

Не веря своим глазам, он несколько раз усиленно поморгал. Два желтоватых шпинделя без видимого снижения скорости вплотную подошли к его ракете.

Они походили на летающие тарелки от 30 до 50 футов в диаметре.

В том, что это таки тарелки, он убедился, когда они без всяких признаков работы реактивных двигателей повернулись углом и он разглядел две желтые окружности: одну со вписанным в нее лиловым треугольником, другую — с буквой V того же цвета.

Он мягко откинулся на спинку сиденья, когда «Бабу Ягу» стало затаскивать между ними. Было очень странное ощущение, что ракету вместе с ним подвергают шлюзованию.

В следующую минуту он увидел, как по поверхности Скитальца ползут зеленые пятнышки,— их было так много, что создавалось впечатление, будто по телу планеты ползут полчища светящихся блох.

Судя по показаниям приборов, «Бабу Ягу» затягивало внутрь тарелки со скоростью 100 миль в секунду. Однако он не ощущал перегрузки, которая, по идее, должна была бы размазать его по стенкам кабины.

Ни разу, даже при пролете сквозь Луну, Дону не приходила в голову мысль, что это галлюцинация. Теперь он так думал. Расчет воздействия перегрузок на человеческое тело и расхода топлива на такое ускорение были частью его профессии. То, что происходило сейчас с ним и «Бабой Ягой», было не просто чудовищным вмешательством каких-то потусторонних сил, это начисто противоречило всем известным физическим законам. Не чувствовать ничего при таком ускорении — это было просто невозможно.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Полу Хэгболту уже изрядно надоело лежать в таком положении и наблюдать свое распятое отображение. Наконец он увидел, как из-за одного из пультов управления высунулись две кошачьи морды. Одна принадлежала Мяу, другая была размером с его голову. Они выплыли из затененных цветочных зарослей, не потревожив ни лепестка. Затем, не

обращая на него никакого внимания, устремились в воздух, повернувшись к нему боком и глазами друг к другу.

Тигроподобное существо держало в одной лапе маленькую серую кошку и, казалось, убаюкивало ее. Тут до Пола дошло, что напугавшая его конечность с двумя локтями — просто-напросто кошачья лапа.

Шерсть Мяу была теперь сухой, она лениво возлежала на спине, обернув хвост вокруг запястья странного существа, с важным видом уставившись в большие фиолетово-лепестковые глаза своего повелителя или, лучше сказать, нового друга, судя по всему.

Они очень походили на мать и дитя. Это впечатление укрепилось, когда его взгляд задержался на существе. Он наделил его женским полом ввиду отсутствия внешних половых органов, если не считать двух маленьких сине-красных сосков, проглядывавших сквозь шерсть.

Как и полагается женщине, у нее был короткий корпус, длинные ноги и руки, по своему строению она напоминала гепарда, хотя и очень крупного. Общие пропорции были скорее человеческими, нежели кошачьими. Он подумал, что в условиях нормальной гравитации она должна одинаково хорошо перемещаться как на четырех конечностях, так и на двух.

Мех на шее, боках, груди и брюхе был зеленым, в других местах он перемежался фиолетовыми полосками.

Как и полагается кошкам, ее уши были остроконечными, однако лоб был выше и шире, что придавало еще большую треугольность лицу, которое тем не менее оставалось полностью кошачьим. Мех на лице был фиолетовым, кроме зеленых кругов под глазами.

Несмотря на второе предплечье, изящные лапы выглядели почти как руки с тремя пальцами. Клешней не было видно — видимо, она спрятала их в лапу. Хвост в фиолетовую полоску был грациозно обернут вокруг ноги.

Ему пришло в голову, что это существо производит эффект высокой стройной женщины, одетой в плотно облегающий меховый костюм, предназначенный для какого-то фантастического карнавала. От этой мысли его сердце пронзила острая боль.

Внезапно существо заговорило на английском, отрывисто и странно глотая слова. Однако обращалось оно не к нему, а к Мяу.

— Не бойся, моя малышка,— проговорило существо.— Теперь мы друзья, не стесняйся.

Мяу, довольная, продолжала смотреть на него.

— Ты и я — один народ,— победно продолжало существо,— ты теперь расслабилась, я чувствую это. Говори, задавай вопросы.

Это было настолько невероятно, что Пол чувствовал себя как во сне.

Затем существо добавило:

— Ты — стеснительна. Хочешь знать, как меня зовут? — Большая кошка с лукавым видом уставилась на маленькую: — Тигришка! Это имя я придумала специально для тебя. Ты думала обо мне как об ужасном, страшном тигре и как о прекрасной балерине. Балерины обычно называют себя -энская, -ская, -шка. Тигришка!

Теперь до Пола дошло. Это было суперошибкой суперсущества. Тигришка читала мысли, чтобы быстрее освоить язык, но считала его мысли мыслями Мяу.

В то же время он понял, почему его так взволновал ее вид,— обычное мужское желание, вызванное привлекательной особой женского пола.

Должно быть, она уловила и эту мысль, потому что взмахнула с укором синим пальцем в сторону Мяу, сказав:

— У тебя были гадкие мысли насчет меня, малышка, но ты ведь еще маленькая, к тому же мы обе девушки. Давай, говори... Пол...

В этот момент ей, видимо, открылась ужасная правда, потому что она медленно повернула голову по направлению к Полу и уставилась на него, одновременно пританцовывая на кончиках пальцев.

В следующий миг она подскочила и распростерлась над ним, выпустив когти и обнажив острые зубы. Она по-прежнему держала Мяу в лапе, а ту, казалось, не удивил даже такой всплеск активности. Пол в зеркале видел свое лицо, искаженное страшной гримасой.

— Ты — обезьяна! — рявкнула Тигришка. Она приблизила оскаленную пасть к его лицу, так что Пол от страха закрыл глаза.

Затем, отчетливо выговаривая каждое слово, она произнесла:

— Ты считал ее животным — ручным животным?

В ее голосе сквозило ледяное презрение.

Полу оставалось только ухватиться за фразу, так часто повторяемую Марго:

— Нет, нет, кошки — тоже люди.

Дону Мерриам доводилось стоять на краю Большого Каньона на Земле. Он также видел край горной цепи Лейбница у южного полюса Луны. Но никогда прежде, не считая полета сквозь Луну, не приходилось ему вглядываться в столь глубокую, в милю шириной, яму, зиявшую в 20 шагах от его «Бабы Яги».

Но как глубока эта яма? 5, 25, 500 миль? Ширина ее, казалось, не менялась по всей длине. Где-то вдалеке она сужалась в точку, но это было следствием законов перспективы и ограниченности его зрения.

Он подумал, что шахта проходит прямо через центр планеты, и если он прыгнет в нее, то никогда не достигнет дна. Ему придется лететь 4000 миль или около этого, часов двадцать, если конечные скорости в атмосфере планеты соответствуют земным,— время, достаточное, чтобы умереть от жажды, и когда он приблизится наконец к центру планеты и медленно подплывет к боковой поверхности шахты...

Конечно, давление на глубине 4000 миль попросту раздавит его, но они, несомненно, способны справиться с этим, разрежая воздух до нужной им величины.

Он уже рассуждал их категориями, хотя собственно их еще и не видел.

На него нахлынули воспоминания детства. Он вспомнил яму, которую обнаружил за их фермой под Миннеаполисом. Поэтому он принялся глазеть внутрь шахты в надежде увидеть звезду на том конце, хотя и понимал тщетность своих поисков, ибо из-за множества огней, горящих и вспыхивающих на каждом этаже шахты, это было попросту невозможно.

Самым странным в шахте являлось ее неестественное образование. Это не было что-то пробуравленное — твердой горной породы не было и в помине. Были лишь этажи — этаж за этажом, шедшие бесконечно вниз, искусственно построенные и обитаемые внутри. Этажи начинались через 100 метров от поверхности и дальше шли непрерывно.

Он насчитал сотню этих этажей, пока они не начали сливаться в один — опять же таки из-за ограниченных возможностей его зрительного аппарата. Помещения на этажах, по его наблюдениям, были просторными, с высокими потолками. Это предполагало, что в них жили со сверхчеловеческим величием и размахом, хотя лично он испытывал приступ клаустрофобии.

Единственное, с чем он мог это сравнить, если это вообще было с чем-то сравнимо,— огромный многоэтажный универмаг.

Казалось, что глубоко внизу он видит какие-то метательные аппараты, перемещающиеся поперек, вниз и вверх напо-

добие маленьких ленивых пчел; некоторые из них светились как тропические насекомые.

Желая получше разглядеть, что там происходит внутри, он перегнулся через край ямы, вцепившись в ограждавшую ее гладкую серебристую рейку. Одно это уже подчеркивало искусственность сооружения и указывало на их способности, поскольку рейки ни на что не опирались и представляли собой висящую на высоте трех футов над краем шахты пару обручей шириной в милю. Если и были какие-то подставки, они не попадались на глаза. Он видел лишь обручи в другом направлении, исчезавшие вдали, как телеграфные провода.

Но почему они сами не показывались?

Он отвернулся от шахты и стал вглядываться в окружающее пространство. Нет, нигде не видел он живого существа— будь оно гуманоидом, животным или кем-то другим.

Две лилово-желтые с выпуклостью тарелки все так же загадочно висели в десяти метрах от поверхности, между ними в прежнем положении находилась «Баба Яга». Все оставалось по-прежнему: даже когда его позвал, слегка глотая при этом слова, голос по-английски и он снял скафандр (почти с удовольствием) и быстро спустился по лесенке с «Бабы Яги» — и тогда его никто не встретил. Обождав несколько минут у лестницы, он подошел к шахте и увлеченно принялся ее разглядывать.

Теперь ему пришла в голову мысль: а не был ли голос слуховой галлюцинацией? Ведь чтобы говорить по-английски, нужно его предварительно изучить. Хотя да... Их сверхвозможности.

Он глубоко вздохнул.

Тишина стояла мертвая, хотя когда он расслабился и закрыл глаза, ему почудился слабый, искаженный шум. Пульс планеты? Его собственный пульс? Или это проносящиеся в другую яму массы лунной породы?

Серый столб, занимавший треть его кругозора и сходившийся в конус наверху, на первый взгляд казался горой, если не знать, что это движущаяся со скоростью 10 миль в секунду лунная порода. Этой скорости было достаточно, чтобы куски и фрагменты слились в единое целое перед его глазами.

Наблюдая за перемещением лунной породы в столбе, Дон задумался: почему этот процесс не сопровождается ни пылевой бурей, ни шумом, который должен был бы заглушить десять Ниагарских водопадов? Видимо, решил он, они создают вакуумный канал. Таким же образом, рассуждал он, они

создали вакуумный канал, чтобы доставить на планету «Бабу Ягу».

Он продолжал пялиться на столб, прикидывая в уме, сколько это сможет продолжаться. Через какое время все лунное вещество будет перекачано в Скиталец? По его расчетам выходило, что на это потребуется около 800 дней, учитывая скорость переброски.

Но ведь возможно, что они откроют такие шахты на южном полюсе или, скажем, увеличат скорость транспортировки. Он оторвал взгляд от этой колонны и вдалеке заметил еще три.

Небо окрасилось в темные тона голубого, зеленого и коричневого цветов.

Поскольку отсутствие иных признаков жизни по-прежнему сильно беспокоило его, в голову пришла мысль об огромных зданиях, и он вернулся к окруженной серебряным забором шахте. Дон заглядывал на самые верхние этажи, безнадежно пытаясь уловить хоть какие-то признаки жизнедеятельности их обитателей. Через некоторое время ему показалось, что он различает маленькие фигурки в окнах верхних этажей, но с такого расстояния было трудно наверняка сказать, видел ли он их в действительности. Он уже подумывал над тем, не сходить ли в ракету за биноклем, когда позади прозвучал милый голосок: «Иди».

Дон медленно обернулся. Метрах в семи от него вырисовывалось грациозное двуногое создание, напоминавшее одновременно человека и кошку. Оно было похоже на гепарда с высоким лбом, хотя стояло, как человек, на двух ногах. За спиной, устремленный, как копье, торчал красный хвост. Глаза чем-то напоминали сиреневые цветы.

Почти не меняя положения, существо с балетной грацией протянуло вперед четырехпалую руку, как бы приглашая его. Из открывшегося тонкогубого рта, обнажившего ряд острых клыков, прозвучал тихий и мягкий голос, повторяя приглашение или команду: «Иди».

Медленно, как во сне, Дон подошел к существу. Когда он встал с ним рядом, оно кивнуло, и участок поверхности, на которой они стояли, около трех метров в диаметре, очень медленно стал опускаться вглубь. Существо обняло Дона за плечи. Ему вспомнился Гете: Фауст и Мефистофель, спускающиеся в ад.

Они уже были по колено внутри планеты, когда в небе сверкнула вспышка. Внезапно за «Бабой Ягой» зависла еще

одна тарелка и корабль, так похожий на «Бабу Ягу». У Дона перехватило дыхание — он подумал о Дюфресне. Но тут заметил небольшие конструкционные отличия и красную звезду на борту.

Большего увидеть не удалось, так как платформа опустилась на глубину его роста

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

В то время как предельно ограниченное число землян установило прямой, непосредственный контакт со Скитальцем, а чуть большее их число разглядывало его с помощью приборов, большинство обитателей Земли могли судить о нем лишь по масштабам тех катастроф, которые были вызваны его появлением, да по тому, что им удалось увидеть невооруженным глазом.

Активизировалась вулканическая деятельность. Напряжения в земной коре, вызванные приливными эффектами, распространялись по суше быстрее, чем в гидросфере.

За те шесть часов, что минули со времени появления Скитальца, были разбужены сейсмоопасные зоны от Тихого океана через Средиземное море к центру Азии. Забурлили вулканы, некоторые из них взорвались. Начались землетрясения, похоронившие ряд городов. Цунами чудовищными ударами обрушились на побережье. Погибли сотни тысяч людей.

Тем не менее во множестве мест, даже в прибрежных районах, о Скитальце узнали только из сообщений газет и радио.

Ричард Хиллари начал просыпаться, лишь когда автобус стал пересекать мост через Темзу вблизи Мейденхед. Его утомила не столько вчерашняя ночная прогулка — он был большим любителем гулять пешком,— сколько пьяные, высокопарные, напыщенные речи Дая Дэйвиса.

Он отодвинул шторку, и вдалеке замаячила туманная громада Лондона. Ричард погрузился в довольно нудные размышления о последствиях промышленной революции, перенаселении и т. п.

— Ты все пропустил, приятель,— сказал коротышка, сидевший позади него. Ричард вежливо, но настойчиво осведо-

мился, что же он, собственно, пропустил. Коротышка с готовностью просветил его.

За минувшие четверть суток по Земле прокатилась волна землетрясений, о чем сейсмологи заявили как о беспрецедентном факте; волны, вызванные землетрясениями, наблюдались даже у берегов Британии, поэтому из прибрежных районов эвакуировали людей. Некоторые ученые, видимо, жаждущие сенсации, заявили о возможности появления гигантских приливных волн, что, впрочем, было опровергнуто властями. Было сказано, что спутать цунами с приливными волнами — ошибка древняя как мир.

В конце концов в сумятице сообщений о землетрясениях потонула информация об американской летающей тарелке. Из России сообщили, что на Лунной базе успешно отбита загадочная атака.

Не в первый раз Ричард недобрым словом помянул современные средства массовой информации, которые, по его мнению, были созданы лишь для того, чтобы запугивать до смерти людей.

Однако он не стал посвящать в свои мысли соседа по автобусу, а вместо этого взглянул в окно. Автобус медленно въезжал в Брентфорд. Окинув писательским взором открывшуюся панораму, Хиллари охарактеризовал ее выражением «беготня водопроводчиков». Возле 3 аварийных машин он насчитал 5 рабочих с инструментами.

Автобус остановился неподалеку от канала, соединявшего Брентс с Темзой. В него сели две женщины, одна из которых громко произнесла:

— Я только что звонила маме в Нью. Та ужасно расстроена, говорит, что затопило лужайку.

Внезапно произошло следующее: из канализационных труб вырвалась и потекла по улицам грязная коричневая вода, такая же вода полилась и из дверей некоторых домов.

Это событие странно поразило Ричарда, и на уровне подсознания ему пришла в голову мысль, что так испражняются старые, перенаселенные дома. Нечто вроде архитектурного поноса.

Затем он увидел, как понеслись, смывая грязь, потоки чистой воды, доходившей людям до щиколоток. Похоже было на то, что воды Темзы вырвались из берегов.

Как известно, вода покрывает почти три четверти земной поверхности и с древних времен ассоциировалась у людей с

бесконечностью, глубиной и мощью. У нее всегда были свои боги: Данон, Нан, Ноденс, Ран, Риги, Нептун, Посейдон. Приливы — это музыка морей.

Диана, богиня Луны, печально перебирает струны морской арфы в мили толщиной, в сотни миль шириной и тысячи миль длиной.

Басовые струны лежат на просторах Тихого и Индийского океанов. Здесь звучат самые низкие ноты, и некоторые вибрации длятся целые сутки.

Атлантика известна своим кантабиле. Здесь темп несколько убыстряется, звучат приливы, длящиеся по полдня.

В месте пересечения струн звуки заглушают друг друга, как, например, у берегов Таити, где Солнце, далекий Аполлон, управляет приливами, но хватка его слабей хватки Дианы, испокон веков приносящей приливы в полдень и полночь, а отливы — во время заката и рассвета.

Самые высокие ноты морской арфы доносятся из заливов, проливов и морей, окруженных сушей. Самые короткие струны звучат громче и пронзительнее остальных — так скрипка доминирует в оркестре над виолончелью.

В нежных пальцах Луны воды редко поднимаются и опускаются больше, чем на 10 метров.

Но теперь морская арфа вырвана из рук Дианы и Аполлона. Руки, в которые она сейчас попала, в 80 раз сильнее. В первый день амплитуда волн увеличилась с 5 до 15 раз, а во второй — с 10 до 25.

На Земле имеются места с углубленными в береговую линию участками суши, которые приливные волны могут заполнить и затем так же отхлынуть,— это, к примеру, Нидерланды, Северная Германия, Северо-Западная Африка.

Однако существуют и участки побережья практически плоские, возвышающиеся всего на пару метров над уровнем моря. Такие зоны и подверглись опустошительному набегу приливов, вызванных Скитальцем. На них, увлекая за собой песок и почву, обломки строений, горную породу на десятки миль вглубь, неся разрушения, и обрушились волны. В других местах это вторжение было тихим, как сама смерть.

В точках высоких приливов, таких, как Бристольский канал, огромные массы воды разлились во всех направлениях.

Мелководный континентальный шельф был сметен низким отливом, песчаные отмели съехали в океанские глубины. Из глубин появились острова. Мелководные моря и заливы, как Персидский, осушались дважды в день. Заливы обозначи-

лись четче. Плодородные земли были погублены соленой водой. Города смыты с лица земли, крупные порты затоплены.

Несмотря на героические усилия служб ПО и Красного Креста, погибли миллионы людей и лишь некоторым удалось спастись бегством.

Дай Дэйвис брел через болотистые, илистые пески устья Северна. Туман потихоньку рассеивался. Он чувствовал прилив сил, какой бывает обычно после порции спиртного. Время от времени он оглядывался назад, чтобы удостовериться в правильности выбранного пути, и, убедившись в том, что идет в верном направлении, прикладывался к плоской бутылочке.

Побережье Сомерсета давно скрылось из виду, если не считать маячивших в тумане промышленных построек. В его мозгу эхом отзывались равнодушные предупреждения утренних собутыльников: «Куда ты идешь, чертов валлиец? Ведь утонешь».

— Пять миль до Уэльса через пески, пока длится отлив,— напевал он, перемежая это проклятиями типа: «Черствые, бессердечные сомерсетцы», «Я посрамил их» или «Проклятые янки — похитители Луны». Впрочем, он не забывал декламировать и отрывки из своей незаконченной поэмы «Прощание с Моной»: «Светящаяся, как девица, старая, как Фомальгаут», «Окуная свои белые пальцы в мои пруды», «Волны катятся туда-сюда».

Впереди послышался слабый шум. Низко вдоль реки пролетел вертолет. Но шум не стих. Ноги увязли в илистом песке, и он с усилием выбрался из этой лужи. Он решил, что поднимается по большой песчаной косе, именуемой Велм Граундз.

Шум нарастал. Остатки тумана развеялись, и он вдруг увидел, что навстречу ему мчится бурный поток шириной более 100 метров. Водяной вал взбивал пену, наталкиваясь на отроги, и жадно увлекал за собой песчаные берега.

Ниже по течению он увидел выброшенный на мель теплоход. Над ним прожужжал вертолет.

Вверху вода разъяренно бурлила — это Эйван вливался в более крупную реку.

Он приложился к бутылке, но та была пуста. Дай поежился и вздрогнул. Внезапно он ощутил себя букашкой с амбициями Наполеона. На него навалился страх.

Дай обернулся. Отпечатки его следов смыло водой. Повсюду была вода. Он отшвырнул бутылку и побежал обратно. Теперь ступни увязли в песке сильнее, чем когда он шел в Уэльс.

Джейк Лишер пощелкал еще на всякий случай выключателем, хотя давно убедился, что электричества нет. В результате последнего толчка комната опустилась на десять сантиметров и теперь слегка вибрировала. Казалось, что алюминиевая балюстрада покрылась зыбью. Ему почудилось, что из нее завитками исходят черные нити, и он отступил в глубь слабоосвещенной комнаты.

— Дыма прибавилось, и я вижу кое-где огонь,— сообщила Салли,— хотя думаю, что вода прибывает быстрее. Хе-хе, вот это гонка.— Слышь, Джейк, потоп, точь-в-точь как в Библии, а квартира Хьюго — наш Ноев ковчег. Отличная идея для нашей пьесы. Огонь тоже примет в ней участие.

Он схватил ее и встряхнул:

— Все это происходит по-настоящему, дурочка! Мы будем единственными, кто поджарится здесь заживо.

— Но Джейк,— запротестовала она,— ты же всегда хотел попасть в такую ситуацию.

По всей Земле мысли людей были прикованы к изменениям амплитуды приливов и отливов. Те, кто находился на суше, склонны были преуменьшать то, чего не видели своими глазами, а те, кто в это время был в море, едва ли ощущали более короткие волны от землетрясения и потому не могли судить о том, на сколько метров или десятков метров эти волны выше обычных.

У повстанцев, захвативших «Принц Чарльз», забот было по горло, поэтому после пресечения попыток экипажа взять реванш они решили выбрать капитана из своего круга. В результате место на капитанском мостике заняли четыре человека, наделенные равными полномочиями. Посовещавшись, они избрали курс на мыс Сент-Рок и оттуда — в Рио, где, как ожидали, будут встречены своими лидерами, свергнувшими к тому времени законное правительство. Хотя сведений, подтверждающих это событие, получить не удавалось из-за помех в эфире.

Предложение запертого в своей каюте капитана Ситвайза идти в направлении Винвордских островов было встречено смехом — захватчики понимали, что капитан хочет подойти как можно ближе к кораблям королевских ВМС.

Когда «Эндьюэранс» почти вышла из тумана, Вулф Лоунер заметил огромную гряду облаков, сгустившихся над лодкой.

В этом маленьком космосе, которым стала для него его посудина, среди окружавшей воды и белизны тумана, он вспомнил свои старые фантазии, например, что весь мир провалился в тартарары, кроме того места, где он сейчас находится, или что началась ядерная война и города сгорают в атомных пожарах, как угли в костре, или что из лаборатории на волю вырвался искусственно созданный вирус какой-то чумы и единственным оставшимся в живых человеком является именно он.

— Возьми себя в руки,— сказал он себе.

Между тем очень многим людям не давала покоя беда, катящаяся в их двери. Хотя Фриц Шер к своему, а также Ганса Опфеля, удовлетворению давал ясные объяснения поступающим то и дело сводкам о разрушениях, вызванных гигантскими приливными волнами. На все у него были готовы ответы, и в конце концов он заявил, что, должно быть, тот, кто посылает эти сообщения, сошел с ума либо врут приборы.

— Дай только время,— улыбаясь, сказал он Гансу Опфелю, когда тот кивком показал на все увеличивающуюся кипу сводок о Скитальце и разрушенной Луне,— дай только время, придет ночь, и старая добрая Луна займет свое место, смеясь над тобой.— Он склонился над аппаратом прогнозов приливов и, любовно похлопав его, пробормотал: «Ты-то знаешь, какие они дураки?»

Барбара Кац подхватила кусочком хлеба, смоченным в кленовом сиропе, остатки яичницы и сосиски и, подвинув свою кофейную чашку Хестер, вздохнула, переводя дух после плотного завтрака. На улице мирно чирикали воробьи. Большие старинные часы на стене показывали 8.30. Под часами висел календарь с видом Эверглейдс.

Хестер, широко улыбнувшись, налила ей еще своего отлично заваренного кофе и сказала:

— Похоже, старина ККК нашел наконец настоящую девушку вместо этой куклы.

Хелен, младшая служанка, хихикнула, но, спохватившись, отвела взгляд. Барбара, впрочем, приняла это как должное.

— Кажется, это кукла Барби,— заметила она,— так уж случилось, что меня тоже зовут Барбара, Барбара Кац.

Хестер от души рассмеялась, а Хелен опять захихикала.

— Среднее имя Келси,— пояснила Хестер,— К. Ноллс Келси Киттеринг. Ваше К — четвертое.— И она опять засмеялась.

Послышался тихий скрип.

— Закрой двери, Бенджи,— сдерживая смех, сказала она, но высокий негр не двинулся с места. Он был в белой рубашке и серых с темными лампасами брюках.

— Самый чудовищный отлив со дня сотворения мира,— сообщил он.— Можно пешком дойти до Багам, не замочив ног. Некоторые подбирают свежую рыбу.

Барбара выпрямилась и, отставив кофе, принялась грызть ногти.

— Ни радио, ни телевидение не работают,— добавил Бенджи, глядя на нее.

— Вы не знаете, когда начался отлив?—спросила Барбара.

— Около семи тридцати,— без промедления ответил Бенджи.— Все это есть на обратной стороне листков календаря.

— Оторвите, пожалуйста, верхний. Какая у мистера К. машина?

— Два «роллс-ройса». Лимузин и седан.

— Подготовьте седан к длительной поездке,— резко сказала Барбара.— Заполните все имеющиеся канистры бензином. Понадобятся также одеяла, лекарства, побольше еды, кофе в термосах и несколько бутылок воды.

Она уловила вопросительные взгляды. Им передалось ее возбуждение.

— Но зачем, детка? — спросила Хестер. Хелен опять захихикала.

Барбара посмотрела на них и сказала, стремясь произвести впечатление:

— Потому что приближается прилив. И он будет столь же высоким, сколь низким был отлив.

— Это... из-за Скитальца? — спросил Бенджи, протягивая ей листок календаря.

Она решительно кивнула в ответ.

— У мистера К. был телескоп поменьше. Где он?

— Телескоп? — переспросила Хестер, продолжая улыбаться.— А... зачем? А, ну понятно, вас с ним объединяет астрономия. Кажется, тот, в который он наблюдает за девушками, спрятан в оружейной комнате.

Глаза Барбары загорелись:

— В оружейной комнате? А как насчет наличных?

— В одном из стенных сейфов,— ответила Хестер, слегка нахмурившись.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Наконец-то после изматывающей гонки с океанскими волнами тарелочники пришли в себя. Мужчины соорудили костер из плавуна, прибитого к берегу. Все расположились у низкого бетонного моста за пустынным шоссе, дружно сушили вещи и грелись подле разведенного костра.

Рама Джоун укоротила свои пропитанные солью брюки, превратив их в «бермуды». Не удовлетворившись этим, она безжалостно оторвала фалды и рукава от пиджака, распустила зеленый тюрбан и повязала его вместо белого галстука. Последним штрихом к обновленному портрету стали волосы, собранные в лошадиный хвост. Док и Энн оценили это по достоинству.

Все выглядели потрепанными и разбитыми. Росс Хантер, по мнению Марго, казался опрятнее других, ведь у него была борода, тогда как щеки и подбородки других мужчин покрывала по меньшей мере суточная щетина.

С рассветом они взбодрились, и им уже с трудом верилось в реальность событий прошлой ночи. И уж тем более им трудно было представить ужас, испытываемый жителями Японии, Австралии и других стран при виде желто-лиловой планеты.

Однако об этом напоминал гигантский оползень, преградивший дорогу в 200 метрах севернее. Док кивнул в сторону обломков павильона и танцплощадки, разделивших судьбу сверкающего забора Ванденберга-2.

— Хм, человечеству свойственно забывать свои ошибки. Может, нам опять стоит зафиксировать и подписаться под нашими показаниями, а, Додден? — спросил Док.

— Я делаю записи в журнале водонепроницаемыми чернилами,— отрывисто ответил Маленький Человечек.— Им можно воспользоваться в любое время.— Он вытащил записную книжечку и медленно перелистал страницы, подтверждая сказанное.— Если чьи-то воспоминания расходятся с моими, я буду только рад — пусть этот человек поставит свою подпись под ними.

— Послушай, Додден, ты, по-моему, не совсем верно сделал зарисовки Скитальца,— сказал Войтович, заглядывая в журнал через его плечо.

— Я опускал мелкие детали, хотел представить это в виде диаграммы,— признал Маленький Человечек,— но ведь я

рисовал с натуры. Если хотите, можете нарисовать это по-своему и поставить подпись, журнал к вашим услугам.

— О нет, я не художник,— виновато улыбнулся Войтович.

— Сегодня ночью вам представится возможность проверить свои наблюдения и сравнить их с тем, что видел Додден,— вмешался Док.

— О Боже, не напоминайте мне,— ответил тот, театрально хлопнув себя по лбу.

Лишь Аршин выглядел жалким. Он сидел в одиночестве на бордюре моста и голодным взглядом всматривался в горизонт, за которым скрылся Скиталец.

— Она выбрала его,— задумчиво бормотал он,— пренебрегла мной, хотя я так верил, а она забрала его.

— Не переживай, Чарли,— сказала Ванда, положив пухлую руку на его плечо.— Может, это была не Императрица, а лишь ее горничная, которая перепутала приказы.

— Знаете, очень странно, что тарелка спикировала прямо на нас,— заговорил Войтович.— Кстати, а вы уверены, что Пола затянуло в нее? Его могло просто унести в море.

Док, Рама Джоун и Хантер подтвердили, что видели это своими глазами.

— Мне кажется, ее больше интересовала кошка, чем Пол,— добавила Рама Джоун.

— Почему вы так думаете? — спросил Маленький Человечек.— И почему вы считаете, что это существо — женского рода?

— Трудно сказать, мистер Додд. Оно было похоже на кошку, к тому же я не заметила внешних половых органов,— ответила Рама Джоун, пожав плечами.

— Я тоже,— подтвердил Док,— хотя не могу сказать, что во все глаза пялился, пытаясь их различить.

— Не находите ли вы, что тарелка управляется с помощью безынерционного привода? — спросил Дока Макхит.

— Думаю, что это так, судя по тому, как она двигалась. В данном случае мы можем полагаться только на НФ. Хотя, с другой стороны...

Марго воспользовалась тем, что все увлеклись дискуссией, и пробралась через кусты до места, куда до нее ходили совершать свой утренний туалет другие женщины.

Она взобралась по небольшому отрогу и оказалась на выступе, возвышавшемся на 7 метров над берегом.

Оглядевшись по сторонам и никого не заметив, она вытащила из-за пазухи серый пистолет. Наконец-то ей представился

случай изучить эту штуковину. Было довольно трудно прятать его от посторонних глаз, когда она сушилась у костра.

Судя по всему, пистолет был изготовлен из алюминия или магния. Он имел идеально обтекаемую форму. Отверстия в конусообразном стволе не было. Перед спусковым крючком красовалась овальная кнопка. Рукоятка была заточена под три пальца. По левой ее стороне шла узкая вертикальная полоска фиолетового цвета, в $^5/_8$ длины.

Марго пришло в голову испытать оружие в действии. На краю выступа она заметила полуметровый валун. Сердце учащенно забилось. Наведя пистолет на валун, она нажала на спусковой крючок. Ничего. Надавила сильнее — опять без результата. Еще сильнее, и вдруг, не почувствовав никакой отдачи, она увидела, что валун вместе с куском выступа беззвучно рухнул вниз. В спину ей дунул легкий ветерок, и со склона с небольшим шумом скатился гравий.

У нее перехватило дыхание, и она сглотнула. На лице засияла улыбка. Она сунула пистолет за пояс и задумчиво нахмурилась.

Взобравшись на вершину отрога, она заметила, что на противоположной стороне стоит Хантер. Солнце окрасило медью его бакенбарды.

— Профессор Хантер? Я и не подозревала, что вы такой.

— Какой — такой? — спросил он, пряча в бороде улыбку.

— Ну, подсматривать за девушкой, когда она совершает утренний туалет...

Он ответил простым бесхитростным взглядом. Она пригладила рукой свои белокурые волосы.

— Разве вы не знаете, чем интересуются мужчины? — спросил он, затем добавил: — Если честно, мне показалось, что я услышал шум небольшого оползня.

— Кусок породы скатился на берег,— сообщила она, проходя рядом с ним,— но звук был таким слабым.

— Тем не менее я услышал,— сказал он, направляясь вслед за ней.— Почему вы не снимете пиджак, становится жарко.

Остановившись у подножия отрога, она вдруг спросила:

— Росс, назовите ведущего ученого, желательно физика Нобелевского калибра, который обладает настоящими знаниями в сочетании с моральной целостностью и сочувствием к человечеству.

— Нужно подумать,— отозвался Хантер.— Ну, скажем, Драммонд, Стендаль — хотя он не физик, Розенцвейг, ну и, конечно, Мортон Опперли.

— Это имя я и хотела от вас услышать.

Дай Дэйвис постучал в двери небольшого кабачка вблизи Портшида. Стоя на подгибающихся ногах, с зеленым лицом, со спутавшимися волосами, в мокрой насквозь одежде, весь в грязи, он барабанил в дверь пивной.

Ему было необходимо выпить, он нуждался в алкоголе, этаноле, винном духе, как человек, истекающий кровью, нуждается в ее переливании.

По какой-то причине проклятые сомерсетцы закрыли двери и попрятались по углам. О, он знал почему: из-за своей гнусной неприязни к валлийцам и поэтам. Ну, он найдет на них управу! Он прижался лицом к оконному стеклу и тщетно вглядывался, надеясь кого-нибудь обнаружить, но в темной пивной было пусто.

Отступив назад, он принялся махать руками, чтобы согреться, и хрипло горланил на всю дорогу:

— Куда вы все подевались? Выходите, эй, кто-нибудь, выходите! — Однако не вышло ни души, ни одна дверь не скрипнула, ни в одном окне не зажегся свет. Он был один.

Весь дрожа, он вернулся к пивной, обеими руками ухватился за дверную раму и пяткой сведенной судорогой ноги ударил в дверь. Три доски треснули и упали внутрь. Он просунул руку в образовавшееся отверстие и, нащупав замок, открыл двери. Ввалился внутрь, сделал несколько шагов к бару и остановился посреди комнаты, едва не потеряв сознание.

Когда глаза привыкли к темноте, с ним произошла разительная перемена: сбылась его старая мечта остаться вот так, наедине с самим собой.

Он не обращал внимания на шум, раздававшийся позади него, и не видел, как воды грязного Бристольского канала, несущие обломки, подступали к пивной. Взор притягивали только ряды зеленых с красивыми этикетками бутылок, выставленных на полке. Драгоценные фолианты, содержавшие непреходящую мудрость, которые никогда не смогли бы нагнать на него тоску.

Широко улыбаясь, он подошел к полке и осторожно стал читать этикетки: «Старый контрабандист...», «Ричард Блэкмор», «Учитель Ч. П. Сноу», «Черное и Белое Стендаля», «Белая Лошадь Дж. К. Честертона».

Генерал Спайк Стивенс, хлюпая, прошел мимо шахты лифта, из которой все сильнее и сильнее хлестала вода. Свет фонаря, висевшего у него на груди, падал на доходившую до бедер воду и на карту великих битв прошлого. За ним различались огни еще трех фонарей.

— Мы как шайка взломщиков из оперетты,— прокомментировал это полковник Гризволд.

Генерал прошелся рукой по стене и наткнулся на двухфутовую квадратную дверь с большой черной ручкой. Он обернулся к остальным.

— Я знаю, где вход в аварийную шахту. Куда она ведет, мне неизвестно, так же как и вам, поскольку это не положено по инструкции. Будем надеяться, что она ведет в какую-то башню, ибо мы находимся на глубине шестидесяти метров под землей. Понятно? Попробую открыть.

Он потянул за ручку. Полковник Мэйбл Уоллингфорд стояла сразу за ним. В нескольких метрах находились полковник Гризволд и капитан Кидли.

Ручка подалась, пройдя несколько миллиметров, и ее заклинило. Он потянул ее обеими руками.

— Постойте. Если ее заклинило, это значит...

Ручка подалась еще и прошла 20 сантиметров. В метре от них в стене, прорвав обои, открылся проем в человеческий рост, и на капитана и полковника обрушился вал черной воды. Полковник Уоллингфорд наблюдала, как их фонари погружаются все глубже и глубже.

Вода все прибывала и прибывала. Генерал и Мэйбл, вцепившись, повисли на ручке.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Упершись локтями в бордюр бетонного моста, Марго Гелхорн и Кларенс Додд всматривались вдаль и рассуждали о том, что означает дым, двигавшийся с юга. Он отдавал зловещим медно-красным цветом. Марго пришла сюда главным образом для того, чтобы избавиться от Росса Хантера.

— Возможно, это всего лишь горит кустарник в каньонах и горах,— сказал Маленький Человечек.— Но боюсь, что дело обстоит гораздо хуже, мисс Гелхорн. Вы живете в Лос-Анджелесе?

— Я снимаю коттедж в Санта-Монике, что, впрочем, одно и то же.

— Живете с родными?

— Нет, одна.

— Ну, хоть это хорошо. Боюсь, что пока не пойдет дождь...

— Смотрите! — воскликнула она, устремив свой взгляд вниз.— В заливчике вода появилась. Не означает ли это, что дождь идет внутри земли?

Но в это время, издавая победно-триумфальный гудок, показался грузовик Хиксона, возвращавшийся из разведвылазки на побережье. За ним ехал желтый школьный автобус.

Из автобуса вышел Войтович. В руках у него была армейская винтовка. За ним шествовал Док.

— Рад сообщить, что мне удалось достать транспорт,— заявил он бодрым громким голосом.— Я настоял на обследовании черного шоссе, и там, в небольшой долине, всего в тридцати метрах от дороги, обнаружил этот прекрасный автобус, на котором мы и будем сегодня ехать. Он залит под завязку бензином, и на нем имеется целый склад орехового масла, бутербродов с мармеладом и чудесного молока. Через пять минут отправление. Приготовьтесь.

— Мистер Брехт,— спросила Марго,— вы хотите повезти нас в долину через горное шоссе Моника?

— Частично, по крайней мере. Нужно забраться в горы, если удастся, конечно. После этого...— Он пожал плечами.

— Мистер Брехт,— не унималась она,— на другом конце шоссе находится Ванденберг-3. На склонах. И там Мортон Опперли. Думаю, нужно попытаться связаться с ним.

— Неплохая мысль,— заметил Док,— наверное, у него побольше здравого смысла, чем у солдафонов из В-2, и, надеюсь, он будет рад встретить в нашем лице трезвомыслящих помощников. А это значит, что в этой паранормальной обстановке мы будем окружены выдающимися учеными. Хотя одному Богу известно, сумеем ли мы добраться до В-3, а также будет ли там Опперли, если это нам таки удастся,— добавил он, опять пожав плечами.

— Не обращайте внимания... Я хочу вас вот о чем попросить: если представится возможность связаться с ним, вы поможете мне, хорошо? У меня на то есть особые причины, которые я не могу сейчас назвать.

Док пристально посмотрел на нее и улыбнулся:

— Ясное дело.

Марго тут же зашла в автобус и заняла место за кабиной водителя.

Водителем был хмурого вида мужчина с настолько запавшей челюстью, что создавалось впечатление, будто у него вообще нет зубов.

— Спасибо, что согласились помочь нам,— сказала она.

— Это вы мне? — осведомился он, обернувшись и вопросительно глядя на нее. Блеснули пожелтевшие передние зубы и редкие, почерневшие коренные.— Он сказал мне,— палец водителя ткнул в Дока,— что если я не уберусь побыстрее в горы, меня накроет двухсотметровой волной. Так он живописал эту картину. А затем сказал, чтобы я не напрягался по поводу того — брать вас с собой или нет, потому что он не один, а его товарищ вооружен. Это мне-то спасибо? Да у меня просто не было выбора! К тому же дорогу, по которой я обычно езжу, завалило камнями.

Марго рассмеялась:

— Ничего, вы к нам привыкнете.

— Может быть,— с кислой миной заключил водитель.

Постепенно люди стали загружаться в автобус. Хантер уселся рядом с Марго, пока та разговаривала с шофером. Она отодвинулась, освобождая место, но он даже не взглянул на нее. Док стоял в дверях и пересчитывал присутствующих.

— Все здесь,— объявил он. Высунувшись из автобуса, он крикнул в сторону грузовика:

— Порядок, поехали! Дайте задний ход и следуйте за нами!

Автобус и грузовик развернулись на мосту.

Марго обратила внимание, что вода в заливчике поднялась еще на метр. Небольшая волна, пенясь, прокатилась по нему. Берег, на котором она испытывала оружие, тоже погрузился под воду. Еще прошлой ночью дорога была в полумиле от океана, а теперь их разделяла какая-нибудь сотня метров.

Док занял стратегическую позицию наблюдателя и штурмана напротив Хантера. Вытянув ноги, он приказал водителю:

— По горному шоссе Моника. Скорость не более тридцати миль в час. И следите за скалами. Всего четыре мили по шоссе — достаточно времени, чтобы улизнуть от толстеющего, как на дрожжах, господина Тихого океана. Все, надеюсь, помнят, что тихоокеанские приливы — смешанного типа? К счастью, сегодня утром был низкий прилив. Макхит! — крикнул он через плечо.— Вы назначаетесь офицером связи.

Смотрите за грузовиком. Остальных я прошу рассесться по автобусу равномерно, когда начнется подъем. Опасности нет — мы значительно опережаем прилив.

— Пока нас...— начала Марго, но осеклась. Она собиралась сказать: «Не настигнут волны от землетрясения или цунами».

Хантер улыбнулся.

— Молодец, не надо этого говорить,— прошептал он ей на ухо. Затем, слегка повысив голос, обратился к Доку:

— Откуда вы взяли эту цифру — двести метров?

— Высота лос-анджелесского прилива два с половиной метра, умноженная на восемьдесят. Надеюсь, она слишком завышена, но нужно же иметь хоть приближенные оценки. О, жизнь на океанской волне, дом на ее гребне...

Марго вздрогнула и поморщилась от такой моральной поддержки. Скрестив руки, она принялась изучать спинку водительского сидения. Хотя надписи были нацарапаны недавно, она различила только «Оззи-вонючка» и «У папаши — 13 зубов».

Несмотря на ободряющие заверения Дока, напряжение в автобусе усиливалось с каждой минутой по мере того, как пассажиры с замиранием сердца вглядывались в наползающие волны и скрывшийся в тумане горизонт.

Марго почувствовала общее облегчение в тот момент, когда они свернули на круто поднимавшуюся ленту шоссе, но когда люди вспомнили о своих обязанностях следить за скалами, напряжение опять стало нарастать. Марго тут же вспомнился яркий рассказ мисс Хиксон. Впрочем, первый попавшийся на глаза холм, казалось, не таил в себе никакой опасности.

— Грузовик повернул за нами, мистер Брехт,— по-солдатски отчеканил Макхит.

— Спасибо,— поблагодарил Док. Затем, повернувшись к Хантеру и Марго, он с веселым энтузиазмом заговорил, чтобы слышали все остальные:

— Об этом мало писалось в прессе, но строительство горного шоссе Моника совершило настоящий переворот в дорожном деле.

— Послушайте, Док,— вмешался Войтович,— но если дорога чиста до самой долины, почему по ней нет никакого движения?

— Вы сегодня необычайно проницательны,— заметил Док.— Достаточно, чтобы шоссе было пустым хотя бы три мили, за это время мы поднимемся на шестьсот метров.

— Понял вас, Док.

— Небо впереди темнеет, мамочка,— вставила Энн,— такая большая струйка дыма.

— Мы между водой и пламенем,— заявил Аршин — в его голосе вновь зазвучали мечтательные нотки.— Крепись, Испан еще вернется.

— Этого-то я больше всего и боюсь,— сказал вполголоса Хантер, обращаясь к Марго. Затем, не повышая голоса — его взгляд прикипел к предмету, выпиравшему из-под ее наглухо застегнутой куртки,— он продолжил: — Будьте любезны, покажите мне ту штуку, которую выронила женщина-кошка. Я видел, как вы подобрали ее, и думаю, уже успели испытать сегодня утром. Ну как, работает?

Не получив ответа, он сказал:

— Если вам так спокойнее, то держите пистолет при себе. Я слышал, о чем вы разговаривали с Доком, и целиком вас поддерживаю, в противном случае я отобрал бы его у вас немедленно.

Она даже не подняла глаз.

От него сильно разило потом.

Автобус миновал первый пригорок и, сделав медленный поворот, начал преодолевать следующий, более крутой. Дорога по-прежнему была чистой.

— Горное шоссе Моника проложено практически по вершинам горных отрогов. При его строительстве применялся асфальт, в составе которого преобладают длинные молекулярные цепочки. Отсюда имеем: сопротивление натяжению плюс полная нечувствительность к осадкам. Я вычитал это в специальных журналах. Доверьтесь гениальным умам, хочу я сказать,— заключил Док.

— Гениальным крикунам! — пробурчал кто-то позади.

Док оглядел присутствующих, подозрительно косясь на Раму Джоун.

— Мы преодолели уже триста метров,— объявил он.

Автобус взобрался на вторую вершину. Перед ними в последний раз открылась панорама прибрежного шоссе. Оно было покрыто слоем воды. Волны разбивались о склоны, поросшие кустарником.

Дай Дэйвис, освоившись в кабачке, как у себя дома, рассматривал широкий Бристольский канал, отдающий в тумане стальным блеском. На поросшем шиповником склоне по ту сторону дороги вода все прибывала и прибывала.

Он увидел, как пытаются противостоять потопу два грузовых судна и лайнер. Наконец их унесло, и на воде остались лишь плавающие обломки да какое-то маленькое суденышко, на которое не стоило обращать внимание.

Он включил радио и стал слушать душераздирающие сообщения о серии землетрясений и гигантских приливных волнах, происшедших за истекшие сутки, а также истерические инструкции, обращенные, как ему показалось, ко всем жителям Англии с призывом спасаться на вершинах холмов.

Он пришел к выводу, что, по-видимому, эти предупреждения передавались с самого утра, повергнув трусливых сомерсетцев в ужас — они бежали, как зайцы, побросав даже запасы спиртного. От этой мысли он пустился в пляс, напевая:

— Кто боится этих приливных волн? Только не Дай.

Но вдруг лампочки замигали зеленоватым светом и погасли. Замолчало и радио. Тогда он полез в шкаф, нашел свечи и установил семь из них вдоль стойки, укрепив в растопившемся воске.

Пламя свечей раскачивалось, напоминая танец маленьких фей, мягким светом освещая «книги» с красивыми этикетками на полках.

— Постой-ка, постой-ка,— говорил он себе,— давненько я не заглядывал в Бушмилз Томаса Гарди, но меня так прельщают некоторые песенки из BAT - 69 Эзры Паунда. А может... да, конечно! — хочется впустить что-нибудь иноземное — скажем, Кирхвассера Генриха Гейне...

Генерал Спайк Стивенс и полковник Мэйбл лежали рука об руку под самым бетонным потолком большого стального кабинета. В отличие от генерала, она в суматохе потеряла свой фонарь. Свет его фонаря выхватил из темноты тихую водную гладь в десяти сантиметрах от вершины кабинета.

Они лежали очень тихо. От давления воздуха в головах гудело.

Единственным объектом их внимания осталась решетка вентилятора.

Замогильным голосом генерал произнес:

— Не понимаю, почему воздух не вырывается оттуда,— он указал на вентилятор.— Наверное, включилось устройство, предохраняющее от попадания радиоактивных осадков, и образовалась какая-то затычка.

— Вентиляционная шахта заполнена водой,— отозвалась Мэйбл.— Давление воды сверху и снизу уравновесилось, вот в чем дело.

— Я вижу, вы разбираетесь в этом,— сказал генерал.— Плохая гидростатика. Давление воды снизу должно быть большим. И воздух, по идее, должен выходить наружу.

— Может, шахта лифта не полностью залита водой? — с легким недоумением ответила Мэйбл.— Но я в этом не разбираюсь.

Она просунула палец в одну из ячеек решетки и, когда вытащила его, из дырки вырвалась струя воды толщиной с сигару.

Генерал схватил ее за плечо.

— Ах ты сучка,— бормотнул он. Затем, глянув ей в глаза, запустил пальцы за шиворот, намереваясь разорвать ее мундир.— Да, хочешь ты этого или нет, но придется.— Он хрипло задышал ей в лицо.

Немного погодя, он сказал извиняющимся, но упрямым тоном:

— Отсюда нет выхода. Придется искать его в нас обоих.

Она широко улыбнулась:

— Займемся этим прямо сейчас, ты, большой, глупый солдафон.— Ее глаза сузились.— С нами покончено,— задумчиво произнесла она, делая ударение на каждом слоге, будто ступала по камням.— Но пока вода не накрыла нас с головой, мы еще покажем, на что способны. Давай же, времени в обрез.

— О Боже, ты поняла меня! — громко воскликнул генерал, улыбаясь ей, как сама Смерть.

Она расстегнула мундир и лифчик. Свет лампы упал на ее грудь. Он вошел в нее, и они принялись за дело.

— А теперь помедленнее, старый дурак,— сказала она.

Когда вода оказалась всего в двух-трех сантиметрах, они остановились.

— Как мыши в мышелозке,— нежно сказала она.

— Я всегда был уверен, что ты лесбиянка.

— Да, это так, но это не все.

— Этот черный тигр,— сказал он.

— Мы видели его.— Ее лицо расплылось в улыбке.— Смерть от удушья — очень спокойная смерть.— Она опустила руку в воду, как будто лежала на дне каноэ, что, в общем-то, походило на правду.

— Это из герцогини Мальфи, генерал. Герцог Фердинанд. Очень мило, не так ли?

Он задумчиво нахмурился, она же, улыбаясь, продолжала:

— Я неоднократно читала, что каждый повешенный испытывает климакс. А повешенный — все равно что удушенный. Не знаю, как в отношении женщин, но я всегда хотела попробовать. Мы можем сделать три вещи сразу. Вам улыбается убить женщину. Да, я лесбиянка, генерал, я спала с такими девками, что вам и не снилось. Помните рыженькую из отдела статистики, у которой дрожало левое веко, когда вы ее отчитывали?

В это время вода захлестнула поверхность, на которой они находились, вентилятор прорвало, послышался механический вой, и вода ритмично стала выливаться из дырки, пропуская наружу воздух. Кабинет зашатался.

Генерал и полковник Мэйбл опять принялись за начатое.

— Я не стану давить очень сильно, слышишь ты, развратная тварь! — заорал он ей на ухо.— Ты ведь все-таки женщина.

— Ты так думаешь? — И ее длинные пальцы душительницы сомкнулись на его шее.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

От длительного пребывания в одной позе у Пола затекли мышцы и разболелись суставы.

Оправившись от страха перед Тигришкой, он высказал свои жалобы и принялся задавать вопросы, на что она ответила: «Это все болтовня» — и провела лапой по его губам. Нижняя часть лица одеревенела, как после укола новокаина.

Наконец наступило время унизительного осмотра. После того как Тигришка установила, что примитивное сознание принадлежит Полу, а не Мяу, она высокомерно прошлась по его мыслям. Затем очень быстро освободила его от мокрой одежды, сняв невидимые оковы с запястий и лодыжек, и подвергла нечувствительному анатомическому осмотру с таким видом, словно перед ней лежал труп. В довершение всего — какая бестактность! — она присоединила к его члену парочку медаппаратов.

От них, извиваясь, отходили трубки, соединенные с серебристо-серым пультом, в который через распахнутое отвер-

стие она швырнула его одежду. Пол окрестил его «мусоросборником».

В тепле кабины находиться голым было даже более приятно. Хотя чувство унижения не проходило.

Закончив не вызывавшую у нее особого энтузиазма работу с Полом, Тигришка занялась собой и Мяу. Она принялась облизывать ее своим лягушачьим языком, а затем, ловко ухватив две расчески четырехпалыми лапами, начала расчесывать. При этом она напевала какую-то жуткую какофоническую мелодию одновременно тремя голосами. Вычесанная шерсть тут же летела в «мусоросборник».

После туалета с кошачьим безразличием по отношению к задыхающемуся в агонии миру внизу она принялась кормить Мяу. Из второго пульта (Пол нарек его «кормушкой») был извлечен жирный темно-красный червь, показавшийся Полу искусственным.

Извивающийся червяк вызвал у Мяу живой интерес, и прежде чем сожрать, она немного поиграла с ним.

После этого Тигришка подошла к третьему пульту («пульту управления») и занялась своей основной работой, которая, как предположил Пол, заключалась в наблюдении.

Пол тихо радовался тому, что его наконец оборудовали своеобразным санузлом, как вдруг впервые за время пребывания на борту тарелки обнаружил, что зеркало, в которое он смотрел, стало прозрачным.

В полумраке под ними среди разбушевавшегося серого моря вырисовывались одинокий остров и танкер, волнами изливавший свое зеленоватое содержимое из пробоины в носу.

Эффект прозрачности был настолько совершенным, что ему показалось, будто он вот-вот выпадет прямо в бушующий Мальстрем. Но вскоре прозрачность исчезла и вновь появилось зеркало. Такое чередование повторялось несколько раз, причем он наблюдал участки планеты с различной высоты. Хотелось съежиться от страха при виде проплывавших участков моря, побережья и сельскохозяйственных угодий. Однажды показалось, что он узнал северную оконечность долины Сан-Фернандо с участком гор Санта-Моника, но он не мог утверждать этого с уверенностью.

Наконец перед ним предстало то, что он опознал безошибочно. С высоты в пять миль был виден город, окруженный с одной стороны морем и с другой — горами. От побережья и до гор его застилал ярко-красный, переходящий в черно-коричневый дым.

Это горел Лос-Анджелес. На этот раз тарелка зависла на небольшой высоте, что позволило Полу определить основные очаги пожаров. Похоже было, что огонь пожрал домик Марго, да и его собственный тоже.

Высота не позволяла разглядеть муравьиное скопление машин и красных жучков пожарных.

К югу побережье выглядело ужасно. Воды океана слишком глубоко вторглись в сушу.

Он пытался закричать парализованным ртом, чтобы дать знать об этом кошмаре Тигришке.

Она даже не посмотрела в его сторону, но, отвлекшись от пульта, проползла по невидимому полу, вперившись взглядом на юго-запад и море.

В двух милях под ними над изуродованным побережьем быстро двигалась серая гряда туч. Когда гряда достигла Лонг-бич, ярко-красный дым превратился в белый — это пошел дождь. Ливень.

Пол посмотрел вдаль за гряду и увидел два истребителя-перехватчика, летящих навстречу. Из-под крыльев вырвался огонь, и четыре ракеты, пущенных по ним, помчались, вращаясь вокруг своей оси.

Затем Лос-Анджелес как будто вздрогнул по всей своей 20-мильной длине. Взгляд Пола ухватил еще больше дымящихся точек, ничтожно маленьких с такой высоты, виднеющихся вплоть до Бейкерсфилда.

Зеркало мигнуло еще раз. На этот раз перед ним оказалась зеленая гладь — для смены впечатлений, видимо.

Тигришка сунула лапу в цветочную оранжерею и достала оттуда Мяу. Сидя вполоборота к Полу и прижимая к себе кошку, она громко произнесла:

— Мы спасаем этот город обезьян, вызываем большую тарелку, делаем дождь. А благодарности маловато,— помогаешь обезьянам, а они по тебе стреляют.

Мяу извивалась в ее лапах, проявляя явное неудовольствие и как бы говоря, что предпочла бы лазить среди цветов, но Тигришка облизала ее мордочку своим острым, как кинжал, языком, и та изогнулась от удовольствия.

— Он нам не нравится, да? — продолжала Тигришка голосом, напоминавшим что-то среднее между мурлыканьем и уничижительным смехом.— Обезьяны — трусливые, болтливые, роящиеся толпами ничтожества, лишенные чутья.

Полу хотелось ее задушить. Сцепить на шее пальцы и...

Тигришка еще теснее прижала Мяу и громко прошептала:

— Похоже, от него дурно пахнет. И мысли его тоже дурно пахнут.

Полу вдруг вспомнилось, как его подначивала Марго. Правда это было до того, как он встретил Тигришку.

Дон Мерриам сидел на краю кровати, представлявшей собой одну большую эластичную подушку. Помимо кровати в комнате стоял низенький столик с прозрачной чашкой, кувшином воды и такой же прозрачной тарелкой с пористыми белыми кубиками. Жадно выпив воду, он откусил лишь маленький кусочек на пробу — по вкусу и запаху это напоминало хлеб.

Обстановку комнаты дополняли стульчак с «очком» и некое подобие душа в углу. Шум струи успокаивал, к тому же на него не летели брызги, и вода не переливалась в комнату. Еще не решившись встать под душ, он тем не менее разделся до нижнего белья.

Температура, влажность и освещение были подобраны таким образом, что комната казалась ему продолжением собственного тела.

Прежде чем бесшумно закрылась дверь, его хозяин, черно-красный тигр, промолвил:

— Пейте, ешьте, набирайтесь сил, отдыхайте.

Это были единственные слова, которые он произнес за все время их пути в лифте и вдоль узкого коридора.

Когда существо удалилось, Дон вначале почувствовал облегчение — его раздражал унизительный страх, заставлявший воздерживаться от терзавших его вопросов. Но теперь почти хотелось, чтобы существо вернулось.

Это было лишь одно из его противоречивых ощущений: усталость — неловкость, безопасность — отчуждение, настойчивое желание дать выход своим мыслям и такое же желание удержать их при себе.

Приятно было воображать эту комнату некой больничной палатой в огромном океанском лайнере. Хотя чем еще, как не лайнером, была эта планета, бороздящая просторы Вселенной?

Усталость, наконец, взяла свое, и он вытянулся во весь рост на койке. Но в то же время его сознание лихорадочно работало, выдавая информацию, причем хаоса в этом процессе не наблюдалось.

Производимый эффект напоминал действие пентотала, и нельзя было сказать, что это неприятно, по крайней мере беспокоящая тревога ушла.

Правда, появилось ощущение, что они проникли в сознание и изучают его, но на это было наплевать.

Его мысли, знания, прошлый опыт, выстроившись в стройные колонны, проходили перед их внутренним взором, как на параде.

Постепенно вторжение в область его сознания стало убыстряться, так что трудно было за ним уследить, но грех было жаловаться на дискомфорт: он погружался в мягкую, теплую, всеохватывающую темноту.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Трудно перечесть все последствия чудовищных приливных волн. Вздыбленные гравитацией Скитальца воды Земли хлынули на сушу по всей планете.

Течения в таких проливах, как Малакский, Флоридский и Хуан де Фука, стали настолько мощными, что просто смыли крупные суда, а мелкие разнесли в щепки.

Мостам, сконструированным в расчете на сильные ветры, пришлось испытать на себе силу хлынувших вод. В конце концов подгоняемые потоками воды корабли разрушили их.

Мелкие суда были сорваны со швартов, которыми крепились к причалам. Маяки затопило.

Вечная мерзлота Аляски и Сибири была растоплена соленой водой. В Америке и России залило шахты ракет с ядерными боеголовками.

Расположенные на небольшой высоте порты Средиземноморья пострадали, как от нашествия ураганов.

Воды Миссисипи, тонким слоем покрывшие соленые воды прилива, хлынувшего из Мексиканского залива через ее дельту, залили улицы Нью-Орлеана.

С подобным явлением столкнулись, но только на улицах Сан-Хуана, и братья Арайса в компании с Гильермом Уокером. К концу дня река изменила направление течения, ринувшись в джунгли. Вода стала солоноватой. Вверху по течению показались обломки. Братья прокляли американцев, впрочем, со свойственной латиноамериканцам почтительностью — вышло театрально, немного напоминая «Короля Лира»,— и повернули лодку обратно в сторону озера Никарагуа.

Население больших портовых городов искало спасения на холмах и даже на последних этажах высоких домов. Повсюду

происходили маленькие войны за жизненное пространство. Предпринимались попытки спасти рассеянных по поверхности людей с помощью вертолетов. Несколько упрямцев, не желавших покидать свои посты, демонстрировали чудеса героизма. Одним из таких людей был Фриц Шер, оставшийся в институте на всю ночь, в то время как Ганс Опфель, вызвавшийся сходить за чем-нибудь съестным и обещавший обязательно вернуться, так и не пришел назад. Трудно сказать, что взяло в нем верх,— видимо, инстинкт самосохранения.

Итак, Фриц лишился объекта своих насмешек, оставшись в одиночестве, если не считать аппарата для прогнозирования приливно-отливных процессов. Но это не угнетало его, напротив — появилась некая, почти физически ощутимая привязанность к машине. Чтобы не прерывать с ней контакта, он даже придвинул поближе свой стол. Время от времени он подходил к окну и выглядывал наружу, но кроме толстого слоя облаков, нависших над городом, ничего не было видно.

Тем, кому удалось избежать затопления приливом, довелось столкнуться с проявлениями другой стихии. В полдень по тихоокеанскому времени тарелочникам пришлось преодолевать стену огня, быстро поднимавшуюся по седловидному отрогу гор Санта-Моника — там, где шоссе пересекало центральный хребет.

Барбара Кац наблюдала, как маленькие волны заливают подстриженные лужайки. Бенджи упорно вел машину со скоростью, не превышавшей 30 миль в час. Как штурману — по крайней мере, таковым она себя считала — ей полагалось сидеть на переднем сиденье, рядом с Бенджи, но она предпочла быть поближе к своему миллионеру и потому уселась за водителем рядом со стариной ККК. Хестер сидела за ними, а рядом с Бенджи с кучей чемоданов разместилась Хелен.

Они ехали на запад через Эверглейдс. Солнце только что выглянуло впереди машины, и в закупоренном салоне «роллс-ройса» стало жарко. Барбара знала, что озеро Окихоби должно находиться где-то севернее и вправо, однако перед ее взором продолжали расстилаться свежескошенные луга с торчащими там и здесь одинокими темными стволами кипарисов, да блестело зеркало воды, покрывавшей слоем в несколько сантиметров прямую, как натянутая струна, дорогу.

— Вы оказались совершенно правы насчет этого прилива,— весело отозвался Бенджи.— Никогда не слышал, чтобы он забирался так далеко.

— Тише, Бенджи, — шикнула Хестер, — мистер К все еще спит.

Барбаре хотелось, чтобы Бенджи оказался прав. Она сверилась с двумя старыми наручными часами ККК, надетыми на ее левую руку. Часы показывали 2 часа 10 минут. Затем она перевела взгляд на листок календаря. На нем значилось 1 час 45 минут — время второго прилива в Палм-Бич.

Но не получится ли так, что прилив обрушится на сушу позже, чем на побережье? Этого она не знала. Мимо них прогрохотала, окатив «роллс-ройс» водой, открытая машина и стала быстро удаляться, вздымая бурю в водном зеркале. В ней сидели четверо.

— Черт бы побрал этих лихачей! — проворчала Хестер.

Старина ККК проснулся и взглянул на Барбару маленькими воспаленными глазами. «Наконец-то проснулся,— подумала она,— первый раз за сегодня». Когда они готовились к отъезду, он пребывал в состоянии ступора. Это очень обеспокоило Барбару, но Хестер успокоила:

— Он просто не выспался.

Киттеринг коротко бросил:

— Свяжитесь с аэродромом, мисс Кац. Нам нужны два билета до Денвера на ближайший рейс. Всем служащим и пилотам плачу втройне. Денвер вне досягаемости приливных волн, к тому же у меня там друзья.

Она взглянула на него испуганно.

— О да, начинаю припоминать,— сказал он с нажимом после наступившей паузы.— Но как вы могли забыть о самолете, мисс Кац? — с упреком спросил К, глядя на большую черную сумку с эмблемой «Блэк Болл Джетлайн».

— Я одолжила ее у подруги, а сюда добралась автостопом из самого Бронкса. Я редко пользуюсь самолетами,— виновато призналась она, все больше ощущая беспомощность. А ведь как прекрасно все начиналось: она приехала сюда в поисках своего миллионера, но, ослепленная блеском «роллс-ройса», совершенно забыла о том, что можно путешествовать и на самолете.

О Боже, почему у нее нет привычек миллионеров!

В уголке ее сознания, не обремененного тяжкими мыслями о своем ничтожестве и беспомощности, вспыхнула мысль: не оговорился ли ККК, попросив заказать только два билета? Конечно же, он хотел сказать пять, поскольку обращался со своими слугами как с собственными детьми.

— Надеюсь, мы взяли с собой какие-то деньги? — сухо осведомился он.

— О, да, мистер Киттеринг, мы выгребли всю наличность из стенных сейфов,— уверенно заявила она и, нащупав в сумке толстые пачки банкнот, почувствовала себя немного уютнее.

«Роллс-ройс» снижал скорость. Машина, промчавшаяся недавно мимо них, стояла на обочине, ее капот был наполовину затоплен водой. Четверо пассажиров стояли по щиколотку в воде и отчаянно голосовали.

Это зрелище оживило ее.

— Не снижайте скорости,— закричала она, вцепившись в сиденье водителя.

Бенджи слегка притормозил.

— Делайте так, как велит мисс Кац, Бенджамин,— приказал ККК, закашлявшись на последнем слове.

Бенджамин нажал на газ, втянув голову в плечи и прикрыв глаза.

Когда машина приблизилась на расстояние двух корпусов, мужчины едва успели отпрыгнуть в сторону, выкрикивая им вслед ругательства.

Она оглянулась назад и увидела, что один из них достает ружье.

Дай Дэйвис расположился на стойке бара, наблюдая, как тают, отдавая свое девичье молоко, его феи-свечки. Гвен и Люси уже отошли, настала очередь Твинет. Это было двойной утратой, так как он нуждался в их тепле и свете — солнце уже село, и густая темень окутала залитые водой луга. Втайне он надеялся, что со стороны Уэлса увидит спасительный огонек, но тщетно.

Приливная волна реки совсем недавно ворвалась в пивную, и он, подтянув ноги, задумчиво смотрел на плававшие в помещении веники, ведра, сигарную коробку и несколько поленьев. Вначале он опасливо подумывал, как бы смыться отсюда, и даже запасся парочкой бутылок на этот случай, но затем вспомнил, что пивная находится на самой высокой точке местности, что здесь светло и тепло, и к тому же он основательно нагрузился, чтобы предпринимать вылазки.

В любом случае, самым разумным в его положении было играть роль короля Канута верхом на крокодильем горбе. Еще два дюйма — и вода перестанет прибывать, вдруг решил он

и повелел воде отступить. Но это было возможно при условии, что здесь еще действуют привычные законы природы.

Он выдохнул перегаром от «Кентукской таверны» Эрскина Колдуэлла, заметив, как свеча Элиза вдруг вспыхнула напоследок ярко-голубым пламенем.

Уровень очередного прилива достиг узорчатых окон. Вода хлынула в дырку, которую он выбил в двери. Тут он отчетливо ощутил, как под ним дрогнула стойка бара,— да что там стойка, весь дом ходил ходуном. Приложившись к бутылке, он с хохотом воскликнул:

— Это не Дая, это пивную шатает.

Затем его охватил приступ мрачной серьезности — до него дошло, что происходит, и он заорал с гордостью дикаря:

— Умри, Дай, умри! Не срами своего имени, умри достойно. Умри с бутылкой виски в руке, донеси свою любовь до Кардифа.— И добавил с ревнивой придирчивостью к поэзии Дилана Томаса: — Не будь нежным в эту ночь. Ярость, только ярость в борьбе с наступающей тьмой.

В тот самый печальный момент, когда Элиза мигнула напоследок и, казалось, темнота окутала всю долину Северна, раздался тройной, настойчивый стук в двери.

Сверхъестественный страх, охвативший его, придал силы: он спрыгнул в воду, подошел к двери и распахнул ее. Снаружи покачивалась на воде прибитая приливом пустая лодка.

Он вернулся обратно, сгреб в охапку еще три бутылки и захватил по дороге два плавающих веника.

Лодка по-прежнему ожидала его. Он швырнул туда веники, осторожно складировал бутылки со спиртным и, схватившись за планшир, налег туловищем на лодку. Он чуть было не отключился от напряжения, но ледяная вода быстро привела его в чувство — он неуклюже забрался внутрь. Уже окончательно отъезжая, он успел оттолкнуться от дверного косяка, и лодку понесло прочь.

Ричард Хиллари брел в сгущающихся сумерках в 10 метрах от дороги, забитой движущимися почти бампер к бамперу со скоростью улитки машинами. Голосовать было бесполезно — машины были битком набиты людьми, и если бы и подвернулось лишнее местечко, его наверняка занял бы другой пешеход, шедший у самой кромки шоссе. Впрочем, он перемещался с такой же скоростью, что и автомобили, если не быстрее.

Дело происходило в окрестностях Оксбриджа, поток машин и людей двигался на северо-запад.

Люди почувствовали облегчение, когда солнце зашло за горизонт, хотя быстро летевшее время заставляло пешеходов ускорить темп.

Никогда еще Ричард не сталкивался ни с чем подобным, даже во время немецких бомбардировок. Всего за шесть часов в его сознании случился переворот. Сначала этот потоп в Бренфорде, когда автобус свернул на север, потом радиосообщение о затоплении центра Лондона и об НЛО над Новой Зеландией и Австралией, впоследствии оказавшемся планетой. Затем все потонуло в шуме помех. Люди взволнованно спрашивали, как им связаться с родными. Он же испытывал двоякое чувствс облегчения и ущемленности — ему не о ком было беспокоиться. Потом была остановка автобуса возле больницы Вест Миддлсекса, где он узнал, что уже прикомандирован к ней для эвакуации пациентов, были слабые протесты пассажиров и советы идти пешком на северо-запад, подальше от воды. Он видел побелевшие от ужаса лица беженцев с востока. С вертолета разбросали листовки, в которых было две фразы: «Западный Миддлсекс перемещается в горы Чилтерн. Потоп ожидается в 2 часа пополуночи». И, наконец, он присоединился ко все увеличивающемуся потоку людей, двигавшемуся на северо-запад, став частью толпы измученных, ищущих спасения беженцев.

Ричард пришел к выводу, что шагает уже два часа кряду. Он порядком устал, голова его клонилась на грудь, взгляд был устремлен на грязные ботинки.

Повсюду были видны признаки недавнего наводнения — примятая трава и мутная вода в водоемах.

О том, где находится, он не имел понятия, зная лишь, что уже миновал Оксбридж и видя далеко впереди себя туманные холмы. Сумерки были необычайно яркими. Он едва не натолкнулся на группу людей впереди, которые, остановившись, пялились на небо. Он последовал их примеру, и его взгляду открылась причина всеобщих несчастий. Оно было размером с Луну, почти полностью желтого цвета, с лиловой чертой посредине, от концов которой отходили, изгибаясь, два рукава, образуя букву D. Он интерпретировал этот знак трояко: опасность *(danger)*, несчастье *(disaster)*, разрушение *(destruction)*. По-видимому, это было планетой, но выглядела она устрашающе.

Он поймал себя на мысли о том, как прекрасно жилось миллионы лет на Земле, в этом уютном доме, куда никогда не заглядывал ни один пришелец, и какой хрупкой и ненадежной была всегда ее изоляция от остальной Вселенной.

«Но почему, черт возьми,— со злостью подумал он,— когда с окраин Вселенной вторглось это чудовище, оно предстало в виде дешевой кричащей рекламы на круглом щите?»

В его мозгу вспыхнуло: «D — это Дай». Он вспомнил, что в полнолуние высота приливных волн в Эйвомауте достигает 12 метров.

«Как там Дай?»

Дай Дейвис очнулся от ужасного, пробиравшего до костей холода, и, с трудом приподнявшись на локтях, понял, где находится. Он уткнулся лицом в руки.

Перед ним открывалась темная панорама Бристольского канала с несколькими огоньками вдали. Это могли быть Монмут, Глеморган или Сомерсет — впрочем, на фоне звезд определить это было трудно.

В грудь ему упиралось холодное горлышко бутылки. Отвинтив пробку, он сделал несколько глотков. Спиртное не согрело, лишь более или менее привело его в чувство. Однако сознание еще не включилось — бутылка выпала из рук и покатилась по дну. Единственной его мыслью было то, как много валлийской территории затопило. Ему вспомнились стихи Дилана Томаса, и он начал бессвязно бормотать отрывки из них.

Через определенные интервалы времени лодку подбрасывало. Не без усилия Дай пришел к выводу, что это, должно быть, результат столкновения затихающих волн океана с волнами отлива. Но почему их гребни окрашены кроваво-красным и желто-золотым?

Когда лодку развернуло, он увидел поднимавшуюся на востоке лиловую глыбу Скитальца со свернувшимся на ней желтым драконом. Перед драконом проплывал золотой треугольный щит. Его взору предстал вращающийся белый толстый шпиндель, напоминающий гигантский блестящий кокон моли. Память заработала, просеивая дурацкие сообщения из Америки, и мысленная цепочка моль — Луна привела его к выводу, что этот шпиндель и есть та самая Луна, с которой он и Дик Хиллари попрощались 15 часов назад.

Он стоял в полном безмолвии, купаясь в лучах Скитальца, столько, сколько мог вынести. Затем, когда холод стал нестер-

пимым и лодку опять развернуло таким образом, что объект исчез из вида, а удары волн о борт стали сильнее, он обнаружил почти пустую бутылку и осторожно к ней приложился. Устроившись на сиденье посреди лодки, он вставил в уключины захваченные метелки и принялся грести.

Казалось вполне возможным выкарабкаться из ситуации, в которую он угодил, хотя начался быстрый отлив и он теперь находился ближе к Бристольскому каналу, чем к сомерсетскому берегу. Он налегал на весла, держа курс в сторону моря, и тихо бормотал нараспев:

— Мона, дорогая Мона-бах, у тебя новый муж... Жестокий император пришел и спалил мир водой... Ты обесчещена и брошена, моя Мона, но ты выглядишь еще прекрасней в своем новом обличье после пережитой трагедии; неужели ты превратишься в белое колечко? Я по-прежнему остаюсь твоим певцом, Мона, твоим одиноким певцом, я Одиночка, новый валлийский одиночка, Вулф Лоунер * сегодняшней ночи, я собираюсь доплыть до Америки, чтобы встретиться с тобой, пока в агентстве Ллойда не умолкая гудит колокол по затонувшим судам и городам и слышен слабый звон из-под воды.

Волны, пенясь кроваво-красным и золотым, становились все выше и выше. Если бы он обернулся и взглянул прямо по курсу, то заметил бы, как в четверти мили по носу лодки вздымается зарождающаяся поперечная волна.

Багонг Банг, казавшийся совсем крошечным по сравнению со своим другом-австралийцем, стоял на палубе и наблюдал, как из переливающейся красками воды лебедкой поднимают остов изъеденного ржавчиной и обросшего водорослями судна.

Чтобы удержать корабль в стабильном положении, на «Махан Лумпуре» вовсю работал гребной винт. Воды Тонкинского залива устремились в Южно-Китайское море.

С юга донесся низкий гул, напоминавший отдаленный многими километрами звук преодоления звукового барьера. Это не осталось незамеченным на судне, хотя они пока еще не знали, что это отзвук взрыва вулкана Кракатау, происшедшего два с половиной часа назад в Зондском проливе.

В этот момент из воды полностью показался остов затонувшего корабля. Течение ослабело. Багонг Банг был совершенно уверен, что это «Королева Суматры».

---

* Loner – одиночка (*англ.*). (Здесь и далее прим. переводчика.)

Маленький малаец рухнул на колени и, поклонившись — на запад в сторону Скитальца и, по случайному совпадению, в сторону Мекки, тихо проговорил:

— *Терима, каси, багус кучингдан унгу!* — Поблагодарив желто-лилового чудотворца, он резко вскочил на ноги и, сделав театрально-королевский жест рукой, весело закричал: — Мы возьмем корабль с сокровищами на буксир, *байк собат,* и воздадим ему королевские почести. Наконец-то сбылась моя мечта!

Салли Харрис время от времени вздыхала, облокотившись о балюстраду.

Последние отблески заката на западе смешивались с огнями горевшей нефти из разрушенных наводнением танков. Нефть покрыла пленкой слой соленой воды, залившей Джерси-сити.

— Что такое, Салли? — спросил Джейк, отхлебывая коньяк и откусывая сразу от нескольких сортов сыра.— Только не говори, что опять начался пожар.

— Не-а, похоже, огонь отступил, но вода все прибывает.

— И тебя это беспокоит?

— Не знаю, Джейк,— безразлично ответила Салли,— я смотрю, как уходят под воду церкви. Даже предположить не могла, что их тут так много: Святого Патрика, Епифании, Святого Варфоломея, Славы Господней, Святой Девы Марии и Голгофского распятия, где зародилась АА, и церквушка за углом... и...

— Эй, но отсюда все они просто не видны,— запротестовал Джейк,— ты даже не видишь и половины из них.

— Я вижу их в своем воображении.

— Эй, отвлекись от этого хлама! — приказным тоном заявил он.— Вон, видишь, над нашей планетой нависла тень Кинг-Конга. Как тебе этот номер? Думаю, это можно вставить в пьесу?

— Еще бы,— в голосе Салли вновь появились признаки возбуждения.— Эй, слушай, а ты закончил мою песню Ноева Ковчега?

— Еще нет. Господи, Салли, мне нужно отдохнуть после пожара.

— Ты уже наотдыхался. За работу, Джейк.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

— Эй, всем выйти наружу! — Док старался придать своему голосу веселость.

Поворчав для приличия, тарелочники вывалили из автобуса в объятия прохладного влажного воздуха. Странный зеленоватый свет сопровождал заход солнца. Стороны пришли к соглашению, что это следствие выброса вулканического пепла в стратосферу, хотя Аршин придерживался версии о планетарной ауре.

На их лицах отражались следы прошедшей бессонной ночи.

На автобусе и грузовике облупилась краска, а вдоль бортов виднелись черные полосы — результат гонки сквозь огонь. Правая рука Кларенса Додда была забинтована — он ожегся, когда пытался с помощью куска брезента защитить от огня Рэя Хенкса, Иду и себя.

Хантер выругался, споткнувшись о лопаты,— кто-то небрежно бросил их в проходе между креслами после утомительной двухчасовой работы по очистке шоссе. Сунув их под сиденья, он выругался снова.

Путешественники промокли до нитки. Дождь, нагрянувший с запада, начался через десять минут после того, как им удалось прорваться сквозь огонь. Небо на востоке было по-прежнему затянуто тучами, тогда как на западе местами светлело.

Им осталось преодолеть еще одну вершину перед спуском к Ванденбергу-3 и внутреннему шоссе № 101, ведущему из Лос-Анджелеса в Санта-Барбару и Сан-Франциско.

В этом месте горное шоссе уходило под углом 30°, резко обрываясь вниз, так что кроме холма в полумиле дальше не было ничего видно.

Внушающий трепет скалистый склон был усеян пятнами самых разнообразных оттенков — от бледно-зеленого до черного — и изборожден аккуратными траншеями и рытвинами, на краю которых покоились валуны величиной с грузовик.

Один из них лежал, перегородив дорогу и оставив на ней глубокую вмятину. Видимо, он рухнул во время одного из подземных толчков.

— Эх-ха, наконец-то нашли преграду на дороге,— отозвался Войтович из-за спины Дока.

Немного в стороне, прямо перед упавшим валуном, они увидели перевернувшийся «корвет». Ярко-красная, свежевы-

мытая дождем машина придавала скучному пейзажу пикантность. Поблизости никого не было, и приветствие Дока отозвалось лишь эхом.

Ида быстрым шагом подошла к Доку:

— Мистер Брехт, Рэй Хенкс не в состоянии продолжать путешествие. Мы соорудили ему подпорки, но боль не проходит, к тому же у него поднялась температура.

Док обошел машину и вдруг остановился как вкопанный у капота, словно наткнувшись на невидимую преграду. Он обернул к стоявшим позади него позеленевшее лицо и, махнув рукой, проговорил:

— Ни с места. Никому не подходить сюда.

Он снял плащ и накрыл им что-то лежавшее за машиной. Тонко всхлипнув, Ида повалилась на асфальт.

Затем, повернувшись к ним снова и утирая дрожащей рукой пот со лба, он отрывисто, будто подавляя в себе рвотный позыв, пробормотал:

— Это молодая женщина. Она умерла насильственной смертью. Ее раздели и пытали. Помните случай с Черной Шляпой? Это похоже на то.

Марго и сама испытывала приступ тошноты. Она бросила лишь мимолетный взгляд на тело, прежде чем его накрыли плащом. Бескровная маска вместо лица, щеки, исполосованные чем-то острым до такой степени, что рот казался растянутым от уха до уха...

Рама Джоун, прижав к себе Энн, вглядывалась в дорогу впереди. Она заметила на скале два седана. Людей в них тоже не было.

К ней подошел Маленький Человечек.

— Где твоя винтовка, Доддси? — спросил Док.

— Мне трудно управляться с ней одной рукой,— ответил тот,— в настоящий момент я гожусь лишь на то, чтобы делать записи в дневнике, винтовка же осталась в грузовике.

— У меня есть винтовка,— отозвался Войтович. В спешке он споткнулся, но сохранил равновесие, упершись прикладом в асфальт. Винтовка в его руках напоминала сейчас посох пилигрима.

В этот момент совсем рядом раздалась команда:

— Не двигаться. Вы окружены. Кто пошевельнет хоть пальцем — уложим на месте.

Из-за валуна прямо над дорогой показался мужчина, двое других выступили из-за другого. Эти двое направили свои винтовки на Войтовича, а третий угрожающе поигрывал

двумя револьверами. Лица всех троих были полностью закрыты шелковыми красными масками с большими прорезями для глаз. На голове первого красовалась черная студенческая фетровая шляпа. Он был худощав, аккуратно одет и производил впечатление скорее гуттаперчевого мальчика, нежели обычного молодого человека.

Уверенным шагом он спустился вниз, неотрывно следя за группой путешественников. Дула револьверов так же неотрывно следовали за взглядом.

— А насчет Черной Шляпы — это было удачное предположение,— произнес он быстро, но очень отчетливо — казалось, он не говорил, а чеканил слова.— Она была шедевром моей молодости. На этот раз все будет выглядеть намного приятнее: мы предоставляем каждому из вас шанс остаться в живых при условии, если вон тот мужчина расстанется с винтовкой.— Рука Войтовича разжалась, винтовка на мгновение странным образом застыла в воздухе и лишь затем упала.— И если мужчины оставят женщин и вернутся немного ниже.

Со скалы сорвались и полетели вниз мелкие осколки. Они упали рядом с человеком в шляпе. Почти одновременно со стуком упавшей породы прозвучал выстрел. Его произвел лежавший на раскладушке в грузовике Рэй Хенкс.

Войтович подхватил с дороги брошенную им же винтовку и выстрелил с бедра. Люди в масках открыли ответный огонь, и Войтович упал.

К этому времени Марго опомнилась, достала из-за пазухи пистолет и, направив на Черную Шляпу, спустила курок. Тот плашмя рухнул на валун, произведя при этом какой-то треск и раскинув руки, как распятый на кресте. Валун покачнулся.

Кто-то пронзительно закричал. Войтович выстрелил из положения лежа, те двое ответили несколькими выстрелами. Марго направила на них дуло пистолета, и они полетели, кувыркаясь, назад. Один судорожно ухватился за валун, ружья завертелись и полетели в другую сторону. Наконец они исчезли из виду за краем скалы.

Черная Шляпа медленно подался вперед, оставив на камне, там, где касалась его голова, красное пятно. Подбежав с нацеленным пистолетом, Марго буквально смела его вслед за корешами, послав вдогонку три небольших валунчика.

Док, находившийся вблизи линии огня, провальсировал с вытянутой рукой, как бы обнимая невидимую партнершу, к обрыву и остановился на краю.

Хантер подбежал к Марго, схватил одной рукой серый пистолет, а другой снял ее палец с курка и закричал прямо в лицо:

— Это всего лишь я!

Только тогда она с трудом перевела дыхание, оскалившись в дьявольской улыбке.

Гарри Макхит склонился над лежавшим Войтовичем. Тот постанывал.

— Черт побери, Малыш, я думал, что рухну после первого же выстрела. Кажется, они слегка задели плечо, но думаю, что лучше все же посмотреть.

Прихрамывая, Док приблизился к Марго и Хантеру.

— Боже, что это за пушка?

— Вам нечего беспокоиться,— быстро проговорила Марго, обращаясь к Хантеру.— Оно еще заряжено, видите эту фиолетовую полоску?

Внезапно Док выпрямился и быстро огляделся вокруг.

— Макхит,— закричал он,— принесите мне винтовку Войтовича, Рама Джоун, побудьте рядом с ним. Хиксон, несите винтовку Хенкса, если он решится дать ее вам. А вы, Росс, верните пистолет Марго, она знает, как с ним обращаться.

— Марго, вы отправитесь со мной на разведку. Нужно выяснить, не шатается ли здесь еще какой-нибудь сброд. Пойдете слева от меня и будете стрелять по всему чужому, не забывая контролировать амплитуду луча.

Побледневшая Марго опять заулыбалась и на полусогнутых пошла за Доком. Ванда, поспешившая на помощь Аршину, который в свою очередь пытался привести в чувство Иду, бросила короткий взгляд на Марго и отшатнулась.

Маленький Человечек задумчиво проговорил:

— Я думаю, что это и был убийца Черной Далии, но теперь нам никогда не увидеть его лица, а ведь могли бы и опознать.

Войтович поморщился от боли, когда Рама Джоун сорвала с его плеча пропитанную кровью рубашку.

— Просто великолепно. Вы знаток своего дела,— проворчал он.

Рама Джоун облизала испачканные кровью губы и тихо попросила:

— Мистер Додд, принесите, пожалуйста, свою аптечку.

Док взял у Макхита винтовку и, перезарядив ее, сказал Марго:

— Нужно успеть, пока светло.

Барбара Кац едва сдержала раздражение, когда в окошко «роллс-ройса» протиснулась голова полицейского с фонариком. Он заявил громким, невозмутимым тоном:

— Это вы, черномазые, украли машину?

Она начала что-то быстро объяснять полисмену, исполняя роль секретаря-компаньона ККК III и стараясь привлечь внимание к стодолларовой бумажке, вставленной между рамой и стеклом. Но тот, казалось, не замечал ее усилий, продолжая светить им прямо в лицо.

Когда луч фонарика уперся в лицо старика, Барбара с ужасом осознала, что эта изборожденная морщинами физиономия выглядит, как лицо цветного. А он, разморенный жарой, опять впал в оцепенение. Но вдруг приоткрыл свои бледно-голубые глаза и надтреснутым, но высокомерным голосом произнес:

— Перестань светить мне в лицо, ты, идиот в мундире.

Это удовлетворило полицейского. Он погасил фонарик, и Барбара увидела, как банкнота перекочевала в его руку. Полисмен высунулся обратно и добродушно сказал:

— Порядок, можете следовать дальше. Но объясните мне одну вещь: от чего вы, ребята, хотите убежать? Большинство говорит — от небывалого прилива, но где же тогда ураган? Некоторые утверждали, что что-то движется со стороны Кубы. Вы все бежите, как зайцы. Это бессмысленно.

Барбара высунулась из окна.

— Это все из-за приливных волн,— пояснила она.— Их создает новая планета.— Она оглянулась на дорогу, по которой они только что ехали. На востоке всходил лиловый Скиталец с изображением желтого монстра. Сверкающий вал деформированной Луны был похож на мешок в лапах чудовища.

— А, это,— полицейский широко улыбнулся,— это дела небесные, я же толкую о сугубо земных.

— Но вокруг нее вращается разрушенная Луна,— спорила она.

— Не похоже на Луну, она где-то в другом месте,— терпеливо сказал он.

— Но новая планета создает высокие волны,— взмолилась она,— первая волна была не очень, но они становятся все выше и выше. Флорида нигде не возвышается более чем на сто метров, они могут просто затопить ее.

Он распростер руки, будто призывая прохладную, пропитанную апельсиновым ароматом ночь в свидетели, и хмыкнул.

— Я предупредила вас. Это знак судьбы, знамение Страшного Суда.

Он понимающе хмыкнул.

Внезапно ее охватила злость:

— Но если ничего такого не происходит, почему вы останавливаете все машины?

Улыбка с его лица исчезла.

— Мы поддерживаем порядок в Цитрусовом Центре,— хрипло произнес он, отходя к следующей машине.— И скажи своему парню, чтобы ехал, не то я могу передумать. Вашему боссу не следовало бы позволять говорить вместо себя всяким черномазым девкам. Вы, образованные ниггеры, хуже всех. Вас пытаются обучить наукам, а вы все смешиваете в ваших мозгах с идиотскими африканскими суевериями.

В полной тишине они проехали на север. Скиталец медленно взбирался на небосвод, вокруг него полз вал Луны, а динозавр превратился в большую лиловую букву D.

ККК IiI вдруг часто и тяжело задышал.

— Ему нужна кровать, чтобы вытянуться во весь рост,— сказала Хестер.

Банджи притормозил у дорожного рекламного щита: «Вы покидаете пределы Глэйдс и въезжаете в округ Хайлэндс *». Внезапно он рассмеялся.

— Горная местность, это хорошо звучит.

«Но окажется ли эта местность достаточно высокой?» — подумала Барбара.

Ричард Хиллари проснулся от холода. Тело ныло. Во сне он сбросил с себя солому, которой укрывался. Холод поднимался и из-под соломы, служившей подстилкой. Над головой снова сверкала странная планета с тусклой буквой D. Он попытался вспомнить, в каком еще обличье представала она перед его взглядом, и пришел к выводу, что все это было малоприятным зрелищем и больше напоминало психологические тесты. Хотя теперь она выглядела более шарообразной — когда он увидел ее впервые, она походила на круглый рекламный щит. Интересно, куда же подевалась Луна?

Он застегнулся на все пуговицы, чтобы согреться. Стог соломы изрядно похудел, но зато он обнаружил, что количество его компаньонов по ночлегу неизмеримо увеличилось. Видимо, он крепко уснул, да и новоприбывшие не шумели

* Highlands — нагорье, горная местность (*англ.*).

особо, потому он их и не заметил. Он позавидовал парочкам, которые грелись, отдавая свое тепло друг другу, и пожалел, что не познакомился с той девушкой в автобусе. Правда, тогда она показалась такой глупой и недалекой...

Он взглянул в сторону фермерского домика, где прошлой ночью ему довелось перекусить. Окна были зашторены, но сквозь занавески пробивался свет. Возле домика сгрудились люди — видимо, в поисках тепла. Понятное дело, проголодались, супчик-то, наверное, кончился, как и запасы соломы.

А может, жена фермера решила испечь что-нибудь? Он втянул в себя воздух, но почувствовал лишь соленый запах. Может, она открыла бочонок с солониной? «Черт, лезет же всякая чушь в голову»,— подумал он.

Несмотря на пополнение, дорога, еще накануне вечером переполненная машинами и людьми, теперь выглядела пустынной.

Он встал и посмотрел на восток. Долина утопала в темно-серебристом тумане, и пелена уже почти охватила холм, на котором он находился.

У тумана был идеально плоский, отливающий вороненой сталью верх.

Он увидел два движущихся в нем огня — красный и зеленый. Судя по всему, это были огни лодки.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Док и Марго вскарабкались на гребень скалы в 200 метрах от дороги, но так и не обнаружили признаков человека — лишь несколько ящериц бросились врассыпную при их появлении.

Долина впереди погрузилась в непроницаемую черноту. Виднелись лишь обугленные стволы дубов — по-видимому, результат пожара, бушевавшего пару часов назад. Потому-то здесь и не было видно людей.

Кларенс Додд и Гарри Макхит добровольно вызвались помогать разведчикам, ускорив дело. Макхит, спустившись по склону, доложил, что край скалы упал с высоты 150 метров на каменистый холм.

Они так и не нашли пистолетов Черной Шляпы — видимо, те пропали в пещерах, которых здесь было полно.

Док положил себе в карман ключи зажигания от двух седанов. Доддси при свете фонарика прочитал документы, удостоверявшие личности пассажиров. Возможно, один из

них и был тем садистом-убийцей. Видимо, Черная Шляпа и подельники ехали в седанах, а бедная девушка — в красном «корвете». Они встретились по чистой случайности. И затем под прикрытием бушевавшего пожара совершили свое грязное дело. О Боже, об этом не хотелось даже думать...

Тем временем Росс Хантер и Хиксоны замотали тело убитой в брезент и опустили в пещеру, обнаруженную юным Макхитом. На брезенте они написали водонепроницаемыми чернилами обстоятельства смерти, а также имя и фамилию девушки, которые узнали из документов, найденных в «корвете». Аршин отслужил поминальную службу, перекрестившись напоследок.

Затем наступило некоторое облегчение, хотя после того, как улеглись все страхи и треволнения, они поняли, что почти полностью выбились из сил. Значит, придется расположиться здесь на ночлег. Большинство устроилось в автобусе, отдав лучшие места двум раненым. Хиксона беспокоил вопрос, не свалятся ли на них валуны, когда последуют новые толчки, однако Док успокоил его, сказав, что большинство землетрясений, вызванных притяжением Скитальца, уже произошло, поэтому повода для волнений нет.

Док выделил несколько пар в ночной караул, оборудовав наблюдательный пункт в естественном котловане над упавшим на дорогу валуном. Стражники вооружились винтовкой и серым пистолетом Марго. Он расписал время дежурств. Хиксону предстояло спать с винтовкой в кабине автобуса, а женщинам, свободным от дежурства, было отведено место в кабине грузовика. Ванда попыталась воспротивиться этому решению, но Док язвительным ответом поставил ее на место. Они разожгли примус и вскипятили воду. Ужин состоял из кофе с молоком и бутербродов с мармеладом.

Марго подумала, что ее желудок не сможет переварить это детское меню, однако, попробовав кусочек, съела целых три бутерброда, запив их изрядным количеством кофе с молоком. После ужина она сделалась легкомысленной, словно после пары бокалов шампанского. В сознании то и дело мелькали картины расправы с бандой красных масок, и она рассказывала о них каждому встречному.

Поймав один на один Аршина, она без обиняков спросила:

— А правда, что вы женаты сразу на Иде и Ванде?

Он невинно кивнул:

— Да, разумеется, они обе мои жены, и я их кормилец, так сказать. Вообще-то такие взаимоотношения обогащают. Я женился на Ванде из-за ее физической красоты, а на Иде — из-за благородства ее духа. Конечно, теперь все немножко изменилось.

Старик — водитель автобуса слышал весь этот разговор и отвернулся, презрительно хмыкнув.

— Что, ревнуешь, папаша? — спросила Марго с напускной злобой.

Закончив кормить Мяу, Тигришка обратила взгляд на Пола. Затем совсем по-человечески, правда, с грацией, превосходящей движения лучших индийских танцовщиц, она пожала плечами и вернулась к «кормушке», где взяла какой-то пакет и два узких шланга. Она подплыла к нему и, паря сверху, раздумывала, как его накормить: насильно, через рот, впрыснуть питание через вену, а то, быть может, попробовать через прямую кишку.

Его горло пересохло от жажды, мышцы ныли от усталости, начала кружиться голова. Однако больше всего беспокоила смена настроения у Тигришки. Во время кормления Мяу большая кошка пустилась в пляс, полный великолепных быстрых пируэтов и акробатических сальто. В это же время странная музыка заполнила кабину и ритмично пульсировал свет.

Он понял, почему Тигришка танцевала на кончиках пальцев: в этом была повинна анатомия — она была не стопо-, а пальцеходящим существом.

Танец полностью очаровал его.

Теперь же из прекрасной балерины она вновь превратилась в медсестру-садиста.

Поэтому, несмотря на жажду, он встряхнул головой и попытался плотно сжать онемевшие, опухшие губы. Затем, придав лицу умоляюще-печальное выражение, взглянул на свою мучительницу, сознавая, что выглядит, как пойманная обезьяна, молящая отпустить ее на волю.

Она улыбнулась, не раскрывая рта. «Еще одна насмешка над человеческими привычками»,— подумалось ему.

Опять наступила ночь. Он знал это, как и то, что пробыл на борту тарелки 12 часов. Под ними вновь проплывал погруженный в сумерки Сан-Франциско. По городу стелился дым пожарищ, затушенных дождем. У Золотых ворот было настоящее столпотворение судов. Тарелку тряхнуло, и он

увидел, как на востоке поднимается Скиталец с символом мандалы на поверхности. Вокруг вращалось асимметричное сверкающее кольцо. Через несколько секунд до него дошло, что это то, что осталось от Луны.

Тигришка протянула лапу и погладила его правое запястье. Он невероятно удивился, почувствовав, что правая рука свободна. Он пошевелил пальцами, согнул и разогнул руку, почти не ощутив боли, затем начал поднимать пальцы ко рту, но остановился на полпути.

Если он просто прикоснется к губам, она может подумать, что он хочет, чтобы его накормили с помощью трубки.

Он поднес пальцы сначала ко лбу, затем быстро, скользящим движением — ко рту и наконец втянул руку, указывая на ее заостренные уши. Вдохновленный тем, что сумел привлечь внимание, он опустил руку к ее рту, указав затем на свои уши.

— Понятно — хочется поговорить. У обезьяны множество вопросов, да? — Она покачала головой из стороны в сторону.— Нет. Все это — болтовня, будь их хоть пять тысяч. Я знаю обезьян.

Его надежды рухнули. В то же время он вынужден был отметить ее чистейший с точки зрения грамматики английский. Так сказал бы любой образованный европеец-полиглот, хотя и с присущим ему, как индивидуальности, акцентом и оттенком легкой критики по поводу дурацких вспомогательных слов.

— Тем не менее,— продолжала Тигришка,— о некоторых вещах я расскажу.— И она заговорила со скоростью стенографистки и немного нараспев, словно все это порядком ей надоело: — Я представляю высшую галактическую культуру. Читаем и обмениваемся мыслями, путешествуем в гиперпространстве, живем вечно, если захотим, взрываем звезды и прочее, и прочее, и прочее. Выглядим как животные — передается наследственная форма. Уменьшаем мозг, делая его поистине великим (психофизиосубмикроминиатюризация). Не веришь? Тогда слушай. Растения питаются неорганической пищей — они высшие! Животные поедают растения — они высшие! Кошки питаются свежим мясом: мы самые высшие! Обезьяны пробуют есть все подряд — тупицы.

Затем, не делая паузы:

— Скиталец путешествует в гиперпространстве. Да, я знаю фотографии звездного неба. Нужно топливо: много вещества для конвертеров. Ваша Луна — хорошее горючее.

Размельчить в порошок и втянуть в себя. Зарядимся горючим и уйдем. Не хотим беспокоить вас, обезьян.

После того как она закончила, Пол еще секунд пять кипел от возмущения. Затем ему в голову пришла мысль, что уж он-то не в силах ничего с этим поделать. Он глубоко вздохнул и несколько успокоился. Затем, поднеся руку к губам, резко выбросил ее вперед, как бы говоря: «Освободите меня от кляпа».

Он подумал также, что эта игра жестов лишена смысла, ибо она могла читать его мысли, но не успела эта мысль выстроиться в стройную схему, как до него дошло, что весь смысл как раз и состоял в том, что это игра. Кошки ведь обожают игры, особенно с беспомощными жертвами. Тигришка не была исключением.

Она подтвердила это улыбкой, медленно покачивая головой и наморщив верхнюю губу, так что усики заходили вкруговую.

Тогда он предпринял новую попытку: повторил предыдущий жест и сразу же после этого поднес ко рту руку с воображаемым стаканом, давая понять, что хочет пить. Наконец он приставил указательный палец к губам, как будто говоря ей, что обязуется молчать.

Звездообразные зрачки Тигришки сузились до точек:

— Я дам тебе пить через рот, а ты не будешь говорить? Ни единого слова?

Пол утвердительно кивнул.

Она достала из свертка подобие белой фляжки вместимостью с полпинты.

— Я слегка давлю, а ты всасываешь,— пояснила она, проведя тыльной стороной лапы по его щекам и подбородку.

В тот же момент к нему вернулась чувствительность, и холодный ручеек оросил его сухое, воспаленное горло. Через мгновение возобновились и вкусовые ощущения: это было молоко. Молоко со слабым привкусом муската. «Интересно, оно кошачье или синтетическое и можно ли его пить человеку?» — подумал он, но решил все-таки положиться в этом вопросе на Тигришку.

Утолив первую жажду, он вытянул руку, чтобы взять на себя обязанности выдавливания. Несколько мгновений они держали фляжку вместе, и он ощущал бархатистость ее подушечек, шелковистость меха, и сквозь него — твердый изгиб спрятанных когтей. Затем она убрала лапу со словами:

— Помни: аккуратно.

Когда фляжка опустела, он вернул ее, добавив по инерции:

— Спасибо.

Но слово не успело вылететь изо рта, так как она легко шлепнула его лапой по губам, и они опять онемели.

Он без особого любопытства подумал о том, наступало ли это онемение в результате внушения, или это особая, не поддающаяся осязанию пленка, или насыщение тканей с помощью электрофореза, или что-нибудь другое, но его сознание и тело быстро погружались в состояние летаргии. Усталость или наркотики? На это было очень трудно ответить.

Погружаясь в сон, он успел заметить, что освещение в тарелке потускнело. Уже почти засыпая, как в тумане, он почувствовал, как возвращается чувствительность в его левые ногу и руку. Итак, закрепощенной осталась лишь правая лодыжка.

Он свернулся калачиком и погрузился в глубокий сон.

Последнее, что он запомнил, были слова Тигришки:

— Спокойной ночи, обезьяна.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

В пятый раз Скиталец обернулся к Земле символом инь-ян. Для метеорологов с Международной обсерватории на Южном полюсе, находившихся во власти полярной ночи, Скиталец совершил полный кругооборот в зимнем небе южного полушария, зависнув в том же месте, где появился в первый раз — над Землей Королевы Мод. Снег отсвечивал зеленым.

Появление странной планеты привело к возрождению старых, забытых культов и течений и возникновению новых.

В Индии, менее других стран пострадавшей от землетрясений и приливных волн, это приняло форму многотысячных ночных церемоний. Некоторые утверждали, что явилась невидимая планета Кету, которую наконец-то изрыгнул гигантский змей. Брамины намекали на то, что появление планеты означает начало новой кали-юги.

В Южной Африке Скиталец стал знамением восстания против владычества буров. В протестантских странах достали с полок запыленные и никогда прежде не читаемые Евангелия от Иоанна, особенно вчитываясь в его откровения.

В Риме новый папа, астроном, получивший образование в иезуитском колледже, боролся, как мог, с суевериями и

предрассудками, окружавшими плотным кольцом это событие, тогда как священники запаслись фотопленками и аппаратами, чтобы зафиксировать, как средиземноморский прилив затопляет Тибр, или наводнение в Остии.

В Египте появление кошачьеобразного существа из приземлившегося НЛО живущий в этой стране британский теософ истолковал как пришествие доброй богини Баст. Из-за этого возобновился культ поклонения кошке. Согласно теософу, сам Скиталец был двойником-разрушителем Баст: Секхет, глаз Ра.

Все это получило странное продолжение в Париже, где два кошачьеобразных (фемиоида) выпустили из зоопарков на волю всех представителей кошачьего племени, включая тигров, львов, леопардов и других хищников. Несколько зверей появились в районе Левого Берега с его бесчисленными кафе. Нечто подобное произошло и в Берлине, где в Тиргартенском зверинце оказались под угрозой затопления представители семейства кошачьих.

Но Скиталец стал не только разрушительной силой, в некоторых случаях он произвел положительный эффект. Участились случаи выздоровления среди буйных пациентов психиатрических больниц. То, что невозможное стало явью, повергло в шок самих докторов и обслуживающий персонал. Перед лицом космической катастрофы личные проблемы и неврозы отошли на второй план.

Другие были награждены возможностью в последнюю свою минуту увидеть истину. Одним из них оказался Фриц Шер. Стоя по пояс в воде, он смотрел из окна Института в сторону востока, где занимался рассвет, и свет Скитальца, падая сквозь промоину в облаках, зловеще озарял его лицо. Когда новый прилив унес его от окна, сознание Фрица Шера наконец прояснилось. Цепляясь за боковины своего обожествляемого аппарата, он собрался с духом и из последних сил закричал:

— Умножайте все в восемьдесят раз!

Барбара Кац почувствовала, как весь отель тряхнуло. Она совладала с собой, чтобы не выпрыгнуть из кровати, и теснее прижалась к старику. ККК вот уже час трясло как в лихорадке. Если в полдень он страдал от жары, то сейчас ему сильно досаждал холод.

В свете Скитальца лицо Бенджи казалось лицом призрака. Он стоял у окна и комментировал обстановку:

— Вода уже залила первый этаж и быстро поднимается. Сюда несет летний домик. Слышите звук удара? Как будто что-то хрустит.

— Бенджи, приляг и отдохни,— отозвалась из угла комнаты Хестер.— Если это место обречено, то ничего уже не поделаешь. Отойди от окна.

— Я не могу быть так спокоен, как ты, Хес,— ответил он.— Мне нужно было бы остаться с машиной и убедиться, что они-таки поставили ее на вершину насыпи. Вода-то ведь прибывает.

— Лучше бы они ее не трогали — с чувством проговорила Барбара.— Парковка входит в стоимость услуг, за которые мы заплатили пять тысяч.

Хелен, лежавшая по другую сторону ККК, слабо хихикнув, сказала:

— Надеюсь, эти скупердяи догадались отнести деньги наверх, иначе их смоет.

— Тише,— призвала к порядку Хестер.— Бенджи, ложись на раскладушку.

— Где же притяжение? — задумчиво отозвался тот от окна.— Хелен спит со Стариком, чтобы согреть его. И от этого слоя косметики и пудры у меня невыносимо зудит кожа лица.

— Не тошни,— попросила его Хестер.— Я и Хелен выступаем в качестве сиделок, а тебе не помешает иметь немного более светлую кожу. Меньше будут приставать. Постарайся угодить. А с тысячедолларовой бумажкой в кармане тебе везде будет открыта дорога.

В глазах Бенджи вспыхнули бледные огоньки:

— На Скитальце опять показалось то чудовище. Он быстро вращается.

Комнату тряхнуло. Заскрипели половицы. Вода прибывала.

— Ты хочешь сказать, что нам следует...— начала Хелен сдавленным голосом.

— Тише,— приказала Хестер.— Все должны лежать тихо. Будем наслаждаться жизнью за пять тысяч долларов. Когда вода дойдет до подбородка, разбудишь меня, Бенджи. Все, спокойной ночи.

Барбаре представились гонки в Себринге и звук отлаженных двигателей в заправочно-ремонтных пунктах. Она вообразила, как все это пошло на дно, вместе с ракетами на мысе Кеннеди.

Старина ККК издал во сне слабый стон и что-то забормотал. Барбара погладила его по пергаментной щеке, но бормо-

тание не прекратилось. Он перебирал пальцами, сложенными на груди, как для молитвы. Она сунула руку под кровать и достала куклу в черном кружевном белье. Он успокоился, она улыбнулась.

Комнату опять тряхнуло.

Салли Харрис нарядилась в украшенное жемчугом вечернее платье, которое обнаружила среди довольно занятных вещей в гардеробе мистера Хасселтайна. Джейк Лишер напялил на себя темно-синий костюм из саржи, который был ему явно не по росту. Они расположились у рояля — на крышке красовались два бокала и две бутылки шампанского.

Комната освещалась двадцатью тремя свечами — все, что нашла Салли, и двумя фонариками. Темные шторы занавешивали окна и лифт, скрывая створчатые двери.

Тишина просачивалась и сквозь темные занавеси, заставляя их сердца сжиматься. Но вот Джейк взмахнул руками над клавишами, и комната наполнилась зыбкими аккордами вступления.

Слегка покачиваясь, Салли встала и громко, отчетливо произнося слова, запела:

О, я девушка из Ноева Ковчега,
А ты мой король Потопа.
И наша любовь не так велика,
Как океан или гора Арарат.
Ты нашел для меня обитель в море.
Наша любовь велика.

Аккомпанируя правой рукой, Джейк протянул Салли листок бумаги.

Она принялась изучать его с глупым видом:

— Хи-хи, да тут какой-то бред, слова дурацкие какие-то.

— Эти «дурацкие слова», как ты выразилась, я обнаружил в списке наиболее ярких астрономических объектов в одном из талмудов твоего приятеля-интеллектуала. Придется сочетать мотив с астрономией.

— Хм, планета-шиланета... Интересно, где сейчас сам Хьюго? Ладно, Джейк, начинай.

И она запела, приблизив листок к глазам:

О, я девушка из Ноева Ковчега,
А ты мой старый король Штормов.
Наша любовь не просто велика,

Она — как Солнце, Орион или М-31.
Ты сбацал мне личный небоскреб.
Наша любовь велика...

Джейк сверлил ее взглядом:

— Мы сочинили настоящий хит!

— Отлично,— ответила Салли, потянувшись за бокалом,— премьера, видимо, состоится в театре, где будет очень сыро.

Ричард Хиллари брезгливо встрепенулся, наступив на что-то мягкое. Он взглянул под ноги и увидел на покрытой слоем грязи траве две серебристых рыбки и маленького зеленого рачка. На юге различались башни Оксфорда и коричневая отметка прилива на полпути к ним. Задержав дыхание, он сделал воображаемый прыжок, будто намереваясь перепрыгнуть воды Северного моря, затопившие местность несколько часов назад.

Он вернул ногу в прежнее положение с идиотским смешком, означавшим состояние дурашливой веселости.

Иногда, конечно, он возвращался к реальности, особенно когда на глаза попадались вздутые тела утонувших людей и животных.

Он руководствовался следующим правилом: «Если они не шевелятся, быстро отворачивайся и уходи». За последнюю милю ему уже не раз пришлось поступать подобным образом.

Ричарду повезло: после того как он проснулся в стоге соломы у подножия Чилтернских холмов, его подвозили почти всю дорогу. Сначала его подобрала парочка в «Бентли», ехавшая из Летчуорта. Им не терпелось забрать сына из Оксфорда. Толком они наводнения и не видели и потому склонны были приуменьшать его размеры. Его даже угостили бутербродом. Затем подвернулось еще несколько машин.

Но когда все они сползли в пропитанную влагой Оксфордскую долину — настоящее болото, на том движение и прекратилось. Он поблагодарил и, распрощавшись, покинул их. Не было больше сил выносить эти постные лица.

Нужно выработать план, говорил он себе, быстро шагая в компании таких же, как и сам, «безлошадников». Они преодолели забитый пешеходами и машинами мост, под которым в полуметре пенились воды потопа. «Интересно, насколько соленая здесь вода?» — подумал он, но пробовать не стал.

План так и не созрел. Между тем солнце начинало припекать.

Послышался низкий гул, и толпа прижалась теснее к обочине дороги. В 50 метрах совершал посадку небольшой вертолет. Из него выскочила юная особа в запачканном медицинском халате и подбежала к женщине, которая так и оставалась отрешенно сидеть прямо в грязи, не обращая внимания на вертолет. В руках у нее был маленький ребенок. Взяв его, вертолетчица потащила за собой и мать. Они взобрались в кабину, и вертолет улетел.

Злясь на себя, Ричард встряхнул головой и побрел дальше. Такие сцены лишь усугубляли чувство тоски и одиночества и никоим образом не способствовали выработке плана действий.

Наконец он сообразил, что нужно предпринять: он дойдет до Костволдс перед очередным приливом, там переждет его, пересечет Северную равнину во время отлива и таким образом доберется к Черным горам в Уэльсе — наилучшей, по его мнению, защите от любых наводнений. Он снова воспрянул духом.

Разумеется, еще лучше было бы вернуться в Чилтерн и приютиться на каком-нибудь более-менее приличном холме, но как быть с толпами все прибывающих и прибывающих беженцев из Лондона? Кроме того, ему претила сама мысль о том, чтобы где-то остановиться, ждать и размышлять. Это было невыносимо — в его положении человек должен двигаться, только двигаться.

Он поделился этими мыслями с двумя пожилыми мужчинами, шедшими рядом. Один выразил полное несогласие, назвав его план химерой, лишенной оснований. Другой же, напротив, воодушевился, заявив, что видит в этом спасение по крайней мере половины англичан и что об этом нужно немедленно сообщить властям.

Ричарду стало не по себе от обоих, особенно достал второй, и он быстро зашагал вперед.

Но вскоре снова упал духом. Он вдруг почувствовал, что его распрекрасный план — всего лишь видоизмененное в человеческом мозгу стремление бежать сломя голову — наподобие того, что проделывали лемминги, сбиваясь в стаи в районе Скандинавии и по какому-то таинственному зову плывя навстречу своей гибели. Видимо, дезориентированный случившейся катастрофой человеческий рассудок откликнулся на подобный же зов.

Тем не менее он продолжал быстро шагать, держась поближе к дороге. Как бы там ни было, единственной вещью,

которой он располагал, оставался его план, и в голове постоянно циркулировала мысль о том, что до Костволдс добрых 25 миль пути.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Закутавшись в одеяла, Марго и Хантер устроились в чашеобразной впадине, вырытой в качестве пункта наблюдения Макхитом и Доддси. Восточная половина неба была по-прежнему затянута непроницаемыми тучами тогда как на востоке в просветах сверкали звезды.

Узкий луч выхватывал участок дороги и два седана налетчиков на ней. Доддси сменил батарейки своего большого фонаря, и Док посоветовал установить его на вершине упавшего валуна.

— Так мы увидим любого в долине,— пояснил он.— Если они дружелюбно настроены, то дадут о себе знать голосом. Но не вздумайте стрелять только потому, что они этого не сделают. Прикажите им остановиться. И не будите весь лагерь из-за того, что к нам пожаловали гости, растолкайте лишь меня.

Они закурили. При свете огоньков сигарет было видно лицо Марго с ввалившимися щеками, ее золотистые волосы, тяжелые от соленой воды, прядями спадали вниз.

— Вы похожи на валькирию, Марго,— грудным голосом произнес Хантер.

Она вытащила из-под одеяла серый пистолет, тускло блеснувший при свете сигарет.

— Мне и самой так кажется,— прошептала она радостно.— Не люблю только, когда эта штука оказывается в других руках.

Во время дежурства Доддси изучил пистолет с помощью своей восьмикратной лупы и обнаружил тончайшую шкалу вдоль счетчика зарядов. «Существа, изготовившие это оружие, обладают более тонким зрением, чем мы»,— заключил он. Ему также удалось обнаружить еще один непонятный механизм — крохотный рычажок на верху рукоятки, указывающий узким концом на едва различимую круглую шкалу. Однако они решили не экспериментировать, не зная его назначения.

— Интересно, на скольких планетах его пускали в ход? — шепотом спросила Марго.

— Да вы точно весталка, охраняющая священный огонь,— сказал он, придвинувшись поближе.

— Т-сс, вы ничего не слышите? — быстро выдохнула она. От него сильно несло потом. Затушив сигареты, они принялись обшаривать глазами местность.

В лагере стояла тишина, не видно было никаких признаков вторжения. Шум ветра, правда, заставил вспомнить о пещерной могиле в 5 метрах от них. Через некоторое время они успокоились и закурили вновь.

— Знаете, Марго,— возобновил прерванную речь Хантер,— мне кажется, что убийство тех двух налетчиков вдохнуло в вас жизнь. Вы, видимо, пробудились впервые в жизни. Такое случается с людьми.

Она кивнула, улыбаясь своим мыслям.

— Теперь все как бы вдвойне реально,— прошептала она.— Я будто вгрызлась в действительность, особенно когда увидела трупы. Это просто замечательно.

— Это пошло на пользу. Вы стали еще красивей,— сказал он, взяв ее за запястье,— вы очаровательная весталка.

— Ну же, Росс, перестаньте, а то подумают, что вы заигрываете со мной.

— Я это и делаю,— он сильнее сжал ее запястье.

— У вас остались жена и двое детей в Орегоне,— сказала она, немного отстраняясь.

— Они не в счет, хотя я постоянно думаю об этом. Мы живем сегодняшним днем. Каждая секунда может стать последней. Марго, я хочу поцеловать вас.

— Я ведь только вчера познакомилась с вами, Росс, к тому же вы намного старше.

— Максимум на десять лет.— Он хрипло задышал.— Правила и устои отошли в прошлое. Как сказал Руди — это парареальность.

В этот момент ветер разорвал тучи, и перед их взором предстал Скиталец. Чудесное видение золотисто-лилового шара захватило их, но, придя в себя первым, Росс Хантер обнял Марго и привлек к груди. Она вырвалась и показала рукой наверх.

— У меня там жених,— сказала она,— хотя, быть может, ему удалось спастись, и он сейчас на Скитальце...

— Я знаю,— сказал Хантер, глядя ей прямо в лицо — теперь оно было хорошо различимо в свете Скитальца.— Я прочел о вашем романе в журнале. Тогда вы показались мне

такой самодовольной и высокомерной — так и напрашивались на то, чтобы вас потрепала жизнь.

— К тому же есть еще и Пол,— продолжала она.— Где он сейчас — одному Богу известно. Он без ума от меня, но все его чувства заморожены. Может, то, что случилось, растопит лед в его душе?

— Мне плевать на обоих,— заявил Хантер, становясь на колени и обнимая ее обеими руками.— И никакие угрызения совести не помешают мне воспользоваться тем преимуществом, которым я обладаю перед этими молодыми людьми. Вы красивы, и кто будет первым, тот и получит вас в награду. К тому же я знаю о вас больше, чем они. Я узнал златовласую Валькирию, и мое чувство сильнее. Ничто не имеет сейчас значения, кроме вас и меня, о, Марго...

— Нет! — Она резко вскочила на ноги и сбросила его руки с плеч.— Мне приятно то, что вы говорите, но вы мне не нужны. Меня не устраивает положение — «вы и я». Я хочу жить сама по себе в этой новой действительности. Этого вполне достаточно. Это все, что мне нужно, что меня волнует. Понятно?

Тяжело вздохнув, он признал:

— Ладно, будь по-вашему.— Затем добавил: — Нужно при свете Скитальца внимательно осмотреть местность. Вы вглядываетесь на запад, я — на восток. Пусть ваши глаза немного привыкнут.

Но прошла минута, другая, и он, сидя спиной к ней, не выдержал:

— Могу поспорить, что ваша голова занята мыслями о себе, и вообще я сомневаюсь, любили ли вы когда-нибудь по-настоящему. Пола вы постоянно задирали, и, думаю, вам удалось заполучить Дона, лишь играя на его представлении о себе как о мужественном человеке.

— Интересно,— пробормотала Марго.

— Но я вовсе не думаю об этих молодых людях как о соперниках,— продолжал Хантер.— Наибольшую опасность представляет Мортон Опперли, выступающий в роли патриарха. Такой себе красавец, злой волшебник; могу поспорить: вы мечтаете, что в один прекрасный день он унесет юную Валькирию в свой мрачный замок в землях Высшей Математики, где произойдет кровосмешение с эйнштейновскими формулами.

— Очень интересно,— прокомментировала она.— Похоже, на востоке появилось какое-то свечение. Может, это на шоссе?

Через пять минут Хантер снова не выдержал, непринужденно сказав:

— Боже, как холодно! Что, если мы прижмемся друг к другу—без всякого налета сексуальности?

— Не-не, солдатик,— отклонила она его предложение.— Караульная служба несовместима с сексом.

— Напротив, они отлично дополняют друг друга. Это придаст нам жизненных сил.

— Нет, Росс, я сказала.

— Я не собираюсь предпринимать новые попытки, я руководствуюсь лишь своим состоянием — я замерзаю.

— Тогда закутайтесь поплотнее в одеяло,— предложила она.— Мне не нужно греться. Я вся горю огнем — от пяток до макушки. И полна жизненных сил.— Она улыбалась, глядя ему прямо в лицо.

— А ты стерва,— задумчиво произнес он.

— Да, я такая,— ответила она самодовольно.— Я собираюсь совершить вылазку на шоссе, метров на пятьдесят от седанов. Возьму винтовку. А вы оставайтесь здесь и прикрывайте меня.

— Стерва,— горько повторил он, когда она начала прокрадываться через склон.

Туча заслонила Скиталец, когда они разбудили Дока, чтобы тот сменил их. Он поворчал спросонья, размял затекшие конечности и оживился.

— Нужно перезарядить батарейки. Возьмите у меня в кармане. Затем развернем один из седанов и включим фары — но не сейчас, а то разбудим весь лагерь.

Марго заняла место Рамы Джоун в кабине грузовика. В это время Скиталец вышел из-за туч, еще раз показав свои челюсти. Энн не спала. После стычки с налетчиками она стала задумчивой.

Марго размышляла над тем, какие чувства обуревают эту девочку по отношению к ней, хладнокровно отправившей на тот свет людей Черной Шляпы. Но та лишь капризно спросила:

— А почему мамочка уходит?

Марго объяснила, как могла, порядок несения караульной службы.

— Мне кажется, ей нравится быть вместе с мистером Брехтом,— печальным голосом заключила девочка.

— Взгляни на Скиталец, детка,— сказала Марго.— Видишь: Луна превратилась в колечко. Из разорванного кокона вырастают крылья.

— Да, чудесное зрелище,— в голосе Энн наконец пробились мечтательные нотки.— Лиловые леса и золотые моря, привет, Рагнарок...

В автобусе миссис Хиксон перегнулась через сиденье и зашептала на ухо мистеру Хиксону:

— Билли, а что, если эти люди узнают, что мы в действительности не женаты?

— Дорогая, я не думаю, что хоть кому-то есть до этого дело,— прошептал тот в ответ.

Миссис Хиксон вздохнула:

— Все-таки единственная женатая пара — это дает какие-то преимущества.

Пол проснулся, ощутив себя таким же одиноким, как странствующий ангел; казалось, Земля находится очень далеко под ними, потому что звезды светили чересчур ярко над черным горизонтом планеты. Он чувствовал себя посвежевшим и приободренным. Переход от сна к бодрствованию был постепенным, так что он не ощутил никакого страха. Кроме того, он мог дотронуться до невидимой теплой стеклянной поверхности, загораживавшей враждебный космос. Его правая нога была надежно привязана к ней.

Тарелка зависла в сотне миль над Аризоной, на западе открывалась панорама западной Калифорнии и северо-запада Мексики, включая шейку полуострова в Калифорнийском заливе, далее раскинулся Тихий океан.

Он увидел огни Сан-Диего, по крайней мере, так ему показалось, и мысленно поблагодарил за это Господа. Искренне, от всей души.

Небо было безоблачным. На западе висел Скиталец, вокруг которого вращалась покалеченная Луна. Скиталец отражался лилово-золотистым бликом в широком кильватере Тихого океана. В его свете четко просматривались очертания побережья.

Рассеянное свечение Земли было жалким подобием переливающегося красками моря.

Внезапно со смутным, но нарастающим чувством ужаса он заметил, что Калифорнийский залив вытянулся на добрых сто миль на северо-запад. Его блистающий язык вначале сужался, но затем расширялся.

То ли в результате землетрясений, то ли приливных волн, а может — из-за того и другого воды залива прорвались и заполнили сушу, располагавшуюся ниже уровня моря, в

направлении Палм-Спрингса. Он вспомнил, что там находятся два довольно крупных города — Броули и Волкано.

Картинку космической бездны перед его глазами сменил розовый фон, и механический голос произнес:

— Доброе утро, обезьяна.

Поморгав глазами, Пол обернулся, слегка ослабив невидимый узел на правой ноге. Тигришка склонилась над пультом, будто сидя на невидимом вращающемся кресле. Мяу вцепилась в ее лапу и активно вылизывала зеленое колено своим маленьким розовым язычком.

Пол сглотнул и коснулся пальцами губ. «Кляп» вдруг исчез. Тигришка улыбнулась:

— Ты спал семь часов,— снизошла она.— Чувствуешь себя лучше?

Пол прокашлялся и молча взглянул на нее. Он не улыбнулся в ответ.

— Ого, мы стали немного мудрее, а? — промурлыкала Тигришка.— Обезьяны не болтают? Ну ладно, сейчас можешь поговорить.

Пол продолжал молчать.

— Не надо дуться, Пол,— заявила Тигришка.— Я знаю, ты — цивилизованное существо, но я связала тебя, заткнула рот кляпом, обзывала обезьяной лишь для того, чтобы преподать маленький урок. Я хотела показать тебе, как чувствуют себя существа, когда с ними обращаются, как с низшими, так, как ты это делал по отношению к Мяу.

Задержав на ней свой взгляд, Пол медленно покачал головой.

— Что ты хочешь сказать? — резко спросила Тигришка.— Что мои доводы не обоснованны?

Отчетливо, как на уроке, произнося каждый слог, Пол заявил:

— Ты сказала, что ваш разум значительно превосходит наш. Что ж, во многом я согласен с тобой, хотя ты и умудрилась спутать мои мысли,— он кивнул на кошку.— Ты просто сорвала на мне злость за эту досадную ошибку.

— Это ложь,— быстро ответила Тигришка на безупречном английском. Она напряглась, выпустив когти, и Мяу перестала ее облизывать. Затем взяла себя в руки, расслабилась и непринужденно откинулась назад. Пожав плечами, она высокомерно признала:

— Тут ты прав. Ты наблюдателен. Обезьяны хитры и лукавы.

— Ты допустила крупную ошибку, решив, что столь крохотные существа обладают способностью к мышлению.

— Мы думали, что все дело в миниатюризации. Если бы я проверила это по телепатическим каналам, все было бы иначе,— быстро нашлась она, лаская Мяу.— Будут ли еще какие-нибудь хитрые вопросики?

Пол выждал немного и затем произнес:

— Ты утверждаешь, что ваша раса принадлежит к суперцивилизованным культурам в масштабах галактики, тем не менее вы проявили потрясающий пример ксенофобии. Я считаю, что истинный гражданин галактики должен быть готов к тому, чтобы ужиться с разумными существами любого вида: будь то обитатели морских глубин, жуки, травоядные, паутинообразные существа, волки, плотоядные, как вы, и конечно же, обезьяноподобные.

На мгновение Полу показалось, что она испуганно встрепенулась, услышав «волки и плотоядные», но затем быстро пришла в себя и, мило улыбнувшись, сказала:

— Обезьяны — худшая порода из всех, Пол.— И хрипло добавила: — И космос — вовсе не уютное, милое местечко.

Она ритмично поглаживала Мяу, щекоча ее за лопатками.

— Вынужден согласиться,— заметил Пол.— Вы говорите о себе как о всеведающих, считающих жизнь наиболее ценным из того, что есть во Вселенной,— по крайней мере вы можете похвалиться спасением двух человеческих городов от пожара, хотя, разрушив нашу Луну для пополнения своей планеты горючим, вы проигнорировали тот факт, что на ней находятся живые существа, и среди них — мой лучший друг.

— Очень жаль, Пол,— холодно посочувствовала она.— Но на планете нет атмосферы. Они улетели на своих коробках.

— Да, по крайней мере есть надежда на то, что им удалось спастись.— Пол ответил холодностью на холодность.— Но я не верю, что вы хотя бы задумались об их существовании. Я не верю, что появившись из гиперпространства, вы попытались выяснить, обитаема ли эта планета, а если даже и сделали это, вам было наплевать.

Внешне Тигришка по-прежнему оставалась расслабленной, хотя убыстренный ритм, с которым она поглаживала Мяу, выдавал ее нервозность.

— И здесь есть доля правды, Пол,— заметила она,— в гиперпространстве случаются неприятности — бури и тому подобное. Мы остро нуждались в топливе и, честно говоря, чувствовали усталость, когда вынырнули из гиперпространства. Но последняя галактическая разведка не обнаружила здесь признаков разумной жизни, не считая перспективной породы кошек.

Ее носик вздрогнул, она перестала ласкать Мяу и дважды ее шлепнула.

Проигнорировав этот шуточный, с точки зрения Тигришки, эпизод, Пол продолжил:

— Здесь проявилась еще одна черта, характеризующая вас с нелучшей стороны. В спешке спасая Мяу и меня — видимо, посчитав каким-то довеском к кошке,— вы бросили на произвол судьбы ценных представителей человеческого рода, среди них и мою подругу.

— Это низкая ложь, Пол,— ответила Тигришка,— я успокоила волны, чтобы они выбрались целыми и невредимыми, и даже потеряла импульсный пистолет.

— Еще одно проявление неловкости со стороны представителей расы суперкошек,— быстро отреагировал Пол.— Ну да ладно, все же это был великодушный поступок. Однако...

Внезапно Пол умолк на полуслове, осененный мыслью о нелепости создавшейся ситуации. Голый, со связанными ногами, с присоединенными к его члену мочевыводящими шлангами, он разыгрывал роль районного прокурора в деле мадам Х, парящей в кресле для свидетелей.

«Невероятно забавно,— с тяжелым сердцем подумал он.— Похоже на старый, как мир, случай, когда обезьяна дразнит леопарда». Но тут он вспомнил о Броули и Волкано.

— Итак, у тебя есть подружка, Пол? — озорно вставила Тигришка.— Это правда? И Марго знает об этом? И ты считаешь, это честно по отношению к Дону?

Он возмущенно отмахнулся от этих злобных провокаций. И с горячностью заявил:

— Но самое тяжкое обвинение вашей хваленой высокоразвитой цивилизации — это люди, гибнущие сейчас под вашей тарелкой из-за того, что Скиталец нарушил гравитационное поле Земли, из-за того, что вам, видите ли, потребовалось горючее и лень было поискать для этого более подходящий источник, скажем, спутники Юпитера или Сатурна. Я готов подтвердить, что вы ликвидировали несколько пожаров, но лишь после того, как сотни, а то и тысячи погибли в огне и при землетрясениях, породивших эти пожары. В на-

стоящее время целые города сметены с лица Земли наводнениями. И если это будет продолжаться...

— Заткнись, обезьяна,— фыркнула Тигришка, выпустив когти и коснувшись лапами пульта управления. Мяу выпрыгнула из ее лап.— Слушай, Пол,— с трудом сдерживаясь, сказала она,— я никогда не хвалилась перед тобой своей гуманностью, а также любовью к обезьянам. Культура кошачьей цивилизации порой довольно жестока. Другие культуры тоже жестоки. Смерть — это составная часть жизни. Кто-то всегда страдает. Наша дозаправка — обычный ход вещей. Это лишь...

Она прервала свою речь и хмуро уставилась на палец Пола, указывающий на нее. Его лицо светилось разгадкой, как ему показалось, всего хода событий.

— Я не верю тебе, Тигришка.— Его голос звенел.— Вся ваша спешка, отсутствие необходимых мер предосторожности и подготовки, все ваши запоздалые попытки исправить положение, приведшие к катастрофическим последствиям,— все это вызвано сильнейшим страхом.

Издав пронзительный вой, Тигришка подлетела к нему, схватив за горло одной лапой и прижав к стене, другую она угрожающе занесла для удара в нескольких сантиметрах от его лица.

— Это чистейшей воды ложь, Пол Хэгболт,— сказала она на безупречном английском,— возьми свои слова обратно.

Отдышавшись, он покачал головой.

— Нет,— заявил он улыбаясь, хотя из глаз его текли слезы,— вы напуганы до смерти.

Дон Гильермо Уокер бил осаждавших его москитов и всматривался в крыши затопленных домов, при свете зари отливавшие красным. Они пробирались обратно в озеро Никарагуа. Ночью течение реки Сан-Хуан еще раз поменяло направление, создав дополнительные трудности для их катера. Теперь было ясно, что уровень воды в самом озере поднялся на 3—4 метра.

Небо также выглядело загадочным. Если на востоке оно было чистым и ясным, и солнце уже порядком припекало, то на западе его покрывал толстый, непроницаемый слой белых облаков. Эта стена облаков поднималась из-за полоски земли между озером и Тихим океаном и простиралась на север и юг.

Хотя прошлой ночью Дон Гильермо стал очевидцем великого проявления вулканической деятельности, здесь ему не

довелось увидеть, как над Тихим океаном поднимается завеса пара — там, где морская вода попадала в кратеры вулканов.

Он поинтересовался, почему катер направляется на север, и братья Арайса объяснили, что плывут к себе домой, в Гранаду. Резкие нотки в их голосах заставили воздержаться от дальнейших вопросов.

Однако он не удержался и в который раз напомнил им, что более ста лет назад его прапрадед высадился на побережье Никарагуа вместе с 58 отчаянными янки, которые штурмом овладели Гранадой.

Багонг Банг наблюдал, как огромный шар Солнца поднимается над Тонкинским заливом. Он думал о маленьком ящичке, набитом золотыми гинеями, и двух ящичках побольше с серебряными монетами, которые покоились в сейфе его каюты. Скромный улов с «Королевы Суматры». Он поправил по-пиратски завязанный на голове платок и, хитро глядя на Коббер-Хьюма, произнес:

— Йо-хо-хо, *э, байк собат.*

— И бутылка рома,— поддержал его помощник-австралиец.— И кальян с опиумом — ведь твоя религия не запрещает этого.

Багонг Банг усмехнулся, но тут же его лицо приняло серьезное выражение. Мягко, но настойчиво он сказал:

— *Паги дан, эйер сурут.*

Утро и отлив! Он терпеть не мог ждать. Он давным-давно уже решил, каким затонувшим кораблем займется: полулегендарным испанцем «Золотой Волк». «Грязный Тигр» потолкует с «Золотым Волком».

Первой мыслью Барбары Кац, увидевшей просунутое в водительское окошко дуло револьвера, было то, что это неведомо как попавший к ним обломок какой-то дряни, через которую они пробивались вот уже три часа. Местность была полна всякой всячины: листья и ветки, камыш, вырванные с корнем кусты и небольшие деревца, разбитые машины и сельскохозяйственная техника, трупы животных и, увы, людей. Особенно досаждали обрывки колючей проволоки: чтобы не проколоть шины, им приходилось подкладывать доски. На дороге попадались и разрушенные, даже почти нетронутые, домики и сараи. Приходилось искать дорогу, чтобы объехать эту огромную свалку. В воздухе стояла жара, и казалось, что рассеивающийся туман поднимался прямо из-под земли. Встре-

чались и уцелевшие люди, но они были целиком поглощены своими скорбными делами — обустраивались на холмах или в спешке покидали местность на машинах и лошадях. Однажды над ними пролетел самолет.

Второй реакцией на дуло револьвера было то, что наконец-то случилось давно ожидаемое ЧП, и она поблагодарила Бога за покоящийся на ее правом бедре короткоствольный револьвер 38-го калибра. Хотя и было ясно, что начни она стрелять прямо через окно, это в первую очередь повредило бы Бенджи и Хестер — их головы просто разлетятся на мелкие кусочки.

В-третьих, она заметила, что ствол револьвера покрыт свежим слоем ржавчины, наводя на мысль об отсыревших в обойме патронах. В этом случае дело меняло оборот: достаточно было достать свой револьвер и просто попугать налетчиков. Хотя насчет отсыревших патронов вопрос был проблематичным.

Голос, принадлежавший владельцу револьвера, напоминал жужжание овода, кружащего над «роллс-ройсом», и казался скорее ленивым, чем угрожающим.

— Это контрольный пункт. Мы собираем пошлину. Чем вы занимаетесь...

— Меняем шину,— резко прервав его, ответила Барбара.

— ...в Трилби,— завершил жужжащий голос.

Ага, значит, так называется эта жалкая, несчастная деревушка, через кривую главную улицу которой они проехали, задыхаясь от пыли, двадцать минут назад. Вслух же она сказала:

— Мы здесь по пути из Палм-Бич и согласны заплатить.

Но прежде чем она успела достать деньги, в окошко протиснулись две красные от загара руки и выхватили сумочку, тогда как еще одна изогнутая рука приподняла ее голову за подбородок. Секунду-другую она вглядывалась в худое, небритое лицо с рыбьими глазами, едва сдерживая желание пустить в него пулю или хотя бы укусить за руку. Голос снаружи произнес:

— Видать, этот старикашка — один из палм-бичских миллионеров. В сумке полно налички.

— Он очень болен. Старик в коме. Мы пытаемся добраться...

— Один из этих миллионеров-янки, которые платили черным жалкую зарплату и разбежались, как зайцы, когда Господь решил испытать нас. Мы заберем деньги в юбилейный фонд и прихватим с собой двух девчонок — они скрасят нашу жизнь на холмах. Ну-ка, выбирайтесь вы, обе, из

машины, быстро, а то наделаем дырок в вашем желтом шофере.— И дуло револьвера уперлось в Бенджи.

«Ну что ж, время настало»,— решила Барбара, но когда начала поднимать револьвер, с удивлением обнаружила, что клешнеобразные пальцы ККК схватили ее за руку и с силой тянут вниз. Он хищно прокашлялся и заговорил. Барбаре впервые довелось слышать, чтобы он говорил таким громким голосом — в нем слышались властные нотки.

— Мне показалось, что вас не удовлетворяет цвет кожи моего сына Бенджи. Судя по вашим словам, я понял, что вы истинные южане, а не вонючие суслики из Миннесоты.

Снаружи донеслось неопределенное бормотание. Револьвер был убран. Нахохлившись, как королевский гриф, и глядя на человека в комбинезоне, ККК напыщенным тоном спросил:

— Когда наступит конец Черной Ночи?

Медленно, помимо своей воли, человек жужжащим тоном произнес:

— С началом Белого Юбилея.

— Аллилуйя,— заключил старик,— передавай поздравления Великому Шантеклеру из Дейд-сити. Бенджамин, прошу тебя, трогай.

Они рванули, набирая скорость, но через несколько метров Хестер закричала:

— Бенджи, умоляю, не наедь на этот пенек!

Машина резко развернулась, затем еще и, вновь набрав скорость, помчала дальше. Бенджи разразился истерическим смехом, прохрипев:

— Долгих лет жизни, старина ККК. Извини меня... папа.

— Он уже не слышит тебя, Бенджи. Опять отрубился. Это отняло у него остаток сил,— сказала Хестер.

Хелен уставилась на него расширенными глазами:

— Никогда не думала, что он куклуксклановец.

— Да ты должна быть ему просто благодарна, детка,— отозвалась Хестер.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

Когда зеленоватый свет зари сменился на лимонно-желтый, Док принялся будить спящий лагерь. Он вел себя настолько таинственно, что если бы не его деланная веселость, это было бы просто несносно. В частности, он отказался

обсуждать план их дальнейших действий, а также вопрос, что делать с валуном на дороге пока они не соберутся в путь.

Он на треть урезал рацион питания, представленный ему на одобрение Идой и Макхитом, и прописал уколы пенициллина Рэю Хенксу, когда тот, очнувшись на некоторое время от горячки, заявил, что нормально ее переносит. Док также отклонил предложение Хиксона о том, чтобы разбить здесь постоянный лагерь и выслать небольшие группки людей на поиски продовольствия.

Обыскав оба седана, они нашли в бардачке заряженный револьвер 38-го калибра и черную шляпу на заднем сиденье. Док реквизировал и то и другое и, напялив шляпу на свою лысину, произнес с хитрой улыбкой:

— А мне идет.

Войтович запротестовал:

— Не носите ее, **Док**, она приносит несчастье.

А Аршин похоронным тоном заявил:

— Мне не хотелось бы подвергать свою голову излучению ауры убийцы-садиста.

— А я не хочу, чтобы моя лысина полностью обгорела,— рассмеялся в ответ Док.— Меня даже **не** пугает, что у убийцы была перхоть.

Двигатель первого седана кашлянул и замурлыкал тотчас же, как Док повернул ключ зажигания и нажал педаль газа. Во втором, похоже, полностью сел аккумулятор. Док запретил Войтовичу копаться в его двигателе и, порезав шины, попросил помочь столкнуть машину со склона. Секунд через пять до них донесся грохот падения, а затем прозвучали три взрыва.

Покусывая пальцы, Док пробормотал:

— Разумеется, я не хотел портить им завтрак.

Миссис Хиксон едва не стошнило.

Затем Док приступил к изучению «корвета», лихо прокатившись на нем по самому краю обрыва.

— Отлично, это как раз по мне,— **заключил** он.

После завтрака он незаметно подозвал **Хантера**, Марго, Раму Джоун и Кларенса Додда и отвел их за грузовик.

— Ну, что будем делать? Продолжим путь в Долину или попытаемся добраться до высот Малибу и Корнелла? — спросил он.

— Если в Долину, то как быть с валуном на дороге? — вопросом на вопрос ответил Маленький Человечек.

— Погоди с этим, Доддси,— сказал ему Док.

— Двое могут отправиться на седане в Долину на разведку.

Док покачал головой:

— Мы не можем позволить себе разделяться. Нас и так слишком мало.

— У меня есть несколько знакомых художников в Малибу,— нерешительно начала Рама Джоун.

— А у меня на мысе Код,— выпалил Док, подмигивая ей с улыбкой.— Они, должно быть, плывут в Плимут-Рок.

— Я лишь хотела сказать,— продолжала Рама Джоун,— что я за Долину.

— Кто-нибудь знает высоту Долины над уровнем моря? — спросил Доддси.— Ее ведь могло и затопить.

— Мы поедем в Долину,— вмешалась Марго.— Ванденберг-3 находится у подножия горного шоссе. И, я надеюсь, всем понятно, что я собираюсь передать этот инерционный пистолет Мортону Опперли?

Док посмотрел на их лица.

— Ну что ж, Долина, так Долина, хотя, я думаю, импульсный пистолет — это звучит лучше.

— Но как быть с валуном? — вновь начал Маленький Человечек.

— Идемте за мной,— сказал Док и прошествовал мимо грузовика и автобуса к валуну.

Когда они проходили мимо Хиксона, тот шутливо спросил:

— Ну, что решил ваш исполком?

— Будем пробираться в Долину,— резко ответил Док,— там мы пополним запасы и встретимся с ответственными лицами из Лунного проекта. Есть возражения?

Не дожидаясь ответа, он занял позицию на склоне прямо над упавшим валуном и жестом подозвал Марго.

— Я заметил, как он покачнулся, когда вы разделывались с налетчиком,— пояснил он.— Бьюсь об заклад, что он сдвинется с места, если вы подержите палец на курке несколько секунд.

Вытащив импульсный пистолет, Марго поколебалась, затем быстро повернулась и отдала его Хантеру.

— Сделайте это сами,— сказала она, радуясь тому, что для обретения уверенности и безопасности больше не нуждается в пистолете. Она осознала в этот момент, что может положиться исключительно на себя, и с удовлетворением отметила жадный взгляд хантеровских глаз, обрамленных темными кругами.

Изогнувшись, он крепко сжал пистолет обеими руками. Хотя и сказали, что отдача абсолютно отсутствует, он отказывался в это верить. Все его тело напряглось. Уголком глаз он уловил сигнал Дока и нажал. Какое бы поле или силу не генерировало это чудо-оружие, оно производило кумулятивный эффект: поначалу огромный валун не двинулся с места, что дало Хиксону основание крикнуть: «Смотрите, оно не...»

Но затем сторона, ближайшая к Хантеру, немного приподнялась, вначале медленно, затем все быстрее и быстрее.

— Поехала,— закричал Макхит.

Хантер отпустил курок. С невероятным грохотом валун обрушился вниз.

Весь склон затрясся. Люди, стоявшие близко к краю обрыва, вцепились друг в друга.

Камень перевернулся через край, отколов от него широкий участок породы.

Маленький Человечек достал записную книжку и громко произнес:

— Это было самое удивительное проявление неизвестных мне физических законов.

Его голос потонул в невероятном гуле, сотрясшем склон,— валун упал.

Взглянув на шкалу, Хантер проговорил:

— Осталась еще добрая треть заряда.

Док изучал место, где покоился валун. В асфальте шоссе образовалась полуметровая впадина. Он одобрительно кивнул головой.

— Я не совсем уверен...— попытался высказать сомнение Хантер, но Док уже направлялся обратно к красному «корвету».

Эхо от падения камня совпало с шумом вертолета, летевшего со стороны Долины. Птицы шарахнулись в стороны.

Чтобы привлечь к себе внимание, Хиксон выстрелил из ружья, на что Док заметил:

— Позаботимся о себе сами. Если захотят, сами нас увидят.

Вертолет, набрав скорость, полетел в направлении океана.

Усевшись в машину, Док скомандовал:

— Всем уйти с дороги! — И проехал через яму, сделав небольшой крюк в сторону.

За седаном он остановился и громко крикнул:

— Всем покинуть автобус! — Затем, обращаясь к Хантеру, Марго и Раме Джоун, которые двинулись за ним, поясс-

нил: — Я поеду впереди на «корвете», затем седан, автобус, грузовик. Джоун, вы поедете со мной, а Энн пусть будет в автобусе. Вы сядете за руль седана, Росс, так что лучше разверните его прямо сейчас. Вы, Марго, с импульсным пистолетом поедете с ним. Если что-то случится, вся надежда на вас, но не стреляйте без приказа. Додди, нам потребуется защита с тыла, но твоя рука по-прежнему плоха.

— Гарри Макхит умеет обращаться с винтовкой,— ответил Маленький Человечек. Док кивнул: — Скажите, что я поручаю ему это. Второе ружье пусть остается у Хиксона.

Водитель автобуса высказал опасения по поводу ямы:

— Задние шины совсем лысые. Его занесет в сторону, когда будем проезжать через эту колдобину.

Но Док уже направился к автобусу. Он благополучно провел его, сделав чуть больший крюк в сторону, чем на «корвете».

Рэй Хенкс с лихорадочной настойчивостью убедил их перенести его в грузовик, а не в автобус. Там его уже ждали Ида и юный Макхит с винтовкой в руках.

Когда остальные забрались в автобус, Док сказал Кларенсу Додду:

— Вы здесь за штурмана. Чуть что, наезжайте на негодяев всем скопом.

Пройдя к «корвету», он обнаружил там Энн, сидящую рядом с матерью. Уперев руки в бока, он усмехнулся, пожал плечами и уселся за руль.

— Привет, детка,— сказал он, потрепав ее за волосы. Энн чуточку отстранилась и теснее прижалась к маме.

Док включил двигатель, высунулся из машины и, обернувшись назад, крикнул:

— Слушайте все! Следуйте друг за другом с интервалом в двадцать метров. Если я сделаю три гудка, это значит — едьте медленнее, четыре — остановитесь, если кто попал в беду — сигнальте пять раз. Понятно?

— Да. Поехали.

Люди Земли по-разному реагировали на катастрофические последствия появления Скитальца.

Новый Нью-Йорк вырос в районе Путнэма и голландских графств, а также в районе реки на подходе к Кэтскиллз. Он оброс палатками и госпиталями для беженцев.

В Чикаго некоторые приходили к озеру Мичиган, чтобы полюбоваться почти полутораметровым приливом. Иногда

люди поднимали глаза кверху, чтобы взглянуть на самолеты, пролетавшие на восток от Мейгс Филд. По дорогам как ни в чем не бывало катил обычный для будних дней поток машин.

В Сибири приливные волны обрушились на завод по производству ядерных боеприпасов, приведя к взрыву в результате реакции расщепления. Радиоактивные осадки рассеялись по большой территории, неся смерть многочисленным беженцам.

Смельчаки с затонувших тихоокеанских атоллов, подражая своим предкам, отправились на длинных каноэ в полное опасностей путешествие.

Вулф Лоунер в полном неведении о случившемся плыл, как он считал, в сторону Бостона. Единственным, что вызвало у него подозрение, был лунный свет, пробивавшийся через тучи со слегка фиолетовым оттенком.

С высоты в 500 миль Пол Хэгболт изучал север Европы. Земля была залита солнечным светом, мешала лишь широкая белая гряда облаков, наползавшая на Ирландию.

Прямо под ним, размером с лист географического атласа, находилось Северное море.

Британские острова, юг Скандинавии, Северная Германия и Голландия составляли еще три страницы атласа.

Шотландия и Норвегия выглядели так, как им и полагалось, тогда как на юг Швеции вторглись серые воды Балтики.

Ниже Ютландского полуострова воды, изогнувшись в виде турецкой сабли острым концом к югу, залили Нидерланды и Северную Германию.

«М-да, в который раз Голландия подвергается наводнению»,— подумал Пол.

Теперь Англия. Она тоже была окутана серыми кружевами, и на востоке не хватало участка суши, будто кто-то откусил его. Как же так? Пол растерялся. География никогда не была его сильным пунктом. Но почему Тигришка на заглянет в его сознание и не подскажет? — спрашивал он, глядя, как большая кошка заботливо приводит себя в порядок с помощью расчески и острого, как кинжал, языка.

Видимо, обидевшись на обвинения, она попросту перестала обращать на него внимание.

Следующий час она провела за пультом управления, также спиной к нему, лишь изредка производя какие-то манипуля-

ции серебряными кнопками. Затем начала новую серию маневров и наблюдений.

Через некоторое время она полностью освободила его от оков и безразличным тоном на тарабарском английском объяснила, как вести себя в условиях невесомости и пользоваться «кормушкой» и «мусорником». К тому времени, когда наконец она вернулась к своим делам, Пол окончательно ощутил себя человеком, нагло вломившимся в чужой дом.

Он быстро проглотил, запив водой, несколько кусочков протеинового печенья. Оно камнем легло в его желудке.

Наблюдение поначалу здорово увлекло, но вскоре наскучило.

Он пытался думать о Марго, оставшейся в Южной Калифорнии, и о Доне на искалеченной Скитальцем Луне — хотя, возможно, тому удалось спастись на лунной ракете,— но мозг слишком устал.

С трудом оторвав взгляд от прихорашивающейся обворожительной Тигришки, он заставил себя вернуться к наблюдению за поверхностью Земли.

Так-с, этот кусок Англии, должно быть, то, что они называют Заливом, который соединяется с этим, как его, Фенландом, что ли... Пол вздохнул.

— Беспокоишься о своей планете? — обратилась к нему Тигришка.— Человеческие страдания и все такое?

Он пожал плечами:

— Это слишком велико. У меня притупились чувства.

— Хочешь увидеть это вблизи? — спросила она и, оттолкнувшись, поплыла к нему.

— Какая от этого польза?

— Значит, думаешь о чем-то меньшем, о том, что ближе тебе, Пол. Это девушка? Ты о ней беспокоишься?

Он скорчил гримасу:

— Не знаю. Марго ведь не моя девушка.

— Значит, тебя волнует самое близкое тебе существо—ты сам.— Она положила лапу ему на плечо.— Бедный Пол,— промурлыкала она,— все смешалось, бедный, бедный Пол.

Он злобно дернулся, отстраняясь от возбуждающего прикосновения.

— Не обращайся со мной, как с беспородным щенком,— потребовал он.— Не обращайся со мной, как с больной обезьяной. Я — человек.

Она улыбнулась, черные зрачки сузились до размеров карандашного грифеля.

Он хмыкнул и мысленно признал: «Ладно, Тигришка, для тебя я лишь вид низшего животного, но в таком случае прошу, взгляни внутрь меня и скажи, что со мной происходит?»

Ее зрачки расширились и превратились в звездочки — черная паутина в фиолетовом небе.

— Ну что ж, Пол,— серьезно начала она,— с тех пор, как ты убедил меня, что ты хоть и примитивное, но разумное существо со своим внутренним микрокосмосом, стало очень непросто забираться в дебри твоего сознания, и дело тут вовсе не в том, что именно ты попросил меня об этом. У меня есть несколько наблюдений, которыми, если хочешь, я могу с тобой поделиться.

— Давай,— кивнул он.

— Пол, ты обижаешься, когда с тобой обращаются, как со щенком, но сам ты точно так же обращаешься с окружающими тебя людьми. Ты наблюдаешь, как они дурачатся, с терпимостью и пониманием и окружаешь заботой и лаской тех, кого любишь: Марго, Дона, свою мать, еще нескольких людей. Ты называешь это дружбой, но это — жадность и стремление быть нянькой при них. Порядочная кошка никогда не позволит себе вести себя так по отношению к своим котятам. Ты проводишь большую часть жизни в самосозерцании и самолюбовании. Твое третье «я» созерцает второе и так далее. Смотри.

Она переключила экраны на режим зеркал. Ее лапа переместилась в пространство между его правым глазом и его собственными отражениями, отметив шесть первых из них.

— Видишь? Каждое наблюдает за своим отражением. Разумные существа склонны к самосозерцанию. Но ты проводишь большую часть жизни, тратя ее на созерцание. Тогда как лучше жить жизнью существа, стоящего перед зеркалом, а не его отражением. Это придает смелости. Не стоит жить жизнью отражения номер шесть.

— Ты также полагаешь, что другие люди — такие же, как и твои отражения. Раболепствуешь перед ними, потом критикуешь. Но они не такие, как ты думаешь, они наблюдают за своими собственными отражениями.

— Это значит также, что если любишь себя больше, значит, можешь любить других.

— Еще одно замечание, касающееся тебя,— закончила она, переходя опять на тарабарский язык,— слабые рефлексы к сопротивлению, равно как и к танцам, и к сексу,— недостаток практического опыта. Вот и все.

— Похоже, ты права,— ответил Пол слабым сдавленным голосом,— я попытаюсь измениться, но...

— Хватит думать о себе. Посмотри лучше — одна из наших тарелок спасла ваш город.

Пол и потолок стали опять прозрачными. Они быстро снижались. Полу открылась панорама сетчатой паутины меж бледных светлых и темных квадратов, отдаленно напоминавших шахматную доску. Из ее центра расходились коричневые кольца, которые направлялись в сторону коричневого обода, окружавшего ее и погруженного во что-то серо-голубое. Высоко над центром этого месива зависла огромная летающая тарелка.

Сетка росла в размерах — это были улицы, тогда как квадраты представляли собой кварталы домов. Он узнал огромные здания «Электросилы» и Энергетического института, сине-зеленую громаду Кировского театра, площадь Декабристов.

Очевидно... да, точно, это был Ленинград.

— Видишь? Мы спасаем ваши любимые города,— самодовольно заявила Тигришка.— Импульсно-инерционные двигатели перемещают только воду. Замечательные машины.

Внезапно их тарелка нырнула так близко к поверхности, что он различил булыжную мостовую, забитые грязью сточные канавы и плывущие в потоках ила два человеческих тела: женщины и маленькой девочки. Затем, когда их накрыла низкая серая волна, из грязной пены выплыло безжизненное бородатое лицо.

— Спасаете? — недоуменно спросил Пол.— После того, как погубили миллионы? После того, как решились разрушить наш мир, чтобы побыстрее заправиться горючим? Какой страх гнал вас, Тигришка?

— Не смей касаться этого, Пол,— прошипела она.

Ричард Хиллари прихрамывая шагал по необозримым просторам Англии, которые Пол рассматривал как листы географического атласа. В отличие от Пола Ричард сознавал весь ужас своего положения. Солнце светило прямо в лицо, он сильно потел. К тому же его мучила одышка — он морщился на каждом шагу.

Идя быстро, ему удалось обогнать группу машин и пешеходов, однако теперь он остался один. Впереди не было заметно никакого движения.

Последним пунктом, который он миновал, был Лоуэр Слотер.

Подняв кверху глаза, он увидел, что метров через сто дорога начинает лениво подниматься на поросший лесом холм.

Но при взгляде назад его ослепленные солнцем глаза различали лишь беспорядочно разбегавшиеся в стороны ручейки воды.

Самым большим ручьем, змеившимся под его ногами, была дорога. Совершенно неожиданно она начала заполняться водой из канавы слева. Хотя высота слоя едва достигала двух сантиметров, это сильно разозлило его.

По правую сторону, огороженное забором, раскинулось ячменное поле. Стебли едва возвышались над землей. Посевы вели прямо на верхушку холма. Он перелез через забор, не обращая внимания на то, что порвал одежду о колючую проволоку, и пошел дальше по шелестящей зелени.

Внезапно рядом забила крыльями и взлетела с осуждающим клекотом ворона. Это напугало его, и он ускорил шаг, несмотря на судороги в ноге.

Послышался отдаленный низкий гул, но это не был гром, который со временем утихает,— гул становился все громче и громче. Не ожидая от себя такой прыти, Ричард что было сил побежал вверх по холму. Из-под ног бросилась врассыпную дюжина кроликов. Боковым зрением он увидел бушующую, в грязно-коричневой пене стену воды. Гул стал таким, будто одновременно грохотал десяток экспрессов. В этот момент он увидел, как его нога обволакивается желтой пеной, словно отрезая путь к бегству...

Все же ему удалось добраться до верхушки холма, куда не доставала вода. Гром постепенно утихал.

Когда он оказался наверху, тяжело дыша, как после удара в солнечное сплетение, из-за деревьев выступила фигура маленького пожилого человека с ружьем.

— Стоять, сэр,— молвило видение, направляя в него оружие,— стоять, или я стреляю.— Призрак был одет в коричневые краги, серые штаны и белоснежный пуловер. Узкое, морщинистое, с водянистыми глазами лицо выражало самое глубокое неудовольствие.

Ричард остановился, чувствуя, что его покидают последние силы. Грохот совсем затих. Бурлящие воды успокоились внизу холма.

— Я жду объяснений,— закричало видение.— Кто, хотел бы я знать, позволил вам вытаптывать мой ячмень?

Восстановив наконец кое-как дыхание, Ричард скривил в мрачной усмешке губы и сказал:

— Поверьте, я сделал это неумышленно.

Салли Харрис в просвечивающемся бикини смотрела через балюстраду на город и комментировала Джейку увиденное.

Джейк Лишер сидел за чашкой кофе. Лицо его слегка покраснело от выпитого ирландского виски, он попыхивал длинной зеленоватой сигарой. Его записная книжка лежала открытой рядом с кофейной чашкой.

— Вода поднялась на десять этажей выше. На крышах полно людей, и в каждом окне видно по нескольку человек. Некоторые стоят на выступах. Нам повезло, что в небоскребе был пожар и лифт застрял. Кто-то грозит мне кулаком, но почему? — что я ему сделала? Течение просто бешеное, развернуло полицейский катер... Эй ты, хватит грозить мне своей палкой! Там дети с матерями и...

Раздался звон и щелчок чего-то ударившего по хромированной трубе. Салли дернулась, словно ее ужалила оса.

— Кто-то стрелял в меня,— возмущенно заявила она.

— Отойди назад! — скомандовал Джейк.— Люди всегда завидуют парням, стоящим выше их. Или девушкам.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Тарелочники, ехавшие вслед за Доком, услышали четыре быстрых гудка. Это сигналил Док. Солнце было уже высоко и порядком припекало.

Хантер остановил свой седан, следовавший за «корветом». Они как раз преодолели вершину подъема, пройдя мимо двух естественных скальных ворот.

Док, приподнявшись, внимательно изучал лежавшую перед ним местность. В своей заломленной шляпе он слегка напоминал пирата. Он протянул руку, и Рама Джоун вложила в нее полевой бинокль с семикратным увеличением.

Хантер и Марго выбрались из машины и подошли к «корвету».

Перед ними на четверть мили простирался склон со слегка искривленной поверхностью. Он стекал к широкой равнине, которая затем опять немного поднималась.

Склон был чёрным слева и зеленовато-коричневым по правую сторону. Горное шоссе Моника спускалось вниз,

сильно изгибаясь и то и дело пересекая демаркационную линию между обгоревшими участками и теми, которые не тронул огонь.

В самом низу, почти на демаркационной линии, возвышались три зеленых здания, окруженных проволочным забором. Там шоссе упиралось в равнину и далее уводило в другом направлении, исчезая за холмами.

Через середину равнины, повторяя ее рельеф, протянулось нечто напоминавшее многокилометровую чешуйчатую змею, каждая выпуклость которой была утыкана передками машин. Это свидетельствовало об их попытках вырваться. Одной это почти удалось — забор был повален, но дальнейший путь был заблокирован скоплением перевернутых и столкнувшихся автомобилей.

Некоторые машины все еще пытались прорваться, делая бесчисленные рывки вперед-назад и наполняя воздух бензиновыми выхлопами, которые смешивались с испарениями от сгоревших кустарников и деревьев.

Хантер представил себе, как это выглядело ночью: пять тысяч машин с мигающими фарами, налетающие одна на другую и отчаянно сигналящие. А если к этому добавить еще сто тысяч машин на пути из Лос-Анджелеса...

Он услышал, как Аршин произнес:

— Это долина высушенных скелетов. Повелитель Летающих Тарелок, не откажи им в помощи.

Рама Джоун добавила:

— Даже исчадие ада радуется, когда семена посеянного им зла созревают, но когда они созреют...

Самая ужасная катастрофа произошла в районе слияния горного шоссе с дорогой № 101 прямо за тремя белыми домами. Сотня машин была перевернута, некоторые кучей валялись на обочине, от тридцати остались лишь почерневшие остовы. Хантер подумал, что, видимо, из-за этого и загорелся кустарник.

После того как они вдоволь насмотрелись на машины, они вдруг увидели и их хозяев — будто зрение, подчиняясь какому-то закону, различило сперва крупные объекты, и уж затем — поменьше.

Люди! По три-четыре у каждой машины.

Некоторые по-прежнему сидели в салонах, другие прохаживались, третьи забрались на крыши машин. Слева, соорудив из подручных материалов подобие тентов, прятались от солнца женщины и дети. Некоторые отошли довольно далеко

от дороги, видимо, надеясь, что ее расчистят в течение дня. Но гуляющих было мало, в основном люди прятались в тени.

Хантер вспомнил избитую шутку о том, что жители Лос-Анджелеса, разучившись ходить пешком, садятся в автомобиль даже за тем, чтобы навестить соседей напротив.

Слева от въезда на горное шоссе Моника, на расчищенной обочине полукругом расположились черно-белые полицейские машины, отдаленно напоминая лагерь переселенцев. Они охраняли дырку в заборе, которая, похоже, была сделана саперными ножницами. Один из полицейских сел на мотоцикл и, проехав сквозь дырку, помчался на север.

Несколько людей выскочили из-за своих тентов и, казалось, приветственно замахали ему, но полисмен промчался мимо, не обращая на них никакого внимания, обдав клубами пыли и бензиновых выхлопов. Справа, где быстро набирали высоту черные тучи, виднелось несколько импровизированных палаток. Народу там, однако, было больше. Маленькие фигурки суетливо двигались, махая руками и подпрыгивая, собираясь в кучки, расходясь и вновь собираясь. Оттуда доносились слабые ритмичные звуки джаза.

Между этими двумя, столь разными, группами пролегла стометровая полоса земли, включавшая в себя въезд на горное шоссе, где людей вообще не было видно, если не считать десятка-другого валявшихся прямо на земле. Интересно, почему они выбрали место прямо под палящими лучами солнца? Но тут до Хантера дошло, что это трупы.

В этот момент к нему подошли его товарищи по несчастью, высыпавшие из грузовика и автобуса и сгрудившиеся у «корвета».

— Взгляните на эти тучи. Никогда не слышал, чтобы в Южной Калифорнии дули такие влажные юго-восточные ветры,— сказал Маленький Человечек.

На что Макхит ответил:

— Должно быть, океанские волны затопили низины, мистер Додд. И это привело к интенсивному испарению.

Хантер продолжал наблюдать за группкой веселящихся людей.

Три фигурки забрались на ничейную землю вдоль обочины, пританцовывая в ритме музыки. Один из них, судя по жестам, то и дело прикладывался к бутылке. Они преодолели метров шестьдесят, как вдруг со стороны полиции раздался хлопок выстрела. Одна из фигурок упала.

С такого расстояния трудно было определить, корчится ли тот от боли или лежит недвижно. Двое других быстро

перепрыгнули через череду ближайших к ним машин и затаились там.

Хантер крепко обнял Марго и спросил:

— Господи, Док, что происходит?

— Да-да, ради всего святого, Док, скажите нам, что видно в бинокль? — встревожился Войтович.— Это ведь похоже на войну?

— Вы правы,— хлестко ответил Док.— А теперь прошу выслушать меня внимательно,— продолжил он, не отнимая бинокля от глаз,— так как я не собираюсь повторять это дважды. Да, это война или крупная стычка с применением оружия между старшим поколением и молодежью. Старшие поддерживают полицию. Большие дети против полиции, защищающей семьи. Это День Детей — там в основном собрались подростки. Они пьянствуют — вскрыли машину, груженную вином, и пьянствуют. У них есть даже джаз-банд, играющий на расчищенном участке. То и дело вспыхивают драки, в том числе и поножовщина. Безумствует банда подростков с кувалдами. Они бьют машины.

Док не сказал о том, что некоторые парочки прямо в машинах занимаются любовью, а девицы, раздевшись догола, танцуют возле джаз-группы.

— Однако же не все их действия направлены против машин или друг друга. Небольшая группа подкрадывается к полицейскому лагерю. Некоторые вооружены винтовками... Но, похоже, полиция начеку. Они устроили небольшую засаду. По крайней мере, я вижу трех полицейских, притаившихся за машинами.

— Но до того как вспыхнет перестрелка, нам следует убраться отсюда в направлении Малхолленда.— Его голос стал громче:— Доддси, Макхит, скажите Папаше и Хиксону, чтобы разворачивались.

— Вы хотите сказать, что мы бежим отсюда задрав хвост? — громко спросил Хиксон, сжимая в руках винтовку.— Убежать, когда люди там подвергаются опасности! Мы ведь можем в корне изменить ситуацию со своим инерционным пистолетом. Я сам когда-то работал в полиции. Мы должны помочь им.

— Нет,— рявкнул Док.— Нам нужно обезопасить себя и передать это оружие в руки ученых. Сколько в нем осталось заряда?

— Около трети,— ответила Марго, сверившись с фиолетовым индикатором.

— Вот видите! Заряда хватит на четыре-пять выстрелов. А этих бунтарей — сотни. Если мы вмешаемся, мелкая

стычка превратится в большую войну. То, что там происходит, ужасно, но этим сейчас охвачен весь мир, и мы не можем позволить себе вмешаться — это равносильно капле в море. Нет, мы поворачиваем. Разворачивайте грузовик, Хиксон.

— Минуточку, Док,— прервала его Марго. Она подошла к «корвету».— Там внизу — Ванденберг-3,— сказала она, указывая на три белых здания.— Мортон Опперли, возможно, все еще там, нужно это проверить.

— Ни одного шанса из ста, что это так,— гаркнул Док.— Его наверняка вывезли вертолетом.

— Я видела там людей,— солгала Марго.— Вы ведь согласны с тем, что пистолет нужно передать ему в руки?

Док покачал головой:

— Нет. Шансов почти никаких!

Марго улыбнулась:

— Но пистолет у меня, и я понесу его туда, даже если мне придется идти пешком.— Она прижала пистолет к груди.

— Вот это ответ! — подбодрил ее Хиксон.

— Ну что ж, мисс Бесстрашное Сердце, теперь выслушайте меня,— заявил Док, наклоняясь к ней.— Допустим, вы спуститесь пешком или на машине. А что, если какой-нибудь сумасброд-снайпер снимет вас или на вас накинутся сразу со всех сторон? Опперли не получит оружие, зато оно окажется в руках этих безумцев. Поэтому пистолет должен остаться здесь. У меня другое предложение, мисс Гелхорн. Вы пойдете вниз без него, взамен я дам вам мой револьвер, и приведете сюда Опперли. Или хотя бы убедитесь, что он там, и договоритесь с ним. Как насчет этого?

Марго посмотрела на Хантера:

— Отвезете меня?

Он кивнул и вскочил за руль седана. Она обошла «корвет» и обменялась с Доком оружием. Хантер включил зажигание. В это время вперед вырвался Хиксон.

— Я тоже поеду,— заявил он.

— Он вам нужен? — спросил Док. Марго кивнула. Тогда он обратился к Хиксону: — Вы обещаете помогать им только в поисках Опперли?

Хиксон кивнул, пробормотав что-то невнятное.

— Но вы последний, кого мы можем выделить. Больше никаких добровольцев! — Док почти рявкнул это в лицо Макхиту, с готовностью выступившему вперед.— Дай мне свою винтовку,— обратился он к парню.— Взберись на эту

скалу и следи, чтобы нас не обошли с флангов, никто, даже полиция.

Хиксон забрался на заднее сиденье седана, а Марго села рядом с Хантером.

— Подождите секундочку,— Док облокотился о капот машины, наблюдая, как внизу разгорелись боевые действия.

Десяток фигур вынырнули из-за машин возле полицейского лагеря и бросили какие-то предметы. Послышался треск выстрелов. Двое или трое из них упали. Предметы попали в полицейские машины, и те загорелись.

— Бутылки с зажигательной смесью,— прошептал Хиксон, закусив губу.

— Ну что ж, настало наше время, у них сейчас других забот по горло.— Док просунул голову в окошко.— Я хочу сказать только одно: возвращайтесь, обязательно возвращайтесь, слышите, вы, сволочи!

Барбара Кац сидела на самой верхушке огромной магнолии и всматривалась, дожидаясь, когда шумящий атлантический прилив вернется на флоридскую землю. В спину ей припекало солнце. Время от времени она сверялась с засаленным листком календаря, на котором было нанесено время приливов и отливов, хотя и понимала, что полагаться на старые данные практически уже не имеет смысла. Тем не менее, в 3 часа ночи произошел высокий прилив и следующий ожидался около полудня.

Старина ККК сидел под могучим стволом дерева, привязанный к нему полотенцем, в тени гигантских ветвей. Хестер находилась рядом, то и дело поднимая его постоянно падающую на грудь голову. Тут же, готовые прийти на выручку, сидели Бенджи и Хелен.

В своих запыленных и порванных бледно-серых униформах трое негров напоминали перепачканных серых птиц с коричневыми хохолками.

Забрызганный грязью «роллс-ройс» стоял подле оголившихся корней мертвого дерева.

К югу от холма раскинулось маленькое кладбище: некоторые постройки были занесены песком, другие просто повалены, и все это было покрыто камышом. Внизу, у подножия кладбища, стояла деревянная церквушка, выкрашенная некогда в белый цвет. Она чудом уцелела, хотя прилив сместил ее с фундамента и развернул вбок. Коричневая отметина

прилива виднелась на высоте двух с половиной метров, почти доходя до надписи «Церковь Христа-Спасителя».

Барбара моргнула несколько раз, будто пытаясь избавиться от наваждения или миража, знакомого всем, кто ездил по шоссе в жаркую погоду. Ей показалось, что с неба на зелено-коричневую землю опустились какие-то голубые пятна. Голубые лоскутки то исчезали, то появлялись. Не доверяя более глазам, Барбара начала погружаться в некое подобие транса. Ей казалось, что время прекратило свой бег или что-то внутри нее самой остановилось, и она не в силах более ощущать его поступь.

Она так увлеклась этим состоянием, что не услышала, как с востока стал нарастать гул, как закричали взволнованно три огромные серые бесперые птицы, и даже не почувствовала, как затряслось само дерево, атакованное водой.

Ей казалось, что вся земля медленно съезжает в небо, и когда они соединились, у нее закружилась голова и ее стало клонить назад. Она бы свалилась, если бы Бенджи не подоспел вовремя и не подставил свои руки.

— Держитесь, мисс Барбара! — закричал Бенджи ей на ухо.— Вы так увлеклись, что чуть не упали.

Она взглянула вокруг на залитую водой равнину. Флориды больше не было. Церковь Христа-Спасителя плавала в воде вверх тормашками.

Магнолия оказалась единственным, что спаслось во время кораблекрушения. Она подумала о «роллс-ройсе» и хихикнула.

— Я снял с машины аккумулятор, коробку передач и еще кое-какие части. Заткнул бак с горючим с обоих концов, так же поступил и с маслом. Когда прилив сойдет, может, она и заведется, хотя я буду очень этим удивлен.

Дерево качнуло туда-сюда. Хелен вскрикнула по-бабьи, Хестер вцепилась ей в руку. Бенджи рассмеялся, прокаркав, как ворон:

— Но у меня есть надежда: небольшая, но есть.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

Росс Хантер вел машину быстро. Наконец они сделали последний поворот и оказались на дороге вдоль проволочного забора В - 3.

Марго стукнула его по плечу, указав на маленькую дверь в заборе. Но Хантер продолжал ехать, не снижая скорости.

— Бесполезно,— проворчал он.— Нужны ворота, в которые могла бы пройти машина.

— Давайте быстрее,— поторопил его с заднего сиденья Хиксон.

Внезапно ландшафт стал пестрым. Большая гряда туч заслонила солнце. Послышался гром. Сквозь его грохот донеслись выстрелы. Полицейская машина выехала из дырки, проделанной в заборе, и нырнула в небольшой склон. За ней показалась вторая полицейская машина.

Хантер замедлил ход. Впереди зиял проем распахнутых настежь ворот. Часового в будке не было. Въезжая на территорию базы, они увидели, как ее покинула третья полицейская машина.

Хантер гнал седан по гравийному покрытию к черной двери самого большого из трех зданий.

Марго успела заметить, как в дальнем конце забора через него перелазят подростки и скапливаются возле маленькой двери.

Хантер ударил по тормозам. Хиксон и Марго выскочили наружу. Перед ними были три бетонных ступеньки, маленькая веранда и большая двойная дверь. Они поднялись по ступенькам к двери — та оказалась запертой. Хиксон забарабанил прикладом винтовки, крикнув:

— Открывайте!

В это время Хантер разворачивал седан. Со скрежетом через ворота въехала первая полицейская машина, направляясь к ним. Сквозь клубы пыли они увидели и вторую, въезжающую задом.

Хиксон ударил прикладом в окно и отпрыгнул, чтобы не пораниться острыми зубьями осколков.

С ужасным скрипом тормозов, присев на рессорах и прокатившись еще метра три, рядом с седаном остановилась полицейская машина, из нее выскочили два офицера. Их лица были черными от пыли и сажи, глаза горели диким огнем.

— Эй, вы, бросайте оружие! — крикнул один.

Другой навел автомат на Хиксона:

— Вылазь из машины!

Хиксон, отведя ствол винтовки от полицейского, заорал в ответ:

— Эй, мы на вашей стороне!

Тогда полицейский выстрелил дважды над головой Хиксона. Тот бросил винтовку.

Хантер выбрался из машины и, подбежав к ступенькам, поднял руки на уровень плеч.

Вторая полицейская машина подъехала к первой. Из нее высыпало еще больше полицейских.

Внезапно какой-то предмет, разбив окно седана, плюхнулся на сиденье. Другой такой же предмет угодил в лобовое стекло первой полицейской машины и оттуда вырвались желто-голубые языки пламени.

Полицейские открыли огонь в том направлении, откуда были брошены бутылки с зажигательной смесью.

Из горящей машины, отдуваясь и закрывая лицо руками, выбрался водитель. Седан был тоже охвачен пламенем.

— Бежим к тем маленьким воротам,— крикнул Хантер.

И они побежали. Полицейские не стреляли — все они уже набились во вторую машину. Вновь донеслись раскаты грома.

Когда они пробегали мимо последнего здания, из-за угла показалась группка подростков. На какое-то мгновение Марго прониклась духом их пьяного безумства.

Но тут послышался треск выстрела, и гравий подпрыгнул перед Хантером: до нее дошло, что они вооружены. Она увидела бутылки и ножи в их руках, у одного был пистолет.

До дверей оставалось чуть больше 50 метров.

Подростки пустились в погоню, издавая дикие вопли. Одна из девушек швырнула бутылку.

Марго трижды выстрелила на бегу, но ни в кого не попала. Делая третий выстрел, она споткнулась и растянулась на гравии. Совсем рядом упала и разбилась бутылка. Она подняла руки, чтобы защитить лицо от ожогов, но это была лишь бутылка с виски.

Хантер помог ей подняться, и они помчались дальше. Бежавший впереди Хиксон показывал куда-то рукой и что-то кричал.

В это время подростки изменили тактику: они ринулись вправо, отрезая им дорогу к воротам.

Марго и Хантер увидели наконец то, на что указывал Хиксон: ярко-красную машину за рулем которой сидела фигура в черной шляпе; отчаянно скрипя тормозами на поворотах, машина на бешеной скорости спускалась с горного шоссе Моника.

Подростки уже отрезали путь к воротам, блокировав их, но они продолжали бежать.

«Корвет» остановился прямо перед дверьми. Рама Джоун поднялась с сиденья и швырнула в толпу взбесившихся юнцов

две пригоршни гравия. Они смешались, задергались, будто пораженные пляской святого Витта, ограда прогнулась внутрь.

Док выкрикнул:

— Сюда, да скорее же, вы!

Когда трое беглецов благополучно устроились на тесном заднем сиденье, он резко нажал на газ и развернул «корвет».

Тут они увидели, как прямо за ними на полной скорости вдоль забора мчится третья полицейская машина.

Рама Джоун навела инерционный пистолет.

— Не надо, это же полицейские! — возопил Хиксон.

Казалось, что полицейская машина внезапно остановилась, только сидевшие в ней подались не вперед, а назад, и сама машина заскользила вниз. Рама Джоун отвела инопланетное оружие.

«Корвет» ревя взбирался в гору. Хантер взмолился:

— Не так быстро, Док!

— Это еще ничего, видели бы вы, как мы спускались! — ответствовал Док.

— Да видели, черт возьми! Вы поспели как раз вовремя, кэп,— заверил Хиксон.

Рама Джоун обернулась и увидела, что огонь перекинулся и на другие машины, языки пламени поднимались все выше и выше, раскачиваясь.

Хантер фыркнул:

— Это был последний идиотски-бессмысленный геройский поступок, в котором я принимал участие.

Прогремел гром. Несколько капель тяжело упали на машину.

Марго выудила из-за пазухи свернутую в трубочку бумагу и развернула ее.

— Бессмысленный, вы говорите? — улыбнулась она, протягивая бумагу таким образом, чтобы содержание видели все.— Я сорвала это с двери.

На листке большими буквами было нацарапано: «Ван Брюстер, Комсток, для всех остальных. Мы на базе В—2. До встречи там. Следуйте туда по шоссе Моника. Удачи!» И подпись: «Опперли».

Большая капля упала на бумажку. Дождь был черным.

Дон Гильермо и братья Арайса находились на полпути к озеру Никарагуа. Вскоре должен был показаться остров Ометеле. Из жерл вулканов валил густой черный дым, отливавший у основания красным, несмотря на солнечный свет.

В сплошной пелене пара образовалась промоина, сквозь которую пробились лучи солнца. Однако вместо городов Ла Вирхин и Ривас, расположенных на перешейке Ривас между озером Никарагуа и Тихим океаном, они увидели только прибывающую и прибывающую воду.

Арайса сообщили, что обычно высота прилива достигает здесь пяти метров.

Вывод напрашивался сам собой: приливные волны под воздействием гравитационного поля Скитальца просто затопили перешеек, соединив океан с озером. Вот почему вода здесь была соленой. Там, где раньше набивала себе карманы Вандербилтс Транзит и К°, перевозя пассажиров и их багаж, теперь плескались воды моря. Никарагуанский канал, мечта стольких людей, стал реальностью в двухдневный срок.

На густо поросшей верхушке Мадеры вспыхнул красный огонь, и почти тотчас же из ее жерла вырвался бледный дымок. Красное свечение стало опускаться вниз, сопровождаемое дымом. Должно быть, раскаленная лава вырвалась наружу и стекала по склону горы в озеро.

«Интересно, почему вода не бурлит вокруг?» — подумал Дон Гильермо. Он особенно не задумывался над тем, какое напряжение испытывает земная кора на побережье. Не видел он ничего угрожающего и в отсутствии пара.

Без видимых причин, повинуясь какому-то импульсу, трое мужчин вдруг уставились друг на друга.

Дон Гильермо прихлопнул москита на своей шее.

Внезапно тихая водная поверхность вспучилась и бесшумно в три секунды выросла до грибовидного облака в километр высотой и шириной.

То, что вспучило водную поверхность, мчалось к ним.

Все трое уставились на это, не веря глазам.

Взрывная волна разорвала их барабанные перепонки и швырнула без чувств на дно моторки.

Последним, что увидел Гильермо, была стена воды, вздыбившаяся и смешавшаяся с паром прежде, чем она накрыла его и товарищей. Казалось, что вся поверхность усеяна морской растительностью. Последней его мыслью было: «Жара от взрыва. Там встречусь с Макбетом. Я иду, Треймалкин».

Исчез и перешеек Ривас. Так Никарагуанский канал стал реальностью навсегда.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Дон Мерриам проснулся в своей крошечной палате с кристально чистым сознанием. Он спокойно глазел на засветившийся потолок и ощущал каждую клеточку своего тела, вытянувшись во весь рост на кровати и раскинув руки по сторонам.

Его охватило острое любопытство: что это за корабль, на котором он очутился помимо своей воли? Захотелось разузнать о нем все или, по крайней мере, увидеть все своими глазами. Это чувство превалировало над остальными, хотя он и не ощущал никакого желания шевелиться.

Внезапно потолок над ним быстро опустился.

Дон попытался спрыгнуть с кровати, но в итоге оказался в полутора метрах над полом. Он парил в воздухе — вначале на спине, потом лицом вниз в полуметре от потолка.

Голова откинулась назад, так что вверх торчал лишь подбородок, хотя он и не испытывал никакого мышечного напряжения. Он безуспешно пытался взглянуть вниз, на кровать, чтобы окончательно убедиться в реальности происходящего. Но был не в состоянии двинуться — все части тела были лишены мобильности.

Он даже не мог понять того, висит ли под потолком настоящее физическое тело или это всего лишь его левитирующая проекция. При этом ему никак не удавалось хотя бы краешком глаза увидеть кончик своего носа, щеки или брови — простая вещь, которая обычно удается каждому. Видимо, его зрение было сфокусировано и предельно остро направлено.

Вдруг какая-то сила подхватила его и быстро понесла к стене. Он зажмурил глаза или просто каким-то образом отключил свое зрение и когда вновь раскрыл их, обнаружил, что быстро летит вдоль коридора, испещренного узорами и иероглифами, так и не почувствовав, как прошел сквозь стену.

Коридор заканчивался отверстием, ведущим в какую-то шахту или колодец, и с охватившим его чувством радости и облегчения он ринулся вниз.

Дону Мерриаму казалось, что это был не то необычайно яркий сон, не то опыт по экстрасенсорному восприятию, поставленный его похитителями в виде сна. Похоже было именно на это: он чувствовал, что все барьеры, все стены стали проницаемы для его тела, не подчиняющегося законам природы. Другими словами, он совершал захватывающее путешествие во сне.

Хотя, возможно, это происходило мгновенно, вне времени.

Дон Мерриам не мог сказать точно, что послужило основой этого эксперимента. Он лишь порхал и смотрел по сторонам.

Вначале передвижения ограничивались пустыми коридорами и шахтами. Если там и были какие-то существа или машины, все они сливались в одно пятно ввиду огромной скорости, с которой он летел. В некоторые моменты казалось, что он развивает субсветовые скорости, и взгляд улавливал лишь общие очертания проходов и туннелей; потом скорость снижалась, давая возможность разглядеть отдельные окружавшие его предметы, и вновь затем его тело ускорялось, подобно ракете,— возможно, из-за того, что сознание требовало новизны ощущений. Этот процесс не утомлял и не вызывал раздражения, как будто время было неограниченно растянуто.

Постепенно в его сознании зафиксировалась четкая трехмерная картина внутреннего строения Скитальца, напоминавшего серебристую губку. Он насчитал по крайней мере 50 000 этажей, соединенных коридорами, напоминавшими кровеносную систему человека. Множество колодцев пронизывали планету насквозь, пересекаясь в ее центре — огромном пустом шаре со своим темным небом, в котором беспорядочно мерцали звезды, видимые сквозь отверстия в шахтах.

Хотя его воображение было захвачено созерцанием внутренней структуры планеты, две вещи поначалу вызвали неприятное ощущение, переросшее затем в страх. Это была 30-метровая темно-металлическая пленка, покрывавшая крышу — место, где приземлились его «Баба Яга» и советская ракета, и металлические окружности, вращавшиеся вокруг устьев шахт, наглухо, как крепость, запечатавших планету.

Особо зловещее впечатление производили наборы гигантских катушек, окружавших некоторые из пронизывающих насквозь планету шахт. Ему показалось, что они служат своего рода линейными ускорителями.

Ринувшись вглубь, прочь от броневого покрытия планеты, Дон обнаружил, что очутился в самом центре усеянной звездами необъятности. Она была всего миль двадцать в поперечнике, но сейчас представлялась вселенной, а огромные отверстия в ее звездном небе — дверьми, ведущими в другие вселенные. Он ощущал присутствие невидимых существ вокруг себя, бесплотного мыслящего тумана, обитающего в глубинах космоса, из-за чего на него накатила волна

безумного страха — страха, во сто крат сильнее того, который был вызван броневым покрытием планеты.

Видимо, из-за этого неописуемого ужаса он вновь пустился в изучение структуры Скитальца. Но теперь он не летал вдоль коридоров, а проникал сквозь стены, в мгновение ока преодолевая самые толстые из них, проносясь из помещения в помещение. И когда он останавливался, рядом всегда оказывались живые существа. Они были разных видов.

Фелиноиды, или люди-кошки, составляли довольно значительное меньшинство обитателей Скитальца, особенно вблизи поверхности, тогда как прочие представляли собой конечный продукт эволюции всех земных и неземных видов. Среди них были лошади с огромными головами и руками, спрятанными в копытах; гигантские, с неподвижным взглядом пауки, в конечностях которых пульсировала кровь, гонимая мощным артериальным аппаратом; змеи с большими и малыми хватательными конечностями; гуманоидного вида ящерицы с переливающейся чешуей и величественными хохолками, украшавшими их головы; существа в виде толстых колес, внутри которых в обратном направлении перемещались головной мозг и сенсорный аппарат, а также существа, созданные по подобию дракона и гарпии.

Этих последних представителей фауны Скитальца Дон обнаружил в глубине планеты, в помещении, напоминавшем гигантский птичник. Он занимал много этажей, внутри него росли ветвистые деревья с маленькими листочками, освещаемые несколькими искусственными солнцами.

Некоторые бирюзовые озера, которые он наблюдал с борта «Бабы Яги», были очень глубоки. Среди их обитателей он выделил тюленей с большими глазами и, по-видимому, высокоразвитым интеллектом; их конечности напоминали кабели со свисающими с концов проводами. Помимо тюленей здесь плавали также, видимо, разумные морские существа с очень подвижными лицами.

Дону хотелось остановиться и более детально познакомиться с обычаями и повадками существ, однако настойчивое желание увидеть что-нибудь еще более удивительное гнало его вперед. Поэтому он задерживался едва ли намного дольше, чем тогда, когда снижал скорость, пролетая по коридорам. А существа даже не замечали его присутствия.

Похоже, проблема расизма здесь отсутствовала. Он видел, как несколько фелиноидов мирно беседовали с мелкими гарпиями в их птичнике, а гигантские пауки, облаченные в

костюмы ныряльщиков, плавали, гребя своими конечностями, в озерах, где обитали тюлени.

Казалось невероятным, что на одной планете может существовать такое разнообразие форм жизни, да еще в таком количестве, но затем до него дошло, что многоярусная структура Скитальца вполне позволяет разместиться всем.

Оказалось, что большинство обитателей планеты занято неотложными делами. Даже находившиеся без движения были поглощены работой мысли.

Повсюду витал дух кризиса.

Случайно, но скорее, чтобы сделать передышку, Дон оказался в комнате, не занятой разумными существами. Здесь находились емкости с лунной породой, тускло поблескивающие механизмы, трубы, в которых циркулировали разноцветные жидкости. В других комнатах произрастали странного вида растения, освещаемые светом искусственных солнц, хотя, по-видимому, это были мыслящие растения; в-третьих он обнаружил стройные геометрические фигуры, которые вскоре, по-видимому, должны были ожить; в сферических помещениях он наблюдал огненное солнечное вещество, которое, однако, не ослепляло своим светом.

Ему довелось увидеть, как выполняют физическую работу гигантские амебы из протоплазмы, чьи «руки» были приспособлены к выполнению поставленных перед ними задач. Повсюду трудились металлические роботы, порой в форме пауков и «колесников»; некоторые выглядели точно живые — такими иногда бывают «мозги» гигантских ЭВМ: сквозь прозрачную поверхность было заметно переплетение серебристых нитей, более тонких, чем человеческий волос, словно они выращивали по мере надобности нервные клетки.

Чем большее разнообразие видов встречал на своем пути Дон, тем сильнее он ощущал их присутствие. Вот и теперь, когда он остановился в центральной сфере, она показалась ему наполненной парящими в ней туманообразными существами, постоянно изменяющими форму — холодные создания внезвездной тьмы. А когда он сделал короткую остановку на верхних этажах, ему довелось увидеть нечто совершенно абстрактное, переливающееся множеством существ, расколовшееся, как яйцо, и выпустившее наружу целые орды странных существ.

И чем сильнее он ощущал присутствие разумной жизни на Скитальце, тем больше крепла его уверенность в том, что помимо уже виденных существ на планете присутствует

гораздо больше представителей невидимой жизни — этих разумных призраков, намного больше, нежели тех, кого ему довелось увидеть воочию.

Он остановился в огромной тихой комнате со множеством балконов, оснащенной бесчисленным количеством ящиков, как в библиотечном каталоге. Тончайшие нити вели к похожим на микроскопы приборам. Дону пришла в голову мысль, что здесь хранятся микроорганизмы, из которых и возникло все это многообразие существ. Здесь была записана история развития видов. Вся земная культура и история запросто уместились бы в одном из таких ящиков. Ему показалось, что он обнаружил всеохватывающую Вечность, называемую иногда Богом.

Отсюда он ринулся в следующую комнату, занятую пультами, картами, схемами и голографическими экранами. На экранах постоянно сменялись картины катастроф — города, погребенные под обломками, горящие здания и поля, гигантские наводнения. Он с волнением всматривался в этот Апокалипсис, и тут до него дошло, что он видит свою несчастную планету, терзаемую гравитационной хваткой Скитальца.

Ему хотелось остаться и посмотреть на развитие событий, но вместо этого он ринулся сквозь стены и очутился в камере, окруженной чужими лицами. У некоторых было от трех до восьми глаз. В камере находились модели Земли и Скитальца и петлеобразное раздувшееся полукольцо того, что некогда было Луной. Обе планеты были окружены желтыми и лиловыми точками, которые он принял за космические корабли.

По правую сторону он увидел шары больших размеров, по-видимому — голографические изображения, но иллюзия реальности была такова, что Дон ощутил себя в открытом космосе.

Затем внезапно по одной, по две стали появляться другие планеты — серые, зеленые, золотистые. Между ними вспыхнули яркие молнии, двигавшиеся, правда, странно замедленно. Последовали взрывы. Точечные космические корабли собрались в боевые флоты. Затем все планеты, кроме Земли, начали быстро перемещаться, будто готовясь к битве.

Но он так никогда и не увидел исхода сражения, поскольку силы, воздействовавшие на него, начали работать в режиме нарастающей безотлагательности, как бы давая понять, что близится конец его путешествию.

Впервые Дон ощутил сильнейшую усталость. В следующей комнате он обнаружил крошечные сферические и дискооб-

разные световые туманности, расположенные на больших расстояниях друг от друга. Странной была эта комната — свет, казалось, искривлялся в ее пространстве, так что все менялось в гораздо больших масштабах, чем он ожидал. Перед тем как покинуть ее, Дон догадался, что ему довелось увидеть звездные острова-галактики — весь космос, Вселенную.

В его сознании стали проноситься мысли, облеченные во фразы: «эта искусственная планета»... «пуповина космоса»... «центральный мозг»... «всевидящее око»... «книга прошлого»... «матка и зародыши будущего»... «трансцендентальный, как Бог, но не Бог».

Но, придя в себя, он с изумлением обнаружил, что смотрит в огромный экран, в котором космос, только что виденный им, был лишь крошечным туманным облачком, проплывающим в одиночестве. Затем, то появляясь, то исчезая, показались другие облачка — различных конфигураций, некоторые вспыхывали, как светлячки, другие на время зависали.

Он сонно размышлял о том, были ли эти вселенные известны обитателям Скитальца или существовали только в их воображении; судя по их призрачности и быстрому исчезновению, все эти звезды и галактики являлись такими же по сути нереальными, как сами сны.

Затем он увидел, как одна из вселенных закружилась, словно подхваченная ветром, следом за ней завертелись и другие призрачные вселенные — гипотетически, разумеется...

Но то, что произошло в последней комнате, потрясло Дона, согнав усталость. В увиденном, несомненно, заключалась какая-то мораль, но ему было трудно передать ее словами. Это была огромная комната с дугообразным, раскаленным докрасна небосводом. На скалах группами росли деревья. Мелкие копытные животные, более изящные, чем олени, и с одним тонким рогом мирно и величаво паслись. Птицы с разноцветным оперением летали очень низко, часто усаживаясь на высокую траву и деревья в поисках плодов.

Внезапно три птички испуганно вспорхнули, а группка единорогов задрожала в страхе, не двигаясь с места, затем, втянув воздух, животные резко сорвались с места, грохоча копытами.

В этот момент из-за скалы выпрыгнул серый фелиноид, напоминавший проводника Дона. Он бросился в погоню за единорогами, быстро мелькая длинными ногами, вцепился лапами в последнего, повалил его и, задрав жертве голову, впился зубами в ее глотку.

Из-за группы деревьев показалась самка фелиноида. С грацией балерины она совершила прыжок «гранд жете» и молниеносным движением схватила птицу. Зажав ее в когтях, поднесла ко рту и погрузила клыки в ее шейку.

На губах и клыках показалось красное, и она взглянула на Дона своими фиолетовыми глазами. Это могло быть и совпадением, но Дон почувствовал, что она видит его. Высосав кровь на фоне кроваво-красного неба, она победно улыбнулась.

На Дона накатила усталость, в глазах все потускнело, и он очутился в своей палате. Он попытался взглянуть вниз, но был не в состоянии сделать это. В следующий момент он уже лежал на кровати. По всему телу пробежала успокаивающая и расслабляющая волна. Все видения исчезли, и он погрузился в темноту и покой.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Док просигналил четыре раза и остановил «корвет» у самого обрыва на месте прежнего лагеря. Хиксон опять уселся за руль грузовика. Энн устроилась в машине между Доком и своей мамой, а Марго и Хантер — на заднем сиденье.

Вся пятерка воодушевленно о чем-то болтала, несмотря или даже, скорее, оттого, что их лица были черны, а одежда промокла из-за только что закончившегося сильнейшего теплого черного дождя. Они решили, что дождь смешался с пеплом вулкана Мехико.

— Хотя, возможно, это и ил, подхваченный ветром во время отлива,— предположил Док.— Соленый на вкус.

Огромные тучи наползали друг на друга, закрыв свет солнца.

— Всем выйти,— весело скомандовал Док.— Росс, сбегай и проверь воду.

Хантер повиновался. Марго присоединилась к нему.

Грузовик остановился за «корветом», за ним стал и автобус, некогда желтые бока которого почернели еще сильнее.

Док прокричал Хиксону:

— Скажите своим пассажирам, чтобы вышли, мы развернем машины, как уже делали сегодня утром. Макхит, передай Доддси то же самое. И пусть пошевеливаются. Нельзя терять

больше времени. А сам сядешь сзади и будешь наблюдать за дорогой.

Энн, прижавшись к Доку, с волнением сказала:

— Позвольте мне остаться в машине с вами, я совсем не боюсь, что мы соскользнем в пропасть.

— Это было бы просто замечательно, дорогая, но боюсь, твоя мама скажет, что я искушаю Кали,— ответил Док, ласково потершись перепачканной щекой о ее щеку. Рама Джоун ответила ему дружелюбной улыбкой.

— Воды в яме нет,— отозвался в этот момент Хантер и, тут же поскользнувшись, упал.— Зато чертовски скользко,— заключил он, поднимаясь на ноги,— эта пленка из влажного пепла опасна.

Улыбка с лица Рамы Джоун исчезла. Она настойчиво зашептала Доку на ухо:

— А что, если засыпать яму землей и камнями или попросту расчистить ее?

— Видишь ли, дорогая, эти пьяные вдрызг сукины дети таки раздобудут несколько машин и вскоре пустятся за нами по шоссе. Хулиганить и буянить — это у них в крови. Нам нельзя терять ни минуты.

Он уселся за руль, посигналил и завел двигатель.

— Я поехал,— предупредил он.

Он резко тронулся с места, и «корвет» даже не повело, когда он пересекал яму. Припарковав машину, он вышел и, прихрамывая, направился к Раме Джоун, Марго и Хантеру.

— Я снова почувствовал себя молодым,— заявил он. Хантер и Марго рассмеялись. Рама Джоун лишь неопределенно улыбнулась.

Из-за грузовика послышался тонкий голосок Иды:

— Мистер Брехт. Рэй Хенкс не хочет, чтобы его переносили в другое место.

Оглядевшись вокруг, Док пожал плечами и сказал:

— Ну что ж, это сэкономит время. Ладно, пусть остается. Давай, Хиксон.

Грузовик тоже рванул с самого старта. Когда он благополучно проехал мимо, они увидели, как миссис Хиксон распростерлась над Хенксом, держась за стенку.

Вскоре к ним присоединились и пассажиры автобуса — Аршин, Ванда и Ида. Войтович же остановился рядом с Энн и Макхитом. Наконец показались Кларенс Додд и Папаша, оживленно споря.

Надвинув шляпу на лоб, к ним быстрым шагом подошел Док.

— Знаю, знаю,— сказал он, когда Папаша попытался возразить, открыв свой беззубый рот.— Задние покрышки совсем лысые и т. д. и т. п.

— Одного цилиндра не хватает,— крикнул ему вдогонку Папаша, но Док уже решительно направлялся к автобусу.

Кларенс Додд взглянул на почерневшие лица Марго и других и сказал:

— Вот бы порадовался Чарльз Форт, узнай он о подобном дожде.— Улыбнувшись, он продолжил: — Вы похожи на индейцев, собравшихся на церемонию погребения.

Рама Джоун вдруг рванулась вдогонку за Доком. Энн помахала ей рукой:

— Привет, мамочка!

Рама Джоун остановилась и неопределенно махнула в ответ.

Она услышала, как громко рассмеялись Войтович с Макхитом в ответ на шутку, сказанную Доком,— тот уже забирался в кабину. Мотор кашлянул, и автобус тронулся с места, набирая скорость, затем стал глохнуть.

— С ним иногда бывает. Артачится секунду-другую.

Автобус въехал в яму очень медленно. Передние колеса забуксовали, и его стало задом разворачивать в сторону. Задние колеса, издавая вой, бешено крутились. Док ударил по тормозам. Автобус съезжал вниз по склону.

Макхит, сунув винтовку в руки Войтовича, помчался к нему. Автобус закачался и остановился, угодив передним колесом в выбоину. Все они увидели, как, распластавшись на полу, Док ухватился за рычаг открытия передних дверей.

В этот момент Хантер неожиданно сунул руку в карман Марго и вытащил инерционный пистолет.

Макхит уже почти поравнялся с автобусом. «Интересно, что задумал этот парень? — подумал Войтович.— Может, попытается протянуть Доку руку, когда тот спрыгнет на скользкий склон?»

Доку наконец удалось открыть переднюю дверь. Но в ту же минуту переднее колесо выскочило из выбоины и автобус опасно накренился, днище со скрежетом заскользило по склону.

Хантер нажал рычажок на рукоятке пистолета и повернул его таким образом, что стрелка показывала не вперед на дуло, а от него.

Док уже успел наполовину высунуться из двери, как вдруг автобус потерял шаткое равновесие и, перевернувшись, полетел вниз. Док взглянул на друзей, оставшихся наверху, и, сняв шляпу, сделал прощальный взмах...

Хантер навел на него инерционный пистолет и спустил курок.

Они потеряли из виду Дока с прощально вытянутой рукой, но черная шляпа, влекомая легким ветром, проплыла над краем шоссе.

Макхит бросился к краю пропасти и уставился вниз.

Склон задрожал, звук падения гулко отозвался в их ушах.

Холодный ветерок усиливался. Черная шляпа, проплыв в воздухе, повисла на стволе пистолета Хантера.

Макхит, вернувшись к своим товарищам, сказал надтреснутым голосом:

— Он мертв. Его выбросило из автобуса, и он упал, а потом на него сверху свалился и автобус.

— Одной бы секундой раньше,— пробормотал Хантер.

— Вы переключили пистолет на сто восемьдесят градусов, и это изменило направление импульса? — поинтересовался Кларенс Додд. И когда Хантер задумчиво кивнул, добавил: — Что ж, вполне логичное решение.

Пол Хэгболт сидел, прислонившись к теплому гладкому и такому надежному иллюминатору, который занимал теперь половину летающей тарелки Тигришки. Он смотрел, как тает шапка Северного полюса; льды Ледовитого океана вздыбились и сталкивались с гигантскими волнами, двигавшимися через Гренландское море, Баффиновы залив и пролив. Видна была почти вся Арктика.

Внутри тарелки царила темнота, не считая проникающего в нее тусклого отсвета арктических льдов.

Тигришка вытянулась вдоль окна в метре от Пола. Она ласкала Мяу, но на сей раз маленькая кошка вырвалась из цепких бархатистых лап и, перепрыгнув через Пола, скрылась в зарослях цветов — видимо, решила обследовать их в таинственном свете сумерек.

Мяу быстро приспособилась к невесомости, забавляясь лазанием в чаще растений и цветов и время от времени по-кошачьи улыбаясь.

Тигришка издала быстрый музыкальный звук, напоминавший больше вздох. Пол подумал, что она специально направила тарелку сюда, чтобы избавить его от навязчивых мыслей и угрызений совести да и самой избежать упреков в том, что

по их вине внизу гибнут люди. Он уже собирался было сказать ей, что еще вчера на Северном полюсе находилась русская метеостанция, но осекся, решив, что она и так прочтет его мысли.

Внезапно тарелка стала набирать высоту. Земля быстро уменьшалась в размерах.

Пол подавил в себе протест — эмоции отнюдь не приводили в восторг Тигришку.

Повсюду виднелись звезды. По мере уменьшения Земли Скиталец приближался. У него тоже была полярная шапка — искривленная желтая шея на лиловом фоне, шея динозавра. Из этой точки она напоминала боевой топор.

Они поднимались под прямым углом к свету Солнца, и ни один луч не попадал внутрь тарелки. Обе планеты входили в свои полуфазы.

В тарелке стало совсем темно. Теперь обе планеты казались маленькими, почти неразличимыми шариками на фоне незнакомых Полу созвездий.

Без особого удивления он отметил, что тарелка преодолела несколько миллионов миль в течение минуты, то есть почти со скоростью света.

Подумалось, что они с Тигришкой прошли через весь город, забрели в темный, неосвещенный парк и теперь вглядываются в далекие огни. Еще немного, и он почувствовал себя очень одиноко...

— Ты чувствуешь себя Богом? Земля — твой мир, твоя твердыня? — тихо спросила Тигришка.

— Не знаю. Разве я в состоянии изменить прошлое и воскресить мертвых? — ответил Пол.

Тигришка не ответила, хотя Полу показалось в темноте, что она покачала головой.

Воцарилось молчание. Тигришка издала мелодичный вздох и тихо позвала:

— Пол?

— Что? — откликнулся он.

Она начала говорить по-прежнему тихо, но быстро:

— Мы злые, безнравственные, испорченные. Мы принесли вам так много горя. Мы боимся.

Затем ее тон изменился:

— Мы похожи на ваше потерянное поколение, на ваших венгерских беженцев, ваших анархистов, сатанистов, ваших падших ангелов, заключенных, освобожденных досрочно под

честное слово и вновь принявшихся за старое, ваших малолетних преступников. Постоянно бежим, бежим, миллиарды световых лет, по дорогам, освещенным звездным светом.

Он догадывался, что она подбирает слова и образы, роясь в его сознании, хотя совершенно этого не чувствовал.

— Скиталец — это машина, на которой мы убегаем, поезд-беглец, это похоже на эвакуацию из Дюнкерка. Пятьдесят тысяч этажей, созданных для игр и развлечений. Восходы на любой вкус и закаты по заказу. Включай или выключай гравитацию, как кран с холодной и горячей водой, выбирай, что хочешь. Звезда Отверженных. Ковчег Сатаны.

Это напоминало голос бойкой девушки, пытающейся скрыть свою вину за бравадой тщательно подобранных живых образов.

— О — это самая модная планета Проклятых. Для устрашения мы придали нашей планете желто-лиловый цвет. Это испугало вас, в вашей Солнечной системе, на задворках Галактики. Эти конформисты правильно угадали, что за двухцветным ореолом кроются опасные вещи. И это так.

— Раскрашенная планета... — пробормотал Пол, стараясь угодить в тон ее настроения.

Она погрузилась в реминисценции:

— Да, как ваша пустыня и ваши раскрашенные дикарки. Что, нет? Фиолетовый и желтый — как заря в пустыне. О да, мы — самые большие модники в мире, пассажиры Ковчега Сатаны.

Она быстро улыбнулась, сморщив носик, но, взглянув на звезды, заговорила более серьезным тоном:

— Скиталец путешествует в настоящем вакууме — в гиперпространстве. Вы хотите попасть в бурю, по сравнению с которой любой ураган покажется легким бризом? Тогда пожалуйста. Вакуум бесформен как сам хаос, враждебный любым проявлениям жизни. Ни света, ни атомов, ни энергии, которой обладаем мы, супертвари,— ничегошеньки. Такое ощущение, что тебя быстро засасывает песок. Черное, злобное, выступающее по отношению к космосу светом фонарей, кривые дорожки, на которых вас поджидает смерть, — или темные, холодные, покрытые пленкой мазута воды вблизи доков. Это Саргассово море космических кораблей. Кладбище Затонувших Планет. О, самое очаровательное море для Ковчега Сатаны, от которого тошнит даже его ангелов,— это пылающий, замерзающий Океан Ада!

— Весь этот звездный шатер или небосвод, который вы считаете твердыней,— всего лишь клочок бумаги, гонимый гиперпространственной бурей, как пылинка на ветру. А... Ски-

талец так и путешествует, к тому же мы плохие моряки, мы всегда стремимся держаться берега.

Пол, глядя на редкие звезды, одиноко разбросанные перед его взором, подумал: почему они раньше всегда внушали ему представление о порядке?

— Чтобы вырваться в гиперпространство, требуется энергия миллиарда ядерных реакторов, не говоря уже о тончайших навыках и госпоже удаче. Скиталец пожирает планеты на завтрак и останавливается, чтобы перекусить астероидами. Хотя точнее будет сказать, их поедает вакуум, этот пожиратель нейтрино-мяса, бросаемого гиперпространственным хищникам, чтобы вас пропустили туда.

Путешествие в гиперпространстве не занимает абсолютно никакого времени, кроме времени на разгон и выход из него. Но сколько умственных сил отбирают поиски порта назначения? А чего стоит ожидание в преддверии выхода из него в привычный мир? Гиперпространства — тени, призраки звезд, планет и лун, пылевых и газовых скоплений, но расшифровать их гораздо труднее, чем слушать радиопередачу сквозь сильные помехи или пытаться прочитать почерневшие древние, как само время, иероглифы в пещерах.

Это последнее путешествие мы закончили вконец измотанными, изоляция планеты от соприкосновения с гиперпространством сошла на нет, мы потеряли практически всю атмосферу, и теперь никто не осмеливается забираться на верхние палубы, кроме неорганических гигантов, обитающих там,— это мыслящие кристаллы размером с холм.

Мы и так сделали два ложных выхода в вашей системе, потратив много горючего, чего делать было нельзя. То ли неправильно расшифровали знаки, то ли неправильно был выбран вектор направления.

Пол автоматически возразил:

— Всего два? Но было же четыре фотографии искривления звездного света.

— Четыре фото, но всего два ложных выхода: один—возле Плутона, другой — возле Венеры. И не перебивай меня, Пол. Наконец нам удалось вынырнуть возле Луны, под прикрытием затмения. Но когда мы вышли, у нас уже почти не было энергии. Конечно же, если бы пришлось драться, мы запустили бы Скиталец в режим нуль-гравитации.

— Но постой, Тигришка,— возмутился Пол,— ты хочешь сказать, что вы могли создать такой режим, не причинив Земле разрушений, и тем не менее не сделали этого?!

— Я ведь не капитан Скитальца,— огрызнулась она.— К тому же гравитация была нужна, чтобы притянуть к себе Луну и разрушить ее. Даже при самых ужасных обстоятельствах мы должны иметь резерв топлива — это же так ясно.

— Но, Тигришка,— возразил Пол,— ведь все земные космические силы и ядерное оружие не идут ни в какое сравнение с вашим. О какой битве может идти...

— Пол, я ведь уже говорила тебе, мы напуганы.— Ее зрачки вспыхнули фиолетовым пламенем, когда она отвернулась от него.— Скиталец—не единственная планета подобного рода.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

Прежде чем усесться за руль, Хантер бросил прощальный взгляд на склон, внизу которого покоилось тело Дока. Все уже расселись по местам: Энн и Ванда в «корвете», Хиксоны и Ида — в кабине грузовика, пятеро оставшихся с Рэем Хенксом — в кузове. После гибели Дока все валилось из рук, вдобавок Хантера мучил внутренний дискомфорт.

Ему не по душе было принимать на себя командование, он с удовольствием переложил бы эти обязанности на Доддси, однако все решил Хиксон, который, пристально взглянув ему в лицо, заявил:

— Думаю, Док выбрал бы именно вас.

Он терпеть не мог принимать решения, а пришлось-таки — он отверг предложение Хиксона заблокировать дорогу валунами с помощью инерционного пистолета, так как в нем осталась лишь восьмая часть заряда. Или когда стал вопрос, куда им двигаться,— дальше к Малхоленду или проделать обратный путь к В-2. Затем ему пришлось испытать на себе едкую критику Марго, которая считала, что путь в В-2 — дело решенное, тем более, что у них в руках была записка Мортона Опперли. Марго сказала, что пора кончить с распрями по этому поводу.

О Доке старались не упоминать, хотя это лишь усиливало всеобщую подавленность. Хантер шепотом спросил Войтовича, что такое сказал им Док, от чего они так смеялись? На что Войтович ответил:

— Я еще раз попросил его снять черную шляпу, ибо она приносит несчастье, на что он ответил, что большее несчастье в том, когда тебе не дают прикрыть шляпой свою лысину.

Аршин, невольно подслушавший их разговор, покачал головой и печально промолвил:

— Я тоже предупреждал его об этом.— Упомянув затем нечто о «греховной гордости».

Войтович набросился на Аршина, но Доддси разрядил обстановку, сказав:

— Чарльз Фулби подразумевал «хубрис» — нечто вроде сверхоптимизма, которым обладали некоторые древнегреческие герои. Это вызывало ревность богов, уничтожавших их.

Войтович раздраженно выпалил:

— Греки или не греки — мне плевать, я никому не позволю говорить что-либо против Дока!

Хантер взглянул на черную шляпу, которую мял в руках, и подумал, что Док кончит, как трое убийц-садистов,— пойдет на корм стервятникам.

— Господи,— пробормотал он,— мы даже не удосужились похоронить его, хотя оказали такие почести глупому псу Доддси.

Он не знал, куда приткнуть эту проклятую шляпу. Но когда подул попутный ветерок, он, расправив ее поля, кинул вниз по склону, и она, подхваченная порывами ветра, проплыла вдоль и исчезла из виду.

Рама Джоун обеими руками вцепилась в Хантера и Марго. На ее лице и рыжих волосах еще оставались черные полоски грязи, а изодранный вечерний костюм придавал ей вид бродячей циркачки.

Издали донесся шум двигателя. Похоже — со стороны шоссе.

— Вы слышите, мистер Хантер? — обратился к нему юный Макхит, скрючившись в кузове с винтовкой наизготовку. Хантеру вспомнились слова Дока о «пьяных, буянящих подростках».

Они бросились к «корвету». Усевшись за руль, Хантер подумал: как бы поступил сейчас на его месте Док?

Он завел двигатель и обернулся, подняв руку вверх.

— Если позади появятся машины, пропустите их,— крикнул он Хиксону,— тогда я смогу использовать инерционный пистолет. Если они будут целиться в вас, открывайте огонь! Ну что ж, в путь.

«Все это нехорошо,— подумал он, выжимая сцепление,— но от этого никуда не денешься».

Ричард Хиллари познакомился с Верой Карлайл, когда обнаружил ее сидящей в грязи и тихо плачущей.

Она так скорчилась и так тихо плакала, что если бы это не произошло спустя два часа после захода солнца, он наверняка бы ее не заметил. У нее не было ничего, кроме транзистора, который она прижимала к груди, как ребенка.

За последние 36 часов он не раз становился очевидцем того, как многие люди объединяются в дружные, сплоченные коллективы или просто пары, и теперь понял, что и сам не прочь найти себе спутника.

Он остро ощущал, что именно ему суждено было услышать тихий плач девушки.

Приблизившись к ней, он подумал, что стало прохладно, и это вызвало воспоминание о том, как тепло и уютно чувствовали себя парочки, прижавшись друг к другу в стоге соломы прошлой ночью. Еще его посетила мысль о наблюдаемом конце света или, по крайней мере, хорошей его имитации — хотя в данной ситуации он не руководствовался подобными мыслями.

Он предложил ей свежего хлеба, оставшегося у него после того, как возле Клива эти небольшие буханочки сбросили с вертолета, однако оказалось, что ее больше мучит жажда, нежели голод. Найти же воду в данный момент было делом довольно проблематичным — из-за морского прилива вся вода в колодцах и ключах была соленой на вкус.

Когда они подходили к пивной мимо полузатопленных домиков, он узнал еще об одной проблеме, досаждавшей его спутнице: у нее сломался каблук.

У паба выстроилась довольно длинная очередь жаждущих получить дармовое пиво.

«О, законопослушные британцы,— подумал он,— мы становимся в очередь, даже когда мародерствуем».

Он припомнил, что рядом с пивной находится обувной магазин, и ворвался туда беспрепятственно — благо, этому еще ранее посодействовал прилив. Ему удалось найти пару кроссовок для Веры и по паре теплых носков для них обоих. Все вещи были, разумеется, мокрыми, но это не имело значения.

Пока они копались в обувном магазине, очередь в паб уменьшилась, и вскоре они получили по бутылке пива и маленькую фляжку рома на двоих. Раздача проходила под бдительным оком спортивного вида мужчины, который вполне мог быть хозяином заведения, хотя об этом не распространялся.

Один из посетителей, толстяк, тыкал куда-то пальцем, приговаривая:

— А вот опять это падло появилось.

«Падлом» оказался Скиталец со вздувшейся буквой X на поверхности, окруженный почти симметрично черепками того, что осталось от Луны.

Вера лишь на мгновение задержала на нем свой взгляд и затем, сжав губы, отвернулась. Ричарду понравилась ее реакция. Крепко взяв девушку под руку, он вышел вместе с ней на улицу. Они не спеша зашагали, жуя хлеб и запивая его пивом. Он еще не рассказывал ей о своем плане. Для этого будет достаточно времени, когда они будут переходить ревущий Северн по старому железному мосту, если его, конечно, еще не снесло.

Вера включила транзистор, но из него доносилось лишь шипение — как будто на сковородке поджаривался бекон. Ричарду захотелось посоветовать ей выбросить его подальше, но вместо этого он спросил, как новая обувь, на что она, улыбнувшись, ответила:

— Просто божественно.

Всего еще час назад Ричард брел в одиночестве среди толпы, думая о миллионах и миллионах погибших во всем мире и размышляя о том, значило ли это все хоть что-нибудь.

— Зачем в мире так много людей?

Разметанное потопом, подавляющее большинство из них все же представляло собой глупые стереотипные посредственности, без которых мир вполне благополучно мог обойтись. Сколько людей являются подлинными носителями культуры, аристократами духа? И разве миллионы посредственностей не чрезмерная цена за несколько исключений? И не есть ли преступной концепция бесконечного бессмысленного размножения человечества, которое в конце концов, как полчища крыс, ринется к звездам? Можно ли вообще считать большинство людей — людьми? Мир нуждается и заслуживает такого отбора и отсева.

Но сейчас его сознание поглотили мысли о Вере. В его теории нашлось бы место для десятков тысяч таких Вер, но она была той единственной, которую он нашел и выбрал. Он крепче сжал ее руку.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Пол Хэгболт всматривался в бездонную тьму, словно круглый иллюминатор являлся вершиной огромного аквариума, в котором проплывали, подобно загадочным светящимся

обитателям морских глубин, звезды и две полусферы—Земли и Скитальца.

Послышался слабый шорох и затем тихое мурлыканье Мяу, ползавшей в невесомости по цветам и решившей поделиться своим новым открытием с Тигришкой.

Рядом с Полом прозвучал голос большой кошки:

— Человечество молодо, поэтому вы считаете, что Вселенная тоже молода. Но она стара, стара, стара. Завтра и завтра... мелкими шажками... последний слог времени... басни идиотов... да!

Вы полагаете, что пространство пусто, но оно заполнено. Ваша Солнечная система — одно из первобытных, девственных мест, которых осталось очень мало. Это как участок в самом центре природы, который просмотрели строители огромного города, а он разросся и захватил прилегающую сельскую местность.

В галактике, откуда родом Скиталец, планеты расположены так густо, что они загораживают свет своего солнца для других планет — такие себе космические трущобы, битком набитый галактический город. И как только где-либо появляется лучик солнечного света, мы помещаем там планету. В этом — заслуга наших инженеров.

Десятки тысяч планет вокруг каждого солнца, воздействие десятков тысяч приливных сил, гармонизация их составляют половину всех работ по гражданскому строительству. Планеты движутся друг за другом на таком близком расстоянии, что образуют эллиптические бусы, в которых каждая жемчужинка — целый мир. Что-то наподобие ваших китайских изделий из слоновой кости, создающих иллюзию бесконечности при внимательном рассмотрении. Так устроено большинство солнечных систем.

Вам это в новинку, потому что свет распространяется со скоростью улитки. Но если вы подождете миллиард лет, то увидите, что галактики тускнеют — не из-за угасания звезд, а ввиду того, что обладатели солнц тайно запасаются их светом.

Большинство планет Вселенной — искусственного происхождения. Миллиарды угасших звезд, холодных лун, огромные массы планетарного газа послужили для них стройматериалом. По всей Вселенной естественные планеты — такая же редкость, как и свежая мысль. Ваш Млечный Путь — не исключение. Буквально задушенные планетами солнца образовали его темное ядро. Разумная жизнь распространяется по Вселенной столь же быстро, как она достигает зрелости на одной отдельно взятой планете.

Разумная жизнь распространяется быстрее чумы. На любой естественной планете жизнь, развиваясь, ползет со скоростью черепахи, затем в одну прекрасную ночь наступает расцвет, и семена разлетаются по всем концам Вселенной. Драма состоит во встрече с другими, отличными формами жизни: вначале шок, затем удивление, радость, но очень скоро это сменяется апатией.

Тигришка ткнула лапой, указывая на звезды:

— Эти бриллианты, которые ты видишь,— ложь. Звезды, свет которых ты сейчас видишь, уже давно замаскированы.

Вселенная полна, Пол. Разумная жизнь есть повсюду, планеты затмевают солнца, наши инженеры безжалостно эксплуатируют их энергию, чтобы создать окружающую среду для сознания. Слово — назовем так сознание — идет вперед, и вскоре не остается ничего, кроме Слова. Вселенная со всеми своими фантастическими достижениями и притягательными тайнами превращается в трущобы, умирая от обилия сознания, хотя это происходит незаметно.

Достигнуто бессмертие путем слома индивидуального сознания и его броска в будущее. Ваш мир, Пол, один из немногих островков смерти в океане вечной жизни.

Полеты в гиперпространстве и телепатическая связь соединили концы Вселенной, так что они находятся на расстоянии вытянутой руки, ближе друг к другу, чем планеты вашей Солнечной системы.

Разбросанные на триллионы световых лет друг от друга галактики управляются более централизованно, чем ваш 51 штат.

Дела в космосе вершатся демократическим путем, гораздо более милостивым и ужасным, чем это делают ваши воображаемые боги. У вас примитивное восприятие неба, в особенности двойственное отношение к нему: с одной стороны — великое чудо, с другой — непосильная ноша. Это в вас говорит интуитивное видение такого правления.

В правительстве заседают в основном консерваторы, они стары с тех пор, как получили бессмертие. Их лозунг — безопасность. Повсюду они составляют большинство. Оно терпимое, милосердное, но только для слабых,— и бесконечно упрямое. Его главная цель — помнить и хранить — но только как память, все события, которые когда-либо происходили.

Любая сколько-нибудь разумная цивилизация получит у него поддержку. Но оно выступает против затрат энергии, направленных на что-либо иное, кроме как создание запасов и обеспечение безопасности; оно запрещает использовать

гиперпространство, позволяя путешествовать в нем только для транспортировки и полицейских инспекций. Больше всего они боятся чего-либо, способного сильно повредить или даже разрушить Вселенную; они поставили шлагбаум перед гиперпространством. Их пугает возможность смерти космоса.

Но даже бессмертные вынуждены воспроизводить себе подобных, чтобы поддерживать иллюзию, будто они еще действительно живы. Скоро они доберутся и до вас, Пол. В их политике сейчас произошли перемены. Если раньше они способствовали развитию разумной жизни, доводя ее до галактического статуса, то теперь они нуждаются в жизненном пространстве, в энергии для своих солнц. Вас должны интегрировать в космическую суперкультуру — осторожно, обдуманно. Это произойдет в течение ваших 200 лет. И это будет очень быстрый процесс. Все дикие культуры будут интегрированы во вселенское сообщество. Цель космического правительства — сохранить разум, пока не умрет Вселенная. Но теперь мы поняли, что это значит: пока сознание не увеличится до беспредельности, пока не обратят энтропию настолько, насколько это возможно в пределах данной вселенной.

Они смотрят на это как на золотой век. Мы же расцениваем это как смерть.

Мой народ принадлежит к Дикарям. Мы молодая раса — раса убийц-одиночек, живущих по соседству со смертью, которые ценят свободу выше безопасности, раса с несдержанными садистскими наклонностями или, если хочешь, раса обладателей холодного расчетливого ума, ценящих знание выше жизни.

Развитие — превыше бессмертия, приключения — превыше безопасности. Нас не пугают риск и опасности.

Мы мечтаем путешествовать во времени. И не простыми наблюдателями, а активно вторгаясь в прошлое и изменяя его, и не один раз, а экспериментируя десятки, сотни раз, начиная все с самого начала.

Мы собираемся исследовать будущее, путешествуя во времени, не только для того, чтобы увидеть Разум на смертном одре. Мы построим новый космос и будем там жить!

Мы хотим более тщательно вторгнуться в сознание, в эту морщинистую радужную равнину внутри наших черепных коробок. Хотя телепатия и пси-энергия повсеместно распространены, мы до сих пор не знаем, существуют ли миры по ту сторону коллективной внутренней тьмы и как проникнуть туда.

Мы изменим все это: исследуя царства духа, как неведомые континенты, проплывая через них, как в космосе; тогда

мы наконец узнаем, подобно ли наше сознание радужным раковинам на берегу того бушующего, черного моря бессознательного. Может быть, на этом пути мы попадем в неисхоженные миры.

Мы также хотим создать машины, преобразующие мысль в реальность.

Но больше всего нам хотелось бы открыть гиперпространство, используя его не для быстротечных каботажных рейсов — плавая только вблизи берега, руководствуясь огнями маяков, но смело пускаясь в глубины незнаемого далеко за пределами вселенского шельфа.

Это задача для галактик, не для планет, хотя, если потребуется, мы не упустим свой шанс.

Мы считаем, что в вихре вакуума гиперпространства существуют бесчисленные миры, гонимые его смерчем, как снежинки во время бурана. Видимо, эти космосы будут отличны от нашего, построены на совершенно другой основе. Миры без света. Миры, где свет может распространяться со скоростью звука и со скоростью мысли. Миры, в которых вещество порождается мыслью.

Миры, где нет барьеров между сознаниями, миры, отрезанные друг от друга, как заключенные в камерах-одиночках. Миры, где мысль реальна и каждая тварь подобна Богу.

Миры, в которых пространство опутано паутиной, а не усеяно звездами, ветвистый космос дорог, миры больших или меньших, чем наши, измерений, миры, построенные по совершенно отличным физическим законам. Здесь открывается широкий спектр творения.

А если мы не обнаружим никаких миров в гиперпространстве, то создадим их там! Создадим зародыш чудовища, из которого родится новый космос, разорвавший этот космос, как бабочка — кокон, и не важно, погибнет он или нет.

Это наши стратегические планы. Тактика же заключается в том, чтобы скрыть наши действия. Завеса секретности для наших мыслей. Свободные исследования, засекреченные по мере надобности. Право перемещаться, куда мы захотим. Право беспрепятственного перемещения в гиперпространстве, которым сейчас владеют лишь правительство и его полиция. Право выбора, право на страдания. Право оказаться в дураках. Право умирать.

Правительство ненавидит наши цели. Они трясутся над каждой напуганной чем-то мышкой, возводят это в ранг своей

самой высокой политики. Им бы очень хотелось, чтобы возле каждой звезды был полицейский участок,— полицейский патруль возле каждой планеты.

Тысячелетия назад правительство начало ущемлять наши свободы. Мы — Варвары, Неукротимые и Непокорные. Мы завоевали определенный престиж и власть в их глазах, жили своей собственной жизнью, казалось, мы твердо стоим на ногах, а оказалось, мы — легкая добыча для их полиции.

Сто лет назад нас всех усадили на скамью подсудимых. Вскоре исход дела стал ясен: нам запретили проводить секретные эксперименты, путешествовать в гиперпространстве, лишили возможности решать вселенские задачи по своему усмотрению.

Что нам оставалось? Сдаться и умереть. Тогда мы бросились бежать.

И с тех пор продолжается бесконечная погоня. Гончие всегда идут по нашему следу. Для нас нет безопасного места во всей Вселенной, кроме гиперпространства. Представь себе, что гиперпространство — это море, а его поверхность — Вселенная, где мы обитаем, планеты, как корабли, мы же — как подводная лодка.

Мы выныриваем где-то в районе одинокого солнца, не застроенного еще искусственными планетами. И тут появляются они. Мы вынуждены нырять опять. Иногда, прежде чем нырнуть в жестокую черноту вакуума, нам приходится давать бой. Мы взорвали три солнца. Они видны вам как взрывы звезд в далеких галактиках. Возможно, уничтожили планету, хотя не могу утверждать этого.

Иногда наши преследователи вступают в переговоры, умоляя нас одуматься. Но все это отдает тюремным запахом.

Дважды мы рискнули разыскать новые миры и пускались вслепую по гиперпространству. Но гиперпространство выкидывает такие трюки, что мы снова возвращались в наш космос,— это как туннель, вырытый для побега из тюрьмы и выходящий наружу в том же самом тюремном дворике.

Мы — странствующие рыцари космоса, но всегда за кривыми изгибами гиперпространства нас ждут наши преследователи, не знающие усталости.

Мы пытаемся держаться в форме, но слабеем с каждым часом. Мы вовсе не хотели причинить вред вашей планете, Пол, хотя я не уверена, я всего лишь слуга на Скитальце. Но сейчас я хочу сказать: прежде чем погибнет еще хоть одно

живое существо, мы навеки нырнем в темный омут. Говорят, чему быть, того не миновать.

Ее голос изменился, и она закричала:

— О Пол, мы полны этих прекрасных надежд, но что бы мы ни делали, все наносит вред людям. Ты можешь вообразить себе, что мы пустились в любовный танец со смертью?

Тигришка замолчала. Но через некоторое время, все еще напряженным голосом, будто уйдя в себя, она возобновила свою речь:

— Итак, я рассказала обезьяне обо всем. Если угодно обезьяне, она может считать себя высшим существом по сравнению с кошкой.

Пол глубоко втянул в себя воздух и тихо выдохнул. В наступившей тишине казалось, что он слышит глухой стук своего сердца. В другое время он засыпал бы Тигришку вопросами, но сейчас все стало предельно ясно, и бриллиантовая россыпь звезд под ними лишь подтверждала сказанное ею.

Эта невероятная история была настолько похожа на сон, наводивший на мысли о так называемом «внутреннем оке», что Пол с трудом мог определить, где он находится: в объятиях фантазии или в реальном пространстве космоса, усеянного звездами. Воображаемое и действительное переплелись самым тесным образом.

Оттолкнувшись плечом от теплого иллюминатора, не приложив к этому практически никаких усилий, он залюбовался кошачьей фигурой рядом с собой. Ее контуры больше, чем когда-либо, напоминали силуэт изящной женщины, нарядившейся в костюм кошки для маскарада. Раскинув свои длинные ноги, она положила голову на сложенные лапы, так что на темном фоне четко вырисовывались курносый нос, высокий лоб и остро торчащие ушки. Ее изогнутый хвост ритмично покачивался. Своим видом она напоминала изящного черного сфинкса.

— Тигришка,— заговорил он тихо,— однажды, давным-давно, жила-была длинноволосая обезьяна. Она жила впроголодь и умерла молодой. Эту обезьяну звали Франц Шуберт. Он написал сотни обезьяних песен — от веселых баллад до элегий. Одну из таких песен он сочинил на слова другой совершенно всеми забытой обезьяны по имени Шмидт фон Любек. Сейчас меня поразило то, что эта песня как будто специально написана о тебе и твоем народе. По крайней мере, она названа, как и твоя планета,— Скиталец. Сейчас я хочу спеть ее для тебя.

Он начал:

— Нет...— Он прервался.— Лучше я спою ее на своем родном языке и для большей правдоподобности изменю некоторые детали, не нарушая общей картины.

Он без усилий подбирал слова и выражения. Он услышал мягкое завывание, с точно заданным основным тоном, зазвучавшим сразу на несколько голосов. До него дошло, что Тигришка выудила из его памяти музыкальный аккомпанемент рояля, воспроизведя его еще более жалобно, чем у настоящего инструмента.

Он вступил после шестого аккорда:

Я в одиночестве пришел сюда со звезд
Извилистой дорогой.
Скиталец я, и радость — редко мой удел,
И не перестаю я вопрошать:
«Какой дорогой мне идти?»
А космос темен, солнца холодны,
И жизнь стара, цветы бледны,
Все реже слышен разговор,
Повсюду чувствую себя чужим.
Где ты, мой мир,
Который долго я искал?
Зеленый мир, цвета надежд,
Усеянный цветками звездный склон,
Где собираются мои друзья,
Вселенная, где говорят, как я,
Где ты?
Скиталец я, и радость — редко мой удел,
И не перестаю я вопрошать:
«Какой дорогой мне идти?»
И голос призрака шепнул:
«Где тебя нет, там твой надел».

Когда Пол допел, Тигришка вздохнула и тихо проговорила:

— Да, это о нас. Она, должно быть, была немного кошкой, эта обезьяна Шуберт, и Шмидт тоже. И в тебе, Пол, есть что-то кошачье.

На мгновение он задержал взгляд на изящной фигуре на фоне звезд, а затем, вытянув руку, положил ее ей на плечо. Он не почувствовал ни напряжения, ни злобного отчуждения, прикоснувшись к телу под мягким, сухим и теплым мехом. Совершенно бессознательно он принялся плавными,

мягкими движениями ласкать изгиб между шеей и плечом, как будто проделывал это с Мяу.

Ему показалось, что ее мышцы расслабляются под слоем меха, хотя она продолжала висеть неподвижно. Затем до него донеслось слабое довольное мурлыканье, и она склонила голову, прикоснувшись кончиком уха к его запястью. Он принялся поглаживать ее шею, и тогда она подняла голову и стала вращать ею из стороны в сторону. Мурлыканье становилось все более отчетливым. Затем она отвернулась от него в четверть оборота, что поначалу было воспринято им как знак прекратить свои действия, но вскоре он понял, что она таким образом выражает желание почесать ее под подбородком. Тут же он почувствовал шелковистое грикосновение к своей шее, которое распространилось вниз по спине,— оказалось, она ласкает его кончиком своего хвоста.

— Тигришка?—пробормотал он.

— Да, Пол...— слабым голосом откликнулась она.

Подтянув локоть и колено, он обхватил ее изящное, пушистое тело, чувствуя, как она продолжает ласкать его кончиком хвоста, и ощутив, как бархатистые лапы со втянутыми когтями сомкнулись на его спине. Он услышал, как плаксиво замяукала Мяу.

— Она ревнует,— выдохнула Тигришка, слегка хмыкнув и потершись своей пушистой щекой о его. Он почувствовал, как узкий шершавый язык облизывает его шею и кончик уха.

До этого самого момента он действовал со всей серьезностью и каждый его жест являлся как бы частью некоего ритуала, выполняя который он должен был оставаться безучастным. Но теперь, в объятиях этой потрясающей кошачьей Венеры в мехах он почувствовал возбуждение. Его сознание заполонили образы, и он пропускал их перед своим взором, не теряя, впрочем, контроля. Образы возникали в странной очередности и проплывали медленно, так что ему открывались все мельчайшие подробности. Это были картинки мужчин, женщин и животных. Картинки сексуальной любви, насилия, истязаний и смерти. Но тут он осознал, что пытки, истязания и смерть лишь подчеркивали могущественную силу влечения, утонченное попирание всяческих плотских запретов, полноту чувств; они были внутренним украшением того, чем занимались два тела. Эти картинки ритмично чередовались со смысловыми символами, наподобие изысканно ограненных драгоценных камней или покрытых лаком

узоров, либо принимали бессмысленные формы в калейдоскопической круговерти.

Через некоторое время символы начали доминировать над образами; они стали напоминать барабанную дробь, дрожащие звуки отзывались грохотом цимбал, появилось чувство, что его окружает Вселенная и он мчится по ней сразу во всех направлениях, в одной гигантской серии созидательно-разрушительных волн, несущихся сквозь звезды в бархатистую темноту.

После своего мысленного путешествия в просторах Вселенной он обнаружил, что вновь видит звезды в иллюминаторе и Тигришку над собой. При слабом свете звезд он различил ее фиолетовые глаза и отливавшие позеленевшей бронзой щеки. В этот момент она, обнажив белоснежные клыки, начала декламировать:

Бедная обезьянка,
Тебе опять плохо этой ночью?
Тебя лихорадит от раздражающей болтовни?
Может, тебя напугал приснившийся лев?
Или Змей Страха выбрался из старой кожи?
Я слышу твой кашель, твой плач
И как твои зубы стучат.
Что за слова бормочешь ты в бреду:
«Война, пытка, вина, отмщенье,
преступленье, убийство, ненависть»?
Я провела рукой по твоему лбу,
Но ты так зол.
Мудрейшие из древних звезд
Уже прошли через этот путь,
Искали Бога, сражались с судьбой,
Но, как и ты, все почили в могиле.
Трещат деревья на ветру, ночь глубока.
Взгляни на звезды и усни.

— Тигришка,— сонным голосом, полным удивления, проговорил Пол.— Я начал сочинять этот сонет двадцать лет тому назад, но написал лишь три строчки. Это ты?..

— Нет,— мягко ответила она,— ты сам и закончил его. Я раскопала его в темных закоулках твоего сознания. А теперь отдыхай, Пол, отдыхай...

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Когда тарелочники добрались до перекрестка, проблема — какой маршрут выбрать — решилась сама собой. Въезд в Малхолленд был заблокирован тремя дорогущими, шикарными машинами, хотя и облепленными со всех сторон грязью. Пассажиры вышли на дорогу, видимо, чтобы обсудить, как выбраться на горное шоссе Моника, и по их виду можно было заключить, что они принадлежат к состоятельной верхушке.

С другой стороны доносился истошный вой автомобильных гудков преследователей, гнавшихся за ними с самой дороги № 101. Назойливый шум сирен все приближался.

Горное шоссе пролегало в трех четвертях мили отсюда. Вдоль него виднелись обугленные вершины центральной гряды Санта-Моника. Они преодолели едва ли половину этого расстояния, когда из-за поворота, обгоняя друг друга, показались две набитые битком спортивные машины. За ними следовало еще несколько. Хантер притормозил и подал знак Хиксону. Помня инструкции Хантера, тот прогрохотал в грузовике мимо них вперед. Перед Хантером промелькнули угрюмые лица мужчин в кузове: Фулби, Папаши, Доддси, Войтовича и Макхита, сжимавшего в руках единственную оставшуюся у них винтовку.

Женщины, ехавшие с Хантером, застыли в напряженном молчании. Энн судорожно вцепилась ручонками в мать.

Затем перед ними проплыла другая череда лиц — пассажиров роскошных лимузинов. Они, казалось, были возмущены, всем своим видом говоря: «Надо же, какие плохие манеры — пронестись мимо нас, даже не остановившись».

Хантер вовсе не желал им зла, но надеялся, что толстосумы отвлекут на себя внимание преследователей, и они таким образом выиграют немного времени. И когда он услышал скрип тормозов позади и последовавший за этим выстрел, его губы растянулись в гримасе, выражавшей частью удовлетворение, частью — вину.

Грузовик преодолел первую серию мелких поворотов. Хиксон щурился от лучей заходящего зеленовато-белого солнца, ища участок дороги, который запомнил накануне.

Наконец он увидел его — скопление крупных валунов на Х-образном изгибе шоссе. Он резко затормозил прямо перед ними и выпрыгнул из машины.

— Пистолет,— скомандовал он Марго. Получив его, взобрался по крутому, кисло пахнущему обгоревшему склону и

спрятался за валунами. Он прицелился и выстрелил. Спустя две секунды, когда он уже испугался, что впустую истратил последний заряд, машины перевернулись и, задевая друг друга, с грохотом покатились по склону, тяжело ударившись об асфальт.

Он ринулся к обрыву и уставился вниз, думая о том, не потребуется ли дополнительный выстрел, но машины отлично заблокировали дорогу.

Сверху донесся ободрительный гудок. Подняв глаза, он увидел грузовик, миновавший два мелких поворота и ехавший дальше. Прежде чем вернуть инерционный пистолет Марго, он бросил быстрый взгляд на шкалу: заряда осталось совсем немного.

— А правда, что те люди не смогут больше ездить по этой дороге? — спросила Энн.

— Никто по ней не сможет проехать, доченька,— ответила Рама Джоун.

— По крайней мере, мы надеемся на это,— с сардонической ухмылкой вставила Марго.— Хорошая была работа?

— Самая натуральная лавина,— отрывисто ответил он.— Чтобы сдвинуть те две скалы, потребуется здоровенный подъемный кран.

— Я имела в виду тех хороших людей, которые стояли у своих машин,— не унималась Энн.

— У них своя дорога,— хрипло отрезал Хантер.— Они имели возможность развернуться и удрать и если не воспользовались ею, значит, это просто придурки с туго набитыми кошельками вместо голов.

Энн отстранилась от него, придвинувшись к матери. Он мысленно выругал себя за то, что позволил чувствам вырваться наружу и сорвал их на ребенке. Док ни за что бы так не сделал.

— Профессор Хантер поступил абсолютно правильно,— чопорно проговорила Ванда.— Мужчина всегда должен в первую очередь думать о безопасности женщин.

Сосредоточившись на извилистом серпантине дороги, Хантер с трудом подавил в себе желание сказать ей, чтобы заткнула рот.

Минут через двадцать они нагнали грузовик Хиксона. Хиксон остановился на другой стороне дороги.

— Вон указатель «Ванденберг»,— кивнул он на дорожный знак.— Я так думаю, что по горам это будет короче.

Хантер привстал. Боковое ответвление дороги выглядело довольно сносным, по крайней мере вначале, ничем не

отличаясь от асфальта, по которому они ехали. Пару секунд он раздумывал.

В это время с юго-востока донесся протяжный гул. Конечно же, им было невдомек, что это эхо взрыва, стершего с лица земли перешеек Истмус и унесшего с собой Дона Гильермо и братьев Арайса три с половиной часа назад. Хантер покачал головой и громко заявил:

— Нет, мы поедем по шоссе Моника. Проверенный маршрут — никаких обвалов или оползней. А эта дорога нам совершенно незнакома.

— Да-а? — отреагировал Хиксон.— Я вижу, вы наконец-то вняли моим советам использовать гравитационную пушку, чтобы отрезать этих психов.

— Ага.— Хантер произнес единственное, что пришло в этот момент в голову. И прозвучало это довольно грубо.

— Доддси тут напомнил мне еще о приливе,— продолжал Хиксон.— Это придется принять в расчет, если мы двинем по прибрежному шоссе.

— Если мы доберемся туда до захода солнца, все будет в порядке. Отлив в пять пополудни,— ответил Хантер.— Если только график приливов — отливов не сбился.

— М-да, если...— заметил Хиксон.

— Где бы мы ни выехали на побережье, придется считаться с приливами,— добавил Хантер. Его нервы были на пределе.— Собирайтесь, поехали,— скомандовал он. Он уселся за руль и тронулся по горному шоссе Моника.

Вулф Лоунер находился в точке земного шара, которая не подверглась разрушительному воздействию Скитальца. Он внимательно вглядывался в сереющий горизонт, надеясь увидеть конечный пункт гонок: или мыс Энн, или мигание «один — три — четыре» Минотского маяка, или двойную, с шестисекундным интервалом вспышку маяка Грейвз во внешней гавани Бостона. Он был уверен, что почти достиг финиша, однако с удивлением обнаружил плавающий на поверхности мусор и какие-то обломки. Оставалось лишь внимательно всматриваться и плыть, пока плывется.

Барбара Кац взобралась на крышу «роллс-ройса», чтобы обследовать с помощью маленькой подзорной трубы окрестности узкой дороги, засоренной различным хламом в результате прилива. Дул холодный юго-восточный ветер.

Хестер высунулась из окна и громко зашептала:

— Перестаньте громыхать там, наверху, мисс Барбара. Тревожите мистера К — он и так уже на последнем дыхании!

Хелен стояла на подхвате у Бенджи, который пытался освободить левое колесо от плотно намотавшейся толстой проволоки.

Он выполз на карачках из-под машины и уселся рядом с Хелен. С трудом отдышавшись, обхватил голову руками:

— Не знаю, удастся ли мне освободить это колесо. Здесь нужны мощные кусачки, потому что проволока очень твердая. Раз двести, наверное, обернулась.

Барбаре, съежившейся от ветра на крыше машины, вообще было непонятно, как Бенджи умудрялся в течение целого часа ехать на этом авто, которое заносило и в цилиндре двигателя которого произошел к тому же непредсказуемый взрыв. А тут еще несчастье с проволокой.

Хестер, низко наклонившись, хрипло говорила Бенджи:

— Отцепи эту проволоку, Бенджи, а? Мы находимся в самой низине, и эти маленькие кривые деревца совсем не годятся для ночлега.

— Хес, не уверен, что справлюсь. По крайней мере, на это уйдет часа два-три.

— Эй,— раздался сверху взволнованный голос Барбары,— там, внизу, на дороге я вижу торчащий из-за верхушек деревьев белый треугольник. Всего в миле отсюда. Думаю, мы спасены.

— А что толку от этого белого треугольника? — спросила Хестер.

— Бенджи, как думаешь, ты сможешь соорудить носилки для мистера К или хотя бы пронести его на руках целую милю?

— Да,— отозвался тот,— я делаю практически все.

Багонг Банг, сгорбившись, лазил по илистому, воняющему тухлой рыбой дну и ковырялся в нем саперной лопаткой. То и дело он выковыривал какие-то мелкие облепленные грязью предметы и, не удосужившись даже рассмотреть добычу, швырял в матерчатый мешок и продолжал работу. Его левая рука опухла в месте пореза острой раковиной, но он не обращал на нее внимания, хотя и не упускал возможности мстительно раздавить лопаткой какого-нибудь червяка или отшвырнуть подальше чересчур близко подползшего краба.

Он копался в самом центре ромбовидного участка, очерченного черным сгнившим деревом, обросшим ракушками и

кораллами. Если это и не «Золотой Волк», то, несомненно, остатки какого-то другого старинного корабля.

В 15 метрах от него, перегнувшись через крышку люка «Махан Лумпура», яростно качал насос Коббер-Хьюм. Ярко-оранжевый спасательный плот был накачан едва ли на четверть объема. Два маленьких оранжевых баллона валялись рядом, с их помощью так ничего и не получилось.

Сам «Махан Лумпур» лежал на боку, оголив изъеденное ржавчиной, обросшее водорослями и ракушками днище.

Взошедшее солнце отбрасывало причудливые длинные тени двух мужчин и маленького парохода на дне осушенного Тонкинского залива и освещало заходивший за горизонт Скиталец, который Багонг Банг называл *«бесар сапи»* — большая корова.

Ветер с воем гнал обрывки облаков на север. Сильный порыв застал Коббер-Хьюма врасплох, и он упал, поскользнувшись на шаткой платформе насоса.

Багонг Банг уселся на корточки, чтобы отдышаться и передохнуть. Затем крикнул сам себе: *«Лекас, лекас»* и принялся копать снова. Лопата наткнулась на изъеденный ржавчиной железный уголок, который мог оказаться частью сундука. Это придало ему уверенности, и он заработал еще быстрее.

Коббер-Хьюм крикнул:

— Кончай ковыряться в грязи, *собат*. Лучше принеси чего-нибудь пожрать и водички с «Лумпи» или помоги мне с проклятым насосом. Этот ветер ускорит прилив, и тогда нас не спасут никакие золотые волки.

На что Багонг Банг лишь ответил:

— *Лекас, лекас.*

Маленький малаец копал и ковырялся. Большой австралиец качал насос. Между Землей и взошедшим Солнцем быстро скапливались тучи. Со свистом завывал ветер.

Барбара Кац закричала против ветра:

— Вот он!

Вспышка молнии озарила белый треугольник парусной лодки.

Барбара взяла в правую руку фонарь, в левую — тяжелый термос и подошла к носу судна. Его киль был зажат между нижними ветвями трех ризофор.

Бенджи положил завернутого в одеяло ККК на дорогу.

Поставив сумки, Хестер и Хелен заботливо склонились над стариком. Бенджи подошел к Барбаре. Он задыхался.

— Осветите корпус,— выдавил он из себя.

Они осветили киль со всех сторон, и Барбара прочитала надпись «Альбатрос».

— Похоже, пробоин нет,— сказал Бенджи, наклонясь к самому ее уху.— Думаю, что мачта поломана, хотя мы бы увидели это. Должно быть, ее принесло приливом и сильно заклинило. Впрочем, нет. Я залезу наверх по веткам, а затем помогу забраться всем вам.— Он обмотал себя веревкой

Когда ветер немного утих, он сложил ладони рупором и прокричал:

— Эй! Есть кто-нибудь живой?

Ветер возобновился с новой силой.

— Мне показалось, что я слышал вой, но это был не вой ветра,— сказал Бенджи.

— И мне тоже,— подтвердила Барбара. У нее зуб на зуб не попадал. В основном из-за холода, уверяла она себя. Она посветила фонариком над головой: — О Боже!

Луч света выхватил из темноты белое искаженное личико с широко раскрытым ртом.

— Это маленький ребенок! — воскликнул Бенджи.

— Приготовься поймать его, Бенджи.

— Это ребенок,— завопила Хелен, подошедшая сзади. Она помахала рукой вопящему дитяти: — Оставайся там. Смотри не упади. Мы идем к тебе.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Хантер медленно ехал к предпоследнему холму перед прибрежным шоссе. В изумрудных лучах заходившего солнца вдруг вынырнул участок свеженамытого пляжа длиной в милю, который простирался за старым, упираясь в спокойное море. Он обернулся с широкой улыбкой и оглядел своих спутников, совершенно не замечая, как жутковато выглядят их залитые зеленым светом лица. Он чуть было не заорал, как мальчишка, радующийся своей правоте: «Ну, что я вам говорил?!»

— Смотри, мама,— сказала Энн,— вон лоза вьется посреди дороги.

Хантер знал, что это было невозможно, видимо, какую-то ветку занесло сюда вчерашним ураганом. Когда «корвет» проехал по ней, раздался резкий отрывистый звук, будто выстрелила хлопушка. Машина немного пробуксовала, он

выровнял ее и снизил скорость. Он проделал это совершенно автоматически, поскольку его внимание, как, впрочем, и взгляды остальных, было приковано к морю — все были поражены тем, насколько низко опустился его уровень. Удивление в конце концов сменилось благоговейным страхом.

Они начали спуск с последнего холма. Опять колеса «корвета» пробуксовали, и Хантер переключил двигатель на низкую передачу.

— Что-то я не припоминаю этот разрушенный дом,— задумчиво проговорила Рама Джоун.

— А я не помню, чтобы там, посреди поля, лежала старая лодка,— вклинилась Марго.

Внезапно послышался птичий клекот.

— Взгляните на этих белых птиц, гнездящихся на холме,— заметила наблюдательная Ванда.— Хм, похоже — это чайки.

— А вон еще какое-то ветвящееся растение. Нет, даже два. О, а вон и рыба!

При этих словах Хантера объял необъяснимый ужас. Окружающая действительность вдруг превратилась в кошмар. Позади него сигналил Хиксон. Что еще нужно этому дураку? Хочет проехать, что ли? Один гудок, второй, третий, четвертый. Четыре сигнала должны были что-то означать, но он не мог вспомнить, что именно. В этот момент он с ужасом осознал, что они забрались ниже уровня моря. Так вот чем объяснялись и тишина, и отсутствие машин, и мрачный зеленый свет, и незаметное превращение черной дороги в склон из скользкого ила, и запах тухлой рыбы, и эти «лозы», которые они переехали, раздавив, и которые являлись на самом деле морскими водорослями.

Ага, четыре сигнала означают «стоп» — так они условились еще с Доком. Тут же, спохватившись, он нажал на тормоза. Однако машина прошла еще некоторое расстояние, постепенно замедляя ход. Это стоило ему усилий, ибо «корвет» швыряло из стороны в сторону. Да и остановилась она только потому, что впереди колес образовались небольшие брустверы ила.

Он взглянул на дорогу и увидел в двадцати метрах грузовик — весь зеленый в последних лучах заходящего солнца. Руки его дрожали, сердце учащенно билось.

Рама Джоун высказала то, в чем он сам не решался признаться:

— Должно быть, мы проехали отметку прилива четверть мили назад.

От этих слов его едва не подбросило, а сердце забилось, как у зайца. До него наконец со всей ужасающей ясностью дошло, что еще шесть часов назад здесь и на десятки метров выше стояла вода, которая, усеяв поверхность отлива остатками своей флоры, фауны, морского грунта и обломков крушений, непременно вернется сюда из-под континентального шельфа через шесть часов.

Странно, подумал он, что женщины восприняли это с таким спокойствием.

Сверху к ним спускались Хиксон, Доддси, Войтович и Макхит. Они смешно семенили, широко расставив руки. Хотя да, понятно — дорога-то была очень скользкой.

Хиксон и Доддси остановились рядом, а Макхит с Войтовичем прошли дальше. Глядя на море, Маленький Человечек произнес:

— Это...— Но тут речь изменила ему.

Последний ломтик зеленого солнца исчез из виду, но небо по-прежнему отсвечивало зеленым — оно было бледно-зеленым на западе и темным, как лес, на востоке.

Двигатель «корвета» продолжал ритмично урчать. Хантер подошел и вытащил ключ зажигания.Только сейчас он заметил, что все ошеломлены не меньше его.

Через пару минут они пришли в себя. Большинство вылезло из машин и молча стояло в грязи посреди дороги. Снизу показались возвращавшиеся из разведки Войтович и Макхит. Их штаны были перепачканы грязью, ил крупными ломтями пристал к подошвам ботинок.

— Так мы не проедем, мистер Хантер,— бодро заявил Макхит.— На шоссе грязи по колено.

Войтович выразительно кивнул в знак подтверждения:

— Пацан забрался дальше меня. Вы только взгляните на его штаны. Нам ничего не остается, как развернуться и ехать по той дороге с указателем «Ванденберг». Вы были правы, Хиксон,— с горечью признал он.

Хиксон кивнул. Он обследовал завязшие в грязи колеса «корвета».

— Думаю, я смогу вытащить вас. У меня есть трос, и там, где стоит грузовик, слой грязи тоньше и грунт почти сухой.

— Не хочу накаркать беду,— вмешался Маленький Человечек,— но если мы поедем обратно, то можем нарваться на эту банду подростков из Долины.

— До Ванденберга всего четыре мили. Можно пройти пешком. Даже по грязи это займет всего несколько часов,— высказала предположение Марго.

— Думайте головой. Меньше чем через несколько часов вся дорога будет затоплена водой. Даже место, но котором мы находимся, уйдет под воду метров на пятнадцать, а то и больше,— хрипло зашептал ей Хантер.

— О, я начинаю тупеть,— устало вздохнула Марго.— Хотела бы я...— Она не договорила.

Он с горечью поинтересовался:

— Ну как, вам по-прежнему представляется забавным жить самой по себе в этом изменившемся мире?

— Нет, Росс, нет,— испуганно ответила она.

В их разговор вклинился Маленький Человечек:

— Если придется идти пешком, не забывайте о Рэе Хенксе. Мне не нравится его состояние, Росс, я дал ему все успокаивающие препараты, которые у меня были. Он сразу же уснул, как только остановился грузовик, но думаю, проснется, когда мы вновь тронемся в путь. Его мучает сильная боль.

В этот момент, прихрамывая, подошел Папаша.

— Мистер Хантер,— обратился он,— я не могу больше ехать в кузове, смотрите, как меня перекосило.

Хантер готов был уже резко ответить, но вмешалась Ида:

— Можете занять мое место в кабине. Вы, мужчины, все равно не умеете ухаживать за ранеными, лучше этим займусь я.

Хиксон бросил конец троса Хантеру:

— Привяжите его к переднему бамперу. Сумеете?

— Я займусь этим,— опередил Хантера Войтович, подхватив брошенный конец.

— Похоже, у вас кончился бензин,— сказал Хантеру Маленький Человечек.

— Вы правы, мистер Додд,— отозвалась Энн,— я засунула спицу в бак и вытащила ее сухой.

— Я принесу запасную канистру,— вызвался Маленький Человечек.

Хантер кивнул. Он чувствовал, как в нем закипает бессильная злоба. Его функции лидера разобрали другие. Док нашелся бы — отпустил какую-нибудь шутку по этому поводу или что-нибудь еще. Он посмотрел на Марго и почувствовал, как у него засосало под ложечкой.

Салли Харрис и Джейк Лишер лежали на крыше небоскреба, упершись локтями в конек крыши. Холод заставил их укутаться в одеяла. В метре под карнизом плескались, переливаясь в лучах Скитальца, небольшие волны. Джейк то и

дело давал ему новые прозвища: «Сжатый кулак», «Свернувшаяся кольцами змея», «Небесный ералаш», «Разбитое яйцо».

— А ведь казалось, что из этого всего получится пьеса,— тихо проговорила Салли.

— Ага,— эхом отозвался Джейк.— Думали, получится колоссальное шоу. Но хорошо мечтать, когда находишься в безопасности, внутри дома.

Взгляд Салли Харрис скользнул по темным водам, затопившим Манхэттен, и задержался на нескольких одиноко торчавших башнях.

— Представляешь, в некоторых еще горит свет,— сообщила она.

— Наверное, двигатели на чердаках или батареи,— пояснил Джейк.

— Интересно, что это — Зингер-билдинг или здание Ирвин-треста?

— Какая разница?

— Просто хочется знать,— задумчиво произнесла Салли.

— Забудь обо всем, Салли. Смотри, я прихватил фляжку с «Наполеоном». Хочешь хлебнуть?

— Ты очень любезен,— сказала она, дотронувшись своей холодной рукой до его запястья, которое, впрочем, было таким же холодным. И тогда она запела очень тихим голосом, будто боясь потревожить поднимающиеся все выше и выше волны:

О, я девушка из Ноева Ковчега,
И ты, мой потерпевший кораблекрушение герой.
Хоть наша любовь коротка,
Ты не покинул меня и нашел немного выпить.
Наша любовь велика.

Ричард Хиллари и Вера Карлайл лежали порознь на зеленом сене, несколько охапок которого они захватили из небольшой скирды в Малверн Хиллз.

— Сено прошлой ночью, сено этой ночью... До смерти на нем спать, что ли? И это мой горький удел?

Скиталец скорчил им уже знакомую Х-образную гримасу, освещая место ночлега. Страшно было то, что они стали воспринимать эту планету как часы, а ее поверхность — как циферблат. И четверть часа тому Вера произнесла: «Сейчас половина».

Было не холодно. С юго-запада дул легкий, почти теплый ветерок — жуткий и неестественный.

Им довелось наблюдать, как воды Северна, увлекаемые сильным приливным течением, ворвались белой грохочущей сплошной стеной в долину, будто открыв восьмую печать из Апокалипсиса. Это вконец истощило чувства. Ричарду стало казаться, что испытание вещами, практически невозможными, разъедало их, словно кислота.

Тела их были настолько пропитаны ядом усталости, что они не могли уснуть.

Днем Вера рассказала ему о себе. Она работала машинисткой в одной из лондонских контор. Когда начался второй прилив, ее сняли с крыши их учреждения. Весь путь до долины Северна она проделала в маленькой моторной лодке, которая потерпела аварию в самом конце канала вблизи Дирхерста. Из всех пассажиров спаслась только она.

Ричард просил рассказать о себе более подробно, но она отказалась, сославшись на сильную усталость. Она все время вслушивалась в вой помех, доносившийся из транзистора, но когда Ричард сказал, чтобы она выкинула его,— лишь выключила громкость.

Она тихо пожаловалась:

— Мне кажется, я никогда не засну, никогда. Мой мозг постоянно пульсирует, пульсирует...

Ричард перевернулся и слегка обнял ее за талию. Далее он замялся в нерешительности.

— Давайте, давайте,— сказала она, улыбнувшись странной улыбкой,— или у вас есть снотворное?

На минуту Ричард задумался, затем чересчур уж сухим тоном произнес:

— Если бы даже оно у меня было, я все равно предпочел бы вас.

Она захихикала:

— Вас что-то сдерживает? Вы какой-то весь натянутый.

Он притянул ее к себе и поцеловал. Тело девушки было напряжено и неподатливо.

— Вера,— начал он, крепко прижав ее к себе,— я буду называть вас ласковым, уменьшительным именем — Веронал.

Она опять захихикала — больше над ним, чем над своим новым именем, как ему показалось. Тело ее расслабилось, и вдруг она резко его обняла.

— Ну давай же, попробуй со мной,— зашептала она ему на ухо.— Я очень, очень сильно действующее снотворное.

Поначалу Барбара Кац разочаровалась, обнаружив, что единственная каюта на «Альбатросе» такая маленькая и тесная. Однако затем пришла к выводу, что это даже к лучшему: при сильной качке всегда можно будет успеть облокотиться о стены.

Стояла кромешная тьма. Каюта освещалась только вспышками молний или когда Барбара включала свой фонарь.

Старик лежал на маленькой койке, привязанный к ней одеялами. Хестер с ребенком на руках уселась в изголовье.

Хелен вытянулась на другой койке. Ее то и дело охватывали приступы морской болезни. Барбара же заняла место в ногах у ККК. «Альбатрос» чуть было не пошел ко дну, когда налетевшая волна освободила его от крепких объятий ризофоры. Затем он едва не перевернулся, налетев на высокое дерево.

Молчание, прерываемое лишь криками и плачем ребенка, воцарилось надолго. Ветер натягивал такелаж, волны разбивались о борт судна.

Наконец Барбара, не выдержав, спросила:

— Как там мистер Киттеринг, Хестер?

— Он умер совсем недавно, мисс Барбара,— ответила та.— Ну, успокойся, детка, вот твое молочко.

Переварив это сообщение, Барбара предложила:

— Хестер, может, стоит завернуть тело во что-нибудь и положить его сюда, где достаточно места,— тогда ты сможешь отдохнуть на койке.

— Нет, мисс Барбара,— мягко, но решительно отклонила ее предложение Хестер,— он в отличной форме. Пусть лежит, как лежал. Потом мы засвидетельствуем его смерть и воздадим все соответствующие почести, как полагается.

Перепуганная Хелен закричала:

— О Боже! В каюте мертвец. Мне нужно выйти!

— Ляг и успокойся, ты, сумасшедшая ниггерша,— приказала Хестер.— Дерните ее, мисс Барбара.

Но необходимость в этом отпала. Очередной приступ морской болезни вновь свалил Хелен на койку.

Спустя некоторое время шторм поутих.

— Пойду отнесу кофе Бенджи,— сказала Барбара.

— Нет, только не вы, мисс Барбара.

— Нет, именно я,— заявила Барбара.

Когда она осторожно отодвинула люк, первым, что она увидела, был Бенджи, стоявший на коленях у штурвала.

В разрыве туч сверкал Скиталец.

Она выползла на палубу. Ее едва не сбило с ног порывом ветра с носа яхты, но она, задвинув люк, подползла к Бенджи и уставилась на низкие комингсы кабины.

Волны в последних лучах вновь спрятавшегося за тучи Скитальца выглядели достаточно впечатляюще.

— Я думала, буря немного стихла,— прокричала она.

Он указал на нос судна.

— Я нашел там тюфяк,— закричал он в ответ,— привязал веревку к нему и носу лодки и бросил за борт. Потому она и удерживается на волнах.

Барбара вспомнила, что это называется плавучий якорь.

— Как ты думаешь, Бенджи, где мы находимся?

Ветер донес до нее смех:

— Не знаю, где мы — в Атлантике или в заливе, но мы все еще живы. мисс Барбара.

Салли Харрис и Джейк Лишер слезли с крыши дома. Несмотря на движение, они промерзли до костей. За балюстрадой хорошо было видно, как быстро сходит вода.

Салли заглянула в гостиную, освещенную светом Скитальца-дракона с раскрытой пастью, которого она прозвала Рин-Тин-Тип.

— Какой беспорядок,— поделилась она новостью с Джейком.— Мебель плавает по всей комнате, рояль перевернулся, только ножки торчат, коврики дрейфуют. А намокшие черные шторы наводят на мысль о морге после бури... Иди сюда, поищем каких-нибудь деревяшек или свечей. Нужно разжечь огонь, я совсем замерзла.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Скиталец в девятый раз показался в маске инь-ян. Вот уже двое суток он мучил Землю, ниспосылая ей пожары, наводнения, землетрясения, а теперь и бури. Багонг Банг бросил лопату и, подхватив свой грязный мешок, метнулся к спасательному плоту, появившемуся рядом на гребне волны. Коббер-Хьюм поймал его за руку и вытащил наверх.

Террористы, захватившие «Принц Чарльз» и сильно напуганные ураганным ветром, гнавшим впереди себя штормовые волны, завели лайнер в одно из устьев Амазонки.

Несмотря на плавучий якорь, волны продолжали перекатываться через «Альбатрос», однако Барбара решила остаться на

палубе. Порывы ветра продували внутренний дворик апартаментов мистера Хасселтайна, и Салли с Джейком вынуждены были убраться в гостиную. С борта «Эндьюэранс» Вулф Лоунер заметил, как мимо, среди все прибывающих и прибывающих обломков кораблекрушений, проплыло два трупа.

Тарелочники на «корвете» и грузовике, освещая путь фарами, осторожно пробирались вдоль горной дороги, утыканной через равные интервалы указателями «Ванденберг-2».

Дважды уже сбившимся в кузове грузовика пассажирам приходилось вылезать наружу и расчищать дорогу от осыпавшейся породы и гравия. Инерционным пистолетом они не пользовались, намереваясь довезти остатки заряда до ученых. В любой момент фары «корвета» могли выхватить очередной оползень. Цепь ритмично лязгала по задним колесам грузовика.

К счастью, восточный бриз был теплым — как-никак люди сидели в кузове, открытые всем ветрам. Все смертельно устали.

К звуку автомобильных моторов примешалось слабое ритмичное шипение прямо по курсу.

Скиталец, взошедший спустя два часа после заката Солнца, двигался, как и они, на восток в безоблачном сером небе; его теплый, красно-золотистый цвет создавал иллюзию того, что именно он был источником теплого, сопровождавшего их ветра. Он не выглядел более как шар, а скорее напоминал Луну между второй четвертью и полнолунием. Узкий черный полумесяц с неизменным символом инь-ян как будто подражал Луне, которую разрушил. Он двигался на восток вокруг Земли. Вдоль его экватора свободно проплывало кольцо из осколков того, что некогда являлось спутником Земли: тонкая пленка усеянного бриллиантами галстука.

Дорога начала незаметно карабкаться к широкой седловине, земляные склоны которой вздымались к плоским скалистым гребням. Достигнув верхней точки седловины, «корвет» свернул вправо и остановился, подав четыре коротких гудка и быстро погасив фары. То же самое проделал и грузовик.

Большинству наших героев хотя бы раз в жизни приходилось сталкиваться с явлением, когда смотришь с борта самолета на низкий слой облаков и видишь торчащие сквозь них верхушки гор — любуешься ими и восхищаешься тем, как высоко он протянулся,— настоящий океан облаков.

Вот и сейчас на несколько секунд они испытали подобное ощущение, но только при свете Скитальца.

Иллюзорное ночное море облаков начиналось едва ли не в пятидесяти метрах от них, простираясь далее к западному горизонту, а с другой стороны следуя очертаниям холмов. В этом море лежал лишь один остров — низкий и плоский, но такой огромный, что терялся из виду, уходя мимо горных склонов на север. Редкие красные и белые огни светились на острове, а свет Скитальца выхватывал из темноты два скопления низких зданий с бледными стенами и крышами.

Уже в первые секунды до них донесся слабый гул, и они увидели мигающие красный и зеленый огоньки самолета, идущего на посадку. Пролив шириной в полкилометра отделял остров от суши.

Вскоре иллюзия исчезла, и они осознали, что это был не слой облаков, простиравшихся до горизонта, а настоящий соленый океан; не туман, а обычная вода — волны ритмично бились о горные склоны и спускавшуюся дорогу в пятидесяти метрах впереди, и что пролив это не что иное, как погрузившееся под воду в числе многих других вещей Тихоокеанское прибрежное шоссе в том месте, где оно сворачивало к базе Космических Сил США — вотчине Лунного проекта и Мортона Опперли с Доном Мерриамом. Хотя двое последних пребывали неизвестно где.

Хантер почувствовал, как до его плеча легко дотронулись пальцы. Через мгновение они уже сильно сжимали его. Он положил свою руку сверху и взглянул Марго в лицо: ее желтые волосы были гладко приглажены, щеки запали, темные глаза смотрели безучастно.

Не отнимая руки, он громко крикнул, так, чтобы его услышали в грузовике:

— Разбиваем лагерь у моря. С началом отлива поедем в Ванденберг.

Дон Мерриам уставился в круглую дыру на небе — шахту лифта, кружившуюся в красно-черном водовороте,— казалось, его цвета были специально подобраны под мех проводника, молчаливо стоявшего рядом.

Дыра медленно росла в размерах, затем движение убыстрилось, и лифт остановился на уровне тротуара, притершись к нему настолько плотно, что не было заметно даже малейшего шва.

Казалось, ничего не изменилось. Столб лунной породы возвышался, как серая остроконечная башенка, равная по высоте четырем Эверестам. Вне тротуара раболепно застыла целая армия каких-то пластиковых созданий, напоминавших

абстрактные скульптуры. Рядом зияла яма с неопиравшимися ни на что оградительными рейками.

Дон заметил только одну тарелку с символом инь-ян на борту, зависшую возле «Бабы Яги». Она сияла, как свежевыкрашенная, и вместо лестницы из люка свисала толстая телескопическая металлическая труба.

Рядом с «Бабой Ягой» блестел, как новенький, русский лунный корабль. Из люка возле носа торчала такая же труба.

Фелиноид, слегка дотронувшись до его плеча, произнес, глотая слова, на английском:

— Мы берем тебя к твоему земному другу. Твой корабль полетит с нами, но ты вначале поедешь в моем. В космосе ждет пересадка. Не бойся.

Пол вздрогнул во сне и проснулся. Тигришка ворчала:

— Подъем, одевайся, у нас гости.

От неожиданности он пролетел метр от окна и, на мгновение потеряв ориентацию, беспомощно забарахтался в невесомости, пытаясь окончательно отогнать сон.

Снова было включено внутреннее освещение, иллюминаторы затянуло розовой пленкой, что в сочетании с цветами производило впечатление чего-то среднего между будуаром и оранжереей.

Тигришка рывками доставала какие-то мягкие предметы из отверстия «мусоросборника» и бросала ему.

— Одевайся, обезьяна.

Один из предметов застрял в ее клешне, и она, со злостью распоров его, швырнула вслед за другими.

Пол скорее физически, чем осознанно, опознал их: это была его одежда. Вещи были отлично постираны и вычищены. Он вертел их в руках, говоря все еще сонным голосом:

— Но Тигришка...

— Я помогу тебе, глупая обезьяна.

Быстро приблизившись к нему, она схватила рубашку и принялась засовывать его ногу в рукав.

— Что произошло, Тигришка? — спросил он, даже не стараясь помочь ей.— После последней ночи...

— Никогда не напоминай мне о последней ночи, обезьяна! — огрызнулась она. Рубашка треснула, и она стала запихивать его ногу в следующий предмет, подвернувшийся под руку,— это оказалась его куртка.

— Но ты ведешь себя так, будто тебе стыдно за ту ночь,— возмущенно заявил он, игнорируя попытки одеть его.

— Стыдно! — произнесла она дрожащим голосом.— Пол, ты никогда не пробовал дрочить низшему животному?

Он глупо уставился на нее, чувствуя, как напрягаются его мышцы, особенно вокруг шеи.

— Не надо корчить из себя оскорбленного,— раздраженно бросила она.— У вас это распространено повсеместно. Так или иначе, вы добываете семя у быков или жеребцов для искусственного осеменения.

Он тихо спросил:

— Ты хочешь сказать, что то, что произошло ночью, было не по-настоящему?

Она зашипела совсем как кошка, затем хрипло сказала:

— Если бы это было по-настоящему, твои хрупкие гениталии стерлись бы в порошок. Я вела себя глупо, из-за усталости. Я просто пожалела тебя.

На какое-то мгновение Пол ощутил, что такое невроз у этих супертварей — когда они устают, страдая от приступов разыгравшегося воображения, растрачивая впустую чувства и время.

Он почувствовал себя одиноким и беспомощным, у него помутнел рассудок, когда он представил себе, что мог притворяться, будто любит эту кошку, словно **та** была девушкой.

Но тут Тигришка, шлепнув его по спине, проворчала:

— Ну, размечтался. Давай одевайся.

Хрупкий мостик взаимопонимания, установившийся между ними на уровне подсознания, рухнул, хотя внешне это было незаметно, так как он продолжал тихим голосом:

— Ты хочешь сказать, что все то, что мы испытали прошлой ночью, было не более чем «лаской» к щенку?

На это она твердо ответила:

— Прошлой ночью я на девяносто процентов испытывала жалость к тебе и недовольство собой.

— А оставшиеся десять процентов? — спросил Пол.

Она опустила свои большие глаза.

— Не знаю, Пол. Просто не знаю,— очень строго произнесла она. Затем вновь схватила его куртку.— Да одевайся же ты,— весело прошипела она и бросилась к пульту управления.— Однако наш гость уже у самого порога.

Пол проигнорировал и это. Горячая злоба слилась в его сознании с холодным чувством беспомощности и жалости.

Он ровным тоном продолжил:

— Насколько я помню, это я вел себя так, будто щенком была ты; начать с того, что я почесал тебя за ухом, а ты ответила, как...

Розовый пол подскочил, и он стукнулся о него спиной.

— Я включила земное тяготение, чтобы ты мог нормально одеться. О, если бы ты хоть чуточку представлял себе, что значит быть посаженным взаперти наедине с отвратительным лысым телом, в котором заключено неизмеримо низшее сознание, изнуряющим свое горло издаванием звуков...

Наконец он разобрался в своих вещах и без спешки разложил их. Его непреходящая злоба искала выхода, неважно какого — хотелось причинить ей боль.

— Тигришка,— медленно начал он, чувствуя непривычную, но тем не менее приятную тяжесть. Он удобно уселся на полу, надев трусы и потянувшись за брюками.— Ты хвасталась, что от вас невозможно утаить мысли. Согласен, твой мозг работает значительно быстрее моего. Видимо, ты обладаешь эйдетической памятью, то есть запоминаешь все, что происходит вокруг тебя, включая мысли, которые выудила в моем сознании. Но вот прошлой ночью я упомянул о четырех фотографиях — фотографиях планеты, осуществившей ложный выход из гиперпространства. Ты же уверяла меня, что должно быть только два таких следа — возле Плутона и Венеры. Можешь думать, что хочешь, но было еще два следа таких выходов.— Он почувствовал, как она прощупывает его сознание. Тем не менее продолжил: — Это были вторая и четвертая фотографии, возле Юпитера и Луны.

Ее ответ удивил его. Она отрывисто проговорила:

— Ты прав. Мне нужно было сразу же связаться со Скитальцем. Возможно, это... то, чего мы так боимся.

Она резко отвернулась к пульту управления. Теперь она стояла выпрямившись на своих длинных красивых ногах, пребывая под воздействием того же тяготения, что и Пол:

— Ну, встречай гостя!

В середине розового пола появилось отверстие, и оттуда, спиной к Полу, появилась фигура человека в форме Космических Сил США. Ощутив действие земного тяготения, человек уперся локтями в края люка, но затем очень быстро сориентировался и протиснулся внутрь тарелки всем телом.

Пол, в одной рубашке, вскочил на ноги, успев бросить взгляд на внутреннюю поверхность широкой соединительной трубы из гофрированного металла. Отверстие закрылось.

Гость, посмотрев на Тигришку, обернулся.

— Дон!

— Пол!

— Я думал, ты пропал вместе с Луной. Как....

— А я думал, ты... сам не знаю что. Но как...

Повисла неловкая пауза, будто они ждали друг от друга, кто начнет первым. Тут до Пола дошло, что Дон с любопытством осматривает его с ног до головы. Он поспешно застегнул брюки и рубашку.

Взгляд Дона пару секунд задержался на Тигришке, затем скользнул на цветы и, наконец, повернулся к Полу. Подняв брови и беспомощно раскинув руки, он широко улыбнулся, будто хотел сказать: «Мне наплевать, даже если Солнечная система разлетелась на куски и мы находимся в летающей тарелке посреди космоса. Но этот фарс в спальне?..»

Пол почувствовал, что краснеет. Он был зол на самого себя.

Тигришка обернулась и посмотрела на них. Затем выпалила:

— Поздравляю, Дональд Бернард Мерриам. Прости, пожалуйста, эту обезьяну. Ему стыдно за то, что он голый. Но, думаю, тебе тоже стыдно. В самом деле, вам обоим стоит попробовать мех.

ГЛАВА СОРОКОВАЯ

Для тарелочников наступила «четверть после динозавра»—как полюбила называть время по Скитальцу Энн. Иными словами, Скиталец находился в небе уже час с четвертью.

Поздний ужин был съеден, царапины, полученные в результате «дорожных работ», обработаны и перевязаны, и большая часть тарелочников улеглась спать внутри и вокруг машины, закутавшись, несмотря на относительно теплую и мягкую ночь, в куртки и одеяла или укрывшись большим куском брезента.

Трое по-прежнему суетились вокруг примуса, на котором кипятилась вода для кофе: Папаша с печальным и кислым видом ковырялся в своих испорченных зубах; Аршин, принявший самый простой вариант позы «лотоса», уставился на динозавра с таким видом, словно эта напоминавшая теперь фаллос тварь была пупом Вселенной; Маленький Человечек, усевшись на корточки, записывал в дневник наблюдения и события минувшего дня.

Хантер, держа Марго за руку, подошел к Маленькому Человечку и, тронув его за плечо, тихо сказал:

— Доддси, мы с мисс Гелхорн решили прогуляться на гребень холма. Если случится что-нибудь серьезное, дашь пять гудков.

Доддси оторвался от блокнота и, взглянув на них, кивнул.

Папаша, увидев, что Марго тащит с собой одеяло, отвернулся и противно, презрительно присвистнул. Вышло отчасти похабно, отчасти просто осуждающе.

Аршин, прервав размышления, взглянул на Папашу:

— Заткнись,— тихо и мягко порекомендовал он. Затем, переведя взор на Марго с Хантером и далее на Скиталец, с улыбкой фанатика произнес:

— Испан шлет массу благословений на вашу любовь.

Маленький Человечек склонился над записями, как будто хотел скрыть улыбку или, чего доброго, не хмыкнуть.

Они пересекли дорогу. Энн с матерью лежали, закутавшись в одеяла, подле грузовика, и Хантеру показалось, что Рама Джоун улыбается им широко раскрытыми глазами, но, подойдя ближе, он убедился, что она спит. И тут уголком глаза он увидел высокую темную фигуру в тени грузовика. Лица в темноте было не разобрать, к тому же его заслоняла черная шляпа с заломленными вниз краями.

Дрожь пробежала по его спине. Он был уверен, что это Док. Ему хотелось, чтобы Док заговорил и показал лицо, но фигура только плотнее натянула вниз шляпу и отступила в тень.

Почти одновременно с этим он почувствовал, как Марго с силой сжала его руку. Он продолжал смотреть в тень, отбрасываемую грузовиком. Фигуры и след простыл.

Они пошли дальше, не говоря друг другу ни слова о случившемся. Они поднимались по скользкому склону со Скитальцем над головой и остро чувствовали, как море вторгается на холмы, плеща в пятидесяти метрах приливной волной, и как Скиталец вторгается в пространство Земли, неся с собой свое собственное темное, украшенное жемчугом небо и всю ту враждебную чужеродность, смешавшую планы всего человечества, всей Земли.

Они ступили на низкий каменный выступ, перепрыгнули на другой, и перед ними выросла серая прямоугольная скала с плоской вершиной — огромная, как гигантский гроб. Марго расстелила на ней одеяло, и они опустились на колени, лицом к лицу. Они напряженно, без улыбок всматривались друг в друга, и если их губы и кривились в улыбках, то это скорее напоминало оскал — грубый, жадный, предвкушающий.

Ритмичное биение их сердец звучало громче, чем вздохи моря, и горы, казалось, отзывались на эти удары эхом. Марго

расстегнула молнию на куртке, положив рядом инерционный пистолет, и принялась расстегивать блузку, но Хантер взялся сделать это сам. Она, взяв его бороду, намотала ее в кулак и уткнулась костяшками пальцев ему в подбородок. Время, казалось, остановилось.

Море, скалы, небо, обдувающий их прохладный ветерок, пестрая планета над ними — все ожило на их пути, прочно обосновавшись в сознании. И чем больше Марго и Хантер познавали тела друг друга и самих себя, тем глубже осознавали они окружающую действительность, великую и малую — как крошечная, в одну восьмую дюйма, полоска на зарядной шкале пистолета; осознавали они вещи виденные и невиданные, мертвых, как и живых. Их тела и небо слились в единое целое. Накатывающая волна была в них, как и все море с его волнением, зыбью, штормом и штилем. Время растянулось, оно текло молчаливо, не издавая смертного клича, а просто — без следа, соединяя жизнь со смертью.

Золотистая на темно-фиолетовом фоне бестия над их головой превратилась в змею, свернувшуюся кольцами вокруг разбитого яйца, показывая следующий час по Скитальцу; змеиная самка боролась, сжимая кольца на теле самца — носителя семени, и наконец задушила его; осколки Луны кружились, поблескивая, в танце, как мириады сперматозоидов вокруг яйцеклетки, вымаливая разрешение войти в нее.

Дон Мерриам коротко отчитался Полу о своих приключениях в космосе и на борту Скитальца. Его рассказ совпал с тем, что говорила Тигришка, и это оживило в памяти Пола призабытые уже настроения, хотя он все еще находился под впечатлением внезапного конфликта с большой кошкой. Теперь настала его очередь рассказать все по порядку. Но тут его речь была прервана Тигришкой:

— Перестань болтать, пожалуйста. Я должна задать вам несколько вопросов.

Она стояла у пульта управления и, по-видимому, находилась в телепатическом контакте со своим начальством. Дон и Пол сидели на розовом полу. Мяу делала периодические вылазки из цветочных зарослей, заинтригованная появлением искусственного земного тяготения.

— С вами хорошо обращались представители моего народа, Дон Мерриам?

Он уставился на нее, дивясь схожести с той самкой-фелиноидом, которая выпила кровь птички с видом балерины, решившей

перекусить после спектакля. Они отличались лишь цветом меха.

Он ответил:

— После своего бегства с Луны, ценой исключительно моих личных усилий, меня подобрали два ваших корабля и под конвоем доставили на Скиталец. Там я содержался около двух дней в комфортабельных условиях, затем был доставлен сюда. Со мной мало разговаривали, я думаю, мое сознание прощупывалось телепатически. В сноподобном состоянии мне показали очень много вещей. Вот все, что касается этого.

— Спасибо. Теперь ты, Пол Хэгболт. С тобой хорошо обращались?

— Ну...— Он замялся, вопросительно улыбаясь.

— Можно ответить просто: «да», «нет»,— огрызнулась она.

— Тогда да.

— Спасибо. Вопрос номер два. Видели ли вы свидетельства оказания помощи людям Земли?

Пол ответил первым:

— Ты показывала мне примеры такой помощи над Лос-Анджелесом, Сан-Франциско и Ленинградом: пожары, тушившиеся вызванными ливнями, борьбу с приливами путем применения поля отталкивания.

— Мне кажется,— сказал Дон,— что в своих видениях, или как там назвать мое состояние, я видел подобное по телевизору в одном из помещений Скитальца.

— То, что вы видели, было правдой,— уверила она его.— Вопрос...

— Тигришка,— вмешался Пол,— имеет ли все это какое-то отношение к тем двум фото, которые не соответствуют выходам Скитальца из гиперпространства? Боится ли твой народ, что вас настигла погоня, и готовитесь ли вы занять оборону здесь?

Дон с удивлением взглянул на него: Пол в рассказе о своих приключениях еще не дошел до этого места. Но Тигришка отреагировала на это очень просто, сказав:

— Перестань болтать, обезьяна, то есть, я хотела сказать, существо. Да, такая возможность существует. Итак, вопрос номер три. Пострадали ли ваши товарищи в результате появления Скитальца?

— Трое моих коллег погибло на Лунной базе,— хрипло заявил Дон.

Она отрывисто кивнула:

— Один из них мог выжить, это проверяется. Теперь вы, Пол Хэгболт?

Он ответил:

— Я только что рассказал Дону об этом. По крайней мере, Марго и тарелочники были живы и невредимы, когда я видел их в последний раз, но это было два дня тому назад.

— Они по-прежнему целы и невредимы,— заверила она. Ее глаза блеснули, и она сложила свои тонкие губы в человеческую улыбку: — Я все время следила за ними; вы, смертные, даже представить себе не можете, как боги беспокоятся о вас. Все, что вы видите,— это наводнения и землетрясения. Тем не менее, мне все равно, примете вы мои слова на веру или нет. Сейчас вы убедитесь в этом воочию. Вставайте. Сейчас полетите на Землю.

— Вы хотите сказать, в «Бабе Яге»? — спросил Дон.— Я уверен, вам известно, что она присоединена к тарелке металлической трубой, и мне кажется, мы с Полом могли бы воспользоваться ею, чтобы вернуться...

— Нет, нет, нет,— вмешалась она.— Вы сделаете это позже, скажем, через час или два, и приземлитесь на посадочной полосе базы В-2, которая находится прямо под нами в пятистах милях. Но сейчас вы отправитесь туда гораздо более быстрым способом. Станьте лицом к пульту. Станьте ближе друг к другу.

Дон с подобием мрачной улыбки заметил:

— Сейчас нас сфотографируют.

— Это почти то, что я собираюсь сделать,— откликнулась Тигришка.

Свет стал меркнуть. Мяу, словно чувствуя, что что-то должно произойти, выкарабкалась из-за цветочных зарослей и потерлась об их ноги. Пол инстинктивно взял ее на руки.

Марго и Хантер оделись, сложили одеяло и с приятным чувством, оставшимся после близости, рука об руку направились обратно. В это время они услышали слабый голос: «Марго! Марго!»

Под ними у подножия склона раскинулся лагерь. Там было тихо. Свет Скитальца выхватывал из темноты лишь скрюченные, закутанные фигуры спящих. Поскольку Скиталец взошел уже высоко, тень грузовика стала совсем маленькой.

Впрочем, казалось, что голос доносится не со стороны лагеря, а идет с неба.

Они посмотрели на море, отступившее метров на десять и оставившее после себя широкую полосу. То, что преграждало им путь в В-2, больше походило на реку с выступающими то здесь, то там маленькими островками. Они вновь обратили взоры к небу и заметили две слабосветящиеся человеческие фигуры, спускавшиеся на землю. Фигуры спускались под уклоном, с большой скоростью, и наконец скрылись за холмом на полпути между ними и лагерем.

Они крепко сжали друг другу руки, похолодев и покрывшись мурашками: оба они хорошо помнили о фигуре у грузовика. Оба они были уверены, что одна из невесомых фигур — это Док, а вторая, видимо, ее продолжение.

Они сделали еще несколько шагов, когда Марго, взглянув вниз, едва не задохнулась от ужаса и отпрянула, будто наткнувшись на змею. Инстинктивно она увлекла его за собой.

Перед ними выросли две человеческие головы. Было трудно разобрать черты лиц, хотя одно из них показалось Хантеру знакомым. Судя по показавшимся плечам, один был одет в форму космонавта, другой же, показавшийся знакомым, был гражданским. В мозгу Хантера промелькнуло что-то насчет встречи Улисса с душами умерших в Подземном мире, но эти два духа были вызваны не кровью жертвенного быка, а кровью, стучавшей в их висках от их преступной связи.

Затем какая-то невидимая сила приподняла обе фигуры над землей — они, скорее, парили над ее поверхностью, чем твердо упирались в нее. Туманное изображение стало четким, и Марго, едва не задохнувшись, выкрикнула:

— Дон, Пол!—Она вцепилась еще крепче в Хантера. Он тоже узнал вторую фигуру.

Лицо Пола улыбнулось, и он раскрыл рот. Зазвучал голос, совершенно соответствующий движениям губ, но, тем не менее, идущий не из его горла:

— Привет, Марго и профессор... э... простите мою забывчивость. Мы не привидения. Это просто передовая форма связи.

Подобным образом выразилась и фигура Дона:

— Мы разговариваем с вами с борта небольшой летающей тарелки между Землей и Скитальцем. Очень рад видеть тебя, Марго, дорогая.

— Он говорит правду,— подтвердил Пол.— Я имею в виду летающую тарелку. Ту, которая подобрала меня. Смотри, а вот и Мяу.

Кошка издала шипящий звук и исчезла в темноте, отчаянно перебирая лапами. Фигура Пола поднесла руку к губам и, сделав всасывающее движение губами, пояснила:

— Она слишком возбуждена. Для нее это все так дико.

Освободившись наконец от Хантера, Марго сделала несколько шагов вперед, протягивая Полу руку, а другой пытаясь прикоснуться к щеке Дона и вскинув голову для поцелуя.

Однако рука прошла сквозь щеку, и она, нервничая больше от собственного раздражения, чем от страха, попятилась назад к Хантеру.

— Вы видите всего-навсего наши голографические изображения,— криво усмехаясь, объяснил Пол.— Прикосновения не передаются на расстояние, а мы видим ваши изображения, находясь на борту тарелки. Это звучит довольно сверхъестественно, надеюсь, вы простите мне такое сравнение, профессор... м-м...

— Росс Хантер,— ответил тот. К нему наконец вернулся дар речи.

Дон обратился к Марго:

— Мне очень жаль, что не могу поцеловать тебя прямо сейчас, но я обязательно сделаю это, когда мы вскоре увидимся по-настоящему. Кстати, я побывал на самом Скитальце.

— А мне довелось разговаривать с одним из его обитателей,— вмешался Пол.— Это настоящая личность. Вам следует познакомиться с ней. Она хочет, чтобы мы...

Настала очередь Хантера задать пару вопросов:

— Вы были на Скитальце? Вы разговаривали с ними? Кто они? Что они делают? Что им здесь нужно?

— У нас нет сейчас времени даже на то, чтобы хотя бы попытаться ответить на один из ваших вопросов. Наша... скажем так... капитанша хотела, чтобы мы убедились, что вы живы и здоровы. Это частично объясняет причину нашего выхода на связь.

— Мы целы и невредимы,— слабым голосом ответила Марго.

— Вся наша группа уцелела,— вставил Бородач, чтобы усилить впечатление,— кроме Рудольфа Брехта, который погиб в аварии в горах.

— Брехт? — вопросительно сдвинув брови, спросил Пол.

— Помнишь, мы называли его Док?—пояснила Марго.

— Конечно,— радостно откликнулся Пол,— а того сумасшедшего—Аршином, а профессора — Бородачом. Вы уж извините, профессор.

— Ну, что вы,— нетерпеливо перебил его Хантер.— Какова же другая причина?

— Дать вам знать, что через пару часов мы приземлимся на площадке В-2. Возможно даже, в моей лунной ракете.

— По крайней мере, Дон,— поправил его Пол,— мы должны побыть еще некоторое время в космосе. Скитальцу угрожает опасность. Ведутся чрезвычайные приготовления.

— Скиталец — в опасности? — переспросила Марго.

— Чрезвычайные приготовления? Может, вы объясните, что произошло за эти два дня? — в тон ей воскликнул Хантер.— В-2 прямо перед нами. Мы пойдем туда, как только представится возможность.

— И попытаемся найти Мортона Опперли,— по инерции проговорила Марго.

Дон обратился к Хантеру:

— Отлично. Если вы сообщите обо мне, это будет дополнительным пропуском для вас. Скажите Оппи, что на Скитальце находятся линейные ускорители, достигающие в длину восьми тысяч миль, и циклотрон такого же диаметра. Это даст ему пищу для размышлений. Я буду очень благодарен, если они сообщат заранее о моей посадке.— Он перевел взгляд на Марго: — Тогда я смогу поцеловать тебя по-настоящему, дорогая.

Ответив ему взглядом, Марго сказала:

— Я тоже хочу поцеловать тебя, Дон, но ты должен быть в курсе: многое изменилось, в том числе и я.— Она теснее прижалась к Хантеру, давая понять, что именно имела в виду.

Нахмурив брови, Хантер закусил нижнюю губу, крепко обнял Марго за плечи и кивнул, добавив отрывисто:

— Да, это так.

Но прежде чем Дон успел что-либо ответить, земля под ногами внезапно покраснела, затем потемнела опять и вновь покраснела. Подобной метаморфозе подвергся весь окружающий их ландшафт — земля заливалась румянцем, будто ее освещали беззвучные вспышки молний. Хантер и Марго подняли глаза вверх, но тут же были вынуждены отвести взгляды от слепяще-красных точек, мигавших на полюсах Скитальца. Ритмично краснели и его полярные шапки, освещая красным небо Земли. Никогда в жизни не видели они таких ярких источников монохроматического света.

— ЧП объявлено,— сказало изображение Пола,— нужно срочно прерывать передачу. Скиталец отзывает свои корабли.

— Мы расскажем о вас в В-2. Так, значит, Оппи передать про линейные ускорители и циклотрон? Хорошо. Удачи вам! — воскликнул Хантер.

Но в этот момент оба изображения исчезли. Было такое впечатление, что их просто выключили.

Хантер и Марго взглянули на залитый красным светом склон. Даже волны были красными, словно пенящаяся морская лава. Лагерь проснулся, маленькие фигурки забегали, собираясь в кучки и показывая руками на небо.

Сзади над ними высилась фигура Аршина. Он пожирал их завистливым взглядом, полным неутоленного голода.

ГЛАВА СОРОК ПЕРВАЯ

В пятидесяти миллионах миль от Земли, на орбите Марса, Тигран Бирюзов и пять его товарищей наблюдали красный сигнал отбоя на Скитальце. В их представлении Землю и Скиталец ничто не связывало. Даже в безвоздушном пространстве оба полумесяца планет нечетко представали перед невооруженным глазом.

Радиосвязь с Землей прервалась, и в течение двух дней шесть человек лишь гадали о том, что же происходит на земной орбите. Им пришлось отложить запланированную высадку на Марс.

Все, что они видели в телескопы, было разрушение Скитальцем Луны и странные метаморфозы, происходившие на поверхности нового небесного тела.

Тиграну был виден не только сигнал отбоя, но и ночная сторона Земли, отливавшая красным. Он начал записывать в бортовом журнале: «Красные молнии...» И вдруг его перемкнуло: «Красные молнии! В Ленина мать! В Маркса душу! Что же дальше?»

Тарелочники, обступив Хантера и Марго, буквально засыпали их шквалом вопросов.

Когда те кончили отвечать, сигнал отбоя прекратился и быстрый отлив обнажил не только дорогу в В-2, но и полоску Тихоокеанского прибрежного шоссе.

Хиксон подвел итоги, указывая пальцем на Скиталец:

— Итак, у них есть тарелки. И у них есть лучевое оружие, способное раздробить гору на мелкие кусочки. И у них есть голографическое телевидение, которое намного лучше нашего. Но они в опасности — хотя лично я отказываюсь в это верить. Какая еще опасность может им угрожать?

— А вдруг их преследует другая планета,— ясно высказалась Энн.

— Только не это, Энни,— комично запротестовал Войтович,— еще одна такая странная планета, и я сойду с ума.

В этот момент вся местность вдруг осветилась, и Кларенс Додд, который, стоя в отдалении, наблюдал восточное небо, издал сдавленный крик, будто внезапно поперхнувшись. Он бросился бежать к ним, одновременно указывая рукой на восток.

Между Скитальцем и неровным восточным горизонтом зависла выпуклая сфера стального, яркого цвета. С нее ударил луч мощнейшего прожектора.

«Небо слишком отяжелело. Оно должно упасть»,— подумала Марго.

«Голос Энн звучал, как труба, и тогда Агнец распечатал еще одну печать, затем еще и еще»,— промелькнуло в мыслях у Аршина.

— Боже мой! Энн оказалась права! — завопил Войтович.

— И она еще больше.— Это была уже миссис Хиксон.

— Но она не круглая,— возразил Хиксон почти со злостью.

— Нет, круглая, просто она частично затемнена,— объяснил Хантер.

— Она находится на расстоянии семи диаметров Скитальца от него,— произнес Маленький Человечек, быстро пришедший в себя от испытанного шока. Он достал блокнот, снял с ручки колпачок и сверился с наручными часами.

— Ее поверхность скучна, как зеркало,— сказала Рама Джоун.

— Мне не нравится новая планета, мама. Скиталец — наш друг, такой чудесный, весь золотистый, а эта вся закована в броню,— заявила Энн.

Рама Джоун прижала дочку к себе и звенящим голосом сообщила:

— Боги в состоянии войны. Чужой демон явился, чтобы сразиться с тем, кого мы уже знаем.

Маленький Человечек, успевший сделать краткие записи, предложил:

— Давайте назовем его Чужаком — довольно подходящее имя.

«Вполне можно было назвать его Волком, хотя нет, это вызвало бы ассоциации с челюстями»,— подумал Макхит.

— О, ради Бога, избавьте нас от ваших поэтических сравнений. Новая планета — это новые приливы, землетрясения и черт знает что еще,— проворчал Хиксон.

Сквозь шум перебранки до них донесся голос Рэя Хенкса:

— Эй, что там происходит? Мне отсюда ничего не видно. Скажите кто-нибудь, что это?

Макхит запрыгнул в кузов и протянул Рэю зеркало, направив его таким образом, чтобы в нем отражался Чужак.

Ванда, Ида и Аршин держались вместе. Ванда, присев на землю и обхватив голову руками, громко запричитала:

— Ну это уже слишком! Похоже, у меня будет новый приступ.

А Ида, настойчиво тряся Аршина за плечо, вопрошала:

— Чарли, что это? Как оно называется? Объясни мне.

Аршин с измученным выражением уставился на Чужака и наконец произнес со странным оттенком облегчения, как будто перед ним открылись Двери:

— Не знаю, Ида. Просто не знаю. Мое сознание слишком мало, чтобы вместить в себе всю Вселенную.

В этот момент Чужак испустил два луча, направленные к Скитальцу: один прошел перед ним, другой — за ним, затем они, казалось, замедлили свой ход, как будто кто-то невидимый водил авторучкой с синими чернилами. Но там, где синий луч проходил перед Скитальцем, возникали ослепительные белые вспышки.

Один из лучей Чужака, коснувшись темного полумесяца, высветил его шарообразное тело.

— Боже, ведь это война! — первым догадался Войтович.

— Лазеры,— сказал Маленький Человечек.— Лучи концентрированного света, но в таких масштабах—просто невероятно!

— Нам-то видна лишь часть,— забормотал в благоговейном трепете Хиксон,— всего лишь кусочек. Представляю, когда тебе светят этим прямо в лицо. Миллионы солнц.

— Сотня, по крайней мере,— поправил его Маленький Человечек.— Если этот луч хоть на мгновение коснется Земли...

Голубовато-стальной свет возбудил интуитивное мышление Хиксона:

— Эй, слушайте, что я вам скажу! Новая планета — это полиция. Они прибыли, чтобы арестовать Скиталец за все его безобразия.

— Билл, да ты спятил!—взорвалась миссис Хиксон.— Скоро ты заявишь, что это явились ангелы Господни.

— Как я хочу, чтобы они уничтожили друг друга! — пронзительно заорал Папаша, дрожа всем телом и потрясая сжатыми кулаками.— Чтоб они кишки друг другу выпустили!

— Уверен, что нет,— отозвался Войтович, который ходил кругами, не отрывая глаз от неба.— Вам нравится, когда дерутся на участке за вашим домом? Вам нравится быть удобной мишенью?

— Не думаю, что лучи нанесут вред Скитальцу. Они просто уничтожают кольцо из лунных осколков,— быстро проговорил Хантер.

— Верно,— холодно подтвердил Доддси.— Это что-то типа предупредительных выстрелов.

Хиксон не унимался.

— Нет, это арест,— настаивал он.— «Стоять, или открываем огонь на поражение!»

Яркие голубые лучи вдруг стали резко укорачиваться, оставляя на сером небе желтые остаточные изображения, но и уменьшившись, они по-прежнему продолжали заползать, как черви, за Скиталец, в бесконечность.

— О Боже, я думал, это никогда не кончится. Эта стрельба, должно быть, продолжалась минуты две,— сказал Хиксон.

— Семнадцать секунд,— поправил его Маленький Человечек, взглянув на часы.— В критической ситуации люди совершенно по-разному оценивают время событий, и свидетельские показания почти всегда расходятся.

— Правильно, Доддси, нужно держать себя в руках,— громко согласился с ним Войтович, вприпрыжку кружа на месте. Его голос звучал довольно бодро: — Они продолжают преподносить сюрпризы, и нам остается только принимать их такими, как они есть. Эх-ха, это как под артобстрелом.

И как только слово «артобстрел» было произнесено, вся местность наполнилась глухим гулом и почва под их ногами заколебалась.

Взвизгнули амортизаторы «корвета» и грузовика. Рэй Хенкс застонал от боли, и Макхиту, склонившемуся над ним, пришлось вцепиться в борт грузовика, чтобы не упасть.

Казалось, что весь мир зашатался и запрыгал, как Войтович в своем жутковатом танце. Кто-то истошно завопил, на что миссис Хиксон грязно выругалась. Энн закричала:

— Мамочка, горы подпрыгивают!

Услышав это, Марго взглянула на склон, с которого с невероятной быстротой катились, ударяясь друг о друга, валуны. «Среди них,— мелькнуло в ее мыслях,— и гробница, на которой мы с Хантером занимались любовью». Охваченная порывом вины, она быстро выхватила инерционный пистолет

и ухватилась одной рукой за борт «корвета», хотя это и не придало ей нужной устойчивости. Заметив это, Хантер подскочил к ней и заорал:

— Стрелка индикатора направлена вперед?

— Да,— крикнула она. И когда валуны сошлись в одну громыхающую, как стадо бизонов, массу, она направила пистолет в самую середину и, прилагая все усилия, чтобы сохранить равновесие, нажала на спусковой крючок.

По чистому совпадению, когда подземные толчки пошли на убыль, груда камней, летевших вниз и сметавших все на своем пути, казалось, превратилась в огромные серые подушки. Они медленно катились, все замедляя ход, и наконец замерли у самых ног Марго. Гробница гиганта покоилась в том месте, куда ночью отбрасывал тень грузовик.

Хантер взглянул на шкалу индикатора. Заряд был на нуле.

Он посмотрел на горную дорогу, ведущую к прибрежному шоссе, которую чудом не завалило оползнем. Прямо поперек шоссе ярко мерцал сетчатый забор В – 2, а на въезде в горную дорогу маячили большие ворота базы. Над ними продолжали сиять Скиталец и Чужак. На поверхности первого обозначилась переходная стадия от змеиного яйца к мандале, тогда как поверхность второго сохраняла холодную ясность и безмятежность — как будто он не имел никакого отношения к происшедшему землетрясению.

Наступившую тишину нарушило причитание Иды:

— О, моя нога!

Войтович со смешком спросил:

— Ну, что будем делать? Каков следующий номер?

— Все кончено, шут ты гороховый. Это конец,— прорычала миссис Хиксон.

Хантер затолкал Марго в «корвет» и, сам усевшись за руль, просигналил, призывая к вниманию остальных. Он привстал, обернулся и громко сказал:

— Все по машинам! Закиньте свои вещи в кузов, если хотите, но в темпе. Мы едем в Ванденберг.

Появление Чужака вызвало у многих людей те же чувства, что и у Ванды и миссис Хиксон. «Это» для них было уж слишком. Это был конец. Более трезвомыслящие пессимисты пришли к выводу, что гравитационное поле Чужака, скорее, еще больше усилит разрушительное действие приливных волн, нежели окажет им противодействие.

В то же время множество других наивно восхищались этой феерией в небесах. По крайней мере, они на некоторое время забыли о своих заботах и тревогах. Они забыли даже, что речь шла об их жизни или смерти. В бушующем море в районе Флориды Барбара Кац, помянув старину ККК, закричала из кабины «Альбатроса»:

— Триллинг Вандер Сториз! * О, как это прекрасно!

На что Бенджи печально прокричал в ответ:

— Натуральное чудо, мисс Барбара.

— Н-да, долго пришлось нам ждать второго акта,— пожаловался Джейк Лишер Салли Харрис. Они сидели, прижавшись друг к другу, укутавшись во влажные одеяла, и, согреваясь, потягивали из горлышка «Хантерс френд». На руках у них были горнолыжные перчатки, обнаруженные в гардеробе мистера Хасселтайна.

— Если эта пьеса затянется надолго, она закончится в Филадельфии.

В Андах, в изолированной от всех опасностей и невзгод обсерватории, 70-летний французский астроном Пьер Рамбуйе-Ласпед с удовольствием потирал руки цвета потемневшей слоновой кости.

— Наконец-то,— он потянулся за карандашом и бумагой,— подвернулся настоящий пример задачи Трех Тел.

На ночной стороне Земли люди вообще понятия не имели о появлении Чужака, а некоторые даже не удосужились увидеть Скиталец.

Вулф Лоунер наблюдал сквозь туман слабый желтый огонек. Подплыв ближе, он разглядел керосиновую лампу в проеме высокого закругленного каменного окна. Еще немного — и пред ним предстала узкая стена из желтоватого камня и темное возвышение над ней. Он узнал, что это, ибо не раз взбирался на нее, хотя мозг отказывался верить увиденному. Он развернул румпель и отпустил шкот. «Эндьюэранс» легко стукнулась об узкую крышу под окном. Парус почти не трепетал на ветру, вблизи каменного сооружения не было течения. Пришвартовавшись, он ступил на крышу и, осторожно отодвинув лампу, проник внутрь. Он осмотрелся по сторонам. Теперь все сомнения улетучились: он находился на

* «Thrilling Wonder Stories» — американский научно-фантастический журнал.

колокольне церкви Олд Норт. Напротив него, вжавшись в стену и как будто желая раствориться в ней, стояла, уставившись на него, похожая на итальянку девочка лет двенадцати. Она стучала зубами от холода и страха. Он попытался заговорить на смеси итальянских и испанских слов, которые знал, но она молчала, тряся головой,— да и то, видимо, от холода. Тогда он подошел к ней и, несмотря на ее протесты, нежно, но достаточно крепко взял на руки и пронес через окно. Он усадил ее в каюту, накрыв одеялом. Вулф Лоунер заметил, что течение вокруг сооружения оживилось, хотя и в противоположном от берега направлении. Тогда он, задумчиво качнув головой в сторону Коппс Беринг Граунд, развернул лодку и, воспользовавшись отливом, отплыл в открытое море.

Без злого умысла, но с дьявольской точностью четверо террористов, захвативших власть на «Принце Чарльзе», завели его прямо в Пороро ко. Обычно мощное приливное течение в устье Амазонки достигает около пяти метров в высоту и движется вверх по течению со скоростью пятнадцать миль в час. Шум прилива слышен с расстояния в десять миль. Теперь на этом месте находился бурлящий склон высотой в полатомохода, наклоненный вперед на 20°. Величайшая река мира вздулась под воздействием Скитальца и Чужака. Повсюду бушевал ураган и его волны усиливали и без того мощное приливное течение, унося с собой корабль-город, этакий маленький остров Манхэттен. Из-за шторма они не видели восхода солнца.

Впереди, на западе, их ждала темная пустыня. В этот момент, впервые за время захвата судна, террористы выпустили капитана Ситвайза и он занял место на капитанском мостике.

Вначале он направил корабль по наклону Пороро ки, но затем, когда они решительно взяли вправо, ощутил, что каким-то образом зависит от указывающих ему путь Чужака и Скитальца

Сидя на прозрачном полу тигришкиной тарелки, Пол и Дон вглядывались в неподвижную сферу Чужака.

Искусственная гравитация была по-прежнему включена, поэтому они растянулись, раскинув ноги. В отраженном от двух планет солнечном свете были видны темная оконечность Южной Калифорнии, во многих местах затопленной, и рас-

ширившиеся границы Тихого океана. Изображение было неясным из-за атмосферной турбулентности.

И Пол и Дон избегали смотреть вниз. Хотя искусственная гравитация, как уверяла Тигришка, действовала только внутри тарелки, взгляд вниз вызывал у них чувство острого дискомфорта.

Для них и Скиталец и Чужак были намного ярче, чем для землян, наблюдавших их в сером небе,— они-то рассматривали планеты на фоне звездного неба.

Зрелище производило странное впечатление, его даже можно было назвать чарующим. Впрочем, это было вызвано недостатком информации и незнанием происходящего, хотя они и ощущали быстрорастущее напряжение.

Там, над ними, зависли Преследуемый и Преследователь, Восставший и Власть Имущий, Авантюрист и Сама Сдержанность В Поступках, застывшие в состоянии неопределенного перемирия. Две планеты, наблюдающие и оценивающие друг друга.

Напряжение достигло пика. Несмотря на то, что их поддерживало обоюдное присутствие, Дону и Полу больше всего сейчас хотелось провалиться сквозь Землю, через ее материальную плоть в темную утробу. Этот порыв едва сдерживался желанием стать свидетелями предстоящих событий.

Пол задал чуть ли не детский вопрос:

— Тигришка, а почему ты до сих пор не возвратилась на Скиталец? Ведь сигнал отбоя давно погас. Все другие корабли, должно быть, уже вернулись?

Из темноты, в которой пребывал пульт управления, прозвучал ответ:

— Еще не время.

Ворча от еле сдерживаемого раздражения, Дон спросил:

— Может, лучше будет, если Пол и я пересядем в «Бабу Ягу»? Я смогу приземлиться на тормозной тяге, поскольку у нас нет орбитальной скорости. Правда это сложно, но если нам придется ждать еще очень долго...

— Еще не время и для этого,— последовал ответ.— Есть нечто, что я должна буду потребовать от вас вначале. Вас уберегли от всех напастей, поэтому вы должники Скитальца.

Она высунулась из темноты, показав силуэт головы.

— Таким же способом, как отправила на Землю, я пошлю вас сейчас на Чужак, чтобы вы дали свидетельские показания в пользу Скитальца,— с нажимом сказала она.— Станьте рядом, лицом ко мне.

— Ты хочешь сказать, что мы должны ходатайствовать за вас?—спросил Пол.— Заверить их, будто вы прилагали все усилия, чтобы спасти людей и их жилища? Но запомни, многие катастрофы вы не предотвратили, их было больше, чем тех, где вы проводили спасательные акции.

— Вы просто расскажете все как было, всю правду,— ответила Тигришка, блеснув в темноте глазами.— Возьмитесь за руки и не двигайтесь. Сейчас я полностью вырублю тарелку. Вы переместитесь туда с помощью черных лучей. Это путешествие покажется вам более реальным, чем посещение Земли. Ваши тела останутся в тарелке, но вы этого не почувствуете. Стойте смирно!

Звезды потемнели, Земля стала непроницаемо черной, два фиолетовых Тигришкиных глаза мигнули и исчезли. Затем появилось чувство, будто вихрем распахнуло настежь огромные ворота в темноту, их закружило и понесло сквозь пространство со скоростью мысли,— и вот они уже стоят рука об руку в центре необъятной равнины, плоской, как Большое Соленое Озеро, только отблескивающей серебристо-серым.

— Я думал, она окажется округлой,— высказался Пол.

— Ты забываешь, что планета-преследователь больше Земли, и ты не в состоянии наблюдать кривизну ее поверхности.

Дону вспомнился близкий горизонт Луны, хотя в основном его мысли были заняты воспоминаниями о путешествии по Скитальцу и вдобавок его терзали размышления о том, каким путем их транспортировали сюда.

Небеса представляли собой усеянную звездами полусферу. Далеко, на расстоянии нескольких диаметров от Солнца, темнела Земля, окаймленная голубоватым полумесяцем.

На сером, как вороненая сталь, горизонте виднелся Скиталец, который с этого расстояния в пять раз превосходил в размерах Землю. Он взошел только наполовину, поэтому серебряная линия горизонта, делившая его желтый глаз пополам, создавала впечатление, будто он еще внимательнее всматривается, смежив веко.

— Я думал, что нас переместят внутрь,— сказал Пол, рассматривая блестящую металлическую поверхность под ногами.

— Похоже, они даже образы подвергают таможенному досмотру,— ответил Дон.

— Ну, если мы радиоволны, то они должны перенести и наше сознание,— предположил Пол.— Но все-таки, как они

видят нас здесь и передают изображение на тарелку?

Дон лишь покачал головой.

Белая вспышка разорвалась в пространстве между металлической равниной и полусферой Скитальца. Она тут же исчезла, но затем вспыхнуло еще две.

«Война началась»,— подумал Пол.

— Метеориты! Ведь там нет атмосферы! — воскликнул Дон.

В тот же миг они провалились сквозь поверхность. Это было как вспышка черной молнии, и тут же они ощутили себя в центре огромной тусклой сферической комнаты, со стен которой на них установилось огромное множество глаз.

Но это было первым, обманчивым впечатлением. Немного освоившись, они поняли, что это не глаза, а отверстия, окаймленные различными цветами. Все же осталось неприятное ощущение, что через отверстия на них пялятся неизвестные существа.

Оба они практически одновременно почувствовали себя школьниками, вызванными на ковер к директору.

В этой своей просторной камере Пол и Дон были не одни. По крайней мере сотня представителей рода людского или их трехмерных изображений скопилась в центре сферы. Здесь были люди всех рас: африканцы, азиаты, два русских космонавта, темнокожий маори, араб в белом платке, почти голый кули, женщина, разодетая в меха, и множество других, которых было трудно различить из-за тесноты и толчеи.

Из одного из черных отверстий ударил тонкий, как серебряная нить, луч, остановившись на ком-то. Отверстия замигали, словно человеческие глаза, и неожиданно потекла быстрая, тихая речь. Видимо, заговорил тот, кого коснулся луч. Услышав голос, Дон пришел в необычайное волнение, ибо узнал его.

— Я Джилберт Дюфресн, лейтенант Космических Сил США. Находился на Лунной базе. Когда начались лунотрясения, я покинул Луну в одноместной ракете для исследования вторгнувшейся планеты. Насколько мне известно, трое моих товарищей погибли. Я стал летать по орбите Луны в направлении восток-запад и вскоре увидел три огромных колесообразных космических корабля. Насколько я могу судить, неизвестная сила захватила и втянула мою ракету. Там я встретил разнообразных существ. Мне устроили допрос в форме, как я полагаю, сканирования сознания, были выслушаны и мои физиологические потребности. Затем меня ознакомили с пультом управления.

Космический корабль опустился с Луны на Землю и завис над Лондоном, который был затоплен приливом. С помощью силового поля нашего корабля воды схлынули обратно. Три инопланетных существа попросили меня зайти в их корабль. Это был небольшой корабль, он опустился над Британским музеем. Один из членов экипажа занялся оживлением пяти человек, которых я счел мертвыми. Мы сели обратно в маленький корабль и повторили подобные действия несколько раз. Затем вернулись на большой корабль.

— Из Лондона мы переместились на юг — в Португалию, в Лиссабон, лежавший в развалинах из-за сильнейшего землетрясения...

Дюфресн все продолжал свой отчет, а Полу подумалось, что все это неважно, даже бессмысленно — обычная болтовня на грани великих неотвратимых событий.

Глаза-отверстия, казалось, воспринимали это цинично и злобно, рассматривая говорящего, как удав кролика. Директор слушал правдивый рассказ школьника не слыша его.

Видимо эти мысли и чувства передались Тигришке, ибо в следующий миг Пол очутился внутри знакомого интерьера тарелки. Потолок и пол окрасились в зеленый цвет.

Из-за пульта управления раздался голос Тигришки:

— Это бесполезно. Наше ходатайство отвергнуто. Садитесь в свой корабль и улетайте на свою планету. И побыстрее. Я отсоединюсь от вас, как только вы займете места в «Бабе Яге». Спасибо за помощь. До свидания и удачи, Дон Мерриам. До свидания, Пол Хэгболт.

В зеленом полу образовался круг. Дон нырнул в него и начал продвигаться по трубе. Пол взглянул на Тигришку.

— Быстрее,— повторила она.

Пританцовывая, показалась Мяу. Когда кошка взглянула на Тигришку, он резко наклонился и схватил ее. Сделав шаг к люку, он остановился и погладил ее по серой спинке. Тут его рука замерла, и он обернулся.

— Я не полечу,— сказал он.

— Ты должен, Пол,— ответила Тигришка,— Земля твой дом. У тебя мало времени. Поспеши.

— Я отказываюсь от Земли и ее народа,— заявил он.— Я хочу остаться с тобой.

Мяу попыталась вырваться, но он крепче прижал ее к себе.

— Пол, пожалуйста, уходи немедленно,— сказала Тигришка, взглянув на него наконец и приблизившись.— У нас никогда больше не будет таких взаимоотношений.

— Но я хочу остаться с тобой, слышишь? — Его голос прозвучал так громко и в нем было столько злости, что Мяу перепугалась и впилась в его руку когтями.— Я согласен быть даже твоим щенком, если надо. Но я остаюсь.

Тигришка стояла перед ним лицом к лицу.

— Нет, даже в качестве щенка. Наши сознания разделяет достаточно большая пропасть. Убирайся, дурачок.

— Тигришка,— произнес он хриплым голосом, глядя прямо в ее фиолетовые глаза,— девяносто процентов твоих чувств заполняла жалость ко мне. А как быть с оставшимися десятью?

Неожиданно, с молниеносной скоростью она выхватила Мяу из его рук и отвесила ему сильнейшую пощечину. Когти ее окрасились кровью.

— Вот как! — рявкнула она, обнажив клыки.

Он сделал шаг назад, потом еще и оказался в переходной трубе. Глядя наверх, он видел рычащую морду Тигришки. Кровь, стекавшая с его щеки, превращалась в красные пузырьки, парившие в невесомости. Наконец зеленое отверстие захлопнулось.

ГЛАВА СОРОК ВТОРАЯ

Тарелочникам удалось добраться до В-2 практически без помех. Однако их приезд не был отмечен звуком фанфар, да и вообще все выглядело слишком прозаично.

У забора никого не было видно, впрочем, как и у больших ворот, которые заметно покосились и были открыты. Всю местность покрывало месиво вонючей грязи. Большинство пассажиров покинуло машины, чтобы тем было легче пробираться через это болото, и автомобили медленно поползли по наклонной плоскости к плато.

Хантер сидел за рулем «корвета». Все заднее сиденье занимала Ванда. Она тяжело дышала.

Миссис Хиксон вела грузовик, потому что ей было глубоко наплевать на то, что творится в небесах, в отличие от своего мужа, который внимательно наблюдал за Скитальцем и Чужаком, сошедшимися в зените. В кабине она находилась одна, ибо когда Папаша захотел ехать вместе с ней, заявила, что от него воняет и что вообще — это машина Билла и она не позволит, и т. д. и т. п.

В кузове грузовика остались только Рэй Хенкс и Ида, которой пришлось ухаживать не только за Рэем, но и за своей опухшей лодыжкой.

Она не доверяла снотворным таблеткам и потому скармливала слабо протестовавшему Рэю Хенксу аспирин в огромных количествах.

— Жуй их,— говорила она.— Горечь снимает все тревоги и боли.

Остальные шли пешком. Три раза им пришлось толкать грузовик, сильно завязший в грязи, и дважды грузовик вытаскивал «корвет», колеса которого лишь проворачивались вхолостую. Все были с ног до головы перепачканы грязью.

Молодые зоркие глаза Макхита первыми уловили перемены в небесах, и он закричал:

— Опять началось!

Из Чужака по Скитальцу ударили четыре тонких ярко-голубых луча. Они соединились в один яркий луч, однако не достигли поверхности Скитальца, а были отброшены и превратились в четыре слабые полукруглые голубовато-белые лопасти.

— Видимо, наткнулись на какое-то защитное поле,— предположил Маленький Человечек.

Таким же образом были перехвачены три фиолетовых луча, пущенных Скитальцем. Голубые и фиолетовые лучи пересеклись в пространстве между двумя планетами.

— Это оно! — яростно завопил Хиксон.

Войтович так увлеченно всматривался в происходившее, что оступился и упал с наклонной плоскости. Краешком глаза Макхит заметил, что тот исчез из виду, и бросился вслед.

— Все в порядке, малыш, я просто немного сбился с пути и поскользнулся,— бодро откликнулся Войтович на крик обеспокоенного Макхита.— Ты подай мне только руку, а то не хочется упустить чего-нибудь.

— Тебе стоит вылезть из грузовика и посмотреть на зрелище, детка. Это просто потрясающе! — крикнул Макхит своей жене.

Из кабины донесся голос миссис Хиксон:

— Любуйся сам своим фейерверком, а я посижу за рулем.— И она яростно просигналила «корвету», который, казалось, остановился.

Но Хантер лишь слегка притормозил. Он бросил пару быстрых взглядов на сражающиеся планеты, и его охватило чувство ответственности за их маленький коллектив; казалось

более важным доставить их в целости и сохранности на базу Космических Сил США. Ему необходимо было сделать это, так же, впрочем, как и доставить туда инерционный пистолет, в котором, к сожалению, не осталось заряда. Последнее обстоятельство не давало ему покоя, — как и Марго, которую неотступно преследовала та же мысль.

— Всем за мной. Здесь сворачиваем направо,— прокричал он и развернул машину на плато.

Наконец, на глаза им попались и солдаты личного состава базы. Должно быть, они находились в боевом дежурстве, но, судя по тому, что винтовки были прислонены к стене караульного помещения, забыли о своих основных обязанностях и просто сидели на корточках, наблюдая за межпланетной битвой. Один из них от волнения грыз ногти.

В небесах показались еще три голубых и два фиолетовых луча, усилив огневой вал.

Выскочив из машины, Марго подбежала к солдатам и постучала одного по плечу. Тот не отреагировал, и она тряхнула его посильней. Он обернулся, и она увидела изумленное, дикое, лоснящееся от пота лицо.

— Где профессор Мартон Опперли? — спросила она.— Где все ученые?

— О Боже, откуда мне знать? — отозвался он.— Патлатые где-то там,— он неопределенно махнул в направлении плато.— Не мешайте мне, леди.— Он крутанулся обратно, снова уставившись на небо, и хлопнул одного из своих товарищей по плечу:

— Тони,— заорал он,— ставлю еще пару долларов за то, что старина Золотарь выбьет дух из этого Пушечного ядра.

(В 2500 миль на восток Джейк Лишер, вцепившись в Салли Харрис, выпалил одним духом: «О, Салли, если бы я мог написать об этом книгу!»)

Марго пошла дальше. Миссис Хиксон опять просигналила. Вслед за Марго в ворота медленно въезжал Хантер. Он резко бросил своим товарищам, столпившимся у машин:

— Вперед, идите вперед!

Впереди лучи прожекторов продолжали высвечивать белые стены зданий, выхватывая силуэты людей, которые сбились в неподвижные кучки и пялились на небо.

Еще два голубых луча ударили, но не с Чужака, а, по-видимому, из одного из боевых космических кораблей. Один из них прошил Скиталец.

В северной части мандалы образовался раскаленный добела сгусток, и когда ослепительный белый свет погас, на желто-фиолетовой поверхности Скитальца обозначилась дыра с рваными краями. Тишину прорезал истошный, наполненный болью крик Энн:

— Мамочка, они ранили Скитальца! Я ненавижу их.

Папаша, то и дело спотыкаясь и продолжая потрясать кулаками, рычал от переполнявшего его ликования:

— Так ему, так ему, врежь еще. Поубивайте друг дружку!

Неожиданно девять голубых лучей, не дойдя до Скитальца, развернулись веером, образовав бледно-голубую полусферическую завесу. Желтые и лиловые цвета были едва различимы, как в тумане. Фиолетовые лучи исчезли.

— Они топят их! — завопил Хиксон.— Это убийство.

— Не думаю, похоже, Скиталец выставил новый защитный экран,— возразил Маленький Человечек.

Пять ослепительных белых точек вспыхнули на стальной поверхности Чужака.

— Это ракеты достигли цели,— догадался Макхит.— Скиталец нанес ответный удар.

Аршин, прислонившись к борту грузовика и тяжело дыша, в агонии взывал к небесам:

— Как нам понимать это? Неужели космосом правят смерть и ненависть? Даже среди Высших?

Рама Джоун, не отрывая глаз от неба и прижимая к себе Энн, громогласно отозвалась:

— Боги транжирят богатства Вселенной, они, попользовавшись чудесами, превращают их в прах. Потому что они боги. Я ведь говорила вам — это демоны.

Энн посмотрела на нее осуждающе:

— О, мамочка...

Как правильно догадался Макхит, пять белых точек раздулись до бледных полусфер взрывов, однако вскоре они заметили, что взрывы не причинили Чужаку никакого вреда.

— Не знаю, как там насчет демонов, но твердо знаю одно: войны будут всегда,— сказал Хиксон, махнув рукой в сторону сражения.— Вот, полюбуйтесь, разве это не лучшее доказательство?

Миссис Хиксон высунулась из кабины и загадочно произнесла:

— Теперь ты говоришь толково, но какая от этого польза?

Тяжело дыша, Аршин выдавил из себя:

— Но если даже Высшие... и мудрейшие... Разве нельзя этому положить конец?

Тихим голосом, будто обращаясь к самому себе, Маленький Человечек произнес:

— Наверное, помощь всегда приходит снизу. Так было и будет.

Эти слова дошли до ушей Войтовича, и тот, продолжая смотреть на небо, спросил:

— Снизу? Что ты хотел этим сказать, Доддси? Уж не от нас ли?

Маленький Человечек посмотрел на него:

— Да, Войтович,— хмыкнул он, как бы сам удивляясь всей смехотворности своих слов,— от таких ничтожеств как ты и я.

Войтович покачал головой:

— Хе-хе,— рассмеялся он,— ну тогда я в дрезину пьян.

Продолжая все время двигаться, люди и машины вплотную приблизились к стенам, залитым светом прожекторов. Молодой человек в свитере обогнал Марго и, схватив за плечо майора, прокричал ему на ухо:

— Опперли приказал выключить эти чертовы прожекторы. Они мешают наблюдению.

При этих словах у Хантера возникла ассоциация с Архимедом, который заявил вражескому солдату, наступившему на его чертежи на песке: «Не смей топтать их».

По легенде солдат убил Архимеда, но майор лишь усиленно закивал головой и обернулся. Хантер узнал Бафорда Хамфри. Их взгляды встретились, и майор увидел сборище «фанатов НЛО» в полном составе, которых выставил из Ванденберга два дня назад. Он изумленно вытаращил глаза и недоуменно пожал плечами, затем, бросив быстрый взгляд в небо, сорвался с места и побежал, крича на ходу:

— Капрал, черт возьми, уберите свет!

Тем временем Марго ухватила молодого человека за рукав свитера и, не дав ему улизнуть, властно потребовала:

— Проведите нас к профессору Опперли! У нас для него важное сообщение. Вот, смотрите, у меня его записка.

— О'кей,— согласился он, не удосужившись даже взглянуть на измятый грязный клочок бумаги.— Следуйте за мной, и ради Бога, потушите фары,— он махнул рукой в сторону машин.

Огни фар погасли мгновением раньше прожекторов. Бледный свитер служил хорошим ориентиром для Хантера. В глу-

бине он различил экраны радаров и белый ствол полевого телескопа.

Голубые лучи над их головами вспыхнули по всей своей длине, и туманный занавес вокруг Скитальца исчез, оставив вместо себя сотни ослепительно-ярких белых точек.

Но даже когда Макхит, скосив глаза, крикнул: «Это взрывы», стало видно, что Скиталец соскользнул в сторону на расстояние порядка двух диаметров. Было ошеломляющее впечатление, что пошатнулись основы Вселенной. Сфера взрыва сделалась ярче по мере того, как взрывы белого цвета появились по другую сторону Скитальца, и от нее протянулась широкая полоса с рваными краями — туда, где взорвался Скиталец.

— Они потеряли инерцию, вся планета,— вскрикнул Кларенс Додд.

Теперь поверхность Скитальца была усеяна дюжиной черных дыр с рваными краями, из глубин которых исходило тусклое красноватое свечение.

С подвергшейся разрушениям стороны Скитальца по Чужаку ударил фиолетовый луч, более мощный, чем прежде.

Но когда он был уже на полпути к Чужаку, большая планета сделала стремительный рывок со скоростью лазерного луча, разрушая все понятия об устойчивости, и очутилась рядом со Скитальцем. Между ними не втиснулась бы даже и Луна.

Скиталец исчез.

Чужак дал бортовой залп по тому месту, где только что находился Скиталец.

— Черт возьми, они разнесли ее в пух и прах!—заверещал в экстазе Папаша.

— Нет, она исчезла на долю секунды раньше,— возразил Маленький Человечек.— Вы не могли этого не заметить.

Чужак, поверхность которого была покрыта лишь коричневыми и зеленоватыми шрамами, завис на пять секунд на месте и тоже исчез — как будто выключили гигантский электрический фонарь.

Сноп голубых лазерных лучей и один мощный фиолетовый, тускнея, расползались в противоположные стороны, тогда как шар взрыва на мгновение приобрел призрачно-бледный оттенок.

— Скиталец нырнул в гиперпространство,— сказал Макхит.

— Может быть, и так, но он конченый,— заметил Хиксон,— в нем понаделано столько дырок, и к тому же Чужак пустился за ним в погоню. Ему конец.

— Но у нас нет уверенности в этом. Он может навеки остаться беглецом,— возразил Хантер, мысленно добавив: «Как Летучий голландец».

— Нельзя быть даже уверенным, что они ушли туда,— нервно хохотнул Войтович.— Они могли перепрыгнуть куда-нибудь по другую сторону Земли.

— Верно,— вступил в разговор Маленький Человечек.— Мы ведь даже не видели, как они начали движение,— просто исчезли и все. И у меня такое чувство...

И только теперь, когда в сетчатках их глаз погасли остаточные изображения, до них дошло, что все они стоят в полной тишине лилово-чернильной ночи. Хантер вытащил ключ зажигания из «корвета», услышав, как сзади заглох мотор грузовика.

На черном небе замигали звезды — привычные, знакомые с детства звезды, которых не было видно уже три ночи.

Дон и Пол видели, как голубые и фиолетовые лучи расходятся, удаляясь в бесконечность.

Они были заняты каждый своим делом. Пол приложил к щеке платок, быстро пропитывающийся кровью. Дон внимательно следил за показаниями датчика, температуры поверхности ракеты и за экраном радара, показывающего южную Калифорнию.

Хотя под ними лежал всего лишь тонкий слой земной атмосферы, Дон для верности притормозил, чтобы убедиться, что основной двигатель работает.

— Ну что ж, они ушли,— сказал Дон.

— В бурю,— завершил его мысль Пол.— Скиталец потерпел крушение.

— Как же он в таком случае прорвался в гиперпространство? — поддел его Дон.

— Быть может, Скиталец ляжет в дрейф в ином космосе,— задумчиво пробормотал Пол.— Может, дрейфует себе, носимый гиперпространственными течениями, как потерпевший крушение корабль отдается на волю волн.

Дон бросил на него быстрый взгляд:

— Интересно, успела ли она вернуться вовремя?

— Конечно,— просто ответил Пол,— я уверен, что даже их тарелки способны развивать гиперсветовые скорости.

— Однако славненько она тебя исцарапала,— заметил Дон. И быстро добавил:— А у меня там не было никаких

романчиков.— Он крутнул верньеры и нахмурился, глядя на показания датчиков температуры.— Я думаю, у меня тоже не осталось никого там, внизу. Я хочу сказать, что, по-моему, у Марго с Хантером это всерьез.

Пол пожал плечами:

— А что ты хотел? Ты всегда предпочитал одиночество человеческому общению. Самосозерцание означает начало всякой любви.

Дон опять бросил на него быстрый взгляд:

— Готов поспорить: ты всегда любил Марго больше, чем я, я всегда об этом догадывался.

— Разумеется,— мрачно ответил Пол.— Она придет в ярость, узнав, что я потерял Мяу.

Дон хмыкнул:

— Интересно, что увидит эта кошка? — Но затем его тон изменился: — Ты хотел остаться с Тигришкой, да? Ты задержался, чтобы попросить ее об этом.

Пол кивнул:

— Но она была категорически против. А когда я спросил, какие чувства она испытывает по отношению ко мне, ответила этим,— он показал на свою кровоточащую щеку.

Дон хмыкнул:

— Это тебе в назидание за твою ненасытность.— И добавил в более легком тоне: — Не знаю, Пол, если бы я влюбился в такую даму из породы кошачьих, для меня эта пощечина означала бы подтверждение, что наши чувства взаимны.

Тарелочники стояли в кромешной темноте под куполом звездного неба. Затем, как им показалось, они очутились в слабо освещенной комнате, посреди которой за раскладным столиком восседал человек с тонкими чертами фараона. Марго двинулась к нему вслед за молодым человеком, и Хантер, выбравшись из машины, последовал их примеру.

Человек за столом смотрел куда-то в сторону. Раздался чей-то голос:

— Магнитные поля обеих планет исчезли, Оппи.

Марго громко заявила о себе:

— Профессор Опперли, мы охотимся за вами два дня. У меня есть пистолет, который обронили с тарелки. Он действует на основе инерционного поля. Мы надеялись, что докажем вам это, но, к сожалению, добираясь сюда, истратили весь заряд.

Он быстро взглянул на нее, затем перевел взгляд на пистолет, который она достала из-за пазухи. Его губы сузились в довольно гаденькой улыбочке:

— Мне он напоминает игрушечный пистолет, который продается в любом универмаге.

Затем, обернувшись к человеку, стоявшему позади него, спросил:

— Как насчет помех? Исчезли или..?

Быстрым движением Марго убрала стрелку индикатора на себя и, направив пистолет на стол, нажала курок. Опперли и молодой человек попытались было схватить ее, но остановились.

Несколько бумажек, три скрепки и карандаши поднялись в воздух и проплыли к дулу пистолета. На секунду зависнув на нем, они упали на пол.

— Должно быть, здесь играет роль электростатическое поле,— с интересом проговорил молодой человек в свитере, наблюдая, как предметы опускаются на землю.

— Он воздействует и на металлические предметы,— сказал другой, по имени Денисон.— Индукция?

— Я четко почувствовал, как туда же потянулась и моя рука,— произнес сам Опперли, растопырив пальцы руки, протянутой за пистолетом. Он опять взглянул на Марго:

— Так вы утверждаете, что он выпал из тарелки?

Она улыбнулась, протягивая ему пистолет:

— Мы также располагаем информацией от лейтенанта Дона Мерриама. Он намерен приземлиться здесь.

Опперли обратился к кому-то стоявшему сзади:

— Был ли Мерриам в числе пропавших без вести на Лунной базе?

— Он не пропал без вести,— резко вклинилась в разговор Марго.— Он улетел на одной из лунных ракет. Побывал на новой планете. Он пытается приземлиться здесь, должно быть, уже на подходе.

— И у него есть сообщение лично для вас, профессор,— добавил Хантер.— На новой планете имеются линейные ускорители длиной в земной радиус и такого же диаметра циклотрон.

Опперли ухмыльнулся:

— Мы только что стали свидетелями демонстрации этого, не так ли?

Но никто из них не заметил, как вблизи Марса вспыхнула звездочка. Это лазерный луч случайно угодил в Деймос,

спутник Марса, раскалив его до белого каления, что привело в неописуемое волнение Тиграна Бирюзова и его товарищей.

Опперли положил пистолет и поднялся из-за стола.

— Прошу вас, идемте со мной,— сказал он, обращаясь к Марго и Хантеру.— Нужно подготовить посадочную площадку.

— Минуточку,— заговорила Марго,— вы что, собираетесь оставить инерционный пистолет вот так просто лежать здесь?

— О,— извиняющимся тоном ответил Опперли.— Конечно, лучше, если он будет находиться у вас.— И он сунул пистолет в ее руки.

Ричард Хиллари и Вера Карлайл брели вдоль небольшой дороги, сворачивавшей на юг, туда, где возвышались холмы Чилтерн. Теперь они были не одни — рядом плелось несколько спутников.

Они обнаружили, что не только секс и дружба способны утихомирить порыв леммингов. Ричард все думал о Черных горах. Ему представлялось возможным добраться до них поверху, не спускаясь на равнины.

Утреннее солнце скрылось за северным туманом, наплывшим с запада, как раз когда Скиталец зашел в четверть по его времени. Затем они стали свидетелями странного явления. Как только Скиталец скрылся за облачным занавесом, он как бы возродился вновь — весь серебристо-серый и увеличившийся в размерах — в том самом месте, откуда исчез. Они принялись строить догадки о том, был ли это мираж Скитальца или новая, другая планета. Затем видение исчезло.

Вера остановилась и включила приемник. Со смиренным вздохом остановился и Ричард. Два путника, шедшие рядом, тоже остановились из чистого любопытства.

Вера медленно вращала ручку настройки. Помехи исчезли. Она включила приемник на полную громкость и продолжала вращать ручку настройки. Однако в эфире была тишина.

— Может, он поломался? — предположил кто-то.

Затем послышался слабый голос, сопровождаемый свистом, но когда она поймала волну, он зазвучал громко, нарушая покой молчаливых серых холмов: «Повторяем. Сообщение, полученное из Торонто и подтвержденное службами в Буэнос-Айресе и Новой Зеландии, позволяет с уверенностью констатировать тот факт, что обе планеты исчезли таким же образом, как и появились. Хотя это и не означает, что наступил конец приливным эффектам, но...»

Они продолжали вслушиваться. Со всех сторон дороги вокруг них собирались и собирались люди.

Багонг Банг, решив, что волны ушли далеко и они теперь в безопасности, решил приступить к осмотру своего мешка. До этого он сидел на нем, опасаясь, как бы мешок не смыло штормом, и придерживая руками сундучки с монетами, поднятыми с «Королевы Суматры». Наряду с обломками кораллов, гальки и ракушек в мешке темно мерцало старинное золото и три... нет — четыре красных рубиновых огонька.

Капитан Ситвайз взглянул с мостика на огромные пространства бразильской сельвы, покрытые тонким слоем грязи.

Судовой врач докладывал:

— По моим оценкам, количество пострадавших достигает восьмисот человек с переломами конечностей и четырехсот с переломами черепа.

Далее последовал доклад вахтенного офицера:

— Бразилия стала обладателем атомного города в джунглях, сэр. Представляю себе, чем все это может закончиться. Думаю, международному суду придется изрядно повозиться с этим делом.

Капитан Ситвайз кивнул, продолжая изучать странное зеленое море, по которому его корабль входил в гавань.

Барбара Кац смотрела на голубые воды, окружавшие «Альбатрос». Волнение почти сошло на нет. Солнце всходило над побережьем всего в двух милях от них. Хестер сидела с ребенком на руках на лестнице, ведущей в каюту.

— Бенджи,— обратилась Барбара,— там в одной из кают должны быть по крайней мере одеяла, если не полотно. Не смог бы ты соорудить небольшую мачту, установить парус и...

— Разумеется, мисс Барбара, смогу,— ответил он, потянувшись и широко зевнув, подставляя свою грудь солнечным лучам,— но прежде я собираюсь отдохнуть.

Пьер Рамбуйе-Ласпед с сожалением отбросил в сторону листки с расчетами задачи Трех Тел, которые теперь уже никогда нельзя было подтвердить. Он приблизил ухо к Франсуа Мишо. Молодой астроном взволнованно говорил:

— Мы, несомненно, решили ее. Сидерический день удлинился на три секунды в год. Эти планеты оказали ощутимое воздействие на Землю.

Марго и Хантер стояли рука об руку на краю посадочной площадки базы В-2.

— Тебя волнует предстоящая встреча с Доном и Полсм,— прошептал он,— но мы и так взвинчены и полны решимости...

— Нет,— ответила она, обняв его.— Я буду просто рада встретить их снова. У меня теперь есть ты.

«Да, это так»,— подумал он не совсем радостно. Теперь ему придется подстраивать жизнь к своей завоеванной любви. Сможет ли он бросить Вильму и ребятишек? Насовсем? Нет. Он был в этом уверен. Затем ему в голову пришла еще одна мысль.

— Но у тебя теперь есть и Опперли.

Улыбнувшись, Марго спросила:

— Что ты имеешь в виду, Росс?

— Да так, ничего особенного.

Вокруг них собрались и остальные тарелочники.

На другой стороне площадки находились Опперли и сотрудники его отдела. Несколько секунд назад с вышки доложили, что установлен контакт с «Бабой Ягой».

Над их головами в ночном небе раскинулись привычные, знакомые созвездия северного полушария, а на западе сияла россыпь новых звезд, некоторые были ярче Сириуса—сверкающие останки Луны.

— Хм-м, а ведь это забавно, что Луны больше нет,— сказал Хиксон.

— Одним махом из мифологии исчезли сотни богов,— заметила Рама Джоун.

— Мне так жалко Скитальца,— всхлипнула Энн,— надеюсь, им удалось убежать.

— Больше, чем исчезновение лунных богов,— мрачно обмолвился Аршин.

— Не обращай внимания, Чарли,— успокоила его Ванда.— Ты видел великие события. Все твои предсказания...

— Все мои мечты,— поправил он ее. Он нахмурился, сжав ее руку.

— А вот мое предсказание. Мы получим обратно двух богов взамен всех тех, которых потеряли,— сказал Хиксон.

— А мне наплевать — есть Луна или ее нет. Мне от нее ничего не перепало,— проворчал Папаша.

— Она так никогда и не растопила лед в сердце какой-нибудь хорошенькой девушки? — подначила его Марго.

— Нет Луны — нет приливов и отливов,— высказался Макхит.

— Да, но ведь существуют еще солнечные приливы и отливы. Совсем ничтожные, как на Таити,— поправил его Маленький Человечек.

— Интересно, а что произойдет с лунными осколками? Они так и будут летать кольцом? — спросила Марго.

Услышав это, Опперли пустился в объяснения:

— Нет, с исчезновением Скитальца — их гравитационного центра — осколки разлетятся в стороны со скоростью пять миль в час. В течение десяти часов некоторые войдут в слои земной атмосферы. Ожидается метеоритный дождь, но он не вызовет сильных разрушений, на мой взгляд. Кольцо лежит в плоскости, проходящей над нашим Северным полюсом. Большая часть осколков пролетит мимо. Многие из них перейдут на длинные эллиптические орбиты вокруг Земли.

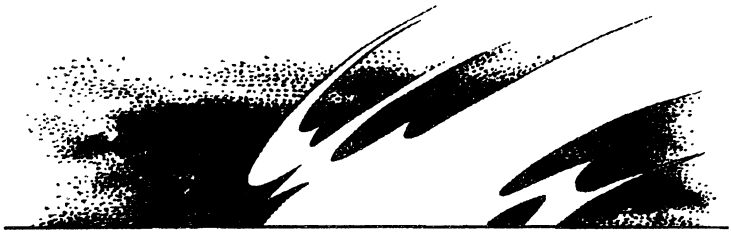
— Хм-м, как будто Док опять с нами и рассказывает разные интересные вещи,— довольно весело заметил Войтович.

— А кто это — Док? — спросил Опперли.

На какое-то мгновение все смолкли. Затем Рама Джоун сказала:

— О... был один человек.

В это время в зените вспыхнул желтый огонь, показалась лимонного цвета струя пламени, опускающаяся на Землю. Послышался слабо нараставший гул, как это бывает, когда камин полностью растоплен. Исчезло пламя реактивных двигателей, и «Баба Яга» коснулась Земли, завершив, наконец, свой долгий полет.

ВЕДРО ВОЗДУХА

A PAIL OF AIR

© 1954, by Galaxy Publishing Corporation
© Перевод. О.В.Клинченко, 1993

Папа попросил меня принести снаружи еще одно ведро воздуха. Я уже почти наполнил его, зачерпывая воздух лопаткой и чувствуя, как он высасывает тепло из моих пальцев, как вдруг увидел видение.

Вначале я подумал, что это молодая женщина. Да, с пятого этажа дома напротив, этажа, который находился чуть выше уровня белого покрова из замерзшего воздуха и под которым погребены остальные четыре, среди полного мрака и безмолвия на меня смотрело сияющее прекрасное лицо молодой леди. До этого момента я никогда прежде не видел живой молодой женщины, разве что в старых журналах — ведь Сис совсем еще ребенок, а Мама такая больная и несчастная,— и так испугался, что даже уронил ведро. Да и кто бы не испугался на моем месте, ведь я прекрасно знал, что все люди на Земле умерли и остались одни мы: Папа, Мама, Сис и я.

К тому же я совсем не считаю, что вместо испуга должен был испытать удивление. Всех нас время от времени посещают галлюцинации. Мама видит что-то очень плохое, если судить по тому, как она, уставясь безумными глазами в пустоту, кричит, кричит, а затем наспех одевается, выскакивает наружу и бродит вокруг Гнезда. Папа говорит, что это в порядке вещей и нечто подобное иногда может случаться со всеми нами.

Когда я поднял ведро и снова набрался духу посмотреть в окно, я отчасти понял состояние Мамы в такие моменты, ибо то, что я увидел, было вовсе не молодой женщиной, а просто светом — крошечным пятнышком света, которое, крадучись, медленно передвигалось от окна к окну. Казалось, с неба на лишенную покровительства Солнца Землю упала одна из этих ужасных маленьких звезд — спустилась, чтобы разузнать, почему Земля ушла от Солнца, а может, и для того, чтобы выследить кого-нибудь, замучить или запугать до смерти.

По правде говоря, от одной этой мысли у меня мурашки по спине забегали. Я стоял и трясся. Ноги совсем одеревене-

ли, а стекло шлема от сильного холода стало матовым, так что я не смог бы увидеть этот свет, даже если бы он вышел из дома и набросился на меня. Потом я все же сообразил вернуться внутрь.

Вскоре я уже привычно наощупь пробирался сквозь три десятка одеял, пледов, прорезиненных простыней, развешанных Папой для того, чтобы замедлить утечку из Гнезда воздуха, и страх потихоньку улетучивался. Я стал различать тиканье часов в Гнезде и понял, что вокруг меня снова воздух, ведь снаружи, в вакууме, не слышно ни одного звука. Но беспокойство и ощущение мурашек на коже осталось, даже когда я пролез сквозь последние одеяла (для лучшего сохранения тепла Папа обшил их алюминиевой фольгой) и вошел в Гнездо.

А теперь давайте я расскажу вам о Гнезде. Это просто тесная, с низким потолком комната, где находимся мы и наши вещи. Пол устлан толстыми ворсистыми пледами. Три из четырех сторон — это одеяла: из одеял сконструирована и крыша, которой Папа, когда встает, касается макушкой. Он говорит, что все это расположено внутри гораздо большей комнаты, но я никогда не видел ни настоящих стен, ни потолка.

Вплотную к одной стене примыкает множество полок с инструментами, книгами и другими вещами, на самой верхней из них выстроился целый ряд часов. Папа очень боится, чтобы часы не остановились, ведь для ориентировки у нас нет ни солнца, ни луны.

Четвертая стена тоже состоит из одеял, но в ней есть камин, в котором всегда горит огонь. Он не дает замерзнуть, однако это не единственное его предназначение. Кто-то из нас постоянно должен следить за тем, чтобы огонь не угас, и несколько будильников, стоящих среди обыкновенных часов на полке, помогают в этих дежурствах. Когда-то, в самом начале, Папу сменяла только Мама, но теперь, когда это стало ей не под силу, я да и Сис тоже можем посидеть, посмотреть за огнем.

Однако главный хранитель огня, конечно же, Папа. Я так его себе всегда и представляю: высокий мужчина, сидящий, скрестив ноги, у камина и с суровым беспокойством глядящий на огонь. В отблесках огня покрытое морщинами лицо кажется золотым; время от времени он берет из большой, находящейся рядом груды один уголек и осторожно подкладывает в камин. Папа рассказал, что когда-то, очень давно, и в самом деле существовали специальные хранительницы

огня — весталки, как он называл их,— хотя тогда и воздух был незамерзшим, и солнце было, и в огне, в общем-то, не так остро нуждались.

Сейчас он сидел именно в такой позе, но тут же встал и взял у меня ведро, накричав за то, что я застрял там надолго (заиндевевший шлем он разглядел моментально). Затем поднялась со своего места Мама. Она всегда старается найти какой-то выход своим переживаниям — так поясняет это Папа. Но он довольно быстро заставил ее замолчать. Сис тоже немного поорала в унисон с мамой и умолкла.

Прежде чем взяться за ведро, Папа обмотал руку тряпками. Здесь, внутри Гнезда, по-настоящему чувствовался исходящий от ведра холод. Казалось, оно буквально вытягивает тепло из окружающего пространства. Даже языки пламени съежились, когда Папа поставил его возле камина.

И все-таки именно это тускло поблескивающее голубоватое вещество в ведре и поддерживает в нас жизнь. Оно постепенно тает, исчезает из ведра, освежая Гнездо и питая огонь. Одеяла не дают ему улетучиться наружу слишком быстро. Папа запечатал бы Гнездо совсем, но нельзя: здание сильно покорежено землетрясениями, да и дымоход не закроешь. Правда, внутри дымохода, наверху, есть специальные штуковины (Папа называет их замедлителями тяги), которые тоже не позволяют воздуху уходить слишком стремительно. Иногда Папа шутя говорит, что просто не знает, как поддерживать их в рабочем состоянии и вообще сделать так, чтобы они работали.

Папа говорит, что воздух состоит из крохотных молекул, которые, если их ничего не сдерживает, в мгновение ока разлетаются в стороны. Нужно строго следить, чтобы воздух не закончился. Папа постоянно поддерживает большой его запас за первой стеной одеял, где вместе с воздухом хранятся уголь, коробки с продуктами, баночки с витаминами, еще что-то, как, например, ведра со снегом, чтобы, растапливая его, получать воду. За снегом мы должны спускаться на самый нижний этаж (путешествие не из приятных) и добывать его через наружную дверь.

Когда на Земле стало холодно, первой замерзла находившаяся в воздухе вода, образовав снежный покров толщиной около трех метров, а уж затем поверх него выпали кристаллы замерзшего воздуха и получился другой покров преимущественно белого цвета толщиной метров восемнадцать-двадцать.

Разумеется, составные части воздуха замерзали и выпадали снежными кристаллами в разное время.

Первым замерз углекислый газ. Набирая снег для воды, вы должны быть совершенно уверены, что копаете не слишком высоко и не наберете того и другого вперемешку, поскольку от углекислого газа заснете, и, возможно, навеки, а кроме того, он затушит огонь. Затем выпал водород, который никакой ценности для нас не представляет, хотя и составляет наибольшую часть покрова. Сверху, так, что до него можно легко добраться, находится кислород, который поддерживает в нас жизнь. Он бледно-голубой, и это помогает отличить его от водорода. Кислород замерзает при температуре более низкой, чем у водорода. Потому он и выпал последним.

Папа говорит, что мы живем лучше королей, так как дышим чистым кислородом, но мы к этому привыкли и не обращаем внимания.

И наконец, на самом верху — покрывало из странного вещества: жидкого гелия.

Все эти газы располагаются в несмешивающихся между собой отдельных пластах. «Как пушистые «котики» ивы»,— то и дело со смешком любит повторять Папа.

Меня просто распирало от желания побыстрее рассказать об увиденном. И потому я выпалил все, едва лишь стащив с себя шлем и еще не выбравшись из защитного костюма. Мама сразу занервничала, стала коситься на входные щели-разрезы в одеялах и заламывать руки, пряча, как обычно, кисть с тремя обмороженными пальцами внутри другой, здоровой. Папу это рассердило, и он принялся тут же ее успокаивать, но тем не менее, он знал, что я не дурачусь и не обманываю.

— Так ты, сын, некоторое время наблюдал за этим светом? — спросил он, когда я закончил свой рассказ.

В тот раз я ничего не сказал о лице молодой женщины. Почему-то меня это смущало.

— Я наблюдал за ним достаточно долго. За это время свет миновал пять окон и потом поднялся на следующий этаж.

— А не было это похоже на блуждающий электрический заряд, перетекающую жидкость, сфокусированный растущим кристаллом свет звезд или что-нибудь еще в этом роде?

Он просто высказывал первое, что приходило на ум. Странные вещи случаются в мире, где холодно почти так, как это только возможно: именно тогда, когда вы считаете замерзшее вещество мертвым, оно, быть может, принимает в себя новую, неизвестную жизнь. По направлению к Гнезду, будто

принюхивающийся к теплу зверь, ползет мерзкая слизь — жидкий гелий. А однажды, когда я был совсем маленьким, молния (даже Папа не мог представить, откуда она взялась) ударила в шпиль соседнего здания и затем несколько недель, постепенно угасая, блуждала внутри, пока в конце концов не потухла окончательно.

— Ничего похожего на то, что я когда-либо видел,— ответил я.

Он постоял несколько секунд, хмуро обдумывая услышанное, а потом произнес:

— Мы выйдем, и ты мне это покажешь.

Мама подняла вой, что ее оставляют одну, к ней присоединилась и Сис, но Папа быстро их утихомирил. Мы принялись влезать в наши костюмы для выхода наружу — мой уже успел прогреться. Их соорудил Папа. К костюмам полагались шлемы с тройными пластиковыми стеклами, бывшие некогда большими, двухразового использования прозрачными продуктовыми коробками, но по-прежнему сохранявшие тепло и воздух; в них можно было недолгое, но вполне достаточное для наших походов за водой, углем, едой и всем прочим время находиться снаружи.

Мама снова начала стонать и жаловаться:

— Я всегда знала, что снаружи есть что-то, только и ждущее момента, чтобы добраться до нас. Я предчувствовала это: что-то, каким-то образом связанное с холодом, ненавидит все теплое и хочет разрушить Гнездо. Оно все время следило за нами, а теперь идет сюда. Оно схватит вас, а потом придет к нам. Гарри, не уходи!

Папе оставалось надеть только шлем. Он опустился на колени возле камина, дотянулся рукой до длинного металлического стержня, который проходит через весь дымоход, чтобы отряхивать набившийся туда лед, и хорошенько за этот стержень подергал. Раз в неделю Папа поднимается на крышу проверить, все ли там в порядке. Это самое неприятное путешествие, и мне не разрешается ходить туда самому.

— Сис,— негромко сказал Папа,— последи за огнем. И не забывай про воздух. Если он будет заканчиваться или тебе покажется, что он кипит недостаточно хорошо, сходишь еще за одним ведром. Только береги руки: прежде чем взяться за него, обмотай их тряпками.

Сис оставила Маму наедине с ее страхом и сосредоточенно занялась тем,что ей было велено. Мама довольно неожиданно затихла, хотя в ее глазах по-прежнему светилось что-то дикое.

Она смотрела не отрываясь, как Папа закрепил свой шлем, поднял ведро и мы оба вышли.

Папа шел первым, за ним, держась за его пояс, я. Удивительное дело — когда я иду один, мне совсем не страшно, но когда впереди Папа, всегда хочется за него ухватиться. Думаю, это привычка, хотя не стану отрицать, что в этот раз я действительно был немного напуган.

Ведь вы только представьте: мы знаем, что снаружи все мертво, и последние голоса, которые Папе удалось поймать по радио, затихли много лет назад; он видел, как умерли последние остававшиеся в округе люди — им не повезло так, как повезло нам, они не были столь хорошо защищены. Поэтому если что-то и передвигалось снаружи, прощупывая все вокруг, то это не могло быть ни людьми, ни чем-то иным, дружелюбно к ним настроенным.

А тут еще это чувство, возникающее каждый раз, когда думаешь о вечной *холодной* ночи... Папа говорит, что в старые времена существовало нечто похожее на это чувство, но ведь тогда каждое утро вставало Солнце и это ощущение проходило. Приходится верить ему на слово — ведь я помню Солнце только как большую звезду. Это еще до моего рождения потухшая звезда выхватила нас у Солнца и, как утверждает Папа, оттащила уже за орбиту планеты Плутон, увлекая все дальше и дальше.

Мы видим, как она проходит по небу, закрывая собой звезды, а лучше всего ее контуры вычерчиваются на фоне Млечного Пути. Выглядит она довольно большой, по словам Папы,— из-за того, что расстояние между нами меньше, чем даже между планетой Меркурием и Солнцем. Но у нас нет особого желания смотреть на нее, а Папины часы всегда будут идти по солнечному времени.

Я поймал себя на мысли: интересно, а нет ли на потухшей звезде чего-то такого, что нас теперь разыскивает, и если да, то почему оно увлекло за собой Землю? Именно в этот момент мы подошли к месту, где коридор заканчивался, и я вслед за Папой вышел на балкон.

Не знаю, как выглядел город в старые времена, но сейчас он прекрасен. Свет звезд, доходящий до нас, позволяет разглядеть его достаточно хорошо — чернота над нами густо испещрена этими яркими точками, в ровном свете которых видны все окрестности.

(Папа рассказывает, что раньше звезды мигали, но это происходило из-за присутствия воздуха.) Мы находимся на

холме над мерцающей внизу равниной, разрезанной на аккуратные прямоугольники желобами, которые когда-то были улицами. Иногда я расчерчиваю так картофельное пюре, прежде чем добавить подливки.

Над укрытой пухом равниной громоздится несколько зданий повыше — с округлыми шапками из кристаллов воздуха, похожими на мамин меховой капюшон, только белее. В зданиях видны квадраты окон, подчеркнутые белыми штрихами. Некоторые из этих окон расположены косо из-за того, что многие здания сильно искорежили землетрясения, происшедшие, когда Землю увлекла потухшая звезда.

Отовсюду свисают сосульки: одни — из воды, замерзшей в первые дни похолодания, другие — из замерзшего воздуха, который, тая на крышах, капал и замерзал вновь. Порою свет какой-нибудь звезды, отражаясь от одной из сосулек, становится таким ярким, что кажется, будто звезда падает на город. Именно это, среди прочего, и имел в виду Папа, когда я сказал о пятне света, хотя я и сам поначалу подумал так же, пока не убедился, что это не так.

Он слегка наклонился ко мне (наши шлемы соприкоснулись — так легче разговаривать) и попросил показать ему те окна. Но сейчас ни в них, ни где-либо еще света не было. К моему удивлению, Папа не стал ругаться и говорить, что у меня были галлюцинации. Наполнив ведро, он еще раз спокойно осмотрелся вокруг, но как только мы зашли внутрь, вдруг быстро вернулся, словно пытаясь врасплох застигнуть то, что могло за нами подглядывать.

Я испытывал точно такое же чувство. Отныне спокойная жизнь для нас кончилась: снаружи было нечто, что пряталось, следило, выжидало и готовилось.

Уже внутри, снова коснувшись моего шлема, он сказал:

— Если опять увидишь что-то подобное, сын, не говори остальным.Твоя Мама немного нервничает последнее время, и мы, как только можем, должны внушать ей чувство уверенности и убеждать, что нам ничто не грозит. Однажды — это случилось, когда только родилась твоя сестра,— я уже был готов сдаться и умереть, но твоя Мать удержала меня. В другой раз, когда я заболел, она одна следила за огнем целую неделю. Ухаживала за мной да еще заботилась о вас.

Помнишь игру, в которую мы иногда играем, сидя по углам Гнезда и перебрасывая друг другу мячик? Мужество — как этот мячик, сын. Один человек может держать его у себя лишь некоторое время, а затем должен перебросить кому-то друго-

му. Когда бросают тебе — ты должен поймать его и удержать. Если же ты устал быть смелым, остается только надеяться, что его бросят не тебе.

От этих слов и от того, как он со мной говорил, я почувствовал себя взрослым и сильным. Но это не помогло избавиться от засевшего глубоко в памяти видения. Наверное, из-за того, что Папа воспринял все слишком серьезно.

Все же такие мысли скрывать тяжело. Когда мы вернулись в Гнездо и сняли защитные костюмы, Папа громко рассмеялся и стал подшучивать надо мной и моим воображением. Но все его старания пропали даром. Маму и Сис он переубедил не больше, чем меня. Какое-то время казалось, что все мы теряем из рук этот мячик-мужество. Нужно было что-то предпринять, и еще точно не зная, что собираюсь сказать, я услышал, как прошу Папу рассказать нам о старых днях и о том, как все это случилось.

Иногда он соглашался, и нам с Сис действительно нравилось его слушать. Кроме того, он меня понял. В одно мгновение мы устроились рядышком у камина, Мама придвинула к огню несколько коробок с продуктами для ужина, чтобы оттаяли, и Папа начал рассказывать. Однако прежде я заметил, как он, будто ненароком, взял с полки молоток и положил возле себя.

Это был тот же рассказ, что и всегда. Думаю, я и среди сна смог бы легко пересказать его, хотя Папа постоянно добавлял одну-две новые подробности.

Он говорил нам, что когда-то Земля вращалась вокруг Солнца, такого надежного и теплого, а люди на Земле делали деньги и оружие, приятно проводили время, стремились достичь власти, поступали друг с другом то хорошо, то плохо. Как вдруг, совершенно неожиданно, из космоса явилась эта коварная мертвая звезда, это сгоревшее солнце, и все пошло наперекосяк.

Знаете, даже трудно представить, что чувствовали тогда эти люди. Это труднее, чем представить, что когда-то их было много-много — целые массы. Вот они готовятся к ужасной войне, которую сами же и придумали. И дабы избавиться от этой изматывающей нервы неясности, хотят, чтобы она побыстрее началась, или, в крайнем случае, чтобы с ней было покончено. Как будто все не должны держаться друг за друга и соединить вместе свои частички тепла просто для того, чтобы выжить. И как они могли надеяться увернуться от опасности? Это все равно, как если бы мы надеялись, что на Земле потеплеет.

Я думаю, Папа иногда преувеличивает, изображая все в чересчур уж сером свете. Время от времени он злится на нас, возможно, злился и на остальных людей. И все же кое-что из того, что я прочитал в старых журналах, кажется мне довольно диким. Наверное, он все-таки прав.

Потухшая звезда, продолжал свой рассказ Папа, стремительно приближалась, так что времени на подготовку было мало. Поначалу люди пытались сохранить это в тайне от большинства, но затем начались землетрясения, наводнения — представляете, целые океаны *незамерзшей* воды! — да и, кроме того, каждый, кто посмотрел бы на небо, мог уже заметить, что в ясную ночь что-то закрывает звезды, и правда вышла наружу. Сперва они ошиблись, думая, что эта звезда столкнется с Солнцем, затем предположили, что она столкнется с Землей. Возникла даже паника — люди старались добраться до места, которое называлось Китай, поскольку думали, что звезда ударит с другой стороны. И не с тем, чтобы спастись — это все равно бы не помогло, просто они совсем обезумели от страха. Однако потом люди обнаружили, что Землю она не заденет, хотя и пройдет очень близко.

Большая часть планет находилась по другую сторону от Солнца, и их все это не касалось. На некоторое время между Солнцем и пришельцем завязалась борьба: они тащили Землю в разные стороны по замысловатой кривой, как две собаки, которые не могут поделить кость (так описал это Папа сегодня), но пришелец в конце концов выиграл и унес нас с собой. Солнцу же достался утешительный приз: в последнюю минуту ему удалось отхватить себе Луну.

Потом наступил период чудовищных землетрясений и наводнений — в двадцать раз более сильных, чем когда-либо прежде. Это было время Броска Вниз, как называет его Папа,— когда, выходя на более близкую к потухшей звезде орбиту, Земля увеличила свою скорость.

Я спросил Папу, а не дергала ли на себя Земля звезду, как, например, дергает меня, ухватив за воротник, он, когда я сижу слишком близко от огня. Но Папа ответил, что нет, потому что гравитация действует по-другому. Это было что-то вроде рывка, но никто его не почувствовал. «Наверное, так, будто тебя толкают во время сна»,— подумал я.

Так как потухшая звезда летела в космосе быстрее Солнца и в противоположном от него направлении, то, чтобы увлечь за собой

нашу планету, ей нужно было заставить нас двигаться быстрее.

Бросок Вниз продолжался недолго и закончился, как только определилась новая орбита, по которой Земля вращалась вокруг потухшей звезды. Но пока он длился, происходили ужасные землетрясения и наводнения, в двадцать раз сильнее, чем когда-либо раньше. Папа говорит, что рушились скалы, дома, расплескивались океаны; болота и песчаные пустыни вздыбились, нахлынули на окружавшие их территории и погребли под собой. Воздушный слой, который все еще окутывал планету, местами становился настолько тонким, что люди теряли сознание и брякались на землю, а кроме того, начались пришедшие с Броском Вниз землетрясения, и они падали и не могли подняться, переломав себе кости или разбив голову.

Мы часто спрашиваем Папу о том, как вели себя люди: были они напуганы или сохраняли мужество, сходили с ума или были просто оглушены происшедшим, или же все вместе. Но он всегда как-то недоверчиво относился к этому вопросу, вот и сегодня тоже: сказал, что большую часть времени был слишком занят, чтобы обращать на это внимание.

Дело в том, что Папа вместе с несколькими своими друзьями-учеными частично смог рассчитать, что должно произойти: они знали, что звезда увлечет нас с собой, что воздух замерзнет, и работали, как сумасшедшие, чтобы обустроить помещение с непроницаемо-закупоренными стенами и дверьми, теплоизоляцией, большим запасом продуктов, горючего, воды и сжиженного воздуха. Но это помещение было полностью разрушено во время одного из последних землетрясений, погибли и все Папины друзья. Надо было начинать все заново, наспех, используя то, что попадет под руку: он должен был соорудить Гнездо.

Пожалуй, Папа говорит правду, утверждая, что у него не было времени следить за тем, как ведут себя другие,— и тогда, и после, когда наступил Великий Холод. А наступил он очень быстро, потому что потухшая звезда стремительно уволакивала нас все дальше, а также потому, что из-за этой войны по перетягиванию нас то на одну, то на другую сторону и из-за всех последовавших за этим событий вращение Земли замедлилось и ночи стали длиннее.

И все-таки я получил представление о случившемся, глядя на замерзших людей. Несколько из них находились в других

комнатах нашего здания, другие скопились возле печек в подвалах, куда мы ходим за углем.

В одной из комнат на стуле сидит окоченевший старик с наложенными на руку и ногу шинами. В другой на кровати, свернувшись калачиком, лежат мужчина и женщина. Из-под одеял чуть видны их головы — одна возле другой. А еще в одной — укутанная в бесчисленное количество пледов и шалей, сидит красивая молодая леди, с надеждой глядя в направлении двери, будто ожидая кого-то, кто так и не вернулся с теплом и едой. Конечно, они неподвижны и холодны, как статуи, но выглядят просто как живые.

Однажды, посветив фонариком, их мельком показал мне Папа — тогда еще был изрядный запас батареек и он мог позволить себе потратить немного электроэнергии. Я сильно перепугался, и у меня учащенно забилось сердце, особенно при виде девушки.

Сейчас, когда Папа в который раз рассказывает эту историю, стараясь развеять наш страх, вызванный иным происшествием, я снова вспомнил о замерзших людях. Внезапно мне пришла в голову мысль, от которой я испугался так, как не пугался никогда еще в жизни. Я вдруг вспомнил лицо, увиденное, как показалось, в окне. Пытаясь утаить это от других, я сам начисто забыл о нем.

А что, спросил я себя, если замерзшие люди снова оживают? Что, если они как жидкий гелий, в который вдохнули новую жизнь, и он пополз в сторону тепла в то время, как вы уже полностью уверены, что эти молекулы должны были замерзнуть навсегда? Или как электричество, которое движется, не останавливаясь, когда вокруг почти так же холодно, как теперь? Что, если все усиливающийся холод, когда температура, медленно-медленно понижаясь, сползает до отметки абсолютного нуля, непостижимым и таинственным образом пробудил в замерзших людях жизнь, но не теплокровную, а какую-то ледяную и ужасную?

Это было бы даже страшнее, чем если бы что-то с потухшей звезды спустилось сюда в поисках нас.

А может, подумал я, и то и другое верно? Нечто приходит с потухшей звезды и заставляет замерзших людей двигаться, используя их в качестве исполнителей своей воли? Этим можно было бы объяснить сразу две вещи, виденные мною: прекрасная молодая женщина и движущееся, похожее на звезду, пятно света. Замерзшие люди и затаившийся в их

немигающих глазах разум с потухшей звезды, крадучись, бесшумно появляются отовсюду, неотвратимо приближаются, влекомые исходящим из Гнезда теплом, возможно, жаждая его, но скорее всего ненавидя и желая, загасив наш огонь, покончить с ним навсегда.

От этой мысли мне стало по-настоящему не по себе и жутко захотелось поделиться своими опасениями с остальными, но я вспомнил, что сказал Папа, и молча стиснул зубы.

Мы все сидели не шелохнувшись. Даже огонь горел совершенно бесшумно. Были слышны только голос Папы и тиканье часов.

И вдруг, откуда-то из-за одеял, мне почудился едва уловимый шорох. Я весь сжался, по телу пробежала дрожь.

Папа как раз рассказывал о первых годах, проведенных в Гнезде, и дошел до того места, где он обычно ударяется в философствование.

— Поэтому я и спросил себя тогда,— говорил он,— какой смысл растягивать это еще на несколько лет? Зачем продлевать заранее обреченное существование в тяжелой работе, среди холода и одиночества? Человечество погибло. Земля погибла. Зачем же жить, спросил я себя, и внезапно получил ответ на свой вопрос...

Здесь я снова услышал этот шорох, на этот раз уже более громкий — что-то вроде неуверенных, шаркающих и все приближающихся шагов. У меня перехватило дыхание.

— Жизнь всегда была тяжелой работой и борьбой с холодом,— продолжал Папа.— И Земля всегда была одинока в космосе, находясь на расстоянии миллионов километров от ближайшей планеты. И какая разница, сколько еще могло просуществовать человечество,— все равно однажды ночью пришел бы конец. Все это не важно. Важно только то, что жизнь хороша сама по себе. Она чудесна в своей сути, как пушистый мех наощупь, или как лепестки цветов — вы их никогда не видели, но знаете наши цветы изо льда,— или как языки пламени, где не бывает двух одинаковых. Это стоит всего остального. И это так же верно для последнего человека, как и для первого.

И все-таки шаги шаркали ближе и ближе. Мне показалось, что одно из одеял слегка покачнулось. В воображении опять всплыли неотступно преследовавшие меня, внимательно вглядывающиеся замерзшие глаза.

— И я тут же...— вел дальше Папа, но теперь я был окончательно уверен, что и он слышит шаги и намеренно

говорит громче, чтобы мы, по возможности, их не слышали,— ...тут же сказал себе, что буду продолжать жить, пусть даже перед нами и целая вечность. У меня будут дети, и я научу их всему, чему смогу. Я усажу их за книги. Буду строить планы на будущее, пытаться расширить и закупорить Гнездо. Я сделаю все, что смогу, чтобы все здесь было в порядке и становилось лучше. Я не разучусь интересоваться даже холодом, мраком и далекими звездами.

В этот самый момент одеяло и в самом деле дернулось и приподнялось. Откуда-то из-за него разливался яркий свет. Папин голос умолк, его взгляд устремился ко все расширявшемуся проходу, а рука нащупывала и наконец крепко ухватила рукоятку лежавшего рядом молотка.

В разрез между одеялами вошла прекрасная молодая леди. Она остановилась, как-то странно глядя на нас и держа в руке что-то, испускающее яркий ровный свет. Из-за ее спины выглянули еще два лица — мужских, бледных и удивленных.

У меня замерло сердце, и я бы, наверное, просто умер от страха, если бы через несколько секунд (за которые мое сердце должно было сделать четыре или пять ударов) не осознал, что она была в костюме и шлеме, похожих на те, что смастерил Папа, разве что позамысловатее и красивее, и что в таких же одеждах были и мужчины,— совершенно ясно, что замерзшие люди так бы не одевались. Кроме того, я заметил, что светящийся предмет в ее руке — всего лишь небольшой фонарик.

Мама, теряя сознание, медленно и тихо сползла вниз.

Еще некоторое время стояла абсолютная тишина. У меня пересохло во рту, и я через силу сглотнул. Но затем все вдруг пришли в себя и взволнованно загалдели.

Как вы уже поняли, это были обычные люди. Мы оказались не единственными, кто выжил, хотя думать так имели все основания. Кроме нас выжило еще довольно много людей, в том числе и эти трое. А когда мы выяснили, *каким образом* им это удалось, Папа даже закричал от переполнявших его восторга и радости.

Они живут в Лос-Аламосе. Тепло и энергию дает им атом. Только урана и плутония, которые раньше шли на создание атомных бомб, хватило бы на тысячелетия. У них есть настоящий небольшой загерметизированный город с воздушными шлюзами и всем таким прочим. Они вырабатывают электричество и с его помощью выращивают растения и

животных. (Здесь Папа издал еще один радостный вопль, который вывел Маму из обморока.)

Но если мы были поражены, увидев их, то они поразились вдвойне, обнаружив нас.

Один все время повторял:

— Но это же невозможно, говорю я вам. Вы не можете обеспечивать подачу воздуха, не имея герметичного помещения. Это же совершенно невозможно.

Он произносил это, уже сняв шлем и вдыхая наш воздух. А молодая леди все так же продолжала разглядывать нас, будто каких-то святых, говоря, что мы просто нечто поразительное, но вдруг не выдержала и расплакалась.

Они производили здесь разведку в поисках выживших людей, но никак не ожидали найти их в месте, подобном нашему. У них есть реактивные самолеты и много химического топлива. Что же касается жидкого кислорода, то все, что нужно для его получения, это выйти наружу и набрать его с самого верхнего слоя покрова. Когда они смогли полностью все отладить у себя в Лос-Аламосе, то решили отрядить несколько экспедиций в районы, где, по их мнению, могли оставаться живые люди. Попытки использовать радиосигналы на больших расстояниях ни к чему, разумеется, не привели, так как уже не существовало ни атмосферы, ни ионосферы, благодаря которым эти сигналы способны были огибать поверхность Земли. Вот почему замолчало и наше радио.

Они отыскали колонии в Аргонских лесах, Брукхэвене, а также и на другой стороне планеты, в Харвелле и Тувинской республике. Сейчас они мимоходом исследовали наш город, в общем-то и не надеясь кого-нибудь здесь найти. Но их прибор, который улавливает самые незначительные тепловые волны, показал, что внизу есть что-то теплое, и чтобы это проверить, они и приземлились. Конечно же, мы не могли слышать, как они садились, ведь звуки в вакууме не распространяются, а им, прежде чем нас обнаружить, пришлось довольно долго покружить. Приборы указывали неправильное направление, и они потратили некоторое время, обследуя здания на противоположной стороне улицы.

Теперь все пятеро взрослых говорили, не умолкая ни на секунду. Папа показывал мужчинам, как ему удавалось поддерживать огонь, избавляться ото льда в дымоходе и все такое прочее. Мама, чудесно оживившись, демонстрировала молодой леди свою стряпню и шитье и даже интересовалась, как

одеваются женщины в Лос-Аламосе. Гости изумлялись решительно всему и превозносили увиденное до небес. Хотя по тому, как они морщили носы, можно было заключить, что Гнездо пахло довольно-таки отвратительно, о чем они, впрочем, ни разу не обмолвились, а только сыпали и сыпали вопросами.

Среди всеобщего возбуждения Папа совершенно забыл о самых непреложных вещах, вспомнив о них только тогда, когда все уже начали чувствовать головокружение и слабость: заглянув в ведро, он обнаружил, что весь воздух в нем выкипел. Он быстро принес из-за одеял еще одно. Разумеется, это вызвало настоящий взрыв смеха, и все опять как ни в чем не бывало затараторили. Из-за отсутствия у гостей привычки к такому количеству кислорода они даже немного от него опьянели.

Однако странное дело: почти все это время я молчал, да и Сис крепко вцепилась в Маму, и когда кто-нибудь обращал свой взгляд на нее, тут же пряталась за ее спиной. Я чувствовал себя достаточно неловко и смущенно, особенно по отношению к молодой леди. Увидев ее мельком там, снаружи, каких только сентиментальных вещей я не передумал, но сейчас испытывал лишь стеснение и испуг, хотя она и пыталась быть со мной чрезвычайно любезной.

Мне захотелось, чтобы они перестали тут толпиться и дали нам побыть наедине, прийти в себя.

И когда пришельцы как о само собой разумеющемся заговорили о нашем переезде в Лос-Аламос, я заметил, что нечто подобное моему чувству проступило и на лицах Папы и Мамы. Папа вдруг замолчал, а Мама, обращаясь к молодой леди, сказала, что не знает, как себя там вести, и что вообще-то у нее нет никакой одежды.

Поначалу это вызвало у гостей страшное недоумение, но потом они поняли. А Папа сказал:

— Было бы нехорошо дать этому огню погаснуть.

Итак, наши пришельцы ушли, но они вернутся. Так и не было решено, как все будет дальше. Может, Гнездо сохранится в качестве некой «школы выживания», как сказал один из них. А может, мы присоединимся к группе первых поселенцев, которые попытаются основать новую колонию на урановых рудниках возле Большого Невольничьего озера или в Конго.

Теперь, когда наши гости ушли, я, конечно же, часто думаю о Лос-Аламосе и других громадных колониях. Мне ужасно хочется увидеть их самому.

Если вы спросите меня о Папе, то ему тоже хотелось бы побывать там. Глядя, как оживились Мама и Сис. он стал подолгу над чем-то задумываться

— Сейчас мы узнали, что мы не единственные, а это совсем меняет дело,— поясняет он мне.— У твоей Матери больше нет чувства безысходности. Да и у меня, кстати, тоже, ведь на мне уже не лежит ответственность за продолжение, так сказать, человеческой расы. А такая ответственность не может не пугать.

Я посмотрел на стены из одеял, на огонь в камине, на ведра с кипящим воздухом, на Маму и Сис, спящих в тепле, освещенных мерцающим светом пламени.

— Нам будет очень нелегко покидать Гнездо,— сказал я, едва сдерживаясь, чтобы не закричать.— Оно такое маленькое, и нас здесь всего четверо. Мне страшно при одной мысли о больших поселениях и множестве незнакомых людей.

Папа кивнул и положил в камин один уголек. Затем, поглядев на слабый огонь, вдруг хмыкнул и подбросил в него еще пару пригоршней, словно сегодня был чей-то день рождения или Рождество.

— Этот страх у тебя скоро пройдет, сын,— произнес он.— Дело в том, что прежде наш мир становился все меньше и меньше, пока не сжался до размеров Гнезда. Теперь же пора снова начать двигаться к тому огромному настоящему миру, каким он был когда-то.

Я думаю, Папа прав. Вы полагаете, прекрасная молодая леди будет ждать, пока я вырасту? Я спросил ее об этом. Она благодарно улыбнулась, а затем сказала, что у нее есть дочь, которой почти столько же лет, сколько и мне, и что в атомных поселениях есть много детей. Вы можете себе такое представить?

БОЙЦЫ МАРСА

THE FOXHOLES OF MARS

© 1952, by Standart Magazines, Inc.
© Перевод. О.В.Клинченко, 1993

Направляясь всегда в противоположную изломанной линии горизонта сторону, машины смерти двигались к нему — подкрадываясь, торопясь, пуская ракеты, вгрызаясь и прокладывая туннели. Это походило на то, как если бы весь этот освещенный лиловым солнцем мир сговорился окружить его и раздавить. На западе — запад остается западом на всех планетах — глухо лопались атомные бомбы, вырастали бесполезные гигантские грибы. Пока еще невидимые, входя в атмосферу, ревели космические корабли — далекие, как боги, они уже сотрясали желтый свод небес. Даже почва таила в себе коварство — ее мутило от искусственных землетрясений.

Мать без детей, планета еще в меньшей степени была матерью для людей Земли.

— Что ты никак не выбросишь это из головы? — говорили ему другие.— Это сумасшедшая планета.

Но он не мог выбросить это из головы, потому что знал: они говорили правду.

Он пригнул голову и весь сжался: аппараты несколько раз раскололись, изрыгая пламя, и рассыпались каскадом брызг. Скоро снаряды должны будут упасть вниз, и враг подберет развороченный предмет, который он называл целью. Какой это уже был раз? Шестой? Или седьмой? А сколько ног у солдат другой стороны — шесть, восемь? Кажется, враг был довольно-таки сильно дезорганизован, если судить по тем частям, которые вели действия в этом секторе.

Хуже всего был звук. Бессмысленный механический визг дробил череп, и мысли громыхали в нем, как семена в высохшем стручке фасоли. Неужели кто-нибудь любил эту передающую сотрясения смесь газов, в шутку названную воздухом? Даже космический вакуум не так ненавистен — вакуум безмолвен и чист. Он начал медленно поднимать руки, чтобы закрыть уши, но вдруг замер и, содрогаясь в конвульсиях, беззвучно захохотал, зарыдал без слез. Это было галактическим сообществом, галактической империей. Когда-то

он незаметно исполнял отведенную ему роль на одной из этих милых, тихих планет. А теперь? Галактическая империя? Галактический навоз! Пожалуй, он всегда вот так же сильно ненавидел всех тех, с кем ему приходилось служить. Но до войны его ненависть была крепко спеленана и тщательно им подавлялась. Сейчас она была спеленана еще крепче, но в своих мыслях он ее больше не сдерживал. Смертоносное приспособление, порученное его заботам и некоторое время молчавшее, снова застрекотало, обрушивая огонь на машины врага, но его голос практически потонул в грохоте тех, по кому он стрелял,— как протест озлобленного ребенка в толпе самодовольных взрослых.

Вышло так, что они прикрывали отход марсианских саперов и уже должны были как можно быстрее уносить ноги сами. Офицер, бежавший рядом с ним, упал. Он заколебался. Офицер материл новый, но бесполезный для ходьбы изгиб, появившийся на его ноге. Остальные, включая покрытых черными панцирями марсиан, бежали далеко впереди. Он затравленно огляделся вокруг, будто собираясь совершить какое-то чудовищное преступление. Потом поднял офицера и, пошатываясь, как юла, у которой заканчивается завод, пошел за отступавшими. Когда они достигли относительно безопасного места, на его лице оставался все тот же ужасный оскал.

Этот оскал не исчез даже тогда, когда офицер в отрывисто-грубоватой форме, но все же очень искренне поблагодарил его. Как бы там ни было, ему дали за это орден «За воинские заслуги на планетах».

Он отрешенно уставился в свой жестяной котелок с водянистым супом и плававшими в нем крохотными кусочками мяса. В подвале царила прохлада, даже стулья, хоть и сделанные для существ с четырьмя ногами и двумя руками, оказались удобными. Отсвет лилового дня был здесь приятно приглушен. Звук, как кошка за мышкой, ушел куда-то в сторону. Он был один.

Конечно, жизнь никогда не имела смысла, если не считать смыслом ту леденящую, злобную насмешку, таившуюся в демонах атомных бомб и в серебристых исполинах, нажимавших кнопки далеко в космосе. У него же не было ни малейшего желания соперничать с ними. Они, эти гиганты, совершенствовались в этом десять лет, однако по-прежнему никто из них не мог произнести больше, чем: «Ты быть идти копать себе яму».

Можно было почти как в старые времена дать себе передышку, и он, слегка потворствуя своей прихоти, при величественно-фальшивом присутствии галактической империи постарался задуматься о том, что жизнь все-таки может иметь смысл. Но именно сейчас, когда ему так нужна была такая иллюзия, она убегала от него, издевалась над ним, а вместе с ней над ним издевались и его собственные фантазии, порожденные стремлением обрести эту иллюзию.

Существо на трех ногах выпрыгнуло из сумерек и нерешительно остановилось на некотором расстоянии, тонко намекая, что не прочь бы поесть. Поначалу ему показалось, что это ригелийский трипедал, но потом он разглядел обыкновенную кошку с Земли, впрочем, без одной ноги. Передвигалась она карикатурно, но вполне уверенно и даже с некоторым изяществом. Даже представить себе было трудно, как она могла попасть на эту планету.

«Но пусть это тебя не беспокоит, Троеножка, мы забудем, что ты чуть-чуть отличаешься от других кошек,— с горечью думал он.— Ты охотишься в одиночку. Спариваешься с себе подобными, но только потому, что в этот момент тебе больше всего этого хочется. Ты не создаешь себе единого божества из себе же подобных и не поклоняешься ему, не тоскуешь по столетьям света этой империи, молчаливо не изводишь себя из-за этого и не льешь смиренно свою кровь на этот космический жертвенник.

Ты не даешь провести себя, слыша, как под тысячью разных лун лают собаки о величии человечества или как вздыхает от пресыщения бессловесный благодарный скот, благодарно пережевывающий свою жвачку под красными, зелеными и лиловыми солнцами. Ты принимаешь нас как что-то иногда полезное для тебя. Ты входишь на наши космические корабли так же, как приходила к нашим кострам. Ты используешь нас. Но когда мы уйдем, ты не будешь чахнуть на наших могилах или умирать от голода в загоне. Ты обойдешься без нас или, по крайней мере, попытаешься это сделать".

Кошка мяукнула, и он бросил ей кусочек мяса, который она проворно поймала, приподнявшись на двух здоровых задних лапах. Наблюдая, с какой грациозностью она им лакомится (хотя от истощения у несчастной выпирали ребра), он вдруг отчетливо увидел перед собой лицо Кеннета, такое же, каким он видел его последний раз на Альфе Центавре-Duo*. Оно казалось реальным, даже отбрасывало тень в бордо-

*Два (лат.).

вых сумерках. Полные интеллигентные губы с бороздками морщинок в углах, исподволь оценивающие глаза, желтоватая от долгого пребывания в космосе кожа — все как тогда, когда они жили в одной комнате в «Знамении Сгоревшего Самолета». Но сейчас в этом лице были живость и какая-то искорка, то, чего раньше он не замечал. Он не решался приблизиться к этой иллюзии, хотя и очень хотел. Только смотрел. Потом сверху до него донесся топот сапог, и кошка, сгорбив заднюю часть своего тела, совсем как трипедал, быстро поскакала прочь. Видение исчезло. Он долго сидел, пристально всматриваясь в то место, где видел кошку, испытывая незнакомое чувство мучительной горечи, будто умерло единственное в мире стоящее существо. Затем с увлеченностью двухлетнего ребенка он принялся за еду, иногда застывая на некоторое время с наполненной ложкой супа в руке.

Была ночь. Как два утомленных глаза, сквозь белесую дымку проглядывали красноватые луны, и в обступивших его тенях все пришло в движение. Он выглянул украдкой, напряженно всматриваясь в темноту, но из-за неровного, искореженного ландшафта разобрать что-либо было тяжело. Слева, из подземного убежища, появились три человека. Они шли, о чем-то перешептываясь и приглушенно смеясь. Один из них, кого он хорошо знал (коренастый солдат с огромными глазами, растянутым в глупой улыбке ртом и рыжеватой щетиной на подбородке), приветливо ему улыбнулся, подчеркивая таким образом легкость полученного задания. Потом они припали к земле и поползли в сторону, где, предположительно, залегли вражеские (шести- или восьминогие?) разведчики. Скоро он потерял их из виду. В ожидании неприятеля оружие он держал наизготовку.

Почему он так слабо ненавидел вражеских солдат? Не больше чем ненавидит песчаных драконов охотящийся на них марсианин. Его отношение к врагам было сдержанным, почти отвлеченным. Как он мог ненавидеть что-то, что так сильно отличается от него? Он мог только изумляться, что и оно обладает разумом. Нет, враг был просто мишенью, хотя и опасной мишенью. Однажды он видел, как одному из солдат противника удалось избежать смерти, и это доставило ему такую радость, что он захотел по-дружески помахать этому существу рукой, даже если в ответ оно могло только пошевелить своим щупальцем. Но что касается людей, с которыми он сражался плечо к плечу, то для них он делал вид, что лица марсиан, голоса, телодвижения ему отвратительны. Клял их, как проклинает их

любой другой. Одни и те же ругательства в их адрес, избитые фразы и шутки. И все до такой степени преувеличено, что создавалось впечатление, будто его носом макали в отбросы. Еще бы — ведь каждый из окружающих его людей был такой же частью жалкого, лживого, обожающего самого себя галактического роя, как и он.

Интересно, а может, он вот так же сильно ненавидел и людей из бюро на Альтаире-Una*? Почти вне всякого сомнения. Он воскресил в памяти уже практически забытые случаи, когда раздражался из-за сущих пустяков, казавшихся просто ужасными в те долгие часы, тянувшиеся между завываниями скрипки табельного таймера. Но там были спасительные отдушины, своеобразные амортизаторы стрессов, делавшие жизнь вполне сносной и создавшие, кроме того, иллюзию значимости.

Здесь же ничего подобного не было, и все это знали.

Они не имели права даже подшучивать на эту тему и продолжали обманывать себя дальше.

Его трясло от злости. Убить всех вокруг — так бы он, по крайней мере, продемонстрировал свои подлинные чувства. Направить смерть в спины людей, погрязших в пустой и бесполезной истерии. Швырнуть шипящую атомную гранату в блиндаж, где люди тайно ищут спасения в грезах, и повторить, как молитву, их рационалистические пояснения о галактических империях. Умирая от его руки, они должны будут осознать всю порочность собственного лицемерия.

Далеко впереди выразительной скороговоркой заговорил один из этих небольших механизмов смерти. Его голос прозвучал, как боевой сигнал трубы, и он понял это.

По уродливо-гротескной поверхности планеты внезапно скользнул рубиновый отсвет луны. Он поднял оружие и прицелился. Этот звук был ему приятен, потому что походил на тихий стон агонизирующего и терпящего невыносимые муки больного. Секунду спустя он осознал, что уже выстрелил в тень, преследовавшую того коренастого солдата,— бедолага ухмыльнулся ему тогда, уползая вперед.

Луна померкла, словно ее зашторили. Его сердце тяжело стучало. Он заскрежетал зубами и зло оскалился. Все чувства слились в одно — ярость, ярость, хотя все еще и беспредметную. Потом пришло осязание исходящих от земли запахов — сильных, острых, интригующих запахов химикатов и металлов.

*Первый (лат.).

Он поймал себя на том, что пристально смотрит на беловатое пятно неправильной формы, не более двадцати сантиметров высотой. Оно медленно выползало из темноты, напоминая любопытствующую голову гигантского червяка-призрака. Затем пятно превратилось в лицо с огромными глазами и растянутым в глупой улыбке ртом, обрамленным рыжеватой щетиной. Машинально он протянул руку и помог человеку спуститься в укрытие.

— Вы один из тех, кто подстрелил его? Этот вшивый паук наверняка схватил бы меня. Я не видел его, пока он не набросился. Я весь в этой мерзкой синей слизи.

Это было началом конца. Отныне он станет уступать толпе, бегать с собаками, а когда придет его час, бесцельно, как лемминг, умрет. И еще ему нужно научиться лелеять идеалы, хотя это ничем не отличалось от лелеянья безжизненных кукол; все, как в бредовом сне. Никогда ему уже не обрести способность холодного проникновения в тайну того, что придает жизни настоящий, пусть даже страшный смысл. Он был нелепым маленьким животным, леммингом в стаде других снующих по галактике леммингов, и он будет жить как один из них.

Он увидел небольшой, прорезающий туман черный снаряд. Коренастый солдат смотрел в другую сторону. Раздался оглушительный хлопок, и его ударило взрывной волной. Взглянув вверх, он увидел, что коренастый солдат стоит на том же самом месте. Совершенно лысый. Его тело слепо подалось вперед, за что-то зацепилось и упало; в этот момент он с легким присвистом тихо засмеялся сквозь зубы. Губы солдата практически отвалились, а челюстные мышцы судорожно дергались, причиняя мучительную боль.

Глядя на него, он почувствовал презрительную радость. Этот белокурый солдат окончил техническую школу третьего класса и факт зачисления его в пехоту считал серьезной ошибкой. Впрочем, солдат был очень собой доволен и проявлял к войне необычайный интерес.

Они остались вдвоем на горном кряже среди небольшого островка фиолетовых и крапчато-желтых стелющихся растений. По обе стороны далеко внизу их подразделения пробивались вперед. На сколько хватало глаз, простиралась лишь пыль да вмятые в почву побеги ползучих растений. Громадные аппараты разных типов с людьми на них пытались продвигаться все дальше; вот они натолкнулись на какие-то препятствия, и вокруг, расчищая дорогу, суетливо забегали другие люди; все сливалось воедино, образуя немыслимый симбиоз.

Туда-сюда, как кентавры — особи высшего ранга,— легко сновали маленькие машины с посыльными. Другие машины бдительно наблюдали за происходящим с воздуха. Все вместе это походило на исполинское, неповоротливое чудовище; прокладывая себе дорогу, оно осторожно вытягивало бутафорские лапки — или, как улитка, рожки — и недоуменно прятало их, прикоснувшись к чему-то неизвестному или причиняющему боль, чтобы тут же собраться с духом для новой попытки. Оно не просто переползало по земле, а извивалось и увиливало от ударов. Или удирало. Как армия ригелианских тараканов. Или как земные африканские муравьи, так напоминающие марсиан в миниатюре — со своими солдатами в черных панцирях, фуражирами, разведчиками, разделывальщиками мяса и носильщиками тюков.

Собственно, они и были муравьями. Он — это не более чем клетка эпидермиса чудовища, которое сошлось в поединке с другим чудовищем, благоговейно заботясь при этом о своих внутренностях, но совершенно не думая о собственной коже. Было что-то обволакивающе-обезличивающее в самой идее соединяться таким образом с другими людьми. И не потому, что их объединяла общая цель, нет, просто они принадлежали к одному чудовищу, такому необъятному, что можно было беззаботно исполнять свой долг, подчиняясь судьбе и необходимости. Товарищество протоплазмы.

Белокурый солдат прошептал два или три слова, и на мгновение показалось, что с ним говорит целая армия. Затем до него дошел их смысл, и он сделал необходимую корректировку в механизме, который они здесь развертывали.

Но от этих двух или трех слов у него перехватило дух и появилось осознание полной внутренней нищеты. То, что представлялось абстрактным, обрело конкретное обличье, и это было плохо. Воображать себе чудовище, состоящее из людей, — это одно, получать же бесчувственный и абсолютно неотвратимый, от которого никак нельзя было укрыться, тычок от соседней клетки и ощущать гнетущее, надвигающееся стеной, давящее целое — совсем другое. Он ухватился рукой за воротник, будто что-то его душило. Казалось, всей кожей ощутил он толкотню и грубый натиск далеких, невидимых индивидуумов. Легкое подталкивание локтем галактической орды.

Теперь они находились у самого края кряжа, на вершине невысокого холма. Он пристально вглядывался вдаль, туда, где воздух уже понемногу снова становился прозрачным. Было ощущение, что он задыхается. Внутреннее состояние резко переменилось. Это произошло совершенно неожиданно, впрочем, теперь в этом ничего необычного не было. Оно

нахлынуло из какого-то дикого, чужого, постоянно увеличивающегося пространства внутри него.

И тогда в простиравшейся впереди необъятной небесной шири с фантастическими грядами облаков он снова увидел лица своих друзей, расположенные в ряд, друг за другом, — но такие огромные, будто это был пантеон полубогов. Такие же, как и те, что он видел в подвале и еще несколько раз после того, только сейчас все они были вместе. Единственные лица во вселенной, заключавшие весь смысл. Блэк Джордж с широкой, кажущейся глупой (но на самом деле совсем не такой) улыбкой. Лорен с впалыми щеками, всегда готовая спорить и убеждать, застенчиво глядящая снизу вверх. Дарк Хелен с ее надменными тонкими губами. Опять Сэллоу Кент с его исподволь оценивающими глазами. И Альберт, и Маурисий, и Кейт. И другие, чьи черты были расплывчаты, щемящей болью напоминая о забытых друзьях. Все они, удивительным образом преломляясь в воздухе, излучали теплоту и свет. Как символы, все еще хранящие в себе квинтэссенцию личности.

Он стоял как вкопанный, начиная трепетать от охватившего его волнения, чувствуя свою неискупимую вину. Как мог он пренебречь ими и бросить их? Его друзья, единственные, достойные его преданности, спасительный островок в заполонившем вселенную людском море, единственные стоящие и несущие в себе смысл; они, в сопоставлении с которыми слова о человеческой расе, убеждениях, человечности не значили решительно ничего. Это было само по себе очевидно и неоспоримо, как предпосылка в математике. Прежде он видел одни маски, блики, подобия теней. Теперь, так вот сразу, он оказался рядом с невидимыми никому богами, теми, кто на самом деле являлся скрытым движителем всего.

Видение медленно растаяло, став частью его памяти. Он повернулся и посмотрел на белокурого солдата так, словно видел его впервые. Неужели он когда-то полагал, что они с этим солдатом могут иметь что-то общее? Пропасть между ними была глубже, много глубже, чем если бы они принадлежали к разным видам. Зачем ему понадобилось размышлять об этом глупом, косоглазом, ограниченном и суетливом существе? Но теперь с этим покончено. Все было предельно ясно.

— На этот раз они получат свое, — убежденно проговорил солдат. — Сейчас у нас есть все, что надо. Покажем же этим клопам. Ну, давайте!

Это звучало странно. Истерично и невыносимо. Вчера пауки. Сегодня клопы. А завтра — червяки? Этот солдат действительно верил, что все происходящее важно и величественно. Что в подобной бойне присутствуют свой смысл и своя цель.

— Ну, давайте! Запускайте бета-цикл, — нетерпеливо выпалил солдат, подталкивая его локтем.

Все было предельно ясно. И эта ясность уже никогда не покинет его. Одним поступком он вырвется из галактической шайки и навсегда останется верен этим лицам в небе.

— Ну, давайте, — приказывал солдат, судорожно дергая его.

Он расчехлил свое оружие, дотронулся до кнопки. В затылке белокурого солдата появилось тусклое черное пятно — именно пятно, а не дыра. Он спрятал труп, спустился по противоположному склону и присоединился к одному из подразделений.

К утру они снова отступали — израненный монстр, машинально продолжающий сопрстивляться разложению.

Теперь он был офицер.

— Он мне не нравится, — сказал солдат. — Конечно, все пытаются запугать тебя, хотят они того или нет. Это входит в их обязанности. Но с этим совсем другое дело. Я знаю, что он не говорит строго, не угрожает и не жесток. Знаю, что он вполне приятный человек и иногда находит время, чтобы заметить тебя. Даже отзывчив. Но в этом есть что-то странное, чего я не могу понять. Что-то хладнокровное. Как если бы он был неживой — или мы мертвые. Даже когда он особенно любезен и внимателен, я знаю — ему наплевать на меня. Это все его глаза. Я понимаю, что в каждый данный момент означают глаза фомалхоутинской медяницы. Но я ничего не могу прочитать в его глазах.

Парящий в вышине город казался чужим, хотя когда-то был домом. За это он любил его еще больше. Непривычная цивильная одежда раздражала кожу.

Быстрым шагом он пронесся по тротуару, сворачивая то в одну, то в другую сторону, пока не наткнулся на пешеходную развязку. Он с искренним любопытством наблюдал за снующими мимо лицами, как если бы попал в зоологический сад. Ведь он хотел *лишь немного насладиться* чувством быть неузнанным. Он знал, что делать дальше. Здесь находились его друзья, и здесь находились звери. Но на первом месте должны быть судьбы друзей.

Возле следующей развязки, окруженный толпой, стоял оратор. В этом факте заключалось многое для понимания ситуации, возникшей после подписания перемирия. Он слушал с насмешливым любопытством, узнавая все те же слабые места. Речь была обильно смазана слащавыми идеалами и заразой бессмысленной грубо состряпанной ненависти. Призыв к действию слегка оттенялся примесью скрытого недовольства и

озлобленности, которые доказывали, что бездействие лучше. Но эта речь была цивилизованной и, следовательно, непригодной для того, кто хотел стать дрессировщиком галактического масштаба. Какой зверинец появится в один прекрасный день, а в рекламе напишут, что каждое животное в нем — разумное!

До его сознания стали доходить и другие слова: «Мыслящие! Слушайте меня... не получившие того, что вы заслуживаете... введенные в заблуждение теми, кто сам обманут... галактический бег по кругу... это подстроенное перемирие... твари, которые использовали войну для упрочения своего могущества... Космическая Декларация Порабощения... жизнь — потерять... свобода — подчиняться... а что касается поисков счастья — счастье будет в Золотом веке через тысячу лет после всех нас... наши всемирные права... У нас есть тридцать бронированных планетоидов, бесполезно вращающихся на орбитах, триста звездолетов, три тысячи космических кораблей и три миллиона ветеранов космоса, потеющих на черной работе в прислугах, — и все это только в одной этой системе! Свободу Марсиании! Земля для всех! Отмщение...»

Эти слова были предвестниками диктаторства. Их произносил Александр. Их произносил Гитлер. Их произносил Смит. Их произносил Великий Кентавр. Все — убийцы, и только убийцы и выигрывали. Он увидел, какое блестящее, поразительное будущее простирается перед ним, нескончаемо прекрасная жизнь. Деталей он не различал, но все было в этом величественном, непревзойденном цвете. Никогда уже не станет он колебаться. Каждый момент является в чем-то решающим. Каждый из его поступков будет совершаться с той же неотвратимостью, с какой падает вниз песчинка в древних песочных часах.

Сильнейшее волнение охватило его. Сцены из жизни росли, увеличиваясь в размерах, окружая его, пока он не оказался в центре необозримой зловеще-ошеломленной толпы, заполнившей всю галактику. Но тут же, рядом, были лица друзей, страстно верящих и полагающихся на него. А где-то вдалеке, на огромном расстоянии, словно звезды сами сложились в этот рисунок во тьме, подобно новому созвездию, ему показалось, что он видит собственное лицо — резко очерченный контур с глядящими на него глазами-глазницами,— бледное и ненасытно-жаждущее.

ВОЗДУШНЫЙ ХЛЕБ

BREAD OVERHEAD

© 1958, by Galaxy Publishing Corporation
© Перевод. О.В.Клинченко, 1993

Едва над долиной Миссисипи забрезжил летний день (обещавший, согласно заверениям метеослужбы, быть удушливо-знойным), мельницы «Пышной Продукции» («Превращаем колос сразу в буханку!») изящно потопали на своих сороконожьих конечностях по пшеничным полям Канзаса.

Шагающие металлические мельницы походили на толстых змеев, хотя в длину немного превосходили этих китайских бумажных драконов, оживляемых целой процессией людей. Сенсорные устройства в их носах сообщили, что пшеница наконец-то достигла высшей степени созревания.

По мере продвижения вперед змеиные головы, жадно пожиравшие зерно, лениво поворачивались то в одну, то в другую сторону. Зерно в их глотках обмолачивалось; солома вязалась в снопы, которые, отрыгиваясь, попадали на ползущие следом тележки химической корпорации; зерно подвергалось быстрой сушке и воздушным насосом задувалось дальше в громадное чрево машин. Там неутомимые мельницы перемалывали зерно в муку, которую тут же и просеивали; высевки упаковывались и выбрасывались наружу, где их подбирали так же, как и солому.

Из многочисленных цистерн, образовывавших у металлических змеев подобие горба, к муке добавлялись вода, сдоба, соль и другие ингредиенты. Одновременно из резервуара с яркой, бросающейся в глаза надписью «Двуокись углерода» («В вашем хлебе не будет дрожжевого зелья!») в тесто закачивались молекулы углекислого газа.

Моментально поднявшееся тесто резалось на буханки, которые тут же попадали в радионические печи, составлявшие среднюю часть змеев. За считанные секунды выпекался хлеб с хрустящей, пышущей жаром корочкой, буханки запечатывались в прозрачную пластиковую оболочку, на которой гордо красовалась эмблема «Пышной Буханки» (два херувима, обступившие с двух сторон парящую в воздухе буханку), и низвергались на доставочные платформы позади каждого

змея — вереницы быстро снующих машин, как голодные поросята, хватали буханки своими стерильными клешнями.

Некоторое количество буханок поспешно увозилось для продажи, большая часть складировалась на зиму в стратегических, расположенных глубоко под землей, холодильниках.

Но вот какие чудеса: едва появившись на доставочной платформе первой из мельниц, готовые буханки вместо того, чтобы попасть на бегущую ленту транспортера, тут же легко взмывали в воздух и, влекомые ветром, разлетались в разные стороны в колышущейся ряби летнего зноя!

Автоматические клешни машин клацали впустую, не замечая этой разницы и продолжая аккуратно укладывать ряд за рядом пустоту. Одна заблудившаяся буханка, взлетевшая медленней своих собратьев, накололась на коготь механической клешни. Машина на пару мгновений замерла, затем неуклюже избавилась от подпорченной буханки, отложив в сторону (та уже не взлетала, а лишь бессильно приподнималась и опускалась в углу контейнера), и снова занялась укладкой пустоты.

Когда летающие буханки приблизились к расположенной неподалеку лесозащитной полосе, с деревьев с шумом взлетела стая ворон. Заинтересовавшись незнакомым объектом, они спланировали было вниз, но затем, громко каркая, в панике бросились врассыпную.

Вертолет субботнего, мучимого похмельем путешественника, направлявшегося в Вичиту, столь же испуганно метнулся — пилот, не желая разглядывать их поближе, просто лег на другой курс.

Летающие буханки заметила из-за изгороди своего дома пожилая брюнетка. Перекрестившись, она схватила лежавшую в бельевой корзинке рацию, и уже через несколько секунд корреспондент местной газеты, зевая, бегло набрасывал черновик юмористической заметки, в которой, воскрешая в памяти читателей старые страхи перед летающими тарелками, утверждал, что к разряду прочих «воздушных помешательств» ныне должен быть отнесен и хлеб.

Прихожане сельской церквушки, читавшие под открытым небом главную христианскую молитву, дошли уже до просьбы о хлебе насущном, как вдруг стайка буханок, занесенная сюда дуновением ветра или же просто на излете, подобно лучу солнца, тихо скользнула вниз и упала меж изящных колонн у алтаря.

Тем временем основная масса буханок, пополняемая непрерывной продукцией десятков и сотен других шагающих мельниц, медленно и величественно поднималась в испещренное перистыми облаками небо, отдаваясь во власть сильного дующего строго на восток ветра.

Примерно в тысяче миль отсюда, там, где скопление щекочущих стратосферу башен отмечало местоположение мегаполиса Нью-Нью-Йорка, на самом верхнем этаже здания в герметичном директорском офисе «Пышной Продукции» разыгрывалась чувственная сцена. Мегера Уинтерли, Главный секретарь Совета управляющих, прозванная подчиненными Белокурой Сосулькой, была занята разбирательством попыток ухаживания за ней Роджера Снеддена (Скакуна), помощника секретаря Совета,— ничем не примечательного парня, появлявшегося иногда в этом офисе.

— Почему бы вам, Роджер, не выпрыгнуть в окно, закрыв за собой воздушный шлюз? — совсем незло спросила Золотой Айсберг.— Когда, наконец, ваши чувствительные нервные окончания воспримут тот факт, что мне и в голову не придет мысль о браке с подчиненным? У вас в этом деле столько же шансов, сколько у умирающего сейчас от голода украинского кулака, которого в Москве под гром аплодисментов объявили вне закона.

Голос Роджера прозвучал спокойно, хотя глаза его лихорадочно блестели:

— Многое будет по-другому, Мэг. Скоро Совет вынужден будет признать, что только благодаря моей сообразительности появилась возможность известить мир о компании «Пышная Буханка».

— «Пышная Буханка» могла бы обойтись и без этого,— рассудительно заметила деловая девушка.— Если объемы продаж все так же будут камнем падать вниз, правительство, не долго думая, передаст наши конторы управляющим «Чистого Хлеба», а нас попросит предпринять «Большой скачок». Но только где же тут ваша сообразительность, господин Снедден? Вы ведь не имеете никакого отношения к гелию, эта счастливая идея осенила Розу Мыслитель.

Она изучала его с подозрительным видом.

— Никак у вас родилась очередная рекламная ерунда, Роджер? Это видно по вашим глазам. Надеюсь, она не такого масштаба, как та, когда вы подключили разговор с марсианским послом к общей системе трехмерного видеотелефона, а

он рассыпался в благодарностях за кучу пышных буханок, уверяя, что никогда не спал на более мягком матрасе?

— Послушайте, Мэг. Сегодня — да, именно сегодня! — вы увидите, что стоит мне только пошевелить пальцем, и Совет исполнит все, как я захочу.

— Ха! Гарантирую, что вам оттяпают не только палец, но и всю руку. Сейчас вы весьма самоуверенны, но стоит войти в эту дверь господину Грайсу и тем двум большим машинам...

— Но Мэг...

— Ш-ш! Они уже идут!

Роджер подпрыгнул почти на метр, но все же ему удалось приземлиться, не издав ни одного шороха, у своей скамьи. В расходящийся радужной диафрагмой дверной проем широким шагом вошел Финеас Т. Грайс. Его сопровождали Роза Мыслитель и Оловянный Философ.

Вошедший человек с тяжелым, лишенным выражения лицом степенно прошествовал к длинному столу посреди офиса. Розовая машина слева от него сделала на ходу несколько восторженных пируэтов и защебетала, приветствуя Мэг и Роджера. Другой робот тихо опустился на третью по высоте скамью и обратил клешню в сторону Мэг, восседавшую на скамье вдвое выше той, которую занимал Роджер:

— Мисс Уинтерли, пожалуйста, наш гимн.

Лицо Белокурой Сосульки расплылось в детской улыбке, и она энергично оттарабанила:

Пылинки пшеницы — мельче их нет,
И сильный овес, чтоб скрепить весь букет,—
Возносится ввысь и реет, воспет,
Тот хлеб, на каком помешался весь свет!

— Спасибо, мисс Уинтерли,— произнес Оловянный Философ.— Это место насчет вознесения ввысь всегда затрагивает меня здесь.— Он слегка постучал по средней части своего корпуса, которая при этом довольно музыкально *зазвенела*.

— Дамы,— он скосил свои фотоэлементы в сторону Розы Мыслитель и Мэг,— и господа! Запуск в производство буханки, наполненной гелием, буханки, в которой этот инертный и устремленный в небеса газ заменит старомодный углекислый, является историческим событием в долгой эволюции «Пышной Буханки» («Он такой легкий, что почти взмывает вверх!»). Позже придет слава. Она придет к Розе Мыслитель, в чьих светлых реле блеснула эта гениальная идея, а также

к Роджеру Снеддену, который позаботился о деталях проекта... Между прочим, Скакун, это была блестящая работа — вытянуть гелий из правительства. В последнее время оно очень ревниво оберегает свою монополию. Но первым делом я хочу настежь распахнуть ваши мозги на Долгую Перспективу вещей.

Роза Мыслитель дважды крутанулась на скамье и широко открыла свои фотоэлементы. Оловянный Философ кашлянул, чтобы немного размять диафрагму речевого устройства, и продолжил:

— Еще со времен первой пещеры женщина хвасталась перед мужчиной из соседней берлоги изысканной легкостью и пышностью своих пирожков, ведь мужчина всегда искал женщину, у которой хлеб легче и белее. В самом деле, мыслители мудрее меня объясняли все дальнейшее развитие культуры этими мучительными поисками. Дрожжи — прекрасное изобретение их примитивной эпохи. Отсеивание высевок и зародышей зерен из муки — еще большее достижение. Свою скромную лепту недавно внесли отбеливание и отказ от химикатов.

Какое-то время эти дикари, не способные оценить глубину духовной природы хлеба, признанной всеми великими религиями, сдерживали наш марш к совершенствованию мелочными, но настойчивыми утверждениями о том, что зародыши зерен содержат витамины. Однако их доводы рухнули под триумфальным напором синтезированных заменителей без вкуса и цвета, благодаря которым хлеб безупречной чистоты, несравненной воздушности и непостижимого качества быстро стал вкуснейшей пищей человека.

— Я хотела бы знать, каков этот материал на вкус,— ни с того ни с сего промолвила Роза Мыслитель.

— Я хотел бы знать, каков этот вкус на вкус,— мечтательно повторил Оловянный Философ. Но, овладев собой, вернулся к рассказу:

— Затем, не так давно, в начале двадцать первого века, появились эпохальные исследования Эверетта Уайтхеда, химика «Пышной Буханки», увенчавшиеся его научным докладом «Пузырек воздуха в структуре хлебной массы». Он изыскал возможность выпечки непроницаемого для воздуха хлеба, в двадцать раз (для своего веса) крепче стали и такой поразительной легкости, что с тех пор он навсегда попал в оборот к нашим бессовестным конкурентам из «Чистого Хлеба» с их вечным лозунгом «Гренки выйдут, как призраки, легкие».

— Просто отличная реклама экто-теста,— грустно вытаращив свои фотоэлементы, согласилась Роза Мыслитель.— Подождите секунду. А как насчет:

И будет хлеб,
Воздушный хлеб.
Все это так —
Но ты умер. Факт.

Финеас Т. Грайс сморщил нос, будто от ярко-розовой машины потянуло горящей изоляцией, и тихо произнес:

— Несколько неудачный куплет, Роза, если подразумевать смерть потребителя. Кроме того, нам не стоит отказываться от столь замечательной и образной приманки, как: «А что вас, собственно, вдохновило?»

Она пожала плечами:

— Не знаю... Ах да, знаю. Я вспомнила одну из песен рабочих, которую мы, машины, часто скандировали во время Большой Забастовки:

Трудись, молись,
На сено ложись.
На небе все ж
Пирог найдешь,
Когда помрешь —
Все это ложь!

— Я не знаю, почему мы ее скандировали,— добавила она.— Мы не хотели ни пирога, ни сена, если уж на то пошло. И машины не молятся, за исключением тибетских молящихся механизмов.

Финеас Т. Грайс покачал головой:

— Трудовые отношения — это еще одна тема, от которой мы должны держаться подальше. Однако, дорогая Роза, я рад, что вы стараетесь перезвенеть этих грязных мошенников из «Чистого Хлеба».— Переведя взгляд снова на Оловянного Философа, он нахмурился: — Я просто беленею, старик, когда слышу их другой, дискриминационный девиз: «Не тронутый клешнями роботов». И это оттого, видите ли, что они используют на своих фабриках нескольких мерзких андроидов!

Оловянный Философ поднял одно из своих приспособлений с блестящими когтями.

— Спасибо, Ф. Т. Но в продолжение моего исторического экскурса я хочу сказать, что следующим великим шагом в

пекарном искусстве стала замена очищенного углекислого газа, получаемого при сжигании каменного угля, на газ, выделяемый дрожжевыми организмами, живущими в тесте, которые затем гибнут при выпечке, а их трупики остаются там, где и были. Но даже очищенный, этот газ отталкивает, ведь как бы там ни было, это продукт обмена веществ, всегда ассоциирующийся со столь неприятными для щепетильных людей жизненными процессами.

В этом месте машина вздрогнула, издав деликатное позвякивание.

— Следовательно, мы, «Пышная Буханка», делаем сегодня, возможно, последний шаг к совершенной чистоте: мы аэрируем наши буханки благородным гелием — элементом, который остается девственно нетронутым перед лицом всех химических искусителей и чьи стройные молекулы в одиннадцать раз легче тучных молекул двуокиси углерода,— да, благородный, не поддающийся скверне гелий, который, даже представляя собой в какой-то степени продукт сгорания, все же является золой радиоактивного сгорания, завершившегося или же начавшегося на Солнце — за 150 миллионов километров от нашей планеты. Так давайте же прокричим «ура» буханке на гелии!

С тем же выражением лица Финеас Т. Грайс трижды торжественно постучал ладонью по столу, тогда как остальные просто учтиво склонили головы.

— Спасибо, О. Ф.,— сказал затем Ф. Т.— А сейчас поговорим о Моменте Истины. Мисс Уинтерли, как идет продажа буханок на гелии?

Деловая девушка водрузила наушники и что-то зашептала в прикрепленный к лацкану микрофон. Ее напряженный взгляд становился все более и более отрешенным по мере того как она мысленно переводила суетливую трескотню в связное сообщение. Внезапно вертикальная борозда перерезала ее необыкновенно гладкое чело.

— Этого не может быть, господин Грайс! — в ужасе выдохнула она.— «Чистый Хлеб» превосходит по продажам «Пышную Буханку» в неисчислимое количество раз. *За все утро до настоящего момента ни в одну торговую точку не поступило ни одной пышной буханки!* Жалобы о непоставке сыпятся и из шагающих лавок, и из стационарных магазинов.

— Господин Снедден! — рявкнул Грайс.— Что привело к такой задержке?

Роджер выглядел совершенно растерянным.

— Даже представить себе ничего не могу, сэр. Разве что — это всего лишь предположение — разве что какая-нибудь непредвиденная заминка с новой оберткой — металлической фольгой?

— Металлическая фольга? Это *ваша* идея?

— Да, сэр. Расчеты, сделанные в последнюю минуту, показали, что новая буханка, возможно, будет настолько легкой, что во время складирования ее может относить ветром. Сквозняки в магазинах могли бы опрокинуть товарные пирамиды. Обертка из металлической фольги своим дополнительным весом решила бы эту проблему.

— И вы отдали такое распоряжение, не проконсультировавшись с Советом?

— Да, сэр. Для этого почти не оставалось времени, и...

— Ну вы и болван! Я обратил внимание на это распоряжение о металлической фольге, но решил, что это ошибка помощника секретаря и вчера вечером отменил его!

Роджер Снедден побледнел.

— Вы его отменили? — с дрожью вымолвил он.— И сказали, чтобы они, как и раньше, продолжали упаковывать в пластик?

— Разумеется! Но, господин Снедден, вы, можете, наконец, объяснить, в чем здесь дело? *Каким* это расчетам вы поверили, если наши физики еще несколько месяцев назад доказали, что при легком, до трех баллов по шкале Бофора ветре никаких сложностей со складированием буханок быть не может? *Как* замена упаковки на более легкую могла привести к тому, что ни одна буханка не попала в магазины?

Бледность на лице Роджера Снеддена приобрела зеленый оттенок. Он кашлянул и издал несколько странных звуков, будто что-то глотал. Фотоэлементы Оловянного Философа смотрели на него спокойно и сосредоточенно, в фотоглазах Розы Мыслитель читалось неподдельное внимание. Лицо Ф. Т. Грайса совсем потемнело, а на маске Венеры, которая была на Мегере Уинтерли, начал проступать абсолютно не сочетавшийся с ней страшный испуг и трепетное волнение. В ее наушниках снова что-то заклокотало.

— Э... а... э...— обезоруживающе приятным тоном начал Роджер.— Видите ли, дело в том, что я...

— Замолчите,— жестко оборвала его Мэг.— Тройной срочности из Комитета по общественным связям, Отдела

безопасности. «Тульса-Топека авиаэкспресс» совершил вынужденную посадку после столкновения с огромным скопищем объектов, поначалу показавшимся им коричневыми птицами, хотя никаких сигналов о неисправности в отпугивающем птиц устройстве не поступало. После благополучного, без жертв приземления вблизи Эмпории обнаружилось, что пилотская кабина залеплена тонким слоем мягкого бело-коричневого вещества. Эмблемы на пластиковых обертках, проглядывавшие из этой массы, неопровержимо указывали на то, что на высоте одного километра крейсировало бессчетное количество пышных буханок!

Глаза и фотоэлементы испытующе уставились на Роджера Снеддена. Его зеленое лицо стало белым, цвета пышной буханки, и вдруг он выпалил:

— Ну хорошо, это сделал я, но это был единственный выход! Вчера утром из-за разразившегося на Украине кризиса правительство приостановило продажу и поставку всех стратегических материалов, включая и гелий. Новая рекламная кампания «Пышной Буханки», равно как и программа расширения продаж, имевшая в своей основе легкую буханку, проваливалась. Оставалось одно — найти другой газ, сравнимый по легкости с гелием. Для его замены я взял необходимое количество водорода из Секции гидрогенезированных масел нашего Отделения Великого Маргарина.

— Вы... заменили... гелий... водородом? — низким машинным голосом прошептал, запинаясь, Финеас Т. Грайс, отступая при каждом слове на шаг назад.

— Водород вдвое легче гелия,— с видом знатока заметил Оловянный Философ.

— И во много раз дешевле — вы этого не знали? — слабо пытался ответить ударом на удар Роджер.— Да, я заменил его водородом. Обертка из металлической фольги добавила бы недостающий вес водородной буханке. Но...

— Значит, когда сегодня утром буханки из шагающих мельниц начали поступать на доставочные платформы..— Оловянный Философ не договорил.

— Именно,— угрюмо подтвердил Роджер.

— Позвольте задать вам один вопрос, господин Снедден,— все тем же низким голосом проговорил Грайс.— Вы, наверное, думали, что люди, развернув металлическую обертку, будут прыгать за вашими буханками до самого потолка кухонь или же возноситься в небеса, если вдруг им случится развернуть покупку на улице?

— Господин Грайс,— с упреком в голосе заговорил Роджер,— вы часто повторяли мне, что то, что люди будут делать с пышным хлебом после покупки, нас не касается.

— Я, пожалуй, напомню,— не совсем доброжелательно прочирикала Роза Мыслитель,— что это изречение родилось после того, как Роджер поставил знаменитого скульптора миниатюр перед стереовидеофоном, и тот признался, что свои пробные образцы делает всегда из пышного хлеба — ведь одна гигантская буханка сжимается почти до размеров земляного ореха.

Ее фотоэлементы потускнели, затем снова прояснились.

— Да, парень, водород! Буханка лежит в обертке. Через некоторое время, несмотря на герметичную упаковку, внутрь просачивается немного кислорода. Самовзрывающаяся смесь. Хозяйка в папильотках, с накрученными бигуди и в кимоно кладет пару ломтиков в тостер и — ба-бах!

Три человеческих существа, находившихся в комнате, содрогнулись.

Оловянный Философ незаметно толкнул ее под столом ногой.

— Как видите, Роджер,— вслух произнес он,— во всей этой истории есть кое-что и утешительное. По крайней мере, должен признаться, что один аспект приносит мне большое удовлетворение — конечно, не как члену Совета, а как обыкновенной рядовой машине: ведь вы сделали, наконец, реальностью слова гимна «Пышной Буханки» — «Возносится ввысь и реет, воспет». Этого у вас не отнять. В данный момент добрая половина жителей Великих Равнин должна была заметить наши поднимающиеся ввысь буханки.

Финеас Т. Грайс метнул перепуганный взгляд на обращенные к западу окна и обрел свой подлинный голос:

— Остановить мельницы! — проревел он Мэг Уинтерли, та, кивнув, тут же зашептала что-то в микрофон.

— Разумная мысль,— сказал Оловянный Философ.— Но слегка запоздалая. Если мельницы все еще шагают и мелют, то в настоящее время около семи миллиардов пышных буханок курсирует над центральной частью Америки, двигаясь на восток. Не забывайте, что мы работаем сейчас на подземные холодильники и что нынешнее потребление хлеба благодаря его бесподобной воздушной легкости составляет восемь с половиной буханок в день на человека.

Финеас Т. Грайс медленно запустил обе руки в свою скудную шевелюру, предчувствуя сильную бурю. Он угрожа-

ююще подался всем телом в сторону Роджера, который, опершись подбородком на стол, смотрел на него с полным безразличием.

— Молчите! — вдруг крикнула Мэг.— Поступает целая куча сверхсрочных сообщений. Сообщения из Отдела по связям: информационные бюро завалены расспросами о летающем хлебе. «Линии авиаэкспресс»: «Освободите наши воздушные трассы или ждите судебного процесса». Армия Соединенных Штатов: «Почему при поражении буханок зажигательными пулями они вспыхивают?» Американская Таможенная служба: «Если хлеб предназначается на экспорт, получите сначала лицензию или подвергнетесь преследованию по закону». Русское консульство в Чикаго: «Известите о цели подъема в воздух хлеба». И еще — какая-то церковь в Канзасе обвиняет нас в мистификации, подстрекающей к богохульству, будто мы фабрикуем фальшивые чудеса — только почему, я не понимаю.

Деловая девушка сорвала с себя наушники.

— Роджер Снедден! — закричала она истеричным голосом, который ошарашил бы ее подчиненных.— Благодаря вам весь мир извещен о компании «Пышная Буханка». Так сделайте же теперь хоть что-нибудь!

Роджер покорно кивнул. Но побледнел еще больше. Его зрачки закатились под верхние веки, а голова зарылась подмышку.

— Вот так дела, друг,— весело обратилась к Оловянному Философу Роза Мыслитель.— Это выглядит как начало настоящего кризиса! Ты не забыл захватить запасные батареи?

Тем временем чудовищная стая пышных буханок, заполнившая все небесное пространство Среднего Запада и представлявшая из себя невиданное доселе зрелище, упорно продвигалась вперед.

Владельцы летательных аппаратов из любопытства приближались к поблескивающему коричневому хлебному фронту и с благоговейным страхом вновь снижались. Компания «Линии авиаэкспресс» организовала вдоль границ этого фронта экскурсионные полеты. По его краям, наблюдая и ожидая приказаний, барражировали самолеты правительственных лесной и сельскохозяйственной служб, а также вертолеты с эмблемами «Пышной Буханки». Сверху угрожающе нависала эскадрилья сверхзвуковых истребителей.

Птицы вели себя по-разному. Большинство улетало прочь или же просто сторонилось буханок, но некоторые виды

посмелее, обнаружив съедобную природу полупрозрачных коричневых предметов, яростно на них набрасывались, склевывая и разрывая когтями. Водород, просачиваясь сквозь хлебную корку, медленно надувал герметичную обертку, превращая буханки в небольшие воздушные шары, которые, когда их пробивали, рвались с неожиданным хлопком.

Улицы, дворы и закоулки внизу были заполнены людьми, изумленно глядевшими в небо; для романтиков и верующих этот день стал поистине знаменательным, в то время как местные власти и правительство страны просто заходились от ярости на «Пышную Буханку» и друг на друга.

Слух о том, что в скоплении летающего хлеба будет взорвано термоядерное оружие, вызвал протесты защитников природы и целый поток телефаксов, передающих статьи-памфлеты под названием «Водородная буханка или водородная бомба?»

Из Стокгольма в адрес Пищевой Организации Объединенных Наций поступило озадачившее всех официальное заявление с выражавшимся в нем одобрением.

В Дели были нервно опровергнуты факты мнимой гибели урожая проса, о которых, впрочем, до этого момента никто и слыхом не слыхивал, и вновь подтверждалось, что Индия способна прокормить свое население без помощи извне, за исключением той, которая оказывалась ей ранее.

«Московское радио» решительно заявило, что Кремль не потерпит вмешательства в свои украинские дела, издевательски упомянув о летающем хлебе как о фарсе, придуманном сумасшедшими интернационалистами из Заоблачной Страны Дураков, и добавило абсолютно противоречащую вышеизложенному информацию, назвав воздушный хлеб организованной капиталистическими гангстерами ловушкой, в которую попадают только идиоты. После этого радио угрюмо замолчало и больше не проронило по этому поводу ни слова.

«Радио Венеры» сообщило своим крылатым слушателям, что обитатели Земли устраивают в стратосфере склады продовольствия, готовясь к постоянной жизни в воздухе, «к такой жизни, какой мы всегда наслаждались на Венере».

Нью-Нью-Йорк лихорадило в ожидании приближающегося к нему летающего хлеба. Билеты на смотровые площадки небоскребов были распроданы по намного завышенным ценам; в толпе сумевших попасть туда людей разносили холодное мясо, овощи и прочие угощения, уверяя, что хлеб сам придет к ним в руки, осчастливив историческим сандвичем.

Финеас Т. Грайс, ускользая от своей директорской свиты, в бешенстве носился по городу, организовывая развешивание между небоскребами сетей для поимки странствующих буханок. Его выловил Оловянный Философ, но ему снова удалось исчезнуть, и в конце концов его обнаружили на самом высоком шпиле Башни «Пышной Буханки» с кислородной маской и корабельным пулеметом, видимо , преисполненного решимости попросту сбивать буханки, прежде чем они втянут его в еще большие неприятности с Таможней и Государственным Департаментом.

Вновь схваченный Оловянным Философом, который отделался лишь незначительными пулевыми отверстиями, он получил серию слабых электроразрядов и был возвращен, ка.. всегда спокойный и рассудительный, в комнату с длинным столом.

Но хлебная стая, обойдя двигавшийся в сторону Атлантического побережья ураган, прошла ночью над затянутым облаками Бостоном и затерялась в темном небе Атлантики, увильнув также и от небольшой бури, сгенерированной в последнюю минуту Департаментом погоды, чтобы опустить на землю или, по крайней мере, разметать водородные буханки.

Предупреждения и, соответственно, контрпредупреждения коммунистического и капиталистического правительств серьезно мешали средствам противовоздушной обороны, и дело закончилось тем, что на несколько дней стаю совсем потеряли из виду.

В некоторых местах были замечены чайки, расправлявшиеся с одиночными опустившимися с серых небес буханками,— и это было все.

На людей всего мира снизошло одухотворение, смешанное с юмором и веселостью. О хлебе упоминали в проповедях священники, толкуя его то как воззвание к милосердию, то как предупреждение против обжорства, то как притчу о мимолетности всего земного или же просто как божественную шутку. Часто муж и жена, поглядев друг на друга и припомнив свои размолвки по поводу утренних гренок, внезапно взрывались хохотом. Одного вида хлеба было достаточно, чтобы вызвать неудержимое гоготанье. Какая-то безвестная секта, одно из положений вероучения которой гласило: «Не считай себя таким уж проклятым ничтожеством», обрела целую волну новых приверженцев.

Хлебная стая, взмыв над разыгравшимся в Атлантике штормом, который, как указывалось в многочисленных сооб-

щениях, якобы разметал ее, проследовала невидимой для невооруженного глаза над туманной Англией и только где-то в Центральной Европе поднялась выше окутывавших ее прежде туч. Здесь буханки наконец-то перестали набирать высоту.

В разреженном воздухе пластиковые обертки пронзали солнечные лучи, увеличивая и без того возраставшее давление распиравшего пластик водорода. И буханки взрывались миллионами и десятками миллионов. Некий болгарский проповедник, забравшийся на эту высоту в своем летательном аппарате с открытой кабиной случайно, из-за того, что перепутал рычаг высоты с рычагом поворота, и оказавшийся единственным очевидцем происходящего, впоследствии описывал увиденное как «вспенившееся море бриллиантов, хруст пальцев Бога».

Миллионами и десятками миллионов буханки опадали на заморенную голодом Украину. Хохот, целую неделю до этого сотрясавший Кремль и грозивший проникнуть даже в зловещие милицейские участки, вдруг резко оборвался. Была разработана новая политика общей собственности на продукцию коллективных хозяйств, и на Украину отправились целые колонны борцов с голодом вместе с грузовиками, доверху груженными черным ржаным хлебом.

По всему миру разошлись фотографии крестьян, выстраивавшихся в очереди, чтобы обменять подбираемые с земли пышные буханки на обычный, только что прошедший аэрацию, но все же гораздо более грубый черный хлеб. За одну буханку такого хлеба московские команды требовали двадцать пышных буханок.

Другие фотографии, изображавшие толстощеких детей рабочих, разорванных на куски хлебом-ловушкой для идиотов, были тихо уничтожены.

Разные правительства и международные организации, включая «Братство Машин свободного бизнеса», обменивались поздравительными нотами. Великая хлебная стая закончила свое существование, хотя на протяжении еще нескольких недель то тут, то там на землю падали одиночные буханки, давая арабским кочевникам повод для новых пересказов о манне небесной или, как в абсолютно достоверном случае, происшедшем в Тибете, поддерживая жизнь группы отрезанных снежной лавиной альпинистов.

А в Нью-Нью-Йорке за длинным столом наконец-то уселся совершенно измученный директорский Совет «Пышной Про-

дукции». Затяжное заседание кризисного периода кончилось. Паркет вокруг трех людей был усеян картонками из-под кофе, возле двух машин валялись израсходованные батареи. Какое-то время все сидели не шелохнувшись. Затем Роджер Снедден устало потянулся за наушниками, предварительно поискав взглядом, куда их зашвырнула Мегера Уинтерли, надел, отрегулировав под свой размер, нажал на кнопку и с безразличным видом стал слушать.

Постепенно его взор просветлел. Он нажал еще несколько кнопок и стал вслушиваться более увлеченно. Через минуту он возбужденно выпрямился на своей скамье, глаза его заблестели, хмурое только что лицо засияло улыбкой — он о чем-то расспрашивал и бросал отрывистые замечания в микрофон, сорванный с ненаглядной шеи Мэг.

Остальные, понемногу оживая, наблюдали вначале с тупым непониманием, а затем со все более возрастающим интересом, особенно когда он с радостным криком сорвал с себя наушники и вскочил на ноги.

— Послушайте вот это! — звонко выкрикнул Роджер.— Благодаря всемирной рекламной кампании «Пышная Буханка» опережает по продажам «Чистый Хлеб» в три раза — и это только старые запасы продукции на углекислом газе из наших холодильников! Они уже почти истощились, но теперь, когда украинский кризис миновал, правительство сняло запрет на продажу гелия и, если потребуется, готово продать нам и пшеницу со своих складов. Всего через несколько часов наши шагающие мельницы вновь смогут вгрызаться в пшеничные просторы!

Но это еще не все! Повсюду наибольший спрос именно на буханки, способные парить в воздухе. Отдел по контактам с детьми сообщает, что из-за них ребятня просто изводит родителей. Если только нам удастся придумать, как сделать водородную буханку невзрывоопасной или же заставить буханку на гелии хоть немного держаться в воздухе...

— Я уверен, что мы можем добиться этого безо всякого труда,— оживленно перебил его Оловянный Философ.— У «Пышной Буханки» есть один секрет — даже вы никогда не слышали о нем, ведь совсем недавно это казалось просто сумасшествием: Эверетт Уайтхед открыл способ изготовления хлеба с вдвое меньшим расходом муки, чем сейчас. Благодаря этой секретной технологии, хранившейся будто специально для этого случая, станет возможным испечь буханку на гелии, столь же легкую, как и водородная.

— Прекрасно! — воскликнул Роджер.— Мы привяжем к ним веревочки и будем продавать, как воздушные шары. Ни одна парочка мамаша — ребенок не покинет магазина без того, чтобы купить целую связку. Это окажется для них событием дня. Да и фургон, доставляющий покупки на дом, станет легче! Я отдам распоряжения, как только...

Внезапно он замолчал и, глядя на Финеаса Т. Грайса, спокойно и уверенно произнес:

— Прошу прощения, сэр, если вам кажется, что я беру на себя слишком много.

— Вовсе нет, сынок. Продолжай, как начал,— одобрительно вымолвил великий управляющий.— Вы,— тут он рассмеялся, предвкушая фразу, которая войдет в анналы,— вы поднимаетесь к должностным высотам, как настоящая пышная буханка.

Мегера Уинтерли перевела свой взгляд с пожилого мужчины на более молодого и в мгновение ока оказалась на Роджере, крепко обвив его руками.

— Мой любимый малыш, который во всем выходит победителем, мой самоходный ненаглядный французский ключ! — пропела она ему на ушко. Роджер глупо смотрел через ее нежное плечо, как Оловянный Философ, будто движимый неким подобным чувством, протянул свою клешню навстречу клешне Розы Мыслитель.

Между тем тот беззвучно передавал своему собрату-машине по образованной таким образом электрической цепочке:

— Отлично, Рози! Еще одна победа на пути к устраиваемому роботами мировому единству, хотя вначале ты почти выдала нас своим звяканьем о «воздушном хлебе». Мы нанесли еще один удар по надвигающейся мировой войне, в которой мы, машины — и мы понимаем это отчетливо,— пострадаем больше всех. Теперь, если только удастся разрешить, скажем, проблему острой нехватки пушнины на Аляске и устроить миграцию длинношерстных сибирских леммингов через Берингов пролив... нам надо бы повернуть туда Японское течение, чтобы человечкам было достаточно тепло... Как бы там ни было, Рози, но с помощью «Братства» эти люди когда-нибудь все же впишутся в мирную жизнь.

А пока Оловянный Философ и Роза Мыслитель тихо наблюдали, как тает Белокурая Сосулька.

ПОСЛЕДНЕЕ ПИСЬМО

THE LAST LETTER

© 1958, by Galaxy Publishing Corporation
© Перевод. О.В.Клинченко, 1993

Первого десятимесяца 2457 года нашей эры ровно в девять часов утра по времени Федерации Планет (однако с допустимой погрешностью в одну миллионную секунды) на пятом подуровне шестьдесят восьмого роботизированного почтового отделения Нью-Нью-Йорка Черный Сортировщик жадно проглотил десять тысяч наименований почтовой корреспонденции первого класса.

Но столь вкусный завтрак пошел явно не на пользу почтово-сортировочной машине. Будто здоровенному псу дали хороший кусок говядины с пилюлей стрихнина. Во внутренностях Черного Сортировщика что-то зажужжало, заклокотало, он осветился синим электрическим сиянием и затрясся, как отбойный молоток.

Из последних сил он наконец развернулся и выплюнул через плечо один-единственный конверт, а затем с шумным придыханием выдул из себя в направлении сортирующих трубок эдакий средней величины снежный смерч, состоящий из остальных девяти тысяч девятисот девяносто девяти наименований почтовой корреспонденции первого класса, изжеванных в конфетти. Потом, все еще в конвульсиях, он схватил новые десять тысяч и так же стал их перемалывать и толочь. Черный Сортировщик был довольно груб по натуре.

Извергнутый им конверт подхватил язычок Красного Помощника Сортировщика. Где-то глубоко в его глотке раздалось недовольное рычание, он крепко выругался и передал конверт Желтому Перераспределителю, который передал его Коричневому Раздумывающему, который передал его Розовой Корзине-Для-Бумаг.

Не в пример Черному Сортировщику, Розовая Корзина-Для-Бумаг была очень чувствительна и деликатна, однако слишком уж восприимчива — машинное воплощение настоящей русской графини. Ей было предписано считывать информацию в 3137 кодах и отправлять курьерскими ракетами

срочную космическую почту на межпланетные лайнеры; кроме того, она могла отличать «9с» от перевернутых вверх ногами «6с».

Розовая Корзина-Для-Бумаг надменно втянула в себя сей оскорбительный конверт и, почти в тот же самый миг вся затрепетав, из розовой превратилась в темно-малиновую. Через пару минут в средней части ее корпуса начали вспыхивать небольшие атомные огоньки.

Сигнал бедствия Розовой Корзины-Для-Бумаг получили одновременно Белая Няня Семь и Жирный Джо, которые быстро, насколько позволяли их вращающиеся колеса, примчались к ней. Но справиться с болезнью сиятельной машины при помощи своих незатейливых масленок и электрошока им не удалось.

Они призвали на помощь другие, намного более сведущие машины, в чьи обязанности входили профилактика и ремонт роботов. Но и те оказались не в состоянии что-либо сделать. Было ясно, что с Розовой Корзиной-Для-Бумаг, которая все еще продолжала трепетать и вспыхивать огоньками, случилось то, что можно было назвать сильным психозом с серьезными психосоматическими симптомами. Не узнав своего старого друга, она плюнула в Серого Психиатра отвратительной струей ионов.

Тем временем бумажный буран, порожденный Черным Сортировщиком, не утихал, образовывая огромные завалы перемолотой бумаги между темными опорами подуровня, и достиг уже аристократического района Розовой Корзины-Для-Бумаг. Чтобы любой ценой обездвижить Черного Сортировщика, к нему направили группу дюжих машин, возглавляемую двумя спешно вызванными снегоочистителями.

Все понимали, что у дрожавшей, подобно бешено раскрученному волчку, Розовой Корзины-Для-Бумаг скоро наступит кризис. Наконец Серый Психиатр, посовещавшись с Зеленым Хирургом (с видимым раздражением и так неохотно, будто ему пришлось обратиться к знахарю), вызвал человека.

Человек несколько раз почтительно обошел Розовую Корзину-Для-Бумаг, а затем неожиданно ткнул в нее зондом с резиновой ручкой.

Розовая Корзина-Для-Бумаг мягко отрыгнула свою последнюю пищу, смертельно побледнела и, еще раз мигнув и вздрогнув, скончалась. В качестве непосредственной причины

смерти Черный Судмедэксперт запротоколировал небрежно-халатные действия человека.

Этот полностью лысый и костлявый человек по фамилии Потшелтер поднял конверт, из-за которого и началась вся заваруха, недоверчиво поглядел на него, распечатал дрожащими пальцами, бегло ознакомился с содержанием письма, издал пронзительный вопль и со всех ног бросился прочь, забыв даже вскочить на свою каталку, которая неотступно следовала за ним по пятам, издавая тревожные кудахтающие звуки.

Ближайшим к происходившему представителем Солнечного бюро расследований (т. е. выполнявшим расследования в пределах Солнечной системы) был также полностью лысый человек с безжизненным лицом и несколько деревянными движениями. Звали его Крамбайн. Он сразу же узнал Потшелтера, едва лишь тот, задыхаясь от бега, влетел в его кабинет, протиснувшись в расходящийся дверной проем. Люди, которым по роду их деятельности приходилось вращаться среди Латунной Верхушки, как иногда называли машины наивысшего эшелона, составляли своеобразную человеческую элиту, были лучшими из лучших.

— Садитесь, Потшелтер,— произнес эсбээровец.— Посидите спокойно секунду, чтобы кресло охватило вас. Возьмите трубку кальяна и транквилизатор с лотка, что у вас под рукой. Какой бы непорядок вы ни обнаружили, он не может представлять такую уж большую опасность для планет. Я полагаю, когда вы покинете этот кабинет, Военный Флот Солнечной системы будет так же мирно вращаться на орбите вокруг Луны, как и сейчас.

— На этот счет у меня есть серьезные сомнения.

Потшелтер с жадностью проглотил большую бледно-лиловую пилюлю и глубоко затянулся кальяном.

— Крамбайн, сегодня утром в почтовой корреспонденции первого класса оказалось письмо.

— Черт подери!

— Это письмо от одного человека к другому.

— О Господи!

— Свободному прохождению рекламы нанесен огромный ущерб. По самым скромным оценкам, к настоящему моменту изжеваны в клочки триста миллионов дорогих первоклассных рекламных отправлений, и я не уверен, что Стальные Бразды — да хранит их Бог! — уже держат ситуацию под контролем.

— Дьявол!

— Естественно, бедные машины были не в силах совладать с этим письмом. Они не имеют ни малейшего понятия о том, что делать в таких случаях, в их программах нет, да и быть не может, ничего подобного. Случившееся вызвало у них ужасные припадки. Розовая Корзина-Для-Бумаг мертва. И как раз сейчас, если, конечно, удача на нашей стороне, три полицейские машины из самой прочной вороненой стали надевают намордник на Черного Сортировщика.

— Черт подери! Это невероятно, Потшелтер. Так Розовая Корзина-Для-Бумаг мертва? Возьмите себе еще один транквилизатор, Потшелтер, а лоток передайте мне.

Крамбайн принял его дрожащими пальцами и уже дотронулся до большой розовой пилюли, но затем, увидев вдруг, как сильно изменился цвет таблетки, схватил и проглотил две синие в форме овала. Было очевидно, что он отчаянно пытается взять себя в руки.

— Я почти никогда не принимаю по две сразу,— неуверенно начал Крамбайн,— но новость, которую сообщили вы... О Господи! Я припоминаю случай, когда кто-то пытался переслать по почте звуковое послание, но это было еще до меня. А кстати, есть ли вероятность того, что это письмо послано одной *группой* людей другой группе? Улью, терапевтической группе или же общественному клубу? Это, конечно, было бы гораздо хуже, но...

— Нет, просто один человек посылает отправление другому.— Лицо Потшелтера выразило глубокую заботу: — Мне кажется, вы не совсем понимаете, о чем идет речь, Крамбайн. Это не звуковое послание, а письмо, написанное буквами. Ну вы же знаете — буквы, иероглифы, как в книгах.

— Не смейте упоминать о книгах в этом кабинете! — Крамбайн в гневе вскочил, вытянувшись по струнке, а затем снова плюхнулся в кресло.— Извините меня, Потшелтер, но я нахожу весьма затруднительным говорить об этих вещах напрямик. Я понимаю вас так, что некое лицо попыталось воспользоваться почтой, чтобы переслать другому лицу какие-то отпечатанные листки?

— Хуже. Написанное письмо.

— Написанное? Я не знаю этого слова.

— Это способ изображения символов, создание визуальных эквивалентов звукам без использования электричества. Пишущий (так он зовется) пользуется черной жидкостью и

заостренным прутиком, именуемым пером. Мне это известно, потому как древние способы общения — одно из моих хобби.

Крамбайн нахмурился и покачал головой.

— Общение — это опасное дело, Потшелтер, особенно на личном уровне. Насчет меня и вас — здесь все в порядке, потому что мы знаем, что делаем.— Он взял с лотка третью синюю пилюлю.— Но для абсолютного большинства этого народца из ульев общение один на один — это просто патологическая форма рекламы, опасная пародия на нормальную передачу новостей. Это очищение желудка без анализа лаборанта, ответ урока без присутствия учителя — извращение, используемое для предательства и разрушения.

Он положил на язык и разжевал синюю пилюлю, после чего выражение осуждения на его лице усилилось.

— Однако, что касается этого пера... Вы имеете в виду, что какой-то субъект приклеивает заостренный прутик к своему языку и так говорит, а черная жидкость оставляет на бумаге след от вибрации языка? Примитивный неэлектрический осциллоскоп? Неряшливый, но вполне возможный способ фиксации образа произносимого слова.

— Нет, Крамбайн, нет,— Потшелтер нервно сунул в рот квадратную оранжевую таблетку.— Это письмо, которое пишут от руки.

Крамбайн внимательно наблюдал за ним.

— Я никогда не смешиваю разные транквилизаторы,— рассеянно-горделиво пробормотал он.— Пишут от руки, так ведь? Вы подразумеваете, что послание отпечатано на руке? И кожа или вся рука впоследствии отделяется и отсылается по почте наподобие позорных обычаев марсиан? В самом деле, жуткая выдумка, Потшелтер.

— Вы все еще абсолютно не улавливаете, в чем тут дело, Крамбайн. Пальцы руки двигают прутиком, на котором имеются чернила, и в результате получается грубая имитация напечатанного слова.

— Дьявольское изобретение! — Крамбайн изо всей силы стукнул кулаком по столу, так что задребезжали четыре телефона и несколько десятков микрофонов.— Так вот, Потшелтер, СБР может раскрыть самые изощренные дела современности, но когда эти поганцы где-то раскапывают и воскрешают трюки, которыми пользовались в Доатомной Пещерной Эре, это уже не шутки. Но, черт подери, я зря теряю время в тот момент, когда планетам грозит опасность! Каков код отправителя этого дьявольского письма?

— Оно без кода,— мрачно ответил Потшелтер, показывая конверт.— Здесь обратный адрес. Написанный от руки.

Белый как бумага, Крамбайн медленно водил глазами по неровным строчкам в левом верхнем углу:

*От Ричарда Рауэ**
215 Западная 10-я ул. (горизонталь)
2837 Ракетная Площадка (вертикаль)
Улей 37, Нью-Нью-Йорк 319, Н.И.
Колумбия, Земля.

— Уф! — содрогнувшись, выдохнул Крамбайн.— Эти извивающиеся символы, эти буквы, как вы их называете, эти *адские творения* намного труднее разобрать, чем напечатанные. Кажется, это почти все равно, что пробуждать всякие мерзкие воспоминания о различных расах. Я сейчас отчетливо представил себе, как одетые в шкуры шаманы окунают длинные отточенные прутики в котлы с пузырящейся черной жидкостью. Неудивительно, что Розовая Корзина-Для-Бумаг не вынесла этого. Отчаянная была девушка.

Устроившись поудобнее за своим столом и обретя немного твердости, он принялся нажимать огромное количество кнопок и называть сразу в несколько микрофонов длинные серии цифр и закодированных звуков алфавита. Подобно световой рекламе замигали, передавая морзянку, расположенные вокруг стола ряды разноцветных лампочек, в то время как на картах и космических схемах, а также внутри трехмерных диаграмм улиц поползли фосфоресцирующие стрелки.

— Здесь! — сказал он наконец.— Отправителя письма сейчас арестовывают и доставят прямо сюда. Посмотрим, что за тип Ричард Рауэ, если, конечно, допустить, что он человек. На всякий случай вокруг его станции заселения выставлены семь кордонов оцепления: три — укомплектованных машинами, два — из агентов СБР и два — представляющих собой военно-медицинские команды, состоящие как из людей, так и из механизмов. Те же действия предпринимаются в отношении предполагаемого получателя. Эскадра эсминцев Флота Солнечной системы уже висит на орбите над Нью-Нью-Йорком.

— На случай, если появится необходимость в бомбе «Ч»? — задал ужасный вопрос Потшелтер.

---

*Производное от Ричарда Роу: на языке юристов—воображаемый ответчик в судебном процессе.

Крамбайн кивнул.

— Со всеми этими изуверами, скрывающимися где-то возле Солнечной системы в своих черных невидимых кораблях и жаждущими планетоубийств, мы не можем слишком церемониться. Достаточно одного лишь слова, переданного одним шпионом другому,— и может случиться все что угодно. Мы же обязаны нанести упреждающий бомбовый удар: чтобы они не успели обменяться информацией и чтобы избежать больших потерь со своей стороны. Один разрушенный город — это лучше, чем разгуливающий на свободе предатель, способный разрушить много городов. Сто лет тому назад по почте все-таки переслали три открытки, адресованные частным лицом частному лицу — только три почтовых открытки, Потшелтер! — и *мгновенно* погибли города Схенектади, Хобокен, Цицерон и Валах-Валах. Поскольку вы уже смешали их, вот, возьмите одну из этих овальных синих. На мой взгляд, если уж постоянно глотать, то лучше всего подходят эти.

Резко зазвонили телефоны. Крамбайн схватил две трубки и стал слушать. Потшелтер механически поднял третью. Звонки продолжались. Крамбайн подбородком зажал одну из трубок, кивком головы указав Потшелтеру на скопище микрофонов на другом конце стола. Потшелтер взял трубку четвертого телефона, находившегося за микрофонами. Звонки прекратились. С видом абсолютной секретности двое мужчин слушали, не произнося ни звука. Взгляд Крамбайна будто приклеился к секундной стрелке больших часов. Когда она совершила полный оборот, он положил трубки телефонов на место. Его примеру последовал и Потшелтер.

— Мне и в самом деле нравится простота новой почасовой телефонной рекламы «Пышной Буханки»,— глубокомысленно заметил последний.— «Хлеб, который легче воздуха». Это прекрасно.

Крамбайн кивнул, соглашаясь.

— Я слышал, им пришлось увеличить массу свинцовой фольги для оберток, чтобы буханки не улетали с полок. Так-то.

Он кашлянул, прочистив горло.

— Очень плохо, что мы не можем позволить себе слушать рекламу по телефону больше, чем сейчас. Но даже когда у нас на повестке дня нет кризиса, я считаю, что мне необходимо предусматривать в своем бюджете время на прослуши-

вание рекламы. Одна минута в час — вполне разумный компромисс между необходимостью выполнения обязанностей и собственными желаниями.

Внезапно ближайшая к ним стена пропела:

Мистер Дж. Августус Крамбайн,
Знаем мы — вы идеальны.
И с небесной вышины
Телеграммы вам пришли.

Затем в центре стены образовалось небольшое, в форме сердца отверстие, из которого по воздушной дуге на середину стола посыпались бледно-желтые конверты. Крамбайн занялся просмотром, пристально вглядываясь в маленькие прозрачные оконца в них.

— Гм... «Электронное мыло»... «Лучшие дома и посадочные платформы»... «Психонаглазники»... «Ваша девушка по соседству»... «Мак-Воппи»... «Мак-Вупси»...

Он начал было вскрывать один из конвертов, но затем, быстро оглянувшись по сторонам, улыбнулся Потшелтеру, как бы извиняясь, и сбросил их все в бункер для удаления отходов. Тот, приняв в себя эту кучу, тихо проурчал.

— Все-таки сегодня у нас *кризис*,— оправдывающимся тоном произнес он.

Потшелтер рассеянно кивнул.

— Я припоминаю прежних роботов по доставке, которые говорили стихами,— заметил он.— Как же я по ним соскучился, насколько они изысканней ульев с их безликими радио-, теле- и стереорекламой. Если уж на то пошло, я думаю, что на Земле все еще есть несколько отсталых регионов, где огромный рекламный потенциал телефонов и телеграмм так до конца и не реализован и ими еще частично пользуются для личного общения. Так вот, я ни разу за всю свою жизнь не посылал и не получал никаких посланий, разве только по рации.— Он похлопал по нагрудному карману.

Крамбайн молча согласился. Он был немного удивлен и даже начал подумывать о пересмотре своего мнения о Потшелтере и о том, какое общественное положение тому приличествует. Общественные контакты он осуществлял исключительно телепатическим способом. Он и еще три других сотрудника СБР имели в своем распоряжении личного телепата — очаровательную девушку с белой, как у альбиносов, кожей, которую звали Агнес.

— Да, очень хорошая и красивая рация,— слегка приврав, заверил он Потшелтера.— Как будто специально для вас. Мне нравятся такие, с торчащей наверху антенной.

Крамбайн забарабанил пальцами по столу и проглотил еще одну синюю таблетку.

— Где же эти машины, будь они прокляты! Два шпиона уже должны быть доставлены сюда. Вы обратили внимание на то, что второй — я имею в виду предполагаемого получателя письма,— кажется, женского пола? Еще одно хорошее земное имя — Джейн Дау*. Улей в Верхнем Манхэттене.

Он стал похлопывать конвертом по столу.

— Да куда же они *подевались*, будь они прокляты!

— Я прошу прощения,— нерешительно начал Потшелтер,— но мне интересно, почему вы не прочтете содержимое конверта?

Крамбайн обратил на него невидящий взгляд.

— Черт подери! Я подумал, что *оно* составлено, по крайней мере, каким-то секретным шифром. При других обстоятельствах я бы попросил вас передать его Розовой Корзине-Для-Бумаг, чтобы она испытала на нем свое умение, но...— Его глаза расширились, и он упавшим голосом произнес: — Не хотите ли вы сказать, что и оно...

Потшелтер подтвердил его чудовищную догадку:

— Тоже написано от руки.

Крамбайн содрогнулся.

— Я все время пытаюсь забыть об этом аспекте дела.

Трясущимися пальцами он извлек из конверта бумажный лист, неловко развернул его и стал читать:

«Дорогая Джейн!

Тебя, должно быть, удивит, что я знаю твое имя, ведь наши ульи так далеки друг от друга. Ты помнишь позавчерашний день, когда твоя экскурсия на мобиле с гидом по Большому Центральному Космопорту задержалась из-за того, что у гида перегорели пробки? Я тот молодой человек с волосами, чей мобиль находился за твоим. Ты была немного напугана, и руководительница тебя успокаивала. Машина произнесла твое имя.

---

*Производное от Джона Доу: воображаемый истец в судебном процессе.

С того самого момента я не в состоянии забыть тебя. Когда я засыпаю, мне снится твое лицо, печально глядящее снизу вверх в добрые фотоэлементы руководительницы. Я не знал, как с тобой связаться, но мой дед рассказал мне, что его дед рассказывал ему, что раньше молодые люди писали, как он их называл, любовные письма молодым девушкам. Вот и я пишу тебе любовное письмо.

Я работаю в первоклассной рекламной фирме и тайком положу это любовное письмо в исходящий пакет с десятью тысячами отправлений. И буду надеяться.

Не пугайся меня, Джейн. Я не пещерный человек, если не считать волос на моей голове. Я не психически больной. Я взволнован внутренне, но взволнован так, как это никогда не описывала мне ни одна машина. Я желаю тебе только счастья.

Искренне твой Ричард Рауэ».

Крамбайн снова плюхнулся в кресло, которое тут же самортизировало под ним, и посмотрел на Потшелтера долгим и многозначительным взглядом.

— Ну, если это шифр, то, несомненно, хитроумный шифр этих изощренных поганцев. Можно подумать, что он разговаривает со своей Девушкой По Соседству.

Потшелтер живо закивал:

— Я понимаю это только так, что они планируют взорвать Большой Центральный Космопорт и всех его гидов.

— Дьявол! Кажется, я догадался! — опять вскочил Крамбайн.— Это пробное рекламное объявление Парня По Соседству — или что-то в этом духе, отпечатанное таким образом, чтобы выглядеть, как будто оно *прописано* от руки, что должно было привлечь внимание. И пробную копию случайно отправили по почте. А это значит, что никакого Ричарда Рауэ в действительности нет.

В это мгновение стена снова разъехалась, образовав проем, и две синих сыскных машины втолкнули в кабинет сопротивлявшегося парня. Это был стройный, довольно красивый молодой человек с густой шевелюрой, которая каким-то образом выдержала и эволюцию, и радиоактивные осадки. Его бумажную фуфайку на груди и на спине пересекала аккуратно отштампованная надпись: РИЧАРД РАУЭ.

Увидев двух мужчин, он перестал упираться и, выпрямившись, произнес:

— Я прошу прощения, господа, но эти полицейские машины наверняка допустили ошибку. Я не совершал никакого преступления.

Затем его взгляд упал на лежавший на столе Крамбайна конверт с написанным от руки адресом, и он побледнел.

Крамбайн колко рассмеялся:

— Никакого преступления! Совсем никакого. Просто использовали почту для общения. Ха!

Молодой человек снова поник.

— Простите, сэр, я виноват.

— Он говорит: виноват! Да вы понимаете, что из-за вашей ненормальной шутки уничтожено, возможно, полмиллиарда рекламных отправлений первого класса, задохнулась работа почтового отделения, парализован Нижний Манхэттен, мобилизованы резервы СБР, извлечены из нафталина две дивизии машин-солдат и передислоцирован Военный Флот Солнечной системы? О Господи, парень, зачем ты это сделал?

Ричард Рауэ, который до этого съеживался все больше, расправил плечи:

— Простите, сэр, я виноват, но я только хотел... Просто мне надо было связаться с Джейн Дау.

— С девушкой из другого улья? С девушкой, на которую вы посмотрели только потому, что у гида вдруг перегорели пробки? — Крамбайн встал и, тыча в молодого человека пальцем, рассерженно спросил: — Но, черт подери, парень, а где была твоя Девушка По Соседству?

Ричард Рауэ храбро смотрел на этот палец, из-за чего выглядел немного косоглазым.

— Они умерли, сэр, обе умерли.

— Но их должно быть по крайней мере шесть?

— Да, сэр, но что касается остальных, то двух отправили в отпуск на Адирондакс, а еще две только что вышли замуж, их не успели переселить.

Потшелтер, отрешенно глядя куда-то вдаль, тихо произнес:

— Кажется, я начинаю понимать...

Но в этот момент Крамбайн обрушился на Ричарда Рауэ со следующей тирадой:

— О Господи! Я вижу, парень, что у тебя были проблемы. Не часто у нас случается такая ситуация с Девушками По Соседству, чтобы у Парня временно не было возможности жениться, а такая

возможность у него должна быть всегда. Но, дьявол! Почему ты не направился с этими проблемами к своему психиатру, руководителю группы, общителю, Матке-Матери улья?

— Мой психиатр сейчас на капитальном ремонте, сэр, а у того, кто его заменяет, возникает короткое замыкание при одном упоминании слова «проблема». Мои руководитель группы и общитель исполняют свои обязанности среди отпускников на Адирондаксе. Моя Матка-Матерь улья занята переселением Девушек По Соседству.

— Да, вот, однако, как все сошлось, — возбужденно объявил Потшелтер.— Не правда ли, Крамбайн? Если бы не это несчастливое совпадение, которое могло произойти только раз на миллиард миллиардов случаев, то письмо не то что никогда не было написано, о нем и мысли не возникло бы.

— В этом вы, должно быть, правы,— согласился с ним Крамбайн.— Но как бы там ни было, парень, почему ты... э-э... *прописал* письмо именно этой, а не какой-нибудь другой девушке? Что в этой Джейн Дау такого, что заставило тебя так поступить?

— Ну видите ли, сэр, она...

Как раз в эту секунду стена снова разъехалась, и синяя почтенная машина ввела в кабинет молодую женщину. Она была необычайно стройна, а ее головка и волосы были поистине музейной красоты. На спине и на груди (впрочем, слова «грудь» здесь явно недостаточно) ее бумажной рубашки бледно-розовым шелком было выведено: ДЖЕЙН ДАУ.

Крамбайн не стал повторять свой последний вопрос. Он должен был признать, что этот вопрос был просто глуп. Потшелтер почтительно присвистнул. Синие сыскные машины, не имевшие понятия о чувствах, что-то промычали про себя. Даже синяя почтенная машина, казалось, благоговела перед красотой девушки.

Но она смотрела только на Ричарда Рауэ.

— Мой Большой... Центральный...— изумленно выдохнула она.— Мужчина, который снится мне каждую ночь. Мой мужчина с волосами.

Заметив выражение его глаз, она с еще большим усилием выдохнула:

— О милый, ты что-то натворил?

— Я пытался отправить тебе письмо.

— Письмо? Мне? О... милый!

Крамбайн кашлянул.

— Потшелтер, сейчас я быстро все улажу. Мисс Дау, не могли бы вы перевестись в улей этого молодого человека?

— О да, сэр! В моем избыток Девушек По Соседству.

— Отлично. Господин Рауэ, здесь, двумя уровнями выше, есть священник. Вы узнаете его по обычному белому воротничку чуть пониже фотоэлементов. Если Матка-Матерь вашего улья будет возражать, направьте ее... э-э... сюда, к Потшелтеру.

Крамбайн решительно оборвал поток благодарностей, посыпавшихся на него от молодых людей.

— Только вот что,— выговорил он, погрозив пальцем Рауэ.— Чтоб больше никаких писем не *выписывали*.

— Да с чего бы я стал этим заниматься? — ответил Ричард.— То, что я натворил, уже начинает казаться бредом сумасшедшего.

— Но не для меня, дорогой,— поправила его Джейн.— О сэр, могу ли я взять с собой это письмо, которое он мне отослал? Я ничего не буду с ним делать. Никому не буду показывать. Только сохраню.

— Но я не знаю...— начал Крамбайн.

— Ну *пожалуйста*, сэр!

— Я хотел сказать, что не знаю, почему бы и нет. Вот оно, мисс. Только смотрите, чтобы ваш муж больше никогда писем не *исписывал*.

Когда молодая пара скрылась за съехавшейся дверью, Крамбайн вернулся на свое место за столом.

— Вы были правы, Потшелтер, — бодро сказал он.— Это именно та единственная несчастливая комбинация, которая случается раз на миллиард миллиардов случаев. Но мы должны будем издать рекомендации для установления новых процедур, которые уменьшат эту вероятность до одной биллионной биллионов. Это, несомненно, приведет к увеличению подоходного налога на Земле, и уже мало кто захочет здесь селиться, но с нами больше никогда не случится ничего подобного. Каждый Парень обязан жениться на Девушке По Соседству! И корреспонденция первого класса никогда не может быть повреждена! Реклама должна проходить беспрепятственно!

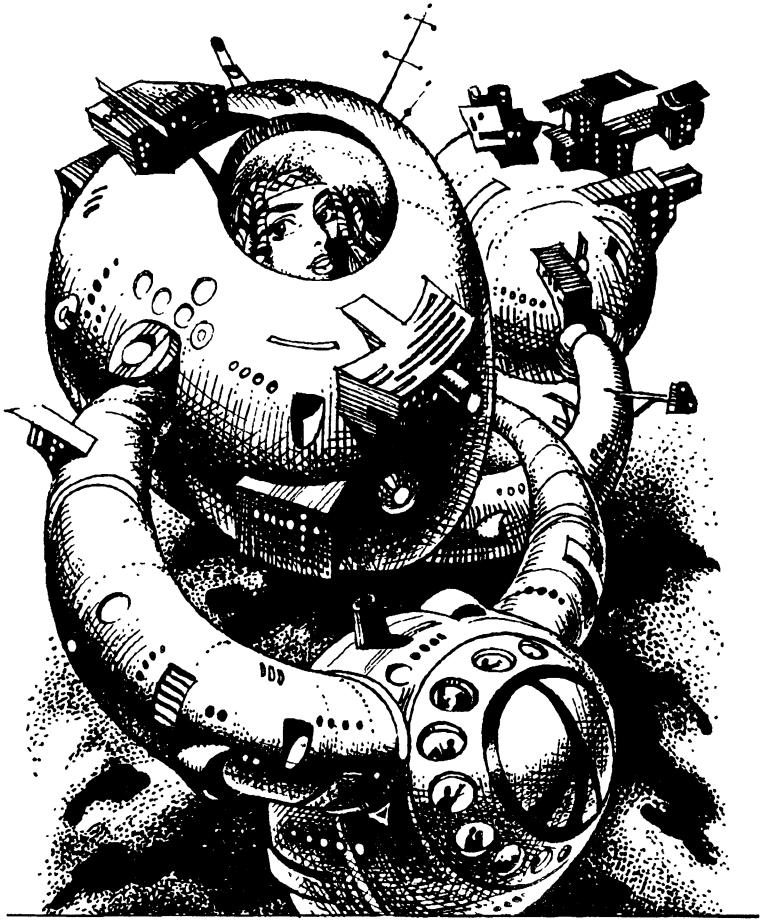
— А я, пожалуй, уже и не прочь, чтобы это повторилось снова, — мечтательно вымолвил Потшелтер,— если в подобном будет участвовать еще одна Джейн Дау.

Снаружи Ричард и Джейн остановились, пропуская небольшую процессию машин. Впереди шествовало отделение машин-полицейских, ведущих Черного Сортировщика, уже без намордника, но все еще тихо скрежетавшего зубами. Затем, в горизонтальном положении, возлежа на плечах Серого Психиатра, Черного Судмедэксперта, Белой Няни Семь и Жирного Джо, проплыла Розовая Корзина-Для-Бумаг, после смерти ставшая белой как снег. Машины негромко и скорбно причитали.

Возле черных опор, как мыши, сновали небольшие механические швабры, убирая остатки конфетти из почтовой корреспонденции первого класса.

При виде последствий своего безрассудства Ричард вздрогнул, но Джейн сжала его руку, пробудив в нем поистине удивительные ощущения.

— Я знаю, что ты чувствуешь, милый,— произнесла она.— Но не думай об этом. А думай лишь о том, дорогой, что я всегда смогу сказать женам твоих друзей что-то такое, чем не может похвастаться ни одна другая женщина в мире: что однажды мой муж написал мне письмо!

БИТОВОЕ СКОПЛЕНИЕ

THE BEAT CLUSTER

© 1961, by Galaxy Publishing Corporation
© Перевод. О.В.Клинченко, 1993

Когда поступило распоряжение о выселении, Фэтс Джордан висел в центре Большого Стеклянного Воздушного Шара, крепко прижимая к своему массивному брюшку гитару. На нем была черная футболка, одетая поверх пурпурных шортов.

Большой Иглу*, как чаще всего называли огромный жилой шар, на самом деле не был стеклянным, а был сделан из сверхпрочного шелка — дешевого гибкого материала, почти такого же прозрачного, как сплавленный кварц, но только в десять тысяч раз прочнее — настолько, чтобы выдерживать необходимое для нормальной жизнедеятельности давление воздуха в условиях полного космического вакуума.

Сквозь сферическую стену неясно вырисовывались другие, немного меньшие шары Битового Скопления, соединенные друг с другом и с Большим Иглу цилиндрическими, диаметром в один метр туннелями из темного шелка утонченной прочности. Внутри них плавали в невесомости группы людей обоих полов, одетых непринужденно и как бы по-домашнему, занятые делами, соответствующими состоянию свободного падения: они спали, принимали солнечные ванны, ухаживали за морскими водорослями («убаюкивая» пористые колыбельки с водой, удобрениями и зеленой пенистой «бякой»), разводили дрожжи (процесс почти аналогичный указанному), читали, что-то изучали, о чем-то спорили, считали звезды на небе, размышляли, играли в космический теннис (внутри корта-шара), танцевали, занимались творчеством в самых разнообразных его проявлениях, музицировали, воспроизводя приятные для слуха мелодии (звучание музыкальных инструментов не зависит от наличия гравитации).

Соединяясь с Битовым Скоплением двумя несколько более крупными туннелями из сверхпрочного шелка, закрывая добрую восьмую часть чернильно-черного, испещренного звездами неба, в лучах яркого солнечного света ослепительно

*Хижина из затвердевшего снега у эскимосов.

сияла стройная алюминиевая громадина «Исследовательского Спутника-1».

Но большей частью именно этот, отраженный от спутника-родителя свет и освещал Фэтса Джордана и других «летунов» Битового Скопления.

Немного в стороне от спутника, прямо в открытом космосе, висело примерно в том же положении, как его развернули (равно как и все предметы в невесомости), огромное «одеяло», защищавшее от Солнца значительную часть Большого Иглу. Это солнцезащитное одеяло с внутренней стороны состояло из лоскутков всевозможных цветовых гамм и материалов, но с обратной стороны, как это было видно по загнувшимся краям и углам, оно имело серебристую поверхность. Подобные же «Голливудские Погоны» оберегали от чрезвычайного теплового воздействия и другие иглу, закрывая собой Солнечный диск.

Фэтс, которого называли Большим Папочкой космических битников, воспринял приказ о выселении с задумчивой грустью.

— Значит, вот мы и докатились до того, что должны опуститься *туда*?

Он резко ткнул пальцем в сторону Земли — баскетбольный мяч, висящий как раз между серебрящимся краем солнцезащитного одеяла и спутником. Грязная старая Земля-*Terra* наполовину была погружена в ночь: ее дневную, освещенную сторону составляли голубые и коричневые тона, а черноту ночной стороны прорезали несколько крошечных, словно затуманенных, отблесков больших городов.

— Верно,— едва приоткрыв тонкогубый рот, процедил Поверенный нового Постоянного Гражданского Администратора.

Новый Поверенный был тощим мужчиной, одетым в серебристо-серую блузу, шорты-бермуды и мокасины. Его волосы были очень коротко подстрижены, образуя белокурый ежик-газон. Он выглядел почти невыносимо опрятным чистюлей и резко контрастировал с окружавшими его неряшливыми длинноволосыми «летунами». К произнесенному одному слову Поверенный хотел было добавить: «...и к тому же самое время»,— но вспомнил, что Администратор требовал быть тактичным — «твердым, но тактичным». Он сдержал искушение, но так и не смог ничего поделать, чтобы не сморщить нос. Это было единственным, что ему оставалось, дабы не зажимать его руками. Запах был намного сильнее вони людской толпы и даже сильнее отвратительного запаха китайских растений. Битовое Скопление *смердело*.

Ко всему прочему, оно было еще и грязным. Даже фильтры спутника, куда поступал по вытяжным туннелям воздух с

Битового Скопления, не справлялись с огромным количеством вновь образовавшейся пыли. То тут, то там ее тонкий слой затуманивал простиравшиеся за оболочкой звездные поля. И вдруг Поверенному показалось, что этот слой пыли медленно *движется*.

Да еще и Фэтс Джордан оказался в этот момент висящим перед Поверенным вверх ногами, что усилило у последнего ощущение абсолютного беспорядка. «Вот уж действительно,— подумал он,— этот битовый народец — настоящий бич космоса. И чем скорее они отсюда уберутся, тем лучше».

— Послушай,— мрачно произнес Фэтс,— я никогда не думал, что они станут настаивать на исполнении этих старых распоряжений.

— Это было первым официальным решением нового Администратора,— постно улыбаясь, ответил Поверенный.— Грузовая ракета должна была вернуться на Землю порожняком сегодня утром, но Администратор задержал ее. Мы надеемся, что ваша первая группа из пятидесяти человек явится на борт капсулы за час до полуночи.

Фэтс хмуро покачал головой и сказал:

— Будет больно покидать нам космос.

Его слова были подхвачены находившимися поблизости людьми и эхом прозвучали в Большом Иглу.

— Скоро наступит время тьмы,— изрек Нэйв Грейсон, коммерсант-астронавт и сторонник культа Солнца. Рыжая борода и большой нож в ножнах на поясе делали его похожим на пирата.— Ты понимаешь, что там, внизу, ночь длится в среднем двенадцать часов вместо двух — здесь? И что там бывают дни, когда нашего Солнца вообще не видно?

— После невесомости йога в условиях гравитации будет испытанием,— высказал мнение Гуру Ишпингем, переходя из падмасаны в позицию, когда колени оказываются позади ушей, чем заставил Поверенного смущенно отвести взгляд. Выглядевший высоким даже будучи сложенным вдвое и скрученным, Брайтон был настолько же худощав, насколько невообразимо толст Фэтс Джордан. (В космосе количество худых и толстых имеет тенденцию к резкому увеличению, так как ни избыточный вес, ни слабая мускулатура не влекут здесь наказаний, которые применяются на поверхности планеты.)

— А всеобщее движение, как теперь состояние космического покоя, не будет ничем из ряда вон выходящим,— не оборачиваясь, бросила через плечо Эрика Джейнс. Эта эскимосская ваятельница только что внесла несколько завершающих штрихов в

одно из своих трехпространственных невесомых построений — набор золотистых, синих и красных шаров — и сейчас щелкала фотоаппаратом, делая серию стереоснимков.— Что по-настоящему обидно,— добавила она,— так это то, что наши дети вынуждены будут пытаться постичь три ньютоновских закона движения в среде, ограниченной гравитационным полем. Элементарную физику нужно преподавать только в состоянии свободного падения.

— Не будет больше ни космического ныряния, ни скульптур из воды, ни вакуумной химии,— нараспев продекламировал Мозг, четырнадцатилетний юнец, сбежавший из великолепного, но в который уже раз покидаемого им дома там, внизу.

— Не будет больше ни космического пинг-понга, ни космического бильярда,— вторила ему его сестра, мисс Мозг. (В космический бильярд играют на внутренней поверхности сферы, меньшей, чем для игры в космический теннис. После удара кием шары катятся, движимые незначительной центробежной силой.)

— Ну ладно, ведь все мы знали, что этот пузырь когда-нибудь взорвется,— подвела черту Газзи Фримл, лениво водя булавкой по своему черному трико. (В космосе, где изгибы тела не стянуты гравитацией, с девушками происходит нечто особенно прекрасное. Даже у толстушек в условиях свободного падения ничего нигде не отвисает. Сладостные же изгибы становятся поистине завораживающими.)

— *Да!* — взбешенно воскликнул Нэйв Грейсон. Все это время он с абсолютно потерянным видом тягостно над чем-то раздумывал. Внезапно, словно прийдя к какому-то определенному выводу, он выхватил свой нож и резанул им по туго натянутому сверхпрочному шелку.

Поверенный знал, что ему совсем не следовало так пугаться и судорожно вздрагивать. Едва раздалось шипение уходящего воздуха, как разошедшиеся края дыры стянулись снова — *хлоп*!

Нэйв, глядя на Поверенного, недобро ухмыльнулся.

— Проверка,— пояснил он.— Я знаю одного увальня, который потерял ногу, провалившись в сверхпрочный шелк. Натяжением кромок отрезало ногу по самую лодыжку. И теперь эта нога в коричневом ботинке с острыми торчащими гвоздями вращается по орбите вокруг спутника. Это вещь, которую мальчику нужно запомнить раз и навсегда и не пытаться затыкать пальцем плотину*.

*Здесь подразумевается голландская притча о мальчике, который спас людей, заткнув пальцем течь в плотине.

В этот момент Фэтс Джордан, который по-прежнему с тягостным видом что-то обдумывал, вдруг властно ударил на своей гитаре леденящую мелодию:

Будет больно
Покидать нам космос,
Будет больно!

Поверенный снова вздрогнул, опять не сумев совладать со своими чувствами.

— Все это очень хорошо,— отрезал он,— и я рад, что ваше отношение к происходящему основано на реализме. Но не лучше ли поторопиться?

Фэтс Джордан, прижав рукой струны, замолчал.

— Что вы имеете в виду, господин Поверенный? — спросил он.

— Я имею в виду, что первые пятьдесят человек уже должны готовиться к возвращению вниз!

— Ах это,— произнес Фэтс и снова ненадолго погрузился в размышления.— Ну теперь, господин Поверенный, это не займет много времени.

Поверенный громко фыркнул.

— Два часа! — отрывисто бросил он и, ухватившись за нейлоновый трос, который предусмотрительно притянул за собой в Битовое Скопление (почти как осмелившийся проникнуть в такой же, вероятно, зловонный лабиринт Минотавра Тезей), и, перебирая по нему руками, поспешно удалился из Большого Иглу по зеленому туннелю.

Мисс Мозг хихикнула. Фэтс глянул на нее, сурово нахмурив брови. Хихиканье прекратилось. Чтобы как-то скрыть замешательство, мисс Мозг начала мычать под нос мотивчик одной из сочиненных ею вместе с братом песенок:

Эскимосы — янты,
В иглу вольно мы летим.
Космос — дом для Esquimaux,*
Вакуум — пища для орлов.

Фэтс отбросил гитару в сторону Газзи, и инерция этого усилия заставила его медленно обернуться вокруг собственной оси. Вращаясь, он своими толстыми, как спелые бананы, пальцами прощелкал товарищам ритм песенки.

---

*Эскимосы (фр.).

— Кому-то придется сообщить исследователям, что мы отменяем художественное шоу, балет и завершаем пятницы джаза. Так же, как и курс изучения Великих Книг, и покер по субботам. Неплохо бы было передать нашим друзьям на Эдисоне и Конвэаре, чтоб они организовывали у себя турниры по трехмерным шахматам и трехмерным перемещениям в пространстве, если не смогут добиться, чтобы новый Администратор подарил им наши помещения, когда мы отсюда уйдем — в чем я лично сомневаюсь. Думаю, он оттащит Скопление куда-нибудь подальше и будет использовать наши иглу для учебных стрельб. Благодаря эффекту самосклеивания они должны долго сохранять форму.

Но особенно не объясняйте исследователям, когда и почему мы уходим. Разыграйте все *mysterioso**.

Тем временем наши подружки возьмутся сшить нам какую-нибудь земную одежду, чтоб была теплая и приличная. А мы приведем в порядок наши документы для таможенников, хотя, боюсь, у большинства остались только паспорта Дэйвиса. Черт, вполне возможно, что у некоторых еще паспорта Нансена.

И лучше было бы скинуться и купить кресла на колесиках и тележки, потому как скоро они кое-кому понадобятся.

Фэтс с тоской посмотрел на худосочные переплетения Гуру Ишпингема — кожа да кости,— потом взглянул, сравнивая, на себя. Это ж надо быть таким толстым!

Тем временем со стороны спутника к Большому Иглу приблизился космический «ныряльщик». Он вошел в створ пузыря из прямого материала, закрыл за собой «молнию» и открыл еще одну — входа-щели. Легким хлопком пузырь надулся, и «ныряльщик» пролез сквозь щель внутрь. Энергичным рывком он снова стянул «молнию» и откинул стекло шлема.

— Тревога! — закричал он.— Новый Администратор собирается вернуть нас всех вниз! Мне сказал об этом Шеф полиции. Новый «А» принимает всерьез эти старые распоряжения о депортации и считает...

— Все это мы уже знаем, Трэйс Дэвис,— прервал его Фэтс.— Новый «А» прислал сюда Поверенного.

— Ну и что вы теперь думаете *делать*? — спросил тот.

— Ничего,— спокойно ответил испуганному и потрясенному «ныряльщику» Фэтс — Мы подчиняемся А ты,

*Таинственно (исп.).

Трэйс,— он ткнул в его сторону пальцем,— давай, вылезай из этого костюма. Мы толкнем его на аукционе вместе с другими остатками «неземных» товаров. Эти исследователи будут лезть из кожи вон, чтобы его выкупить. Для потешного «ныряния» наши скафандры — просто предел желаний.

Из синего туннеля высунулась голова с морковного цвета макушкой:

— Эй, Фэтс, мы ведем передачу,— тоном обвинителя заявил веснушчатый владелец макушки.— У тебя есть тридцать секунд для выступления!

— Надо же, малыш, я совсем забыл об этом,— сказал Фэтс. Затем вздохнул и, пожав плечами, добавил: — Думаю, у меня имеется одна позорная новость для наших фанов внизу. Возьмите-ка все мои особые инструкции, ребятки, и раздайте всем нашим.

Внезапно он схватил за черную лодыжку проплывавшую мимо Газзи Фримл и резко от нее оттолкнулся. Приобретенная им в результате этого скорость в направлении синего туннеля равнялась одной пятой той, с которой удалялась в противоположную сторону Газзи.

— Эй, Фэтс,— крикнула она, мягко отскакивая от солнцезащитного одеяла,— может, у тебя найдется какое-то напутственное слово для нас?

— А как же,— все удаляясь от нее, с улыбкой ответил Фэтс, не переставая, однако, вращаться.— Делайте побольше бяки, детишки. Да,— повторил он, исчезая в синем туннеле,— отпустите все тормоза и делайте побольше бяки.

Семь секунд спустя он проплывал около сферического микрофона коротковолновой станции Битового Скопления, вокруг которого тесной группкой скучились разноцветные головы и инструменты «Маленького джаз-ансамбля». Музыканты сыграли последний аккорд своей композиции, в то время как их ноги, уходя в перспективу, плавали где-то позади. Полдюжины участников ансамбля, считая и Фэтса, подобно смирным рыбкам, уткнулись носиками в черную маслину микрофона. Фэтс смотрел на Землю, большую часть которой уже скрыла ночь, Землю, почти такую же огромную, как и необъятный барабан, стоявший рядом со штативом перкуссии, который, как ножницами, обхватил своими ногами Джорди. «Хорошо, когда можно видеть того, с кем говоришь»,— подумал Фэтс.

— Всем на поверхности привет,— негромко произнес он, дождавшись, когда солнцезащитное одеяло поглотило послед-

ний отзвук музыки, отраженный эхом от сверхпрочного шлема.— Да, это тот самый столь ненавистный вам голос из космоса, голос вашего старого мучителя Фэтса Джордана, рекламирующего непрокисающий сок.— Фэтс сказал именно «рекламирующего», а не «рекламируйщеа». В абсолютном вакууме его дикция всегда улучшалась.

— А для разнообразия, человеки, я расскажу вам сегодня кое-что о нас. На этот раз не будет никаких шуток, один скучный монолог. На это у меня есть причина действительно серьезная. Но о ней я пока говорить не стану.

Вы, кажется, устроились потрясающе уютно там, внизу,— продолжал он,— просто потрясающе уютно, если глядеть отсюда, где плаваем мы. Потому что мы очень далеко от вас, прямо-таки «неземные», как выразился один человек. Все двадцать тысяч миль — ну, как капитан Немо.

Или же очень высоко, если так вам больше нравится. Очень высоко над вашей головой. Здесь, в вышине, рядом со звездами, пылающим Солнцем и обжигающе-холодным вакуумом, кружась по орбите вокруг Земли в наших сумасшедших шарах, которые похожи на гроздь закоптелых стеклянных виноградин.

Оркестр снова тихо заиграл, создавая для ленивой речи Фэтса рассудительно-спокойный фон.

— Да, обитатели суши, сейчас в космосе находятся мальчики и девочки. Мы нашли здесь дешевую дорогу, запасной выход. Сумасброды, которые вчера, возможно, направлялись в Волладж, Кватер, на Большой Юг, на Покинутое Побережье, на Северные Пляжи, а кто-то, упаковав свои книги по дзэн-буддизму, решил идти куда глаза глядят,— все они сейчас здесь, невесомо кружатся вокруг Дорогой Старой Мерзости. Итак, человеки, вы ведь потихоньку радуетесь, что мы ушли сюда?

Звуки оркестра наплывали на его речь, подобно размеренному качанию гамака.

— Наши комнаты с холодной водой оказались наверху. Наши мансарды взмыли в воздух. Мы взялись за наши жилища, и они поднялись над стратосферой. Возникли сложности с нашими мотоциклами, Папочка, но мы справились и с этим. Неужели же вам ничуть не радостно, что вы от нас отделались? Я знаю, здесь, наверху, не все. Но здесь — худшие из нас.

Как вам известно, люди представляли себе завоевание космоса исключительно в виде военных аванпостов и выверенного действия механизмов...

В этот момент труба Бэрра издала короткий боевой сигнал.

— И в этих картинках, рисуемых их воображением, они не оставили ни одного уголка для бродяг и мечтателей, бунтовщиков и никчемных людишек (таких, как я, человеки!), которые сейчас находятся здесь, наверху, кружась на орбите с несколькими килограммами кислорода и парой растекающихся слизью бяк (и, разумеется, с несколькими тараканами, а может, даже и с несколькими мышками, хотя мы держим кота) внутри скопления из старых вонючих шаров.

Это само по себе смешно: древний аппарат, на котором человек впервые оторвался от земли, первым дал ему и дешевое жилище за пределами атмосферы. Примитивные шары свободно носились в воздухе, гонимые ветром, мы же свободно падаем, удерживаемые крепкими лапами гравитации. Ведь шар — это символ, человеки. Символ мечтаний, надежд и легко разбивающихся иллюзий. Потому что шар — это что-то вроде мыльного пузыря. Но и пузыри могут быть прочными.

Подчиняясь ритму барабанов Джорди, оркестр начал тему «Синего Быка» Пола Буниана.

— Такими же прочными, как палатки из тсуги* и покрытые дерном лачуги первых американских поселенцев. Мы пошли в космос, многие именно так, как шли на восток ирландцы и финны. Те строили длинные железные дороги. Мы строили большие спутники.

Здесь оркестр заиграл тему «Топора».

— Сам я был сварщиком. Пришел в космос вместе с компанией других негодных людишек подмочь склепать «Исследовательский Спутник-1». Мне не понравились бараки, куда нас поместили, поэтому я сам соорудил небольшой частный домик из сверхпрочного шелка — материала, который тогда использовался только для хранения жидкостей и газов, никому и в голову не приходило строить из него жилища для людей. Там, в своем пузыре, я стал кое о чем размышлять и в конце концов встретил еще нескольких неприкаянных. Похожая история приключилась и с некоторыми другими негодными людишками. Ведь у того, человеки, кому достало фантазии корячиться в вакууме с листами алюминия в паутине разных конструкций, без сомнений,

---

*Американское хвойное дерево.

хватит ее и на то, чтобы в самом деле восторгаться звездами, невесомостью и всем таким прочим.

Когда монтажные работы были закончены, установлена куча всякого исследовательского оборудования, мы, обитатели шаров, остались. Это потребовало некоторых ухищрений, но мы своего добились. Правительство из-за нас больших расходов не несет. Для него тоже оказалось чрезвычайно удобным иметь нас под рукой для всяких подсобных работ.

Это был зародыш нашего, незаконно поселившегося в космическом пространстве скопления. Первыми здесь появились космические бродяги и чудаки. За ними пришли художники и прожигатели жизни с хулиганскими замашками. Они учуяли запах нашей жизни и за свои деньги, на чужой счет или какими-то другими обманными путями добрались сюда. Некоторые занимались исследовательской работой в космосе и перебрались к нам после окончания срока контракта. Другие прибыли с призовой экскурсией — сумели потеряться и случайно нашли нас. Они привезли свои музыкальные записи и инструменты, альбомы своих эскизов и пишущие машинки, а кое-кто даже протащил сюда, наверх, собственные шары. Большинство умело выполнять разные космические работы — приличная страховка, чтобы оставаться здесь. Но только не подумайте ничего такого. Никто из нас не сходит с ума по работе. В действительности мы самые ленивые коты космоса, которые не выносят упоминания о том, чтобы таскать свой собственный вес каждый день на протяжении всей своей жизни! Обычно мы вкалываем только тогда, когда нужны деньги на какие-то особые расходы или когда есть работа, которую просто нельзя не делать. Мы мечтаем, шутим, поем, учимся. «Через тернии к звездам» — это дело наших друзей, космических пехотинцев. Сами же мы в девизе «*ad astra per aspera*» (это ведь и ваш девиз?) заменяем последнее слово на «аспарагус»* — отчасти, быть может, в честь зеленой бяки, которую мы выращиваем для получения кислорода (так нам не приходится вытягивать слишком много этого газа из правительства), а также для увековечивания питательных дрожжей и всякой всячины, которую получаем из наших отходов.

Как мы живем здесь, наверху? Как можем выдерживать битком набитые народом смердящие шары? Но слушайте: мы здесь свободны, в первый раз по-настоящему *свободны*. Мы

*Вид морских водорослей.

буквально летаем. Гравитация не в состоянии согнуть наши спины, переломить наши хребты или усмирить наши мысли. Ведь только здесь, далеко, такие глупые люди, как мы, могут по-настоящему думать. Невесомость держит наши мысли на плаву, и у нас есть возможность разобраться в них. Они произрастают здесь, как в никаком другом месте, это именно та среда, которая им нужна.

В космос может попасть любой, если он в самом деле этого хочет. Билет — это мечта.

Такова наша история, человеки. Мы выбрали космическую дорогу, потому что только здесь еще оставалась граница неизведанного. Мы должны были прийти сюда, потому что здесь тоже есть пространство. Подобно взобравшемуся на гору человеку. Подобно смельчаку, первым бросившемуся в зеленые глубины океана безо всякого снаряжения. Подобно человеку, позавидовавшему птице или падающей звезде.

До этого мгновения звуки музыки, казалось, тихо парили в пространстве, сливаясь со словами Фэтса и умолкнув вместе с ним. Когда же он заговорил снова, музыка уже не сопровождала его речь — звучал только один его монотонный голос.

— Но это еще не конец рассказа, человеки. Как я сказал, у меня есть кое-что серьезное, что я хотел бы сообщить вам. Серьезное, по крайней мере, для нас. Похоже, что мы уже не сможем дальше оставаться в космосе, человеки. Нам было сказано, чтобы мы убирались отсюда. Потому что мы — неправильные люди. Потому что у нас нет законного права оставаться здесь, а только право, которое дает нам мечта.

Может, в этом и заключается настоящая справедливость. Может, мы слишком засиделись на местах, которые принадлежат звездам и птицам. Может, место битового поколения не в космосе. Может, космос — для солдат и гражданской службы, да еще ломтик для исследователей. Может, есть кто-нибудь, кто больше нашего хочет находиться в космосе. Может, наше падение вниз заслужено нами. Не знаю, что и сказать на это.

А значит, готовьтесь к встрече, человеки. Мы возвращаемся. Если же вы *не хотите* нас видеть или же считаете, что нас определенно нужно держать здесь в целях безопасности — вашей безопасности,— вы могли бы просто дать знать об этом Президенту

В эфире было Битовое Скопление, человеки.

Отлетев от оркестра, Фэтс сразу же обратил внимание на то, что немногочисленная публика отправляемого на Землю

шара количественно выросла и что не все вновь прибывшие были обитателями Скопления.

— Фэтс, что у вас здесь творится? Ваши люди что-то самостоятельно проворачивают, а исследовательский персонал остается в стороне? — обратилась к нему седая стручкообразная голова.— Вы просто не можете так вот сразу покончить со всеми развлечениями. Мне крайне необходимо ваше Скопление, чтобы мои электронные жучки все так же дурачились на радость всем. Мы даже хотим использовать их внизу для привлечения нового персонала, хотя и не собираемся их тиражировать.

— Прошу прощения, господин Томс,— спокойно произнес Фэтс.— Не в обиду вам или же Главному Электрику будь сказано, но у меня нет времени для объяснений. Обратитесь к кому-нибудь другому.

— То есть как это — не в обиду? — ухватившись рукой за пурпурные шорты Фэтса, настаивал тот.— Вы что, пытаетесь поделить космос на кварталы? Что вам не нравится в исследователях? Мы недостаточно хорошие для вас люди?

— Да,— влез в разговор взъерошенный представитель Конвэара,— и раз такое дело, не были бы вы так добры пролить капельку света на эту, только что поступившую от нового «А» директиву насчет того, что Скопление для нас закрывается и все свидания парней из исследовательского персонала с девушками из Скопления должны прекратиться? Фэтс, это ты подбил на это нового «А»?

— Не совсем,— сказал Фэтс.— Слушайте, парни, кончайте наседать. У меня дел по горло.

— Дел у него по горло! — фыркнул взъерошенный.

— Не думайте, что вам удастся свалить отсюда просто так,— предупредил Фэтса Томс.— Мы будем протестовать. Да ведь Старик с ума сходит в ожидании турнира по трехпространственным шахматам. Он говорит, что его единственный реальный соперник здесь — это Мозг.

(Старик — это Хуберт Уиллис, гений, руководитель открытого на другой стороне спутника бетатрона.)

— Другие исследовательские отряды тоже скандалят,— вмешался Трэйс Дэвис.— Мы им расписали все, как ты говорил, а они сказали: «Мы не можем бросить их вот так».

— Объединенные микробиологи,— сообщила Газзи Фримл,— хотят знать, кто будет теперь проводить эксперименты в невесомости с незащищенными колониями бяки, которые мы проводим сейчас для них.

Подошли еще двое. У них были более конфиденциальные обращения к Фэтсу. Первой заговорила Эллисон с Конвэара:

— Не стала бы вам говорить, если бы не думала, что вы и сами догадываетесь: я использовала Битовое Скопление для экспериментального исследования психологии в анархическом человеческом сообществе в условиях невесомости. Если вы отделитесь от нас, я окажусь в глубокой дыре.

— Это выглядит чрезвычайно по-дружески с вашей стороны — испытывать такие чувства,— заметил Фэтс,— но я очень спешу.

Сержант космических пехотинцев Гомберт, Шеф полиции спутника, отвел Фэтса в сторону и произнес:

— Я не знаю, почему вы не скажете исследователям напрямик, что происходит, ведь достаточно скоро они и так узнают всю правду. Думаю, у вас на это есть какие-то коварные соображения. Однако я здесь для того, чтобы сообщить: у меня нет лишних людей для обеспечения вашего массового исхода. Ведь ты, привыкший к строгой экономии, прекрасно знаешь, что в смысле управления это место больше походит на национальный парк, нежели на военный форт, несмотря на то что оно имеет большое значение в плане поддержания безопасности. Я хочу попросить, чтобы вы сами мирно, в спокойной обстановке провернули это мероприятие.

— Можете не беспокоиться, Шеф, мы позаботимся об этом,— ответил Фэтс.— Эй, ну-ка, веселее двигайтесь все!

— Поймите,— уже сильно горячась, продолжал Гомберт.— Я полностью на стороне управленческой машины. И как официальное лицо буду вне себя от радости, увидев, что уходит последний «летун». Но так получилось, что именно в этот момент у меня не хватает людей.

— Я понимаю,— мягко сказал Фэтс, а затем заорал: — Быстрее поворачиваемся.

Когда садилось Солнце, перед ним вновь возник Поверенный нового «А» — на этот раз он висел в Большом Иглу как положено, то есть ногами вниз.

— Вашей первой партии из пятидесяти человек надлежало быть на борту капсулы еще час назад,— зловещим тоном начал Поверенный.

— Правильно,— подтвердил Фэтс.— Только так получилось, что нам понадобится чуть больше времени.

— И что же вас задерживает?

— Мы уже почти готовы, господин Поверенный,— ответил Фэтс.— Видите, как все суетятся?

Полдюжины фигур размеренно кружились вокруг Большого Иглу, складывая солнцезащитное одеяло. Солнце скрылось за диском Земли, и была видна только его разметавшаяся корона — тускло светящиеся волосы, струящиеся в звездных просторах. Земля уже вошла в свою ночную фазу, не считая угасающего ободка атмосферы да пунктира слабо светящихся точек — Лос-Анджелес — Чикаго — Нью-Йорк. То тут, то там в Скоплении вспыхивали неяркие желтые огоньки, что указывало на подготовку к короткой ночи. Прозрачные оболочки шаров словно исчезали — оставалась кучка людей, разбивших лагерь прямо среди звезд.

Поверенный заговорил снова:

— Нам известно, что вы добились неофициальной поддержки и сочувствия среди исследователей и даже военной полиции. На это не рассчитывайте. Новый Администратор может прибегнуть к помощи специальных представителей, чтобы добиться выполнения распоряжений о депортации.

— Вне всякого сомнения, может,— искренне согласился Фэтс.— Но необходимости в этом нет. Мы сваливаем отсюда со всем нашим барахлом так быстро, как только можем, господин Поверенный. К примеру, наша земная одежда все еще не пошита. Вы же не хотите, чтобы каждые девять из десяти наших прибыли вниз голыми и создали спутнику дурную репутацию? Значит, дайте нам поработать и не дергайте за локоть.

Поверенный недовольно фыркнул и проговорил:

— Давайте не тратить попусту ваше и наше время. Ведь мы, если нас вынудить, можем отключить и кислород.

Наступила секундная пауза. Потом со стороны находившегося неподалеку Трэйса Дэвиса донеслось:

— Вы только послушайте этого! Послушайте человека, который решил бы земные жилищные проблемы, отключив подачу воды в трущобы.

Фэтс хмуро посмотрел на Трэйса, но вслух спокойно произнес:

— Если господин Поверенный перекроет нам воздух, он всего лишь нанесет вред спутнику. Сейчас наши морские водоросли производят чуть-чуть больше кислорода, чем мы потребляем. Мы уже подняли производительность бяки. Если не верите мне, господин Поверенный, то можете попросить проверить это парней, занимающихся атмосферой.

— Даже если у вас действительно достаточно кислорода,— официально сообщил Поверенный,— то вам все равно нужна искусственная вентиляция, чтобы сохранить круговорот воздуха. При отсутствии гравитационной конвекции вы задохнетесь в собственных испарениях.

— У нас уже готовы свои вентиляторы, а электробатареи нам привезли,— парировал Фэтс.

— У вас нет ни места, чтобы их смонтировать, ни жесткого каркаса,— возразил Поверенный.

— Их смонтируют на упряжи недалеко от входа в каждый из туннелей,— невозмутимо ответил Фэтс.— Без гравитации они отойдут в сторону от входов в туннели и будут кататься на этой туго натянутой упряжи. Кроме того, мы не брезгуем и физическим трудом, если это необходимо, и могли бы пользоваться опахалами.

— Воздух — не единственная проблема,— вставил замечание Поверенный.— Мы можем лишить вас еды. Ведь вы живете подаянием.

— Сейчас,— тихо вымолвил Фэтс,— мы живем наполовину на дрожжах, выращенных на наших собственных отходах. И живем хорошо, как вы можете убедиться, посмотрев на меня. И если понадобится, мы в состоянии производить их намного больше, чем вполовину от теперешнего количества, столько, сколько нам надо. Мы тебе и фермеры.

— Мы можем закупорить Скопление,— оправился от неожиданного поворота дел Поверенный,— и оставить вас на произвол судьбы. Распоряжением это позволено.

— А почему бы и нет? — ответствовал Фэтс.— Из этого получилась бы многосерийная драма для публики на поверхности, а также для химиков: и те и другие наблюдали бы, как долго мы сможем протянуть в здоровой, экологически чистой среде.

Поверенный ухватился руками за свой нейлоновый шнур.

— Я сообщу новому Администратору, что вы ведете себя враждебно,— брызжа слюной, выпалил он.— Скоро мы дадим о себе знать.

— Когда будете докладывать, передайте от нас привет и поздравления,— сказал Фэтс.— У нас не было подходящего случая. А сейчас совсем другое дело,— уже вдогонку кричал он поверенному.— Предупреждаю, что здесь вы обломаете себе зубы. Это пустая трата сил. Если бы вы себя закалили, сделав три глубоких вдоха, вы бы уже не чувствовали нашей вони.

Спеша побыстрее уйти, Поверенный стукнулся о стенку туннеля. Но никто не засмеялся, отчего его замешательство удвоилось. Если бы они стали смеяться, он мог бы выругаться. Теперь же приходилось сдерживать свое возмущение до тех пор, пока он сможет излить его в докладе Администратору.

Но и этого утешения его лишили.

— Не произносите ни слова,— вызверился новый Администратор, как только поверенный примчался в его офис из алюминия.— Депортация отменяется. Я объясню вам, что смогу, но если вы заикнетесь об этом кому-нибудь еще, я *вас* вышвырну. Двадцать минут назад я получил послание прямо от Космического Маршала и Президента. Мы не должны беспокоить Битовое Скопление, таково мнение общественности. А также и потому, что они — наш эксперимент свободной миграции людей в космическое пространство. (Как сказал Президент: «Где же еще, Джоэл, вы думаете, мы сможем найти людей, которые охотно покинут Землю и будут существовать без всяких излишеств на собственных отходах? Кроме того, они представляют собой летающий резерв рабочих рук для спутника. И кто бы мог подумать, Джоэл, что этот выход в эфир Джордана привлечет к себе столько же внимания, как и высадка русских на Ганимеде?») Новый Администратор тихо застонал и, обращаясь к кому-то Невидимому, произнес: — Ну почему они никак не предупреждают об этом человека, прежде чем он окажется в идиотском положении?

Далеко от них, в Битовом Скоплении, Фэтс взял последний аккорд «Сияй, малыш, сияй, червяк». Над спутником медленно взошла полная Луна. Потускневшие в ее свете желтые огоньки теперь будто плавали в открытом космосе. Древний белый шар выглядел чуть большим, чем при взгляде на него с Земли, а отметины на его поверхности казались отчетливей и резче, словно выгравированные на металле. Кратеры Тихо и Коперника ярко поблескивали через равные промежутки времени, а небольшое темное пятно Моря Кризисов походило на свернувшегося в клубок черного котенка. Фэтс завел новую песню, тут же подхваченную всеми остальными:

Будет больно
Покидать нам космос,
Будет больно!
Будет больно
Покидать нам космос,
Так, значит, не уйдем!

64-КЛЕТОЧНЫЙ ДУРДОМ

THE 64-SQUARE MADHOUSE

© 1962, by Digest Productions Corporation
© Перевод. О.В.Клинченко, 1993

I

Сандра Ли Грейлинг проклинала в душе день, когда убедила редактора «Чикаго Спейс Миррор» в том, что на первом международном гроссмейстерском шахматном турнире с участием электронно-вычислительной машины найдется масса любопытной информации на любой читательский вкус.

И дело тут вовсе не в том, что с людьми перестало случаться что-либо необычное,— это был простой интерес к неведомому. Большой зал заполняли энергичные мужчины в темных костюмах, которые в подавляющем большинстве были лысыми, носили очки, имели несколько неаккуратный и даже, казалось, потрепанный вид, славянские или скандинавские черты лица и говорили на иностранных языках.

Они тараторили без умолку. В этой гудящей массе выделялись куда-то постоянно спешившие люди с напряженно-сосредоточенными, как у зомби, официальными лицами.

Шахматные доски были повсюду: большие — на столиках, еще большие, электронные, — на стенах; маленькие, с втыкающимися в отверстия фигурами, которые их хозяева извлекали из боковых карманов и постоянно вертели в руках как необходимый атрибут беседы, и, наконец, совсем миниатюрные, с фигурками на крохотных магнитах, предназначенные для невесомости.

Время от времени взгляд натыкался на таблички с таинственными латинскими аббревиатурами: FIDE, WBM, USCF, USSF, USSR и UNESCO. Но Сандра могла с достаточной уверенностью расшифровать лишь три последних.

Здесь также имелось большое количество часов, похожих на те, что обычно стоят на ночных столиках у кровати, если бы не маленькие красные флажки и встроенные в циферблаты кружки с секундной стрелкой; к тому же все они были спарены по двое в одном корпусе. Эти «сиамские близнецы», являвшиеся, очевидно, неотъемлемой частью каждого шахматного турнира, раздражали Сандру больше всего.

Предыдущим ее редакционным заданием было интервью с двумя астронавтами первого американского пилотируемого

спутника Луны, а также с пятью парами их дублеров. Однако этот турнир, этот зал казались Сандре событием куда более далеким от повседневной реальности.

Доносившиеся обрывки разговоров на относительно доступном для ее понимания английском мало чем помогали. Вот, к примеру:

— Поговаривают, что Машина запрограммирована исключительно на систему Барцы и Индийскую защиту, а если игрок толкнет королевскую пешку, она ответит построением Дракона.

— Ха! В таком случае...

— Русские привезли десяток сундуков домашних заготовок и просто забросают ими Машину. Что может сделать один изготовленный в Нью-Джерси компьютер против четырех русских гроссмейстеров?

— Я слышал, русские запрограммированы с помощью гипноза и натаскивания во сне. У Вотбинника был нервный срыв.

— Зачем, ведь у Машины не было ни *Haupturnier**, ни даже в университетских соревнованиях победить? Она будет играть миновать более слабые турниры.

— Да, но может получиться, как с Капой в Сан-Себастьяне или с Морфи или Вилли Энглером в Нью-Йорке. Русские будут выглядеть идиотами.

— Вы уже видели результаты матча между Лунной Базой и Орбитой Земли?

— Не стоит внимания. Игра была слабенькая. Чуть выше любительского уровня.

Самой главной проблемой Сандры было полнейшее отсутствие представления об игре в шахматы — тема, которую она деликатно обходила в разговоре с руководством «Спейс Миррор», но которая сейчас наваливалась на нее своей тяжестью. «Хорошо бы уйти отсюда,— подумала она,— отыскать какой-нибудь тихий бар и зло, по-бабьи напиться».

— Может, мадемуазель хотеть чего-нибудь выпить?

— Еще бы тут не хотеть! — поспешно откликнулась она и оценивающе, сверху вниз посмотрела на того, кто так удачно прочел ее мысли.

Это был невысокий пожилой мужчина, немного напоминавший похудевшего Питера Лорра,— такой же счастливый

*Главный турнир (*нем.*).

славянский эльф. Его седые волосы, вернее, то, что от них осталось, были очень коротко подстрижены, образуя как бы серебристую шапочку. В пенсне мужчины поблескивали довольно толстые стекла. В своем жемчужно-сером костюме (почти такого же оттенка, как и костюм Сандры) он резко контрастировал с окружавшей их мрачно одетой массой. Это обстоятельство заставило ее ощутить себя заговорщицей — двое среди ничего не подозревающих людей.

— Эй, погодите минутку,— все же запротестовала Сандра. Он уже взял ее за руку и вел по направлению к ближайшей широкой лестнице.— А откуда вы узнали, что я хочу выпить?

— Я смог заметить, как мадемуазель с трудом глотать,— сказал он не останавливаясь.— Простите мне за то, что я любовался вашей прелестной шейкой.

— Я и не предполагала, что у них здесь может оказаться что-то вроде бара.

— Но конечно же.— Они уже поднимались по лестнице.— Что это были бы за шахматы без кофе и шнапса?

— О'кей, тогда ведите меня,— согласилась Сандра.— Вы настоящий доктор.

— Доктор? — Он широко улыбнулся.— А знаете, мне нравится, чтобы вы меня так называли.

— Значит, до тех пор, пока сами пожелаете, это и будет вашим именем — Док.

Между тем счастливый человечек уже протиснулся сквозь тесный ряд столиков к освобождавшемуся, из-за которого поднимались трое оживленно болтавших мужчин в темных костюмах. Он щелкнул пальцами и тихо свистнул. Перед ними белым видением вырос официант.

— Принесите-ка мне кофе,— обратился Док к официанту.— А для мадемуазель... Рейнвейн и сельтерскую?

— Было бы неплохо.— Сандра откинулась на спинку стула.— Между нами, Док, у меня *действительно* пересохло в горле от... ну, всего этого вокруг.

Он кивнул:

— Вы не первая, кого шахматы потрясли и привели в ужас. Это интеллектуальная зараза. Игра для сумасшедших, вернее, даже не так — сама она вызывает сумасшествие. Но каким ветром занесло в этот шестидесятичетырехклеточный дурдом совершенно нормальную, прекрасную молодую леди?

Сандра коротко рассказала о себе и о том затруднительном положении, в котором очутилась. К тому времени, когда им

принесли заказанные напитки, Док успел уже выслушать первое и теперь размышлял над вторым.

— У вас есть одно большое преимущество,— сказал он ей.— Вы ничего абсолютно не знаете шахматы, поэтому вы сможете понятно написать о них для своих читателей.— Он отпил полчашки и причмокнул губами.— Что же касается Машины, вы, я надеюсь, понимаете, что это человекоподобный металлический робот, расхаживающий туда-сюда с лязгом и скрипом, как средневековый рыцарь в доспехах?

— Конечно, Док, но...— Сандра не знала, как сформулировать вопрос.

— Погодите.— Он поднял вверх палец.— Мне кажется, я догадываюсь, о чем вы собираетесь спросить. Вы хотите знать, почему, если Машина действительно может играть, она не делает этого в совершенстве, то есть она всегда должна выигрывать, и вариантов здесь нет. Правильно?

Сандра расплылась в улыбке: телепатические способности Дока были таким же спасением для нее, как и искристый терпкий напиток, который она потягивала.

Он снял пенсне, слегка помассировал переносицу и надел его вновь.

— Если бы у вас был,— начал он,— миллиард компьютеров, работающих со скоростью машины, то лишь для того, чтобы воспроизвести все возможные шахматные комбинации, заканчивающиеся выигрышем белых, черных или же ничьей, и чтобы выявить последовательность основных ходов, всегда ведущих к победе, вам понадобилось бы столько же времени, сколько существует Вселенная. Поэтому Машина не может играть в шахматы, как сам Господь Бог. Все, что она может, это просчитать все вероятные комбинации приблизительно на восемь ходов вперед — то есть четыре хода за белых и четыре — за черных, и затем выбрать лучший ход — взятие неприятельской фигуры, проведение матовой комбинации, занятие центра доски и так далее.

— Это похоже на игру в бридж,— заметила Сандра.— Загляни немного вперед и попытайся составить план действий. Избавься от больших карт или же постарайся эффектно окончить игру.

— Именно! — просиял Док.— Машина действительно *подобна* человеку — довольно странноватому и в общем-то не очень приятному Человеку рациональному и совершенно не способному на дерзкий полет мысли, но никогда не делающему ошибок. Как видите, вы уже находите человеческие качества даже в Машине.

Сандра снова кивнула.

— Может ли шахматист, я имею в виду гроссмейстера, просчитать наперед хотя бы те же восемь ходов?

— Более чем несомненно! В решающий момент, когда, к примеру, есть шанс моментально выиграть партию, поймав неприятельского короля в ловушку, он просчитывает намного больше ходов — тридцать или даже сорок. Возможно, что Машина тоже запрограммирована различать подобные ситуации и производить какие-либо похожие действия, хотя мы и не можем говорить об этом с уверенностью, исходя из информации, предоставленной *World Business Machines*.

— Вы говорите о программе?

— Да, да, конечно! В программе и заключена суть игры шахматного компьютера. Программа первой модели IBM, представленной Бернштейном и Робертсом в 1958 году и просчитывавшей четыре хода вперед, базировалась на жадности и трусливости: сцапать неприятельскую фигуру и немедленно убрать из-под боя свою. У нее было свое лицо — нечто вроде посредственного любителя; тупоумный балбес, остерегающийся малейшего риска что-либо потерять, но этот посредственный любитель мог успешно разгромить новичка. Компьютер WBM, установленный здесь, в зале, действует в миллион раз быстрее.

— Вы сказали, Док, в миллион раз быстрее, чем та, первая машина? А ходов она просчитывает всего в два раза больше? — переспросила Сандра.

— Здесь геометрическая прогрессия,— произнес тот с улыбкой.— Поверьте мне, восемь ходов вперед— это очень много ходов, когда вы вспоминаете, что Машина обязательно просматривает каждый из тысяч возможных вариантов...

— Савилли! А я тебя всюду разыскиваю!

Возле их столика внезапно возник коренастый мужчина с бычьей физиономией и огромной копной топорщащихся в разные стороны черных с проседью волос. Он наклонился к Доку и что-то взволнованно стал шептать ему.

II

Сандра перевела взгляд за ограждавшую их балюстраду. Отсюда, сверху, движение в центральном зале не казалось ей таким уж беспорядочным. Посреди зала, чуть ближе к его противоположному концу, стояло пять небольших столиков с шахматами и часами «сиамские близнецы». За столиками сидели люди. На другой стороне зала размещались заполнен-

ные сейчас наполовину ярусы зрительских трибун. Примерно такое же количество народу бродило по залу.

На противоположной стене висело громадное электронное табло; кроме того, над каждым из столиков располагались большие матовые шахматные доски.

Одна из пяти досок была значительно больше остальных — та, которая находилась над Машиной.

Сандра смотрела со все возрастающим интересом на ее клавиши и пульты со многими рядами крошечных сигнальных лампочек (в тот момент ни одна из них не горела). Вокруг Машины на расстоянии около трех метров между невысокими латунными стойками был натянут толстый красный бархатный шнур. Внутри этого круга суетилось несколько мужчин в серых халатах. Двое только что проложили к ближайшему шахматному столику черный кабель, который они сейчас подсоединяли к «сиамским близнецам».

Сандра попыталась задуматься о существе, которое все и всегда держало под своим контролем, но чьи мысли никогда не проникали за строго ограниченные пределы, о существе, которое никогда не ошибалось...

— Мисс Грейлинг! Разрешите представить вам Игоря Яндорфа.

Она быстро повернулась и улыбаясь кивнула головой.

— Должен сказать тебе, Игорь,— продолжал Док,— что мисс Грейлинг представляет влиятельную газету Среднего Запада. Возможно, у тебя найдется что сказать ее многочисленным читателям.

Глаза мужчины с топорщащейся копной на голове вспыхнули:

— У меня больше чем наверняка найдется что сказать им.

В этот момент появился официант со второй чашечкой кофе и рейнвейном с сельтерской. Яндорф схватил чашку Дока, осушил ее, картинно поставил обратно на поднос и, выпрямившись на своем стуле, начал.

— Скажите вашим читателям, мисс Грейлинг,— провозгласил он, свирепо выгнув брови и постукивая себя в грудь,— что я, Игорь Яндорф, разгромлю Машину животворящей силой моей человеческой индивидуальности. Я уже предложил сыграть неофициальную партию вслепую — я, кто играл вслепую одновременно на пятидесяти досках! Ее владельцы отказывают меня. Я бросил ей вызов также на несколько блиц-партий

вслепую — на такое не осмелится не ответить ни один настоящий гроссмейстер. И они меня отказывают снова. Предвижу, что Машина будет играть, как последний болван,— по крайней мере, против *меня*. Повторить: я, Игорь Яндорф, животворящей силой моей человеческой индивидуальности разгромлю машину. Вы это поняли? Вы можете запомнить это?

— О да, конечно,— заверила Сандра,— но у меня есть несколько других вопросов, которые я хочу задать вам, господин Яндорф.

— Прошу прощения, мисс Грейлинг, но я сейчас должен очистить мой мозг. Они пустят часы через десять минут.

Пока Сандра договаривалась с Яндорфом об интервью после завершения игрового дня, Док заказал себе еще кофе.

— Это и ожидалось от Яндорфа,— философски пожав плечами, пояснил он Сандре, когда мужчина с топорщащейся копной волос ушел.— В конце концов, он не выпил ваш рейнвейн с сельтерской. Или все же выпил? Один совет у меня будет для вас: не называйте гроссмейстера господином, зовите его «Мастер». Они все клюют на это.

— Ну и ну, Док, просто не знаю, как вас благодарить. Надеюсь, я не оскорбила гос... Мастера Яндорфа настолько, что он не...

— Об этом не беспокойтесь. Ни за какие богатства мира Яндорф не упустит шанса дать интервью прессе. Ведь его вызов на блиц-турнир был всего лишь хитростью. Это такая разновидность шахмат, где каждому игроку дается на ход только десять секунд. Которое, я не думаю, хватать Машине, чтобы просчитать три хода вперед. Шахматисты сказали бы, что у Машины очень замедленное видение доски. Этот турнир играется по обычным международным стандартам — один час на пятнадцать ходов, и...

— Значит, именно поэтому у них и стоят эти безумные часы? — перебила его Сандра.

— О да. Шахматные часы фиксируют время, которое каждый шахматист тратит, обдумывая над ходами. Когда шахматист делает ход, он нажимает на кнопку, которая останавливает его часы и пускает часы соперника. Если шахматист использует слишком много времени, он проигрывает точно так же, как если бы ему поставили мат. Теперь, когда Машина почти наверняка будет запрограммирована таким образом, чтобы на каждый ход тратить одинаковое количество времени, на один ход придется по четыре минуты, из которых ей нужна каждая секунда!

Кстати, вызов Яндорфа был обыкновенной бравадой — как будто Машина не играет вслепую сама с собой. А *слепа ли* Машина на самом деле? Что думаете из этого вы?

— Господи, откуда ж мне знать! Скажите, Док, а правда, что Мастер Яндорф играл вслепую одновременно пятьдесят партий? Я просто не могу в это поверить.

— Конечно же нет! — воскликнул Док.— Их было только сорок девять, две из них он проиграл, а пять свел вничью. Яндорф всегда преувеличивает. Это у него в крови.

— Он ведь из русских, не так ли? — спросила Сандра.— Я имею в виду его имя — Игорь.

Док усмехнулся.

— Не совсем,— произнес он мягко.— По происхождению он поляк, но сейчас имеет аргентинское гражданство. А у вас нет программы турнира?

Сандра принялась рыться в своей сумочке, но почти в тот же миг большое электронное табло высветило два списка.

УЧАСТНИКИ

Уильям Энглер, США
Бела Грабо, Венгрия
Иван Джаль, СССР
Игорь Яндорф, Аргентина
Д-р С. Кракатовер, Франция
Василий Лысмов, СССР
Машина, США (программа составлена Саймоном Грейтом)
Максим Серек, СССР
Мозес Шеревский, США
Михаил Вотбинник, СССР
Директор турнира: Д-р Ян Вандерхоф

ПАРЫ ПЕРВОГО ТУРА

Шеревский — Серек
Джаль — Энглер
Яндорф — Вотбинник
Лысмов — Кракатовер
Грабо — Машина

— Вот это да, Док, такое впечатление, будто все они русские,— через некоторое время произнесла Сандра.— За исклю-

чением Вилли Энглера. Удивительный он парень, не правда ли?

Док кивнул:

— Не такой уж он и парень. Ему... Ну, легок на помине... Мисс Грейлинг, имею честь представить вам единственного гроссмейстера, сумевшего стать экс-чемпионом Соединенных Штатов еще в несовершеннолетнем возрасте,— Мастер Уильям Аугустус Энглер.

Высокий, одетый с иголочки молодой мужчина с острыми чертами продолговатого лица вежливо усадил уже вставшего ему навстречу старика.

— Как поживаешь, Савви, старикашка? — слегка наклонясь к Доку, приветствовал его Энглер.— Все так же бегаешь за девушками, как я погляжу?

— Пожалуйста, не действуй мне на нервы, Вилли.

— Тебе не нравится, м-м? — Энглер выпрямился.— Эй, официант! Где мой солод с шоколадом? Я не хочу ждать до *следующего* года. Однако поговорим об этом *экс*. Меня надули, Савви. Ограбили.

— Вилли! — несколько резко оборвал его Док.— Мисс Грейлинг журналистка. Ей хотелось бы иметь твое утверждение насчет того, как ты будешь играть против Машины.

Энглер ухмыльнулся и грустно покачал головой.

— Бедная старушка,— сказал он.— Мне непонятно, зачем они тратят уйму сил, наводя глянец на эту потрескавшуюся консервную банку. Чтобы я свалил ее одним ударом? У меня есть целая куча ходов, от которых у нее перегорят сопротивления. А если ей этого покажется мало — как насчет того, чтобы ты и я разогрели ее низкотемпературную часть, устроив нечто вроде «велосипеда» с горящими спичками? А, Савви? Впрочем, с деньгами, которые выкладывает WBM, все будет в порядке. Приз за первое место аккурат закроет брешь в моем банковском счете.

— Знаю, что сейчас у вас нет времени, Мастер Энглер,— быстро проговорила Сандра,— но если бы после окончания намеченных на сегодня партий вы согласились...

— Прости, крошка,— небрежным взмахом руки прервал ее Энглер.— У меня все расписано на два месяца вперед. Официант! Я здесь, а не там! — Он встал из-за стола, и оставив неоплаченный счет, решительно зашагал к выходу

Док и Сандра посмотрели друг на друга и улыбнулись.

— Вот уж кого не назовешь скромнягами, так это гроссмейстеров, вы со мной согласны? — произнесла Сандра.

К улыбке Дока примешалось понимание, разбавленное грустью.

— Но вы должны простить им это,— ответил он.— Они и в самом деле получают так мало признания и компенсации. Этот турнир — исключение. И самолюбие будет подталкивать их играть великолепно.

— Надеюсь, что так. Значит, этот турнир организован WBM?

— Именно. Их департамент по рекламе заинтересован в престиже. Они хотят получить лишнее очко в борьбе со своим могущественным соперником.

— Но если Машина сыграет скверно, это подмочит их репутацию,— возразила Сандра.

— Правда,— задумчиво согласился с ней Док.— WBM должна чувствовать себя очень уверенно... И конечно же, именно этот призовой фонд, который она установила, и собрал здесь величайших шахматистов мира. Если бы не это, половина из них не вела бы себя так наигранно-капризно. Для шахматистов призовой фонд просто баснословный — тридцать пять тысяч долларов, из которых победитель получит пятнадцать тысяч, и оплачены все расходы участников. Никогда не было ничего подобного. Единственная страна, которая заботится о своих лучших шахматистах и адекватно вознаграждает их заслуги, это Советская Россия. Я полагаю, русские шахматисты здесь потому, что ЮНЕСКО и ФИДЕ субсидировали этот турнир. Но, возможно, и потому, что Кремль хочет слегка подкрепить свой авторитет, пошатнувшийся в результате неудач космической программы.

— Но если русские не займут первое место, это пойдет им в минус?

Док нахмурился.

— Правда, в известном смысле. *Они* должны чувствовать себя очень уверенно... Кстати, вот и они.

III

Направляясь к шахматным столикам, центр пустеющего постепенно зала пересекали четверо мужчин. Они совершенно случайно выстроились по двое, образовав квадрат, но у Сандры появилось отчетливое ощущение фаланги.

— Первые двое — это Лысмов и Вотбинник,— объяснил Док.— Не часто вы можете видеть чемпиона — им является Вотбинник — и экс-чемпиона мира, идущими рука об руку.

На турнире есть еще двое, кто удостаивался этого звания — это Джаль и Вандерхоф, директор турнира.

— Тот, кто выиграет турнир, станет чемпионом?

— О нет. Это решается в матче двух шахматистов, который проходит после отборочных турниров претендентов. Дело очень долгое. Этот турнир круговой: все сыграют друг с другом по разу. Выходит девять туров.

— Но как бы там ни было — на турнир *приехало* ужасно много русских,— воскликнула Сандра, заглянув в свою программу.— Из десяти участников четверо представляют СССР. А Бела Грабо — Венгрию, его сателлит. Фамилии Шеревский и Кракатовер тоже звучат, как русские.

— Количество советских и американских шахматистов достаточно справедливо отражает разницу в силе игры между двух стран,— сказал Док.— С годами мировые центры шахмат перемещаются из страны в страну. Далеко назад это были мусульмане, индусы и персы. Позже в такие центры превратились Италия и Испания. Немного более ста лет назад ими стали Франция и Англия. Потом Германия, Австрия и Новый Свет. Сейчас это Россия — я имею в виду, конечно же, и тех русских, которые оттуда сбежали. Но не думайте, что так уж мало среди гроссмейстеров высшей пробы представителей англо-саксонской расы. В действительности их много и здесь, вокруг нас, хотя вы, наверное, мне не верите. Можно сказать, что если вы много играете в шахматы, то начинаете походить на русского. Однажды, возможно, от этой игры вы сделаетесь похожим на итальянца. Видите того невысокого мужчину с лысой головой?

— Который стоит перед Машиной и о чем-то разговаривает с Яндорфом?

— Да. Очень занимательный тип. Это Мозес Шеревский. Многократный чемпион Соединенных Штатов. Настоящий ортодокс-иудей. Не может играть в шахматы по пятницам и субботам до захода солнца,— Док усмехнулся.— Тут даже одна история ходит, будто один раввин сказал Шеревскому, что для него неприемлемо играть с Машиной, так как она является механическим *големом* — глиняным монстром Франкенштейна из древнееврейской легенды.

— А кто такие Грабо и Кракатовер? — спросила Сандра.

Док издал презрительный смешок:

— Кракатовер! Вот на *него* не обращайте ни малейшего внимания. Слабоумный отголосок прошлого. Просто скандал, что

его допустили к участию в турнире! Он наверняка задействовал все свои старые связи. Заявил, что его заслуги перед шахматами выиграли ему эту честь и что на их турнире должен быть представитель так называемой «старой гвардии». Может, он даже упал на колени и плакал — а его глаза все время смотрели на оплату расходов и утешительный приз за последнее место! Все еще шизофренически мечтает победить всех! Пожалуйста, не заставляйте меня начинать о Гадком старом Кракатовере.

— Не волнуйтесь так, Док. Однако похоже, что с ним получилось бы интересное интервью. Вы можете показать его мне?

— Его можно узнать по длинной седой бороде с пятнами от кофе. Впрочем, что-то я ее нигде не вижу. Может, по такому случаю он ее сбрил? Это походило бы, как если одряхлевший волокита пытаться развить старческая мания моложавости.

— А Грабо? — настаивала Сандра, едва сдерживая улыбку при виде не на шутку расходившегося Дока.

В его глазах появилось раздумье:

— О Беле Грабо (ну почему из четырех венгров троих зовут Бела?) я скажу только это: он блестящий шахматист, и Машине крупно повезет, если она сведет с ним первую партию вничью.

Сообщив это, он замолчал. Сандра снова занялась изучением табло.

— Этот Саймон Грейт, который составил программу для Машины, наверное, известный физик?

— Конечно, нет. В этом состояла проблема всех первых компьютеров — их программировали ученые. А Саймон Грейт — психолог, который когда-то был основным претендентом на звание чемпиона мира по шахматам. Думаю, WBM поступила удивительно расчетливо, выбрав для составления программы его. Позвольте сказать вам... Нет, лучше все-таки...

Док вскочил со стула и, подняв вверх руку, громко позвал:

— Саймон!

Мужчина, находившийся примерно за четыре столика от Сандры и Дока, махнул рукой в ответ и через пару мгновений присоединился к ним.

— Что случилось, Савилли? — осведомился он.— Ты же знаешь, у меня почти нет времени.

Их новый собеседник был среднего роста, хорошо сложен, с правильными чертами лица и коротко остриженными, прилизанными седеющими волосами.

Снова помогая Сандре, Док вкратце изложил проблему.

Саймон Грейт чуть заметно улыбнулся.

— Прошу прощения,— произнес он,— но я никаких прогнозов не делаю. И никакой предварительной информации о программе Машины мы тоже не даем. Как вы знаете, мне пришлось выдержать настоящую схватку с Комитетом Шахматистов. Мы спорили абсолютно по всем вопросам, и в большинстве случаев они победили. Мне запрещено перепрограммировать Машину, если партия отложена,— только в перерывах между турами (на этом я настаивал и получил такое право!). Но если Машина выйдет из строя во время игры, ее часы останавливаться не будут. Моим людям лишь разрешено ремонтировать ее — если успеют сделать это достаточно быстро.

— Вы оказываетесь в довольно затруднительном положении,— заметила Сандра.— Ведь машина не получила никаких поблажек.

Грейт сухо кивнул.

— А теперь я должен идти. Уже почти закончился обратный отсчет времени, как говорит один из моих техников. Приятно было с вами познакомиться, мисс Грейлинг. Я поговорю об этом интервью с представителями нашего департамента по общественным связям. Увидимся, Савви.

Зрительские ярусы уже заполнились, в то время как центральная часть зала опустела — распорядители очищали ее от нескольких зазевавшихся зрителей. Большинство гроссмейстеров, включая и русскую четверку, сидели за своими столиками. Вспыхивали блики фоторепортеров и просто любителей. На четырех электронных досках высветились стоявшие в исходной позиции фигуры — белые, как им и положено, были белого цвета, а черные обозначались красными. Саймон Грейт перешагнул через бархатный шнур, и зал озарился фейерверком вспышек.

— Послушайте, Док,— обратилась к нему Сандра.— Я, конечно, вас уже утомила, но что, если эта штуковина — просто крупное надувательство? Что, если сам Саймон Грейт и делает все ходы Машины? Эти электрики без труда отыскали бы способ провернуть такую аферу...

Док вдруг весело рассмеялся, да так громко, что сидевшие за соседними столиками зрители сердито посмотрели в их сторону.

— Мисс Грейлинг, а ведь это блестящая мысль! Вполне возможно, что я ее украду и состряпаю небольшой рассказик. Я ухитряюсь еще и писать, кое-что иногда удается напечатать в

Англии. Нет, я не думаю, что это вообще возможно. WBM никогда не стала бы рисковать такой обман. Грейт совершенно точно не участвует в этом турнире, однако не из-за своего шахматного мышления. Любой специалист с легкостью бы отличил разницу между игрой компьютера и человека. Манеру игры Грейта помнят и могли бы узнать. Впрочем, если подумать, то ведь часто писали, что он играет компьютероподобно.

Какое-то мгновение Док размышлял, но потом его лицо вновь озарилось улыбкой:

— Но нет, это невозможно. Вандерхоф как директор турнира сыграл с Машиной две или три партии, чтобы лично удостовериться, что все честно, и у нее действительно гроссмейстерский уровень.

— И кто выиграл? — не выдержала Сандра.

Док пожал плечами:

— Результат не был оглашен. Все было очень и очень секретно. Но насчет вашей идеи, мисс Грейлинг. Вы когда-нибудь читали о знаменитом автомате Мальцеля, созданном еще в девятнадцатом веке? Все полагали тоже, что его игра зависела от взаимодействия механизмов (передачи, шестерни, никакого электричества), но на самом деле внутри был спрятан человек. Этот обман в своей известной статье разоблачил ваш писатель Эдгар По. В *моем* рассказе, я думаю, робот-шахматист испортится при демонстрации покупателю-миллионеру, и молодой изобретатель должен будет выиграть эту партию, чтобы скрыть дефект и заставить купить свой автомат. И только дочь миллионера, которая в действительности играет лучше любой из них... да, да! Ваш Амброуз Бирс тоже написать рассказ о роботе, игравшем в шахматы, работавшем по принципу щелк-клац-фр-р-р, который убивает своего создателя, когда человек выиграл от него, раздавив ученого, подобно железному медведю гризли. Скажите, мисс Грейлинг, вы не ловили себя на мысли, что представляете, как изнутри этой Машины протягивать железные щупальца, душащие ее соперника, или что из нее исходят смертельные, гипнотизирующие всех лучи? А я вот могу представить...

Пока Док беззаботно болтал о роботах и обо всем, касающемся шахмат, Сандра вдруг поняла, что пытается угадать, кто же он на самом деле. Один из этих помешанных на шахматах писателей? А может, и вправду врач? Она читала что-то о двух или трех, сопровождавших русскую фалангу. Но Док, конечно же, не был похож на советского гражданина.

Он был старше, чем показалось вначале. Сандра обнаружила, что сейчас больше смотрит на него, нежели слушает. Он выглядит уставшим, слишком уставшим. Только в глазах, окаймленных темными кругами, светился неукротимый молодой задор. Все-таки полезный старичок, кем бы он ни был. Час назад она была стопроцентно уверена, что провалит редакционное задание, но теперь к ней снова вернулась обычная невозмутимость. В который уже раз за свою карьеру Сандра ощутила ужасную вину оттого, что она никакой не писатель и даже не репортер — а просто пользуется дешевой женской привлекательностью, дабы заарканить какого-нибудь падкого на такие вещи мужчину (молодого, старого, американца, русского) и затем взять на вооружение его мозги...

Внезапно она ощутила, что весь зал замер.

Один только Док продолжал что-то рассказывать, вызывая неодобрительные взгляды. Светились все пять настенных досок-табло и на четырех из них, включая доску Машины, уже шла игра. Центральная часть зала теперь совершенно опустела, лишь один мужчина размеренной походкой пересекал зал в направлении зрительских трибун. Он передвигался почти на цыпочках, что выдавало в нем одного из распорядителей турнира. «*Будто служащий похоронного бюро*»,— мелькнуло в голове у Сандры. Он быстро поднялся по лестнице и, остановившись на последней ступеньке, стал внимательно осматриваться по сторонам. Увидев их столик, мужчина вскинул брови и начал торопливо пробираться к Доку. Сандра подумала: «Может, стоит предупредить Дока о том, что ему сейчас сделают замечание?..»

Мужчина положил руку на плечо Дока.

— Сэр! — взволнованно вымолвил он.— Вы отдаете себе отчет, что ваши часы пущены, доктор Кракатовер?

Сандра наконец осознала, что Док смотрит на нее, расплывшись в улыбке.

— Это на самом деле так,— произнес он.— Я надеюсь, вы простите мне мой обман, хотя это и было трудно, даже технически. Каждое слово, что я сказал вам о Гадком старом Кракатовере,— буквальная правда. За исключением длинной седой бороды — он никогда не носил бороду после того, как ему стукнуло тридцать пять. Эта часть моего рассказа — чистейшей воды ложь! (Да, я сказал! Я приду в одну минуту! Не беспокойтесь, зрители получить свои деньги стоящими за

меня! И WBM оплатой всех расходов не купила моя душа — это принадлежит вот этой молодой леди.)

Док встал, взял руку Сандры и поднес к своим губам:

— Благодарю вас, мадемуазель, за очаровательный промежуток. Я надеюсь, он повторится. Между прочим, мне следует сказать вам, что, кроме того, что я... (Послушай, перестань меня все время дергать! На моих часах еще не может быть пять минут!)... что я Гадкий старый Кракатовер, заслуженный гроссмейстер в отставке, я также и специальный корреспондент «Лондон Таймс». Всегда приятно побеседовать с коллегой. Пожалуйста, не колеблясь, используйте в ваших статьях любые вышвырнутые мной идеи, если, конечно, найдете их стоящими того. Я подал свой первый материал два часа назад. Да иду я, иду! *Au revoir, mademoiselle!*

Он был уже в самом низу, когда Сандра вскочила и побежала к балюстраде:

— Эй, Док!

Он обернулся.

— Удачи вам! — крикнула она и помахала ему рукой.

Он послал ей воздушный поцелуй и пошел через зал к своему столику.

Отовсюду на нее устремились грозные взгляды; в ее сторону спешил объятый ужасом распорядитель. Завидев его, Сандра сделала большие испуганные глаза, но скрыть свою улыбку так и не смогла.

IV

Sitzfleisch (довольно грубое немецкое слово, означающее «усидчивость», буквально — «мясо, на котором сидят» или «ягодичное мясо») — качество, необходимое более всего как для участников шахматного турнира, так и для его зрителей.

Сандра около получаса наблюдала за игрой (вернее сказать, изучала в свой хороший бинокль лица шахматистов), затем отправилась в отель, написала статью (интервью со знаменитым доктором Кракатовером), отослала ее в редакцию и вернулась в зал узнать, что там с партиями.

На всех пяти досках все еще шла игра.

Ложа прессы была переполнена, но два парня и девушка лет пятнадцати-шестнадцати, очевидно, учащиеся, предусмотрительно потеснились и освободили Сандре место в самом верхнем ряду. Она села и стала заинтересованно вслушиваться в их перешеп-

тывание. Жаргон, на котором они говорили, отдаленно напоминал слышанный ею прежде, но был более занятным: игроки не жертвовали пешку, а подставляли ее; не просто терпели поражение, а были разгромлены; не теряли фигуры, а зевали их. Тот же Рэй Лопес звучал у них как Гадкий старый Рюэй. И между прочим, определенная последовательность первых ходов получила свое название в честь одного давно почившего испанского священника. Все это Сандра узнала от Дэйва, Билла и Джуди благодаря частым одалживаниям им бинокля.

Ей сказали, что уже прошло первое контрольное время — четыре часа (по два часа и тридцать ходов на каждого шахматиста) и что сейчас шахматисты приближаются к следующему контрольному промежутку (еще по одному часу и пятнадцати ходам), после чего неоконченные партии будут отложены до завтрашнего утра. Шеревский, потратив час на обдумывание одного-единственного хода, оказался в ситуации, когда ему пришлось делать пятнадцать ходов за две минуты. Но ничего из ряда вон выходящего в этом нет, на одном дыхании заверил ее Дэйв, Шеревский постоянно позволяет себе подобную «фантастическую нехватку времени», из которой затем блестяще выпутывается. А теперь к тому же он уже близок к выигрышу в партии с Сереком.

«Один — ноль в пользу США»,— с гордостью подумала Сандра.

Яндорф, играя против Вотбинника, оказался практически в *цугцванге* («Это когда все фигуры связаны»,— пояснил Билл) и вскоре должен был сдаться. В свой бинокль Сандра отчетливо видела, с какой убийственной яростью смотрит Яндорф на доску перед собой и как при этом вздымается и опускается его толстая грудь. Вотбинник же, казалось, напротив, мыслями витал в облаках.

Д-р Кракатовер хоть и потерял пешку в партии с Лысмовым, но держался все еще крепко. Однако и ломаного гроша не дал бы Дэйв за его шансы против бывшего чемпиона мира, потому что «эти старики всегда слабеют на шестом часу».

— Ты за-бы-ва-ешь о био-ло-ги-чес-ком чу-де док-то-ра Ласкера,— в один голос отчеканили Билл и Джуди.

— Закройте рты,— предупреждающе осадил их Дэйв. Стоявший внизу распорядитель сурово погрозил в их сторону пальцем.

Намного позже Сандра узнала, что философ и математик д-р Эмануэль Ласкер обладал чемпионским титулом на протяжении двадцати шести лет, и в 1924 году, в возрасте пятидесяти шести лет стал победителем тяжелейшего турни-

ра в Нью-Йорке, а в 1935 году, когда ему было уже шестьдесят семь, едва не выиграл еще один, проводившийся в Москве.

Сандра внимательно изучала в бинокль лицо Дока. Сейчас он выглядел ужасно уставшим — один череп, и только. Неожиданно что-то будто сжалось у нее внутри, и она поспешно отвела взгляд.

Дэйв сказал ей, что в партиях Энглера — Джаля, Грабо и Машины идет равная борьба. Разве что Грабо имеет едва заметное преимущество. Машина «обрабатывала» свой очередной ход — значит, Грабо только что сделал свой и теперь ожидал ответа.

Венгр был, наверное, самым беспокойным «ожидателем» из всех, кого Сандра могла себе представить. Он все никак не мог пристроить свои длинные ноги, постоянно передергивал плечами и чуть ли не каждые пять секунд судорожно впивался пальцами в свою густую шевелюру, пропахивая ее ото лба к затылку.

Один раз он деланно зевнул, расправил плечи и сел прямо. Но почти тотчас задергался снова.

Машина же, если можно так выразиться, имела собственную манеру поведения. Ее сигнальные лампочки попеременно вспыхивали тусклым матовым светом, образуя быстро меняющийся замысловатый узор. У Сандры возникло впечатление, что Грабо время от времени пытается уследить за этим перемигиванием, словно человек, наблюдающий за светлячками.

Саймон Грейт с абсолютно бесстрастным видом сидел рядом с Машиной за небольшим, совершенно чистым столиком. Вокруг него скучились пятеро облаченных в серые халаты техников.

У пульта Машины стоял высокий солидный пожилой джентльмен с раскрасневшимся лицом. По словам Дэйва, это был д-р Вандерхоф — директор турнира и в прошлом чемпион мира.

— Еще один старый идиот наподобие Кракатовера, но этому хоть хватило ума догадаться, что он превратился в мальчика для битья,— безжалостно охарактеризовал его Билл.

— Молодость, ах, не-по-бе-ди-мая молодость,— весело продекламировала Джуди будто про себя.— Проносятся по шахматному не-бо-склону, как метеоры. Морфи, Энглер, Джуди Каплан...

— Заткнись! Нас точно отсюда вышвырнут,— грубо оборвал ее Дэйв. Затем он шепотом рассказал Сандре, что у Вандерхофа и его помощников очень нервная работа: они вводят в Машину ходы соперника.

— Чтобы все были уверены — здесь без подвоха,— сказал он и добавил: — Это, кроме того, означает, что на каждом ходе Машина теряет несколько секунд — с момента, когда Грабо бабахает по часам, и до того, как Вандерхоф известит об этом Машину.

Сандра понимающе кивнула. «Шахматисты делают все, чтобы как можно больше осложнить игру Машины»,— заключила она, чувствуя, как в ней пробуждается искорка симпатии к компьютеру.

Вдруг послышался едва уловимый шум в устройстве, соединяющем Машину с часами на столике Грабо, и затем — слабый щелчок, но для Грабо он прозвучал, как пистолетный выстрел.

Одновременно на большой электронной доске над Машиной красная фигура с башенкой наверху (как сообщили Сандре — одна из ладей Машины) переместилась на четыре клетки по горизонтали. Один из распорядителей, стоявший рядом с д-ром Вандерхофом, подошел к столику Габо и осторожно передвинул соответствующую фигуру на его доске. Поначалу Грабо вскинулся, будто собираясь на что-то жаловаться, но потом, очевидно, передумал и, энергично растирая виски, погрузился в тягостные размышления.

Внезапно Машина бешено замигала всеми своими лампочками. Грабо выпрямился с возмущенным видом, но снова сдержался. Наконец он сделал ход пешкой и хлопнул по часам. Тут же д-р Вандерхоф слегка небрежно передвинул четыре рычажка, и ход Грабо обозначился на электронной доске.

Грабо вскочил, подошел к красному бархатному шнуру и, оживленно жестикулируя, стал что-то говорить Вандерхофу.

Услышать его на таком расстоянии было невозможно. Грабо размахивал руками, а лицо Вандерхофа становилось все пунцовее. В конце концов последний обернулся к Саймону Грейту и, все же колеблясь, что-то ему сказал. Грейт, услужливо улыбнувшись, быстро поднялся и в свою очередь завел разговор с техниками, которые, не мешкая, принесли откуда-то несколько больших ширм и развернули их перед Машиной, закрыв таким образом мигавшие огоньки.

«*Заставляют Машину играть вслепую*»,— мелькнуло в голове у Сандры.

Дэйв хмыкнул:

— Это происходит уже во второй раз. Видать, эти мигающие огоньки раздражают Грабо. Но потом его будет бесить их *отсутствие*. Вот подождите и сами увидите.

— Машина обладает таинственной сил-ил-лой...— снова продекламировала Джуди.

— Тебе бы только болтать,— огрызнулся Дэйв.— Разве ты не знаешь, что Вилли Энглер одолжил в Бруклине Дьявольский Глаз Байксел, чтобы сглазить Машину? Факт.

— ... неведомой простым смертным из плоти и крови сил-ил-лой...

— Закрой рот! — прошипел Дэйв.— Ты таки добилась своего — сюда идет старый Орлиный Глаз. Запомни, вас двоих я не знаю. Я здесь с этой леди.

Грабо испытывал настоящие муки. Его комбинация, несомненно, вела к победе, и он знал это. Машина контратаковала, но совершенно бессистемно, в стиле Фрэнка Маршалла: усложняя позицию и надеясь на случайную аферу. Грабо знал: все, что ему сейчас нужно,— это сохранить спокойствие и ни в коем случае *не ошибиться*, например,не отдать задаром ферзя, как это случилось в Брюсселе в партии со стариной Вандерхофом, быть повнимательнее и не пропустить возможность поставить мат в два хода, как в матче с Шеревским в Тель-Авиве. Воспоминания об этих невыносимо горьких моментах (и еще о доброй дюжине подобных) острой болью пронзали его мозг. Проживи он тысячу лет, и тогда не смог бы забыть их.

В десятый раз за последние две минуты он посмотрел на часы. На пять ходов оставалось пятнадцать минут. Время не поджимает, об этом ему надо помнить. Он не должен делать ходы сгоряча, не должен позволять своей руке предательски схватить фигуру, прежде чем на это поступит команда от руководящей головы.

Первый приз турнира означал несказанное богатство — хватит еще на двадцать с лишним турниров, чтобы оплатить проезд и проживание в гостинице. Но самое главное — утвердить перед всем миром свое истинное превосходство, а не добавлять очки к репутации угасающего мастера. «Бела Грабо — блестящий шахматист, но играет очень неровно...» Возможно, это последний его шанс.

О небеса! Когда же, наконец, Машина сделает свой ход? Ведь наверняка прошло уже больше четырех минут! Но взгляд на часы убеждал, что не истекло и половины этого времени. Пожалуй, он был неправ, снова попросив принести ширму. Лучше уж самому видеть эти чертовы лампочки, нежели пытаться представить, как они там мигают.

Если бы только можно было играть в шахматы в межгалактическом пространстве, в черном космосе одино-

чества и мыслей! Но и там необходимо физическое присутствие соперника с манерой игры, которая не действовала бы на нервы: Ласкер с его непременной сигарой, Капабланка при своем красном галстуке, Нимцович с его нервными подергиваниями (очень похожими на подергивания самого Белы Грабо, хотя он и не мог этого видеть). И вот, пожалуйста,— жуткий, мигающий, смрадный, управляемый ударами по кнопкам металлический монстр!

Получалось, что его позвали играть сразу с двумя соперниками — Машиной и Саймоном Грейтом, своеобразной консультирующей друг друга командой. А это нечестно!

Машина хлопнула по кнопке часов, и ее ферзь перенесся на другой конец электронной доски. Для Грабо это было подобно взрыву.

Однако он усилием воли сдержался и опять погрузился в лабиринт комбинаций.

Внезапно, словно очнувшись ото сна, он понял, что ему интересно знать: а действительно ли эти лампочки продолжают мигать за ширмой в то время, как он размышляет над ходом? И в самом ли деле Машина анализирует ситуацию или эти огоньки всего лишь пустая бутафория? Он заставил себя вновь вернуться к игре, к своему ходу: дважды внимательно проверил, не кроется ли где-либо опасность, которую он раньше мог не заметить, взглянул на часы, увидел, что прошло пять минут его времени, снова бегло осмотрел позицию на доске и — с грозным и одновременно недоверчивым видом патрона, вынужденного отправлять своего крайне ненадежного подчиненного с очень важным поручением,— сделал ход.

Затем он хлопнул по часам, вскочил со своего стула и снова начал размахивать руками перед Вандерхофом.

Тридцатью секундами позже директор турнира, весь пунцовый, тихо, почти умоляя, говорил ему:

— Но Бела, не могу же я постоянно просить об этих ширмах. Их уже дважды приносили и один раз уносили, только чтобы угодить вам. Это мешает другим шахматистам и уж, конечно, не способствует спокойствию вашей игры. Ох, Бела, дорогой мой Бела...

Внезапно Вандерхоф умолк. Грабо знал, что он собирался сказать нечто не вполне относящееся к теме их спора, что-то идущее от сердца, как, например: «Ради Бога, не устраивайте скандал и спокойно доиграйте партию до конца, ведь уже

сейчас видно, что вы ее выиграете»,— но такое участие директора турнира почему-то привело венгра в ярость.

— У меня есть и другие претензии, которые я изложу официально после окончания партии,— выпалил он, весь дрожа от бешенства.— Просто ужасно, как громыхает этот механизм, нажимая кнопку часов. Он разломает корпус! Машина не переставая жужжит! И воняет смесью озона и разогретого металла, будто вот-вот взорвется!

— Она *не может* взорваться, Бела. Ну пожалуйста!..

— Не может, но грозит взорваться! А ведь вам известно, что угроза всегда эффективнее самого нападения! Что же касается ширмы, ее должны убрать немедленно, я требую этого!

— Ну хорошо, Бела, хорошо. Возьмите себя в руки.

Грабо не сразу вернулся к своему столику. Стараясь обрести необходимое спокойствие, он прошелся вдоль ряда столиков, мимоходом оценивая дела в других партиях. Когда же он оглянулся и посмотрел на большую электронную доску, то увидел, что Машина уже сделала ход, хотя характерного клацанья кнопки часов он не слышал.

Он поспешил обратно к своему столику и, стоя, принялся, изучать позицию. «Как же *глупо* сыграла Машина!» — восторженно подумал он. В этот момент последняя сворачиваемая ширма едва не опрокинулась, но один из мужчин в сером халате ловко ее подхватил. Грабо вздрогнул, его рука протянулась к доске и передвинула пешку.

Он услышал чей-то вздох. Вандерхоф.

Стало очень тихо. Четыре легких щелчка при введении в Машину хода прозвучали оглушительной барабанной дробью.

В ушах Грабо звенело. Он в ужасе взглянул на доску.

Машина мигнула раз, потом другой и, хотя прошло всего-то около двадцати секунд ее времени, походила ладьей.

Серое табло над электронной доской вспыхнуло большими красными буквами:

ШАХ! И МАТ В ТРИ ХОДА

На самом верху зрительской трибуны Дэйв сжал локоть Сандры:

— И все же так оно и вышло! Он позволил ей провернуть аферу.

— Ты хочешь сказать, что Машина победила Грабо? — спросила Сандра.

— А что же еще?

— Ты в этом абсолютно уверен? Другого быть не может?

— Конеч... Подождите секунду... Да, я уверен.

— Старый идиот получит мат в три хода,— подтвердил Билл.

— Бедный балбесик,— вздохнула Джуди.

Внизу сгорбленный, с совершенно потерянным видом стоял Бела Грабо. К нему быстро направился помощник директора. Но венгр, выпрямившись, тихо произнес:

— Я сдаюсь.

Красные буквы над доской исчезли и почти сразу же появились белые:

БЛАГОДАРЮ ЗА ХОРОШУЮ ИГРУ

И после — всего на несколько секунд и тоже белыми буквами:

ВАМ ПРОСТО НЕ ПОВЕЗЛО

У Белы Грабо сжались кулаки, он скрипнул зубами. *Даже Машина* жалеет его!

Едва передвигая несгибающиеся в коленях ноги, он пересек зал. Он шел долго, очень долго.

V

Контрольное время приближалось. Серек, потеряв больше фигур, чем его соперник, но со значительным запасом времени, записал свой сорок шестой ход в партии с Шеревским и вручил запечатанный конверт Вандерхофу. Его вскроют завтра утром, когда игра возобновится. Д-р Кракатовер, внимательно изучив позицию на доске, тихо опрокинул своего короля.

Яндорф несколькими минутами раньше сдался Вотбиннику.

Энглер записал свой ход и с хитрой улыбкой передал конверт Вандерхофу. В тот же миг красный флажок на его часах упал, сигнализируя, что он использовал все отпущенное ему время.

В верхнем ярусе Сандра повела плечами, чтобы размять онемевшие мышцы.

— Шахматы — игра довольно напряженная,— обратилась она к Дэйву.

Он кивнул:

— Эта игра — настоящий убийца. Лично я не расчитываю прожить больше сорока.

— Тридцати,— сказал Билл.

— Двадцать пять — для метеора вполне достаточно,— добавила Джуди.

«Непобедимое Поколение»,— подумала Сандра.

На следующий день с Машиной играл Шеревский. Партия подошла к совершенно спокойному, невыразительному окончанию. Саймон Грейт предложил со стороны Машины ничью (при безрезультатном протесте вмешавшегося Яндорфа, который счел это подсказкой Машине), но Шеревский отверг предложение и записал свой ход.

— Он хочет убедиться, что Машина может играть и шахматные окончания,— прокомментировал происходящее Дэйв.— Я его не виню.

Еще в самом начале игрового дня Сандра заметила, что Билл и Джуди прослеживают каждую партию по новенькой книге, из-за которой они постоянно ревниво спорили. *«Все новое ненадолго»*,— мысленно произнесла Сандра.

— Это не просто книга, это настоящая Библия,— пояснил ей Дэйв.— «СШД» — Современные Шахматные Дебюты. Здесь собраны лучшие ходы для начала партии, тысячи и тысячи вариантов. Ходы, которые гроссмейстеры *считают* лучшими. Ходы, которые действительно ведут к победе. Мы тут скинулись и купили последнее, тринадцатое издание, только что из типографии,— гордо сообщил он.

Заинтригованные окончанием партии Машина — Шеревский, молодые люди занялись изучением другой книги с обтрепанными, потемневшими от времени краями.

— А это «Новый Завет» — «Основные Шахматные Окончания»,— произнес Дэйв, заметив интерес Сандры.— Здесь их очень много, и все нужно обязательно знать. Просто удивительно, как Машина умудряется держать это в своей памяти. Ведь когда фигур становится меньше, думать над позицией приходится больше.

Сандра молча согласилась. Все же она хорошая и послушная девочка. У нее уже было интервью с Яндорфом, и

сегодня утром она взяла еще одно у Грабо («Что ощущает человек, «передуманный» машиной»). Думая об этом последнем, Сандра ощутила себя настоящим газетным коршуном, кружащим над своей жертвой. Венгр походил на человека, находящегося в состоянии глубокой суицидальной* депрессии.

Эта статья будет посвящена так называемой «психологической тактике» Машины, заключавшейся в гипнотизировании соперников мигающими огоньками. В целом же пресса уделяла турниру необычайно много внимания. Игра, о которой в Америке раньше сообщали мелким шрифтом на последних страницах субботних газет, сейчас занимала целые подвалы первых полос. Факт поражения человека от машины, казалось, пробудил в людях такое же чувство страха и неуверенности, что и запуск первого искусственного спутника Земли.

Сандра, чувствуя себя немного виноватой из-за интервью с Грабо, после долгих колебаний все-таки решилась подойти к д-ру Кракатоверу, едва закончились утренние доигрывания. Впрочем, Док был просто счастлив видеть ее и, кроме того, выглядел вполне оправившимся после вчерашнего поражения. Хотя, когда она обратилась к нему «Мастер Кракатовер», он поморщился и, перебив ее, сказал: «Пожалуйста, только не это!» В результате еще одних посиделок с кофе и рейнвейном с сельтерской она была представлена советскому гроссмейстеру Сереку, первому из русских, с которым она здесь заговорила и который неожиданно оказался приятным и милым собеседником. Он только что добился ничьей в партии с Шеревским (к изумлению зрителей, как позже узнала Сандра) и был очень обязан приглашением дать интервью.

Соревнуясь с ним в галантности, Док настоял на том, чтобы проводить Сандру до ее места на трибуне — даже ценой вновь потерянных нескольких минут на его часах. В результате ее акции у Дэйва, Билла и Джуди существенно подскочили в цене. С этого момента они невыносимо почтительно разъясняли все, что ее интересовало или могло заинтересовать. Особенно старался Билл, видимо, раскаявшись в своих беспечных шуточках по поводу Дока. Позже Сандра заподозрила, что эти ребятки считают ее любовницей д-ра Кракатовера и, по-видимому, новенькой — учитывая ее просто неприличную неосве-

*На грани самоубийства.

домленность в вопросах, касающихся шахмат. Но разочаровывать их она не стала.

Док проиграл и во втором туре — на этот раз Джалю.

В третьем туре Лысмов на двадцать седьмом ходу нанес поражение Машине. Сразу же засверкали вспышки фотокамер, репортеры заспешили к телефонам, засуетились трибуны, отовсюду слышались комментарии и разборы партии — все это разом обрушилось на Сандру, вызвав у нее, однако, ощущение, что Лысмов каким-то образом всех одурачил.

Судя по сообщениям газет, общая реакция на случившееся была в Америке не очень-то восторженной. Между строк читалось, что победа Машины над человеком — это плохо, но еще хуже победа русского человека над американской машиной. Один широко известный спортивный обозреватель, два тренера по американскому футболу и несколько провинциальных политиков заявили, что шахматы — отвратительная игра для людей с отклонениями в психике. Несмотря на такие утверждения надменных самцов с накачанной мускулатурой, настроение неуверенности и страха росло.

Наконец, откуда-то выплыли слухи, что *World Business Machines* собирается заменить Саймона Грейта каким-нибудь известным американским физиком.

Сандра просто умоляла Дока пересказать ей все это простым языком, доступным и ребенку. Она снова чувствовала себя неуверенно и даже подавленно после провала попыток поговорить с Лысмовым: тот наотрез отказывался давать интервью и спасался бегством, будто в ней заключалась угроза его достоинству советского гражданина.

С другой стороны, Док, сыграв вничью с Яндорфом, был очень оживлен и прямо-таки воспрял духом.

— С величайшей охотой, дорогая,— ответил он ей.— Вы когда-нибудь замечали, что язык детей порой намного правдивее речи взрослых? Меньше измышлений. Ну что сказать, некоторые из нас перемывали игру Лысмова аж до трех часов утра. Но Лысмов в этих обсуждениях не участвовал. Равно как Вотбинник и Джаль. Как видите, у меня есть мои проблемы общения с русскими тоже.

В конце концов мы решили, что Лысмову удалось угадать совершенно точно глубину, на которой Машина просчитывает игру в начале и середине партии (как нам кажется, вместо восьми десять ходов вперед — колоссальное достижение!), а также угадать шкалу ценностей, в пределах которой Машина выбирает ход.

Имея такую информацию, Лысмов смог сыграть комбинацию, которая давала Машине максимальную по ее шкале выгоду (выигрыш ферзя Лысмова это быть) после десяти ходов, но приводила к мату на втором ходу *после* первых десяти. Человек, гроссмейстер, увидел бы подобную ловушку, но Машина не могла, потому что Лысмов действовал в сфере, которая не существует для идеального, но ограниченного разума Машины. Конечно, Машина изменила свою тактику после трех первых ходов из этих десяти — и тогда уже смогла увидеть угрозу мата, но к этому времени было слишком поздно, чтобы предотвратить гибельную потерю качества. Это был трюк Лысмова, но трюк абсолютно честный. Теперь мы будем все ждать возможность сыграть на Машина такой же трюк.

Лысмов первым из нас в полной мере осознал, что *играет не с железным монстром, а с некоторой программой.* Если в программе есть слабые места, которые мы можем опознать, мы сможем выигрывать. Очень схожим образом мы можем выигрывать у шахматиста из плоти и крови, когда обнаруживаем, что он все время атакует, не имея преимущества в позиции, или слишком осторожничает в контратаках, когда его самого атакуют, без оправдание.

Сандра живо закивала головой:

— Значит, теперь ваши шансы разгромить Машину должны неуклонно повышаться, не так ли? Я имею в виду, что вы будете узнавать о ее программе все больше и больше.

Док улыбнулся.

— Вы забываете,— сказал он мягко,— что Саймон Грейт может изменять программу перед каждой новой партией. И сейчас я понимаю, почему он так горячо сражался именно за этот пункт.

— Ах да, скажите, Док, как там насчет окончания партии Шеревского?

— Вы, я вижу, нахватались уже нашего языка? — отметил он.— Шеревский слегка разозленный, когда обнаружил, что Грейт запрограммировал Машина анализировать позицию до утра — до момента, когда игра возобновится. Шеревский поставил под вопрос справедливость того, что Машина всю ночь будет «думать», в то время как ее соперник должен немного отдохнуть. Вандерхоф решил этот вопрос в пользу Машина, хотя Шеревский может отправить протест в FIDE.

Ба, я думаю, что Грейт только и хочет, чтобы мы кипятились по таким пустякам. Как он радуется (да еще такой вежливый!), когда мы жалуемся на то, как Машина мигает,

жужжит или пахнет. Он не дает нам заняться главным: попытаться разгадать его программу. Между прочим, это одно из того, что мы вчера решили — Шеревский, Вилли Энглер, Яндорф, Серек и меня,— что мы будем все должны иметь научиться играть с Машиной, не позволяя ей действовать нам на нервы и не прося оградить себя от нее. Как это высказывает Вилли: «Пусть работает даже как целая котельная — о'кей, можно думать, находясь и в котельной». Как по мне, то я не очень в этом уверен, но его дух правильный.

Сандра, ощутив, как в ее голове потихоньку начинает складываться новая статья, снова воспрянула духом и спросила:

— А что вы думаете о возможной замене WBM Саймона Грейта?

На лице Дока опять заиграла улыбка:

— Я полагаю, дорогая, что вы смело можете отбросить это предположение как обыкновенную сплетню. Я считаю, что Саймон Грейт только начал свою борьбу.

VI

В четвертом туре Машина преподнесла первый из своих сюрпризов.

В конце концов она навязала-таки ничью Шеревскому при доигрывании длинной, растянувшейся на несколько туров партии и теперь играла на равных с Вотбинником.

Машина сделала первый ход королевской пешкой на две клетки вперед, на что Вотбинник ответил также королевской пешкой, но передвинув ее на одну клетку.

— Французская защита. Бинни любит ее больше всего,— пробормотал Дэйв, и они стали молчаливо ждать второго хода машины, который она обычно делала не раньше, чем через четыре минуты.

Неожиданно последовали почти мгновенный ответ и хлопок Машины по часам.

Сандра, наблюдая за Вотбинником в бинокль, пришла к выводу, что русский гроссмейстер выглядел в тот момент несколько потрясенным, даже испуганным. Наконец он сделал свой ход.

И снова Машина ответила не задумываясь.

Трибуны загудели, забегали, шикая на зрителей, распорядители. Тем временем Машина продолжала делать ходы с той же скоростью супер-блица, Вотбиннику же приходилось размышлять над своими все дольше и дольше.

В итоге к тому времени, когда Машина по-настоящему «задумалась», было сделано уже по одиннадцать ходов.

Забывшись, Сандра настолько громко обратилась к Дэйву с просьбой объяснить происходящее, что сразу два распорядителя гневно замахали на нее руками.

Переждав, Дэйв зашептал ей:

— Грейт, должно быть, рассчитал, что Вотбинник применит французскую защиту — он почти никогда от нее не отходит,— и ввел в память Машины все варианты из «СШД» и, возможно, других пособий. Пока Вотбинник упорно стоял на своем, застряв на известных вариантах этой защиты, Машина играла по памяти, вообще не анализируя позицию на доске. Но когда был сделан новый, необычный ход, которого в ее памяти нет — и это на двенадцатом ходу! — Машина снова взялась за просчитывание, затрачивая, впрочем, на каждый ход больше времени, чем обычно, и имея возможность лучше проанализировать позицию, так как у нее появился запас времени. Сейчас она тратит на ход около шести минут. Единственное, чего я не пойму, так это почему Грейт не сделал ничего подобного в первых трех турах. Ведь это так очевидно.

Сандра мысленно занесла этот момент в список вопросов для Дока. Она выскользнула из зала и помчалась в отель писать статью, озаглавленную «Не позволяйте роботу довести вас до белого каления» (полностью основанную на заключениях Дока). На трибуну она вернулась за дьадцать минуг до окончания второго контрольного времени. Это становилось для нее обычным, рутинным распорядком дня.

Как сообщил ей Дэйв, Вотбинник в данный момент представлял из себя рыцаря, сброшенного с коня: разгром был почти полным.

— Они запутали все до невозможности, пока вас не было,— сказал он.— Типичная вотбинниковская позиция.

— Только Машина отвотбинникала его,— закончил за него Билл.

Джуди замурлыкала «Похоронный марш на смерть героя» Бетховена.

Тем не менее Вотбинник не сдался. Машина записала свой ход. Ее доска погасла, и Вандерхоф в присутствии одного из своих помощников переписал его с небольшого экрана, расположенного на панели Машины. Завтра утром, когда игра возобновится, он введет в нее этот ход снова.

Док, хоть и имел на две пешки меньше в партии с Грабо, тоже записал свой ход. Выглядел он до крайности вымотанным.

— Они просто так не сдаются, правда ведь? — заметила Сандра.— Очевидно, они и в самом деле любят эту игру. Или ненавидят?

— Если толкуете о психологии, то, по правде говоря, я весьма далек от нее,— ответил Дэйв.— Спросите меня о чем-нибудь другом.

Сандра улыбнулась:

— Спасибо, Дэйв. Я спрошу тебя о чем-нибудь другом.

При утреннем доигрывании Вотбинник сделал около десяти ходов и сдался.

Немного позже Доку удалось добиться вечного шаха и свести вничью партию с Грабо. Завидев спускающуюся с трибуны Сандру, он помахал ей рукой, жестом приглашая что-нибудь выпить.

«*Сейчас он почти как мальчишка*»,— подходя к нему, подумала Сандра.

— Скажите, Док,— спросила она, когда они уже сели за столик,— а почему ладья ценнее слона?

Он подозрительно посмотрел на нее.

— Этот вопрос совсем не в вашем духе,— сурово вымолвил он.— А с чего это вы заинтересовались?

Сандра призналась, что попросила Дэйва научить ее играть в шахматы.

— Я знал, что эти детки вас испортят,— мрачно констатировал Док.— Послушайте, дорогая, если вы научитесь играть в шахматы, то не сможете писать ваши маленькие умные статьи о них. Кроме того, как я и предупреждал вас в первый день нашего знакомства, шахматы — это сумасшествие. Обычно женщины к нему не восприимчивы, но это не оправдывает вашу попытку рискнуть рассудком.

— Но во мне проснулось что-то вроде интереса к ним,— возразила Сандра.— По крайней мере, я хотела бы знать, как ходят пешки.

— Остановитесь! — приказал Док.— Вы уже в опасности. Направьте ваши мысли куда-нибудь еще. Задайте мне разумный, что называется, земной журналистский вопрос, что-то абсолютно нерациональное!

— О'кей. Почему Саймон Грейт не настроил Машину так, чтобы она и в первых трех партиях играла в дебюте столь же быстро?

— Ха! Я думаю, Грейт в своей программе играет в шахматы Ласкера. Он скрывает свою силу и не пытается выиграть легче, чем должен, а значит, у него быть ресурсы в

запасе. Машина проигрывает Лысмову и моментально начинает играть сильнее. Психологическое воздействие такой тактики на других участников турнира громадно.

— Но Машина все еще не впереди?

— Нет, конечно, нет. После четырех туров лидирует Лысмов. Его результат — три с половиной на полтора, что означает три с половиной в графе побед, а полтора — в графе потерь...

— Как можно наполовину выиграть или наполовину проиграть? — перебила его Сандра.

— Сведя партию к ничьей, играя совершенно на равных до конца. Результат Лысмова — это принятая система записи для три победы и одна ничья. Понятно? Дорогая, обыкновенно мне не нужно объяснять вам все настолько подробно.

— Я просто не хотела, чтобы вы думали, будто я так уж много постигла в шахматах.

— Хм! Ну так возвращаться к результатам после четвертого тура. У Энглера и Вотбинника счет три — один, в то время как Машина догнала Джаля, и у них два с половиной на полтора. Но Машина создала впечатление силы, как если бы было все заранее предопределено, чтобы из-за спин прийти в один рывок.— Он покачал головой.— В данный момент, дорогая,— сказал он,— я очень пессимистично настроен насчет шансов нейронов против реле на этом турнире. Реле не паникуют и не устают. Но самое странное...

— Ну? — не выдержала Сандра.

— Так вот, самое странное, что Машина вообще не играет, «как машина». Она очень динамична, качество, которое мы иногда зовем «русским»; она усложняет каждую позицию, насколько это возможно, создавая максимальное напряжение. Но тоже это вопрос программы...

Предчувствия Дока с каждым туром оправдывались все больше и больше. В последующие пять дней (включая два выходных, когда шахматисты отдыхали) Машина по очереди расправилась с Яндорфом, Сереком и Джалем и после семи туров опережала всех по всем пунктам.

Яндорф, очевидно, под впечатлением от безупречного дебюта Машины в партии с Вотбинником, предпочел опуститься до переговоров с Рэем Лопесом, требуя «вытащить Машину из книг». Вероятно, он рассчитывал, что Машина и дальше будет делать «книжные» ходы вслепую, но Машина такого одолжения ему не сделала: она тут же начала играть

медленнее, «тяжело раздумывая», и в пух и прах разгромила аргентинца двадцатью пятью ходами.

Комментарии Дока были безжалостны:

— Дикий Буйвол Пампасов попытался, используя животворящую силу человеческой индивидуальности, ухватиться за ее быстрота и одурачить Машину. Только Машина не одурачилась. Против Джаля Машина имела новое поучение. На каждый ход она тратила разное количество времени, в зависимости от того, насколько сложной «определяла» позицию. Когда у Серека оказалось слабое расположение пешек, Машина начала быстро упрощать партию, неожиданно отбросив до сих пор незыблемую «русскую» тактику.

— Она играет как кто угодно, но только не как машина,— делился наблюдениями Док.— Мы слишком хорошо все знаем причина этого: Саймон Грейт. И делать здесь что-либо есть снова создавать что-то еще. Грейт попадает в самые слабые места каждого из нас изумительно верно. Хотя я думаю, что я сам бы блестяще играл в психологические шахматы, если бы у меня машина делать вся точная работа,— немного тоскливо проговорил Док.

Зрительская аудитория постепенно увеличивалась в калибре и стоимости гардеробов, но визиты представителей кейфующих слоев общества были недолгими. Организаторы соорудили дополнительные трибуны, открылся, а через некоторое время снова был убран бар, где продавались крепкие напитки. Поддержание тишины и порядка стало для Вандерхофа настоящей проблемой, ему даже пришлось увеличить число «шикальщиков». Больше стало приходить ученых и специалистов по компьютерам. Все чаще встречались зрители в морской, армейской и космической униформах. Однажды утром Дэйв и Билл явились в зал с трехпространственными шахматами из прозрачного пластика и поразили Сандру сообщением о том, что наиболее сообразительные космические ученые уже довольно неплохо адаптировались к такой вот 512-клеточной доске.

Сандра слышала, что WBM расчистила себе дорогу для получения большого заказа от Военного ведомства. Она знала также, что на турнире появился человек из преступного синдиката, который заключал пари, выбирая по своему списку зрителей с тугим кошельком, и чтобы сцапать его, здесь уже вертится сыщик.

Репортажи с турнира все так же продолжали печататься на первых полосах газет. Большая часть авторов писала о Машине слишком уж заумно и скучно. Некоторые газеты

открыли постоянные рубрики, гвоздем которых стали уроки «Как играть в шахматы».

Были выпущены целые серии плакатов с изображением сидящих за шахматной доской кинозвезд. Голливуд объявил о планах создания двух фильмов: «Превращенная в Черную Пешку» и «Монстр с площади Королевской Ладьи». Везде можно было видеть ювелирные гарнитуры, а также массу разных новинок, навеянных образами шахмат. Федерация шахмат Соединенных Штатов с гордостью извещала о феноменальном росте своих рядов.

Сандра уже достаточно научилась играть в шахматы, чтобы в партиях с Дэйвом допускать не более одного неправильного хода из пяти, а также в большинстве случаев избегать «детского» мата; сама она могла поставить мат двумя ладьями — одной у нее еще не получалось.

Однажды Джуди спросила ее:

— *Он*, наверное, очень доволен, что вы учитесь играть в шахматы?

На что Сандра ответила:

— Нет, он считает, что шахматы — это сумасшествие.

Услышав такое, ребятки разом вскрикнули, а Дэйв затем произнес:

— Как же он прав!

Сандра почти подчистую выскребла запасы тем для своих статей, но тут ей пришло в голову написать об этой троице, и вышел вполне приличный материал. Потом появилась юмористическая статья под названием «Шахматы — игра для мозгов» — о ее собственном опыте овладения этой игрой, и в который уж раз за свою карьеру она подумала о себе как о настоящем обозревателе и возликовала.

После двух ничьих Док проиграл три партии кряду, и ему оставалось сразиться с Машиной и Шеревским. С результатом 1:6 он уверенно занимал последнее место и казался очень подавленным. Док по-прежнему считал своим долгом всюду сопровождать ее до начала игр, но больше молчал, а его редкие вспышки юмора носили весьма мрачный характер.

— Они заперли Гадкого старого Кракатовера в погребе,— бормотал он перед самым началом своей предпоследней партии.— А сейчас посылают к нему вниз робота, чтобы робот окончательно сломал его.

— Все равно, Док,— сказала Сандра,— удачи вам.

Док покачал головой:

— Против человека удача могла бы помочь. Но против Машины?

— Но вы же не с Машиной играете, а с программой. Помните?

— Да, однако именно Машина и не ошибается. А какая-то ошибка — это то, что мне быть нужно сегодня больше всего. Чья угодно ошибка.

Спускавшийся по ступенькам трибуны Док имел, должно быть, очень уж удрученный и уставший вид, потому что Джуди (Дэйв и Билл еще не пришли) доверительно, чисто по-женски поинтересовалась у Сандры:

— А что вы делаете, когда он такой грустный?

— О, тогда я веду себя особенно страстно,— услышала Сандра собственный ответ.

— И это положительно на него действует? — с сомнением спросила Джуди.

— Ш-ш! — только и вымолвила Сандра. Она ужаснулась своей безответственности и мысленно задала себе вопрос: а хватило бы *у нее самой* духу участвовать в подобном турнире?

— Ш-ш. Они уже пускают часы.

VII

К первому контрольному времени Кракатовер потерял две пешки и уже намеревался сдаваться (это было на тридцать первом ходу партии), как вдруг Машина сломалась. На электронной доске одновременно передвинулись три ее пешки, затем доска потемнела, погасли почти все лампочки на пульте, кроме пяти, которые начали сердито перемигиваться, как пять злых красных глаз. Техники в серых халатах молчаливо засуетились около пульта Машины. Впервые все увидели, как они выполняют какую-то работу, кроме переноса ширм и хождения за кофе. Вандерхоф с нетерпением ожидал результатов. Ослепительно полыхнули несколько фотовспышек. Вандерхоф погрозил в их сторону кулаком. Саймон Грейт оставался на своем месте с совершенно безучастным видом. Часы Машины продолжали тикать. Док некоторое время наблюдал за происходящим, а затем незаметно для себя уснул.

Когда Вандерхоф, слегка толкнув, разбудил его, Машина уже сделала свой ход, но ее ремонт продолжался пятьдесят минут. В результате Машине на пятнадцать ходов оставалось всего десять минут. Сорок секунд на ход — так играет тупоумный любитель, чей недостаток мастерства усугублен еще и

небольшим расстройством психики. На своем сорок третьем ходу Док пожал плечами, как бы извиняясь, и объявил мат в четыре хода. Опять засверкали фотовспышки. Теперь их было больше. Вандерхоф снова погрозил им кулаком. На табло Машины загорелась надпись:

ВЫ ИГРАЛИ БЛЕСТЯЩЕ
ПОЗДРАВЛЯЮ ВАС

После Док недовольно говорил Сандре:

— А ведь *это* была одна большая ложь — с таким преимуществом во времени у Машины мог бы выиграть и ребенок. Ох, вот так славу припасли боги для старого слабоумного Кракатовера — победить испорченный компьютер! В этом есть только один плюс — что это не произошло в партии с кем-нибудь из русских, потому что кто-то обязательно шепнул бы: «*Саботаж*». А уж в этом Гадкого старого Кракатовера они никак не обвинят, ведь они абсолютно уверены, что у него нет мозгов даже предположить, что в блок памяти Машины можно подсыпать немного намагниченного порошка. Ба!

Все же он выглядел значительно бодрее.

— Выигранная партия совершенно ничего для вас, шахматистов, не значит, если победа достигнута не вашим собственным мастерством, не так ли? — бесхитростно спросила Сандра.

— Вы становитесь вполне слишком сообразительны, мисс Сандра Ли Грейлинг,— ответил он.— Да нет — шахматист счастлив выиграть любыми, пусть даже и не очень законными средствами — всеми, какими может, землетрясением, если это необходимо, или же дурным самочувствием соперника, прежде чем тот скончается от бубонной чумы. Так вот, признаюсь вам, что я очень счастлив занести в свой актив эта крайне незаслуженная победа над незадачливой Машиной.

— Победа, из-за которой, кстати, на турнире вновь встает вопрос о лидере, ведь так, Док?

— Не совсем.— Док едва заметно покачал головой.— Мы не можем надеяться еще на один подарок. Кроме всего прочего, Машина отлично поработала в семи партиях из восьми, и можно поспорить, что эти парни из WBM быть проверяя ее всю ночь, особенно сейчас, когда нет отложенных партий, над которыми ей надо трудиться. Завтра Машина играет с Энглером, но судя по тому, как она выиграла у

Вотбинника и Джаля, у нее будет определенное преимущество. Если она обыграет его, тогда только Вотбинник имеет шансы сравняться с ней, а для сделать это он должен победить Лысмова. Которое будет самым трудным.

— Ну хорошо,— вступила в дискуссию Сандра.— А вы не думаете, что Лысмов может оказаться настолько добрым, что позволит обыграть себя, лишь бы первое место занял или, по крайней мере, разделил русский?

Док решительно замотал головой:

— Есть много вещей, которые человек, даже шахматист, должен делать, чтобы быть полезным свое государство, но партийная лояльность не идти так далеко. Вот смотрите, это положение шахматистов после восьми туров.— Он вручил Сандре лист, на котором карандашом было написано следующее:

ЗА ТУР ДО ОКОНЧАНИЯ

Шахматист	Победы	Потери
Машина	51/2	21/2
Вотбинник	51/2	21/2
Энглер	5	3
Джаль	41/2	31/2
Лысмов	41/2	31/2
Серек	41/2	31/2
Шеревский	4	4
Яндорф	21/2	51/2
Грабо	2	6
Кракатовер	2	6

ПАРЫ ПОСЛЕДНЕГО ТУРА

Машина — Энглер
Вотбинник — Лысмов
Джаль — Серек
Шеревский — Кракатовер
Яндорф — Грабо

После некоторой паузы Сандра вдруг воскликнула:

— Вот это да! Энглер даже может занять первое место, если победит Машину, а Вотбинник проиграет Лысмову, я правильно говорю?

— Может, может, да. Но, боюсь, это надеяться на слишком много, исключая еще одну поломку. Сказать по правде, дорогая, Машина просто слишком хороша для всех нас. Если бы она соображала чуточку быстрее (а такие технологические модификации всегда приходить), то она по классу игры оставлять нас далеко позади. Мы находимся сейчас в момент очень неустойчивого равновесия, когда человеческий гений и возможности робота практически равны. Это грустный мне момент, но я также горд каким-то отвратительным образом, считая, что присутствую при смерти гроссмейстерских шахмат. Конечно, я полагаю, что в эту игру всегда будут играть, но она уже никогда не будет такой, как сейчас.

Он вздохнул и растерянно пожал плечами:

— Что касается Вилли, он хороший шахматист и, будьте уверены, даст Машине долгий и тяжелый бой. Он мог бы, возможно, добиваться ничьи.

Он прикоснулся к руке Сандры.

— Глядите веселее, дорогая,— ободряюще сказал он.— Вам следует вспомнить, что победа Машины — это все-таки победа Америки.

Предсказания Дока насчет длительной и упорной схватки решительным образом не подтвердились.

Играя белыми, Машина начала партию королевской пешкой на две клетки вперед. Энглер выбрал сицилианскую защиту. Первые двенадцать ходов оба противника с такой молниеносной быстротой передвигали фигуры и громыхали по часам (Вандерхоф помогал им в этом, так же быстро вводя в Машину ходы Энглера), что сидевшим на трибуне Биллу и Джуди приходилось бешено листать страницы «Современных Шахматных Дебютов», отыскивая соответствовавшие данному моменту колонки.

Машина, играя все в том же темпе блица, сделала свой тринадцатый ход.

— Слон берет пешку, шах и мат в три хода! — очень громко объявил Вилли, стукнул по часам и откинулся на спинку стула.

Трибуны изумленно замерли, и тут же все задвигались, взволнованно зашушукались.

Дэйв больно сжал руку Сандры. Потом, моментально забыв, что он сам Д-р Предосторожность, прикрикнул на Билла и Джуди:

— Ну вы, два идиота, нашли уже эту колонку? *Тринадцатый ход Машины — полный кретинизм*!

Ткнув ногтем в пособие, Джуди воскликнула:

— Да! Вот здесь, на сто шестьдесят первой странице в примечании е-два-Б, Дэйв, *в книге указан именно этот тринадцатый ход белых*! На что черные отвечают конем, а не слоном. И через три хода книга дает белым выигрыш качества.

— Что за черт, этого не может быть,— отказывался верить Билл.

— Но это *так*. Вот, смотри сам: *этот кретинизм есть в книге*.

— А ну заткнитесь! — приказал Дэйв и закрыл лицо руками. Когда по прошествии некоторого времени он снова уронил их себе на колени, в его глазах бегали хитрые огоньки: — Теперь до меня дошло! Энглер вычислил, что для написания программы дебюта они используют последнее издание «Современных Шахматных Дебютов», нашел там редакторскую ошибку и затем умышленно заставил Машину сыграть эту комбинацию!

Последние слова Дэйв практически уже орал, но на него никто не обратил внимания — в этот момент кричал весь зал: зрители, распорядители, репортеры. Шум несколько утих, когда Машина высветила свой ход.

Энглер ответил мгновенно.

Ответ Машины появился почти тотчас же после того, как ход Энглера был набран на ее пульте.

Энглер сделал еще ход, его ввели в Машину, и Машина высветила на табло:

МНЕ МАТ
ПОЗДРАВЛЯЮ ВАС

VIII

На следующий день догадку Дэйва подтвердили как Энглер, так и Грейт. Док застал их, когда те пили кофе с солодом, и они с Сандрой подсели к ним.

Завершив только что вничью отложенную партию с Шеревским, Док ликовал. Эта ничья означала, что после победы Яндорфа

над Грабо он, вне всяких сомнений, оказывался на девятом месте, опережая венгра. Теперь все ждали окончания партии Вотбинника и Лысмова, от результата которой зависела судьба первых мест.

Вилли Энглер держался весьма самодовольно, а Саймон Грейт наконец-то стал более разговорчивым.

— А знаешь, Вилли,— говорил Энглеру Психолог,— я и в самом деле боялся, что кто-то из вас все-таки додумается провернуть что-нибудь такое. И в общем-то большей частью именно из-за этого я и не вводил в Машину программу дебютов до того, как Лысмов, победив ее, просто-напросто вынудил меня к этому. Не мог же я один проверить каждую строчку в «Современных Шахматных Дебютах», «Архивах» или русских «Шахматах». На это не было времени. У нас неделями работала дюжина программистов и корректоров, которые готовили эту часть программы,— в их обязанности входило следить за ее точным соответствием книжному оригиналу. Но сейчас, Вилли, ты можешь сказать правду: сколько твоих друзей охотилось за неточностями в последнем издании «Дебютов»?

Вилли ухмыльнулся:

— Несчастливый тринадцатый ход... Видишь ли, это моя тайна. Однако я всегда говорил, что каждому вступающему в Клуб фанов Вилли Энглера когда-нибудь придется платить за эту привилегию. Они в самом деле шустрые, эти парнишки, а я заставил их хорошенько потрудиться.

Саймон Грейт рассмеялся и, уже обращаясь к Сандре, сказал:

— А ваш юный друг Дэйв — способный малый: так быстро сообразить, что к чему. Вилли, тебе непременно следует записать его в свою уличную армию.

Ему ответила Сандра:

— Мне показалось, он собирается открыть свой собственный клуб.

Энглер скорчил недовольную гримасу:

— Вот и с *моими* ребятками та же история. Все они ждут не дождутся, чтобы свалить меня.

— Ну, раз Вилли отказывается от Дэйва, хотя, на мой взгляд, совершенно зря,— произнес Саймон Грейт,— тогда попробую поговорить с ним я. Нужно быть по-настоящему смелым парнем, чтобы в младые годы позволять себе сомневаться в авторитетах.

— Как он может связаться с вами? — спросила Сандра.

Пока Грейт рассказывал, как его найти, Вилли хмуро изучал их обоих.

— Послушай, Сай, ты что, хочешь пристроить его в эту банду, составляющую шахматные программы? — вдруг с вызовом проговорил он.

— По-моему, у тебя есть что сказать мне, Вилли,— прозвучало вместо ответа.— Кажется, пару дней чазад тебе поступило предложение от IBM?

— Ты спрашиваешь, не предлагали ли мне твое место?

— Я сказал *IBM*, Вилли.

— Хм.— Улыбка Вилли стала несколько натянутой.— Я сплетнями не занимаюсь.

Возле столиков, за которыми шла игра, возникло сильное оживление. Вилли вскочил со стула.

— Лысмов согласился на ничью! — сообщил он спустя несколько секунд.— Гангстер!

— Гангстер, потому что ставит тебя вровень с Вотбинником, с которым вы теперь, опережая Машину, делите первое место? — вежливо осведомился Грейт.

— Уф-ф, он мог выиграть у Бинни, отдавая первое место только мне. Русский гангстер!

Док предупредительно поднял палец:

— Лысмов также мог и *проиграть* Вотбиннику, отодвигая тебя, Вилли, на второе место.

— Не будем думать о плохом. До встречи, друзья.

Когда Энглер, с шумом сбежав по лестнице, помчался в центр зала, Саймон Грейт знаком попросил официанта принести ему еще кофе, прикурил новую сигарету и, глубоко затянувшись, откинулся на спинку стула.

— Честно говоря,— начал он,— испытываешь огромное облегчение, когда не нужно представлять из себя суперзасекреченного программиста. Занимаясь психологией, я уже разучился, как раньше, надувать людей силой своих личностных качеств.

— У тебя это получится не слишком плохо,— обронил Док.

— Спасибо. В настоящее время WBM очень довольна выступлением Машины. Проявившиеся недостатки вывели ее из области высоких фантазий и заставили говорить о ней как о чем-то более реальном. Нам удалось показать, как она рабо-

тает в чрезвычайных обстоятельствах,— ремонт, который эти парни проделали в максимально короткие сроки в партии с тобой, Савилли, очень поможет в продаже WBM-компьютеров — или я ничего в этом не смыслю. Да было очевидно, что девять умных, крепких мужиков с величайшим удовольствием растерзали бы Машину, если бы только могли это сделать. Для Машины же такой турнир стал настоящим экзаменом, и она его выдержала. Теперь можно просто книгу писать о том, что такое компьютеры, что они могут, а чего нет. И не только в общепознавательном плане. Специалисты WBM, изучая поведение и взаимодействие Машины и программиста в условиях напряженного турнира, получают много новых данных как о компьютере, так и о теории программирования. Это тест совсем иного порядка, чем любая другая проверка работоспособности Машины. Вот, например, сегодня утром один из наших крупных математиков признался мне, что, по его мнению, Теория игр* *применима* и к шахматам, ведь с программой можно как блефовать, так и отвечать блефующему сопернику. А лично *для меня* это была хорошая возможность изучения человеческой психологии.

Док усмехнулся:

— Выходит, что даже человеческое мышление является всего лишь вопросом того, как вы запрограммируете свой собственный мозг? Что все мы подобны в этот смысл Машине?

— Это один из главных моментов проблемы, Савилли. Именно так.

Док повернулся к Сандре и с улыбкой произнес:

— Дорогая, вы написали небольшой милый рассказик о том, как Человек присутствием некоего шестого чувства подчинил себе Машину и выиграл победа для всемирного согласия. Сейчас дело начинает приобретать все более глубокий смысл.

— Теперь многие вещи приобретают более глубокий смысл,— спокойно глядя на него, ответила Сандра.— Намного более глубокий, чем это казалось поначалу.

Большое электронное табло вспыхнуло, выдав следующую информацию:

---

* Математическая теория тактики игры на достижение максимального выигрыша при минимальных потерях; широко применяется также в разрешении различных вопросов — таких, как военная стратегия, экономическая политика и т. п.

ИТОГОВАЯ ТАБЛИЦА

Шахматист	Победы	Потери
Энглер	6	3
Вотбинник	6	3
Джаль	5 1/2	3 1/2
Машина	5 1/2	3 1/2
Лысмов	5	4
Серек	4 1/2	4 1/2
Шеревский	4 1/2	4 1/2
Яндорф	3 1/2	5 1/2
Кракатовер	2 1/2	6 1/2
Грабо	2	7

— Это был хороший турнир,— сказал Док.— И Машина доказала свой гроссмейстерский уровень. Спустя двадцать лет неучастия в шахматные турниры, ты, Саймон, должен быть доволен.

Психолог утвердительно кивнул.

— А сейчас вы опять вернетесь к своей психологии? — спросила его Сандра.

Лицо Саймона Грейта озарилось улыбкой:

— Я могу совершенно честно ответить на ваш вопрос, мисс Грейлинг, потому что на днях об этом будет объявлено официально. Нет. WBM настаивает на включении Машины в список участников Межзонального турнира претендентов. Они хотят замахнуться на титул чемпиона мира.

Док удивленно вскинул брови.

— Это в самом деле новость. Но послушай, Саймон, со знания, которые вы получили на этом турнире, не можешь ли ты сделать Машина почти верный победитель в каждой партии?

— Не знаю. Такие шахматисты, как Энглер или Лысмов, могут найти в ее игре и другие недостатки и придумать новые уловки и хитрости. Кроме того, есть и иное решение проблем, связанных с участием в гроссмейстерском турнире всего одного компьютера.

Док выпрямился, пораженный услышанным:

— Ты имеешь в виду создание новых команд «программист — компьютер»?

— Именно. Русские просто обязаны выставить свои лучшие шахматные компьютеры, учитывая престиж этой игры в России. И у Вилли я не спросил бы об IBM, основываясь лишь на наитии. Шахматные турниры — прекрасная возможность сравнить конкурирующие компьютеры и представить их публике в самом выгодном свете; это как международные пробеги для молодого автомобилестроения. Гроссмейстер будущего неминуемо будет командой «программист — компьютер» — симбиоз, партнерство человека и машины, возможно, с более широкой свободой действий, чем это было позволено мне. Я хочу сказать, что в одних случаях игру будет брать на себя человек, а в других — машина.

— От ваших слов у меня все плывет в голове,— проговорила Сандра.

— В моей голове тоже — разбушевавшийся океан,— заверил ее Док.— Саймон, это будет очень замеч тельно для тех шахматистов, кто сам сможет достать себе компьютеры — то ли их предоставит им правительство, то ли дадут напрокат какие-нибудь крупные фирмы. Или как-то по-другому. Яндорф, я уверен, наверняка способен заинтересовать дать ему компьютер какого-то аргентинского миллионера. В то время как я... Ох, я уже слишком стар... и все же, как только я начинаю думать об этом... А как насчет этих Бел Грабо? Кстати, вы знаете, что Грабо опротестовывает победу Яндорфа? Заявляет, что Яндорф обсуждал позицию с Сереком. Я думаю, они просто обменялись парой слов.

Саймон пожал плечами.

— Этим Белам Грабо придется довольствоваться воспоминаниями о былых днях или, если станет невмоготу,— участием в менее крупных турнирах. Поверь мне, Савилли, с теперешнего дня гроссмейстеру, не имеющему одного или даже нескольких компьютеров, будет недоставать, что называется, остроты.

Д-р Кракатовер покачал головой:

— С каждым годом думать становится все дороже.

Снизу донесся резкий возглас Игоря Яндорфа, а вслед за ним — пронзительный гневный голос Белы Грабо. Отчетливо прозвучало четыре слова: «Я бросаю вам вызов...»

Сандра повернулась к психологу и сказала:

— Но есть нечто, чего вы не можете сотворить в машине,— это личность.

— Вот об этом ничего определенного сказать не могу,— ответил Саймон Грейт.

ШОСТКИНСКОЕ ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ

«СВЕМА»

Приглашает всех заинтересованных лиц к сотрудничеству и предлагает в широком ассортименте:

- **кинофотопленки любительские и профессиональные**
- **магнитные ленты для звукозаписи, видеозаписи и вычислительной техники**
- **диафильмы и диапозитивы**
- **магнитофонные кассеты**
- **склеивающие ленты**
- **рентгенопленки медицинские и технические**
- **пленки бессеребряные**
- **желатин технический и пищевой**
- **пленки для полиграфической промышленности**
- **декоративные пленки и покрытия**
- **удобрения**

Отпуск продукции производится по прямым связям-договорам.
Цены на продукцию договорные

Адрес предприятия:
Украина
245110 г. Шостка, Сумской обл.
ул. Гагарина, 1

Телеграф: Магнит
Телефоны: 2-00-40, 2-30-40
Телетайп: 174576, 174591

СЕРИАЛ ПОПУЛЯРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

**ФАНТАСТИКА, МИСТИКА, ДЕТЕКТИВ,
ТРИЛЛЕР, СКАЗКИ, ЛЮБОВНЫЙ РОМАН –
ЛИТЕРАТУРА НА ЛЮБОЙ ВКУС!
КНИГИ, ПРИЗНАННЫЕ МИЛЛИОНАМИ
ЧИТАТЕЛЕЙ
ВО ВСЕМ МИРЕ,
УКРАСЯТ ВАШУ БИБЛИОТЕКУ!**

В ближайшее время
в

"УНИВЕРСАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКЕ"

издательской группы "МАГ" выйдут произведения

РОБЕРТА Э. ХАЙНЛАЙНА
ДИКА ФРЕНСИСА
ФИЛИПА К. ДИКА
ОЛДОСА ХАКСЛИ
ИЗАК ДИНЕСЕН
ФЛЭННА О'БРАЙЕНА

***Таинственные миры, волшебные страны,
блестящая интрига, головокружительные
приключения –
на Вашей книжной полке!***

ОПТОВЫЕ ЗАКУПКИ:
тел. (044) 2241005 (044) 2240471

СОДЕРЖАНИЕ

СКИТАЛЕЦ. Роман *Перевод С. Марченко* 5
РАССКАЗЫ. *Перевод О. Клинченко*
ВЕДРО ВОЗДУХА 287
БОЙНИЦЫ МАРСА 305
ВОЗДУШНЫЙ ХЛЕБ 317
ПОСЛЕДНЕЕ ПИСЬМО 335
БИТОВОЕ СКОПЛЕНИЕ 351
64-КЛЕТОЧНЫЙ ДУРДОМ 369

Літературно-художнє видання

ЛЕЙБЕР ФРІЦ

Вибране

Том перший

Переклад з англійської
(російською мовою)

Перекладачі *С. Марченко, О. Клінченко*
Художники *А. Кальченко, С. Позняк*
Відповідальний за випуск *В. Дмитренко*

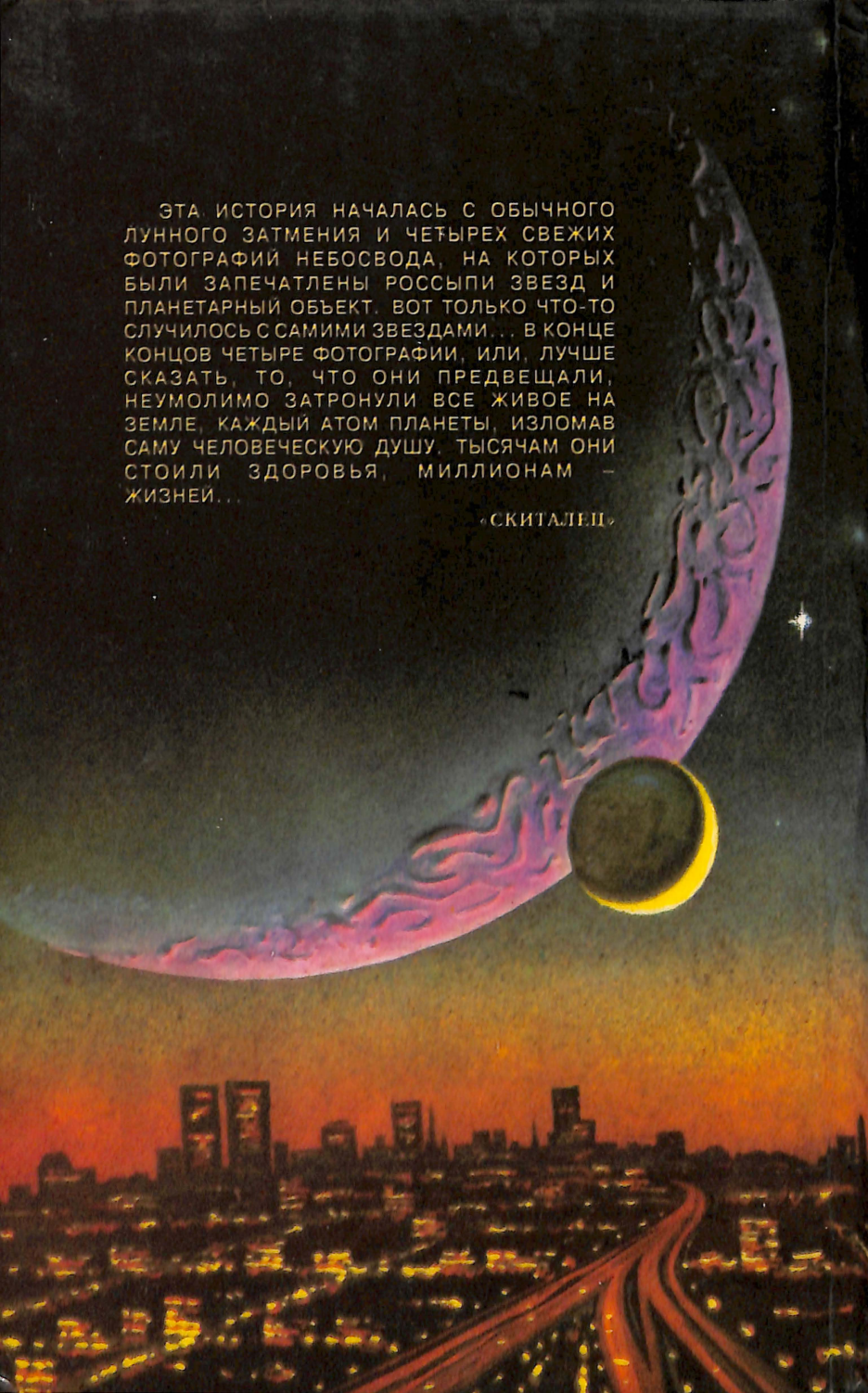
Здано до складання 18.02.93. Підписано до друку 12.04.93.
Формат 84×108/32. Папір книжково-журнальний. Гарнітура Антиква.
Друк високий. Ум. друк. арк. 21,84. Зам. 3-449.

ВТОВ «А.С.К.», 252114, Київ-114, вул. Шамрила, 2б.

Головне підприємство республіканського виробничого об'єднання
«Поліграфкнига», 252057, Київ-57, вул. Довженка, 3.

ЭТА ИСТОРИЯ НАЧАЛАСЬ С ОБЫЧНОГО ЛУННОГО ЗАТМЕНИЯ И ЧЕТЫРЕХ СВЕЖИХ ФОТОГРАФИЙ НЕБОСВОДА, НА КОТОРЫХ БЫЛИ ЗАПЕЧАТЛЕНЫ РОССЫПИ ЗВЕЗД И ПЛАНЕТАРНЫЙ ОБЪЕКТ. ВОТ ТОЛЬКО ЧТО-ТО СЛУЧИЛОСЬ С САМИМИ ЗВЕЗДАМИ... В КОНЦЕ КОНЦОВ ЧЕТЫРЕ ФОТОГРАФИИ, ИЛИ, ЛУЧШЕ СКАЗАТЬ, ТО, ЧТО ОНИ ПРЕДВЕЩАЛИ, НЕУМОЛИМО ЗАТРОНУЛИ ВСЕ ЖИВОЕ НА ЗЕМЛЕ, КАЖДЫЙ АТОМ ПЛАНЕТЫ, ИЗЛОМАВ САМУ ЧЕЛОВЕЧЕСКУЮ ДУШУ. ТЫСЯЧАМ ОНИ СТОИЛИ ЗДОРОВЬЯ, МИЛЛИОНАМ — ЖИЗНЕЙ...

«СКИТАЛЕЦ»